Н.М. Карамзин

История государства Российского

«И

«История... есть священная книга народов...»
Н. М. Карамзин

Н.М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В ШЕСТИ КНИГАХ

Издательство «Книжный сад»
Москва 1993

Н.М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ТОМ V-VI

Издательство «Книжный сад»
Москва 1993

ББК 63.3(2)
К21

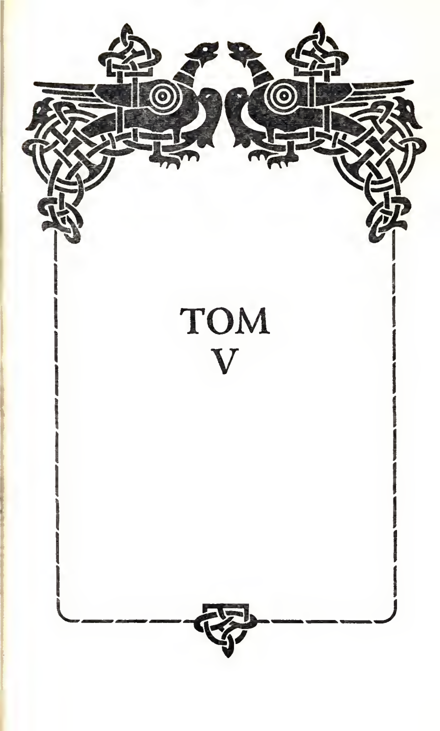
Оформление художника **А. А.** Волошина

Карамзин Н. М.

К21 История государства Российского: в 6-ти книгах /в 12-ти авторских томах Н. М. Карамзина, по 2 тома в одной книге/. Книга 3 /т. V—VI/.— М.: Издательство «Книжный сад», 1993.— 432 с.

ББК 63.3(2)

ISBN 5—85676—009—3 (кн. 3)
ISBN 5—85676—013—1

TOM
V

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОНСКОЙ Г. 1363—1389

Гнев ханский. Стеснение князей удельных. Договор. Усмирение князя нижегородского. Язва. Великий пожар. Каменный Кремль. Частные победы над моголами. Разбои новогородской вольницы. Междоусобия тверских князей. Запустение Херсона. Нашествие Литвы. Война с орденом. Сила Мамая. Вторичное нашествие Ольгерда. Благоразумие Михаила Тверского. Любовь народная к Димитрию. Знамения. Возвращение великого князя из Орды. Война с Олегом. Новое впадение Литвы. Междоусобие. Третие нашествие Ольгерда. Избиение татар .в Нижнем. Последний тысячский в Москве. Война с тверским князем. Первая смертная казнь в Москве. Поход в Болгарию. Начало Казани. Нашествие моголов. Пословица. Победа над моголами. Успехи в войне с Литвою. Дела церковные. Нашествие Мамаево. Измена Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерлан. Нашествие Тохтамыша. Мужественный князь Остей. Приступ к столице. Вероломство Тохтамыша. Взятие и разрушение Москвы. Скорбь Димитрия. Изгнание Олега. Восстановление Москвы. Изгнание митрополита. Ненависть князя тверского к Димитрию. Сын Димитриев в Орде. Тяжкая дань. Мир с Олегом. Ссора и мир с Новымгородом. Крещение Литвы. Жестокость князя смоленского. Бегство сына Димитриева из Орды. Смерть князя нижегородского. Вражда между вел. князем и Владимиром. Их примирение. Новый порядок наследства. Кончина великого князя. Свойства Димитриевы. Строение городов и монастырей. Дела церковные. Ересь стригольников. Крещение Перми. Сношения с Грециею. Путешествие Пимена. Италианцы в нашей службе. Деньги вместо куи. Огнестрельное искусство в России. Кометы. Зима до 20 апреля.

Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом, нежели силою: настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные гением России: ибо гром их пробудил ее спящую славу и народу уничиженному возвратил благородство духа. Сие важное дело не могло совершиться вдруг и с непрерывными успехами: Судьба испытывает людей и государства многими неудачами на пути к великой цели, и мы заслуживаем счастие мужественною твердостию в противностях оного.

Димитрий Иоаннович, удостоенный великокняжеского сана Мурутом, желая господствовать безопаснее, искал благосклонности и в другом царе, Авдуле, сильном Мамаевою Ордою: посол сего хана явился с милостивою грамотою, и Димитрий долженствовал вторично ехать в Владимир, чтобы принять оную согласно с древними обрядами. Хитрость бесполезная: угождая обоим ханам, великий князь оскорблял того и другого; по крайней мере утратил милость Сарайского и, возвратясь в Москву, сведал, что Димитрий Константинович опять занял Владимир: ибо Мурут прислал ему с сыном бывшего владетеля белозерского, Иоанном Феодоровичем, и с тридцатью слугами ханскими ярлык на великое княжение. Но гнев царский уже не казался гневом Небесным: юный внук Калитин осмелился презреть оный, выступил с полками, чрез неделю изгнал Димитрия Константиновича из Владимира, осадил его в Суздале и в доказательство великодушия позволил ему там властвовать как своему присяжнику.

Мысль великого князя или умных бояр его, мало-помалу искоренить систему уделов, оказалась ясно: он выслал князей стародубского и галицкого из их наследственных городов, обязав Константина Ростовского быть в точной и совершенной зависимости от главы России. Изумленные решительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновению древнему и закону отцов их, они жаловались, но повиновались: первые отъехали к князю Андрею Нижегородскому, а Константин в Устюг.

В сие время Димитрий Иоаннович лишился брата и матери. Тогда он с двоюродным братом своим, Владимиром Андреевичем, заключил [в 1365 г.] договор, выгодный для обоих. Митрополит Алексий был свидетелем и держал в руках святый крест: юные князья, окруженные боярами, приложились к оному, дав клятву верно исполнять условия, которые состояли в следующем: «Мы клянемся жить подобно нашим родителям: мне, князю Владимиру, уважать тебя, великого князя, как отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мне, Димитрию, не обижать тебя и любить, как меньшого брата. Каждый из нас да владеет своею отчиною бесспорно: я, Димитрий, частию моего родителя и Симеоновою; ты уделом своего отца. Приятели и враги да будут у нас об-

щие. Узнаем ли какое злоумышление? объявим его немедленно друг другу. Бояре наши могут свободно переходить, мои к тебе, твои ко мне, возвратив жалованье, им данное. Ни мне в твоем, ни тебе в моих уделах не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владимир, обязан доставлять тебе, великому князю, с удела моего известную дань ханскую. Сборы в волостях княгини Иулиании принадлежат нам обоим. Людей черных, записанных в сотни, мы не должны принимать к себе в службу, ни свободных земледельцев, мне и тебе вообще подведомых. Выходцам ординским отправлять свою службу, как в старину бывало» (сим именем означались татары, коим наши князья дозволяли селиться в российских городах). «Если буду чего искать на твоем бояринe или ты на моем, то судить его моему и твоему чиновнику вместе; а в случае несогласия между ими решить тяжбу судом третейским. Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под княжескими знаменами всех бояр и слуг своих: за что во время службы твоей будешь получать от меня жалованье».— Отнимая уделы свойственников дальних, великий князь не хотел поступить так с ближним, и княжение московское оставалось еще раздробленным.

Между тем в Сарае один хан сменял другого: преемник Мурутов, Азис, думал также низвергнуть Калитина внука, и Димитрий Константинович снова получил ханскую грамоту на великое княжение, привезенную к нему из Орды весною сыном его, Василием, и татарским вельможею Урусмандом; но сей князь, видя слабость свою, дал знать Димитрию Московскому, что он предпочитает его дружбу милости Азиса и навеки отказывается от достоинства великокняжеского. Умеренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродетель; однако ж Димитрий Иоаннович изъявил ему за то благодарность. Андрей Константинович преставился в Нижнем: желая наследовать сию область и сведав, что она уже занята меньшим братом его, Борисом, князь суздальский прибегнул к московскому. Древнее обыкновение употреблять людей духовных в важных делах государственных еще не переменилось: Св. Сергий, игумен пустынной Троицкой обители, был вызван из глубины лесов и послан объявить владетелю нижегородскому, чтобы он

ехал судиться с братом к Димитрию Иоанновичу. Борис, утвержденный между тем на престоле ханскою грамотою, ответствовал, что князей судит Бог. Исполняя данное ему от митрополита повеление, Сергий затворил все церкви в Нижнем; но и сия духовная казнь не имела действия. Надлежало привести в движение сильную рать московскую: Димитрий Суздальский предводительствовал ею. Тогда Борис увидел необходимость повиноваться: выехал навстречу к брату, уступил ему Нижний и согласился взять один Городец; а великий князь, благодеянием привязав к себе Димитрия Константиновича, женился после на его дочери, Евдокии: свадьбу праздновали в Коломне со всеми пышными обрядами тогдашнего времени.

Сие происшествие случилось в год ужасный для Москвы. Язва, описанная нами в княжение Симеоново, вторично посетила Россию. Во Пскове она возобновилась через 8 лет (и князь изборский, Евстафий, с двумя сыновьями был ее жертвою); а в 1364 году купцы и путешественники завезли оную из Бездежа в Нижний Новгород, в Коломну, в Переславль, где умирало в день от 20 до 100 человек. Летописцы говорят о свойстве и признаках болезни таким образом: «Вдруг ударит как ножом в сердце, в лопатку или между плечами; огонь пылает внутри; кровь течет горлом; выступает сильный пот и начинается дрожь. У других делаются железы, на шее, бедре, под скулою, пазухою или за лопаткою. Следствие одно: смерть неизбежная, скорая, но мучительная. Не успевали хоронить тел; едва десять здоровых приходилось на сто больных; несчастные издыхали без всякой помощи. В одну могилу зарывали семь, восемь и более трупов. Многие домы совсем опустели; в иных осталось по одному младенцу». В 1365 году зараза открылась в Ростове, Твери, Торжке: в первом городе скончались в одно время князь Константин Васильевич, его супруга, епископ Петр, а во втором вдовствующая княгиня Александра Михайловича с тремя сыновьями, Всеволодом Холмским, Андреем, Владимиром,— их жены, также супруга и сын Константина Михайловича, Симеон, множество вельмож и купцов. В 1366 году и Москва испытала то же бедствие. Сия жестокая язва несколько раз проходила и возвращалась. В Смоленске она свирепствовала три раза: наконец (в 1387 году) осталось в

нем только пять человек, которые, по словам летописи, вышли и затворили город, наполненный трупами.

Москва незадолго до язвы претерпела и другое несчастие: пожар, какого еще не бывало и который слывет в летописях *великим пожаром Всесвятским**, ибо начался церковию Всех Святых. Сей город разделялся тогда на *Кремль, Посад, Загородье* и *Заречье:* в два часа или менее огонь, развеваемый ужасною бурею, истребил их совершенно. Многие бояре и купцы не спасли ничего из своего имения.— Видя, сколь деревянные укрепления ненадежны, великий князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с боярами решился построить *каменный Кремль* и заложил его весною в 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать меры для безопасности отечества и столицы, когда Россия уже явно действовала против своих тиранов: могли ли они добровольно отказаться от господства над нею и простить ей великодушную смелость? Мурза ординский, Тагай, властвуя в земле мордовской или в окрестностях Наровчата, выжег нынешнюю Рязань: Олег соединился с Владимиром Димитриевичем Пронским и с князем Титом Козельским (одним из потомков Св. Михаила Черниговского), настиг и разбил Тагая в сражении кровопролитном. Столь же счастливо Димитрий Нижегородский с братом своим, Борисом, наказал другого сильного могольского хищника, Булат-Темира. Сей мурза, овладев течением Волги, разорил Борисовы села в ее окрестностях, но бежал от наших князей за реку Пьяну; многие татары утонули в ней или были истреблены россиянами; а сам Булат-Темир ушел в Орду, где хан Азис велел его умертвить.— Сии ратные действия предвещали важнейшие.

[1367—1363 гг.] Великий князь, готовясь к решительной борьбе с ордою многоглавою, старался утвердить порядок внутри отечества. Своевольство новогородцев возбудило его негодование: многие из них, под названием охотников, составляли тогда целые полки и, без всякого сношения с правительством, ездили на добычу в места отдаленные. Так они (в 1364 году) ходили по реке Оби до самого моря с молодым вождем Александром Обакуновичем и сражались не только с иноплеменными

* Курсив — Н. М. Карамзина (здесь и далее).

сибирскими народами, но и с своими двинянами. Сей же Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках; умертвили в Нижнем великое число татар, армян, хивинцев, бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии и возвратились в отчизну, хвалясь успехом и добычею. Узнав о том, великий князь объявил гнев новогородцам; велел захватить их чиновника в Вологде, ехавшего из Двинской области, и сказать им, что они поступают как разбойники и что купцы иноземные находятся в России под защитою государя. Правительство, извиняясь неведением, нашло способ умилостивить Димитрия.

Самая язва не прекратила междоусобия тверских князей. Василий Михайлович Кашинский, долговременный неприятель Всеволода Холмского, ссорился и с братом его, Михаилом Александровичем (княжившим прежде в Микулине) за область умершего Симеона Константиновича. Дядя хотел быть главою княжения; а племянник доказывал, что он, будучи сыном брата старшего, есть наследник его прав и властелин всех частных уделов. Они хотели решить тяжбу судом духовным: уполномоченный для того митрополитом, тверской епископ обвинил дядю, но долженствовал сам ехать в Москву для ответа: ибо Василий и брат Симеонов, Иеремий Константинович, жаловались на его несправедливость Святому Алексию. Сие дело казалось неважным: открылись следствия несчастные для Твери и Москвы. Юноша Михаил имел достоинства, властолюбие и сильного покровителя в знаменитом Ольгерде Литовском, женатом на его сестре. Зная, что великий князь и митрополит держит сторону Василиеву — зная также намерение первого господствовать самодержавно над всею Россиею,— Михаил уехал в Литву. Пользуясь его отсутствием, Василий и Иеремий гнали усердных к нему бояр и, предводительствуя данною им от Димитрия московскою ратию, опустошили Михаилову область, в надежде, что он не дерзнет возвратиться. Но Михаил спешил отмстить дяде и брату, ведя с собою войско литовское; взял Тверь, пленил свою тетку и думал осадить Кашин, где заключился Василий; однако ж епископ примирил их, с условием, что дядя уступит старейшинство племяннику и будет довольствоваться областию Кашинскою.

Князь московский участвовал в сем мире и подтвердил его. Но прозорливые советники Димитриевы, боясь замыслов Михаила — который назвался *великим князем тверским* и хотел восстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, как вероятно, наученный, Иеремий Константинович приехал к Димитрию с новыми жалобами, требуя, чтобы он взял на себя распорядить уделы в Твери. Михаила позвали в Москву дружелюбно и ласково: сам Св. Алексий обнадежил его в безопасности, уверяя, что суд великого князя навсегда утвердит тишину в тверских владениях. Слово митрополита и святость гостеприимства не дозволяли страшиться обмана. Михаил желал видеть столицу Димитрия (уже славную тогда в России), узнать его лично, беседовать с благоразумными вельможами московскими: он въехал гостем, но сделался невольником. Нарядили третейский суд; хотели предписывать законы Михаилу; удалили от него бояр тверских и содержали их как пленников в разных домах с князем. Обман, недостойный правителей мудрых! и виновники не воспользовались оным. Летописцы говорят, что прибытие ханского вельможи, Карача, заставило советников Димитриевых освободить утесненного князя: сей мурза, как вероятно, вступился за него; вероятно и то, что Св. Алексий, невольно вовлеченный в дело, противное совести, удержал их от дальнейшего насилия. Михаил спешил удалиться, громогласно обвиняя Димитрия и митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольным и не жаловаться! Он уступил, без сомнения также невольно, Городок или область Симеона Константиновича князю Иеремию, с коим отправился туда чиновник московский.

Надлежало довершить оружием, что начали коварством. Василий Кашинский умер: великий князь, как бы желая только защитить сына его, Михаила, от притеснений, послал войско в Тверь; а Михаил Александрович ушел к Ольгерду. Сей литовский государь, более двадцати лет воюя непрестанно с немецким орденом, с поляками, россиянами, купил славу героя кровию бесчисленного множества людей и пеплом городов: равнодушно смотрел на изнурение своих подданных и, бодрый в летах старости, все еще искал новых приобретений. В 1363 году он ходил с войском к Синим водам, или в Подолию, и к устью Днепра, где кочевали три орды могольские;

разбив их, гнался за ними до самой Тавриды; опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей и похитил церковные сокровища: с того времени, как вероятно, опустел сей древний город и татары заднепровские находились в некоторой зависимости от Литвы. Поход к берегам Черного моря не препятствовал Ольгерду беспокоить Россию: военачальники его взяли Ржев, а сын, Андрей Полоцкий (в 1368 году) старался овладеть другими пограничными местами нашими. Россияне также действовали наступательно, и юный князь Владимир Андреевич ознаменовал свое мужество счастливым успехом, изгнав литву из города Ржева. В сих обстоятельствах Ольгерд должен был ревностно вступиться за шурина, который предлагал ему идти прямо к Москве и смирить дерзкого юношу, уже столь решительного в замыслах самовластия. Собрав многочисленные полки, он выступил к пределам России с братом Кестутием, также поседевшим в битвах, и с сыном его, отроком Витовтом, будущим героем, грозным для всех народов соседственных. Летописцы рассказывают, что Кестутий, возвращаясь однажды с войском из Пруссии, увидел в Полонге красавицу, именем Бириту, и влюбился в нее: дав идолам своим обет вечно сохранить девство и за то слывя богинею в народе, она не хотела быть женою храброго князя; но Кестутий насильно сочетался с нею браком. От сей Бириты родился знаменитый Витовт.

Князь смоленский, добровольно или принужденно, соединил дружину свою с полками литовскими, которые шли, не зная куда: ибо Ольгерд умел хранить тайну в важных предприятиях, чтобы нападать внезапно, и любил побеждать хитростию еще более, нежели силою. Он был окружен россиянами и купцами иноземными; но цель его похода оставалась неизвестною в Москве до самого того времени, как сей завоеватель приближился к нашим границам. Изумленный великий князь отправил гонцов во все области для собрания войска и, желая остановить стремление неприятеля, велел боярину, Димитрию Минину, идти вперед с одними полками московскими, коломенскими и дмитровскими. Вторым начальником был воевода князя Владимира Андреевича, именем Иакинф Шуба. Уже Ольгерд, как лев, свирепствовал в российских владениях: не уступая моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег

города; убил князя стародубского, Симеона Димитриевича Кропиву, а в Оболенске князя Константина Юрьевича, происшедшего от Св. Михаила Черниговского, и близ Тростенского озера ударил всеми силами на воеводу Минина. Многие наши князья, бояре легли на месте, и полки московские были истреблены совершенно. Ольгерд, истязая пленников, спрашивал: где великий князь? и есть ли у него войско? Все ответствовали единогласно, что Димитрий в столице и еще не успел соединить сил своих. Победитель спешил к Москве, где великий князь с братом, Владимиром Андреевичем, с митрополитом Алексием, со всеми знаменитейшими людьми затворился в Кремле, велев обратить в пепел окрестные здания. Три дня Ольгерд стоял под стенами, грабил церкви, монастыри, не приступая к городу: каменные стены и башни устрашали его; а зимние морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстию и множеством пленников, он удалился, гоня перед собою стада и табуны, отнятые у земледельцев и городских жителей; вышел из России и хвалился тем, что она долго не забудет сделанных им в ней опустошений. В самом деле, великое княжество не видало подобных ужасов в течение сорока лет, или со времен Калиты, и сведало, что не одни татары могут разрушать государства.

Как скоро сия буря миновалась, великий князь отправил брата, Владимира Андреевича, защитить псковитян от немцев. Оскорбленные убиением некоторых россиян на границах Ливонии в мирное время, псковитяне (в 1362 году) остановили у себя гостей немецких, а жители Дерпта новогородских. Были съезды и переговоры. Новгород посылал бояр своих в Дерпт: наконец с обеих сторон задержанным купцам дали свободу; однако ж псковитяне взяли с немцев немало серебра за их вероломство и не могли долго ужиться с ними в мире. Открылась новая ссора за границы: посол от великого князя ездил в Дерпт и не успел ни в чем. Вслед за ним явилось войско немецкое, предводимое магистром Вильгельмом Фреймерзеном, архиепископом Фромгольдом и многими командорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки под его стенами и ночью ушло. «К несчастию (говорит тамошний летописец), князь Александр и главные чиновники наши были в разъезде по селам, а

мы ссорились с Новымгородом». Прибытие князя Владимира Андреевича восстановило согласие между ими; с того времени новогородцы действовали заодно с своими братьями, псковитянами; принудили немцев бежать от Изборска и вторично от Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузен, и (в 1371 году) заключили с орденом мир.

Потрясенная нашествием Литвы Москва имела нужду в отдохновении: великий князь возвратил Михаилу спорную область Симеона Константиновича; но не замедлил снова объявить ему войну: принудил его вторично бежать в Литву, взял Зубцов, Микулин и пленил множество людей, чтобы ослабить державу опасного противника. Раздраженный бедствием своего невинного народа, Михаил вздумал свергнуть Димитрия посредством татар. Уже Мамай силою или хитростию соединил так называемую *Золотую*, или Сарайскую Орду, где царствовал Азис, и свою Волжскую; объявил ханом Мамант-Салтана и господствовал под его именем. Вероятно, что он был недоволен Димитрием или, находясь в дружелюбном сношении с Ольгердом, хотел угодить ему; по крайней мере, выслушав благосклонно Михаила, дал ему грамоту на сан великого князя: посол ханский долженствовал ехать с ним в Владимир. Но времена безмолвного повиновения миновались: конные отряды московские спешили занять все пути, чтобы схватить тверского князя, и Михаил, ими гонимый из места в место, едва мог пробраться в Вильну.

Одержав победу над крестоносцами немецкими, седой Ольгерд наслаждался или скучал тогда миром. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрий сделал Литве новую, чувствительную досаду, посылав воевод московских осаждать Брянск и тревожить владения союзника ее, князя смоленского. Ольгерд решился вторично идти к Москве, как скоро болота и реки замерзли от первого холода зимнего. Несколько тысяч земледельцев шли впереди, прокладывая прямые дороги. Войско не останавливалось почти ни днем, ни ночью; не смело ни грабить, ни жечь селений, чтобы не тратить времени, и в исходе ноября приступило к Волоку Ламскому, где начальствовал храбрый, опытный муж, Василий Иванович Березуйский, один из князей смоленских, верный слуга Димитриев. Три дня би-

лись под стенами, и рать многочисленная не могла одолеть упорства осажденных, так что Ольгерд, потеряв терпение, с досадою удалился от ничтожной деревянной крепости: ибо время казалось ему дорого. Но россияне оплакивали своего знаменитого начальника: неприятельский воин скрылся во рву и, видя князя березуйского стоящего перед городскими воротами, ударил его сквозь мост копием. Сей верный сын отечества, довольный спасением города, посвятил Небу последние минуты жизни: он скончался монахом.

6 декабря [1370 г.] Ольгерд и правая рука его, мужественный Кестутий, расположились станом близ Москвы; с ними был и князь смоленский Святослав. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада и вторично не дерзнули приступить к Кремлю, где сам Димитрий начальствовал: митрополит Алексий находился тогда в Нижнем Новегороде, к сожалению народа, всегда ободряемого в опасностях присутствием святителя. Но великий князь и бояре, предвидя следствие взятых ими мер, спокойно ожидали оного. Брат Димитриев, Владимир Андреевич, стоял в Перемышле с сильными полками, готовый ударить на литовцев с тылу; а князь Владимир Димитриевич Пронский вел к Москве рязанское войско. Ольгерд устрашился и требовал мира; уверял, что, не любя кровопролития, желает быть *вечно* нашим другом, и в залог искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за князя Владимира Андреевича. Великий князь охотно заключил с ним *перемирие* до июля месяца. Несмотря на то, сей коварный старец шел назад с величайшею осторожностию, боясь тайных засад и погони: столь мало верил он святости государственных договоров и чести народа, имевшего причину ненавидеть его, как жестокого злодея России!

Не только страх быть окруженным полками российскими, но и другие обстоятельства вселяли в Ольгерда сие нетерпеливое желание мира: а именно, новые неприятельские замыслы немецкого ордена, о коих слегка упоминается в наших летописях, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледельцам убрать хлеба; в декабре и генваре было удивительное тепло: в начале же февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлеб, осенью за-

сыпанный снегом. Сия оттепель, испорченные дороги, разлитие рек и трудность доставать съестные припасы могли иметь гибельные следствия для войска в земле неприятельской.— Одним словом, Ольгерд, думая только о себе, забыл пользу своего шурина и не включил его в договор мирный.

[1371 г.] Оставленный зятем, Михаил вторично обратился к Мамаю и выехал из Орды с новым ярлыком на великое княжение владимирское. Хан предлагал ему даже войско; но сей князь не хотел оного, боясь подвергнуть Россию бедствиям опустошения и заслужить справедливую ненависть народа: он взял только ханского посла, именем Сарыхожу, с собою. Узнав о том, Димитрий во всех городах великого княжества обязал бояр и чернь клятвою быть ему верными и вступил с войском в Переславль Залесский. Тщетно враг его надеялся преклонить к себе граждан владимирских; они единодушно сказали ему: «У нас есть государь законный; иного не ведаем». Тщетно Сарыхожа звал Димитрия в Владимир слушать грамоту хана: великий князь ответствовал: «К ярлыку не еду, Михаила в столицу не впускаю, а тебе, послу, даю путь свободный». Наконец сей вельможа татарский, вручив ярлык Михаилу, уехал в Москву, где, осыпанный дарами и честию, пируя с князьями, с боярами, славил Димитриево благонравие. Михаил же, видя свое бессилие, возвратился с Мологи в Тверь и разорил часть соседственных областей великокняжеских.

Между тем грамота ханская оставалась еще в его руках: сильный Мамай не мог простить Димитрию двукратное ослушание, имея тогда войско готовое к впадению в Россию, к убийствам и грабежу. Великий князь долго советовался с боярами и с митрополитом; надлежало или немедленно восстать на татар, или прибегнуть к старинному уничижению, к дарам и лести. Успех великодушной смелости казался еще сомнительным: избрали второе средство, и Димитрий — без сомнения зная расположение Мамаево — решился ехать в Орду, утвержденный в сем намерении моголом Сарыхожею, который взялся предупредить хана в его пользу. Народ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый государь будет иметь в Орде участь Михаила Ярославича Тверского и что коварный Сарыхожа, подобно злодею Кавгадыю, готовит ему верную гибель. По край-

ней мере никто не мог без умиления видеть, сколь Димитрий предпочитает безопасность народную своей собственной, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных. Митрополит Алексий провожал его до берегов Оки: там усердно молился Всевышнему, благословил Димитрия, бояр, воинов, всех княжеских спутников и торжественно поручил им блюсти драгоценную жизнь государя доброго; он сам желал разделить с ним опасности: но присутствие его было нужно в Москве, где оставался Совет боярский, который уже по отбытии Димитрия заключил мир с литовскими послами вследствие торжественного обручения Елены, Ольгердовой дочери, за князя Владимира Андреевича: свадьба совершилась чрез несколько месяцев.

С нетерпением ожидали вестей из Орды; суеверие, устрашенное необыкновенными явлениями естественными, предвещало народу государственное бедствие. В солнце видны были черные места, подобные гвоздям, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днем в двух саженях нельзя было разглядеть лица человеческого; птицы, не смея летать, станицами ходили по земле. Сия тьма продолжалась около двух месяцев. Луга и поля совершенно иссохли; скот умирал; бедные люди не могли за дороговизною купить хлеба. Печальное уныние царствовало в областях великокняжеских: думая воспользоваться оным, Михаил Тверской хотел завоевать Кострому; однако ж взял одну Мологу, обратив в пепел Углич и Бежецк.

В исходе осени усердные москвитяне были обрадованы счастливым возвращением своего князя: хан, царицы, вельможи ординские и в особенности темник Мамай, не предвидя в нем будущего грозного сопротивника, приняли Димитрия с ласкою; утвердили его на великом княжении, согласились брать с оного дань гораздо умереннейшую прежней и велели сказать Михаилу: «Мы хотели силою оружия возвести тебя на престол владимирский; но ты отвергнул наше предложение, в надежде на собственное могущество: ищи же покровителей, где хочешь!» Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу князей московских и тем дороже ценили покорность Димитрия. В Орде находился сын Михаилов, Иоанн, удержанный там за 10 000 рублей, коими Михаил был должен царю. Димитрий, желая

иметь столь важный залог в руках своих, выкупил Иоанна и привез с собою в Москву, где сей юный князь жил несколько времени в доме у митрополита; но, согласно с правилами чести, был освобожден, как скоро отец заплатил Димитрию означенное количество серебра; Михаил же оставался неприятелем великого князя: воеводы московские, убив в Бежецке наместника Михайлова, опустошили границы тверские.

[1372 г.] Тогда явился новый неприятель, который хотя и не думал свергнуть Димитрия с престола владимирского, однако ж всеми силами противоборствовал его системе единовластия, ненавистной для удельных князей: то был смелый Олег Рязанский, который еще в государствование Иоанна Иоанновича показал себя врагом Москвы. Озабоченный иными делами, Димитрий таил свое намерение унизить гордость сего князя и жил с ним мирно: мы видели, что рязанцы ходили даже помогать Москве, теснимой Ольгердом. Не опасаясь уже ни литвы, ни татар, великий князь скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу, всегда готовому спорить о неясных границах между их владениями. Воевода, Димитрий Михайлович Волынский, с сильною ратию московскою вступил в Олегову землю и встретился с полками сего князя, не менее многочисленными и столь уверенными в победе, что они с презрением смотрели на своих противников. «Друзья!— говорили рязанцы между собою:— Нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых москвитян». *Рязанцы,* прибавляет летописец, *бывали искони горды и суровы:* суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* москвитяне, устроенные вождем искусным, побили их наголову. Олег едва ушел. Великий князь отдал Рязань Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от его верховной власти. Но сим не кончилась история Олегова: любимый народом, он скоро изгнал Владимира и снова завоевал все свои области; а Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени.

Михаил, все еще имея тесную связь с Литвою, всячески убеждал Ольгерда действовать с ним заодно против великого князя, без сомнения представляя ему, что время укрепит Димитрия в мужестве и властолюбии; что

сей государь, столь еще юный, рано или поздно отмстит ему за двукратную осаду Москвы и захочет возвратить отечеству прекрасные земли, отторженные Литвою от России; что надобно низвергнуть опасного неприятеля или по крайней мере частыми нападениями ослаблять его силу. *Вечный мир*, клятвенно утвержденный в Москве литовскими послами, и новый брачный союз с домом ее князей произвели единственно то, что Ольгерд не захотел сам предводительствовать войском, а послал Кестутия, Витовта, Андрея, сына своего, и князя Димитрия Друцкого разорять наше отечество. Не уступая брату ни в скорости, ни в тайне воинских замыслов, Кестутий весною осадил Переславль, столь внезапно, что схватил многих земледельцев на полях и бояр, выехавших в села для хозяйственных распоряжений. В такое время, когда едва сошел снег и глубокие реки находились в полном разливе, никто не ожидал неприятеля внутри России. Впрочем, сие литовское впадение было одним быстрым набегом: Кестутий выжег предместие, но снял осаду и соединился с войском Михаила, который опустошил села вокруг Дмитрова, взяв окуп с города. Обе рати двинулись к Кашину; истребили селения вокруг его и также взяли дань с граждан, а князя Михаила Васильевича, преданного Димитрию, обязали клятвою быть подвластным Тверскому. На возвратном пути литовцы злодействовали и в самых владениях их союзника; Михаил же, оставив наместников в Торжке, величал себя победителем.

Но победа еще ожидала его. Не зная, кто останется главою России, Михаил или Димитрий, новогородцы (в 1370 году) дали на себя грамоту первому, обещая ему повиноваться как своему законному властителю, *если* хан утвердит его в великокняжеском достоинстве. Когда же Димитрий возвратился из Орды с царскою милостию, тогда они заключили с ним договор противиться общими силами Михаилу, литве и рижским немцам: великий князь обязывался самолично предводительствовать войском или прислать к ним брата, Владимира Андреевича. Сведав, что Михаил занял Торжок, новогородцы спешили выгнать оттуда его наместников, ограбили всех купцов тверских и взяли с жителей клятву быть верными их древнему правительству. Немедленно обступив Торжок [31 мая], Михаил требовал,

чтобы виновники сего насилия и грабежа были ему выданы и чтобы жители снова приняли к себе тверского наместника. Бояре новогородские ответствовали надменно; сели на коней и выехали в поле с гражданами. Мужество и число тверитян решили битву: смелый воевода новогородский, Александр Абакумович, победитель сибирских народов, и знаменитые товарищи его пали мертвые в первой схватке; другие бежали и не спаслися: конница Михаилова топтала их трупы, и князь, озлобленный жителями, велел зажечь город с конца по ветру. В несколько часов все здания обратились в пепел, монастыри и церкви, кроме трех каменных; множество людей сгорело или утонуло в Тверце, и победители не знали меры в свирепости: обдирали донага жен, девиц, монахинь; не оставили на образах ни одного золотого, ни серебряного оклада и с толпами пленных удалились от горестного пепелища, наполнив 5 скудельниц мертвыми телами. Летописцы говорят, что злодейства Батыевы в Торжке не были так памятны, как Михаиловы.

Совершив сей подвиг, тверской князь готовился к важнейшему. Набег Кестутиев, прервав мирную связь между Литвою и Россиею, долженствовал иметь следствие, и старец Ольгерд хотел предупредить Димитрия: зная твердо путь к его столице, со многочисленным войском устремился к оной; шел, по своему обыкновению, без отдыха и, соединясь [12 июля] с Михаилом близ Калуги, думал, что москвитяне увидят его только на Поклонной горе. Но знамена великого князя уже развевались в поле: передовой отряд московский, быстро ударив на Ольгердов, гнал бегущих до самого их главного войска. Российское стало против литовского, готовое к бою; числом одно не уступало другому: надлежало одолеть искусством или храбростию. Между двумя станами находился крутой овраг и глубокая дебрь: ни те, ни другие не хотели сойти вниз, чтобы начать битву, и несколько дней миновало в бездействии, коим воспользовался Ольгерд для предложения мира. С обеих сторон желали оного: если бы россияне одержали верх, то литовцы, удаленные от своих границ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгерд победил, то Димитрий предал бы ему Россию в жертву. Первый имел выгоду опытности; но самая сия опытность не

позволяла ему верить слепому случаю, от коего нередко зависит успех или бедствие на войне. Зная же, что так называемый *вечный* мир есть пустое слово, они заключили единственно перемирие от 1 августа до 26 октября, и вельможи литовские именем Ольгерда, Кестутия и союзника их, Святослава Смоленского, а бояре российские именем великого князя и брата его, Владимира Андреевича, написали договор, включив в него с одной стороны князей тверского и брянского, с другой же рязанских, названных *великими*. Главные условия были таковы: «Нет войны между нами. Путь нашим послам и купцам везде свободен. Князь Михаил должен возвратить все похищенное им в областях великого княжения во время трех бывших перемирий и вывести оттуда своих наместников; а буде они не выедут, то Димитрий может их взять под стражу и сам управиться с Михаилом в случае новых его насилий: Ольгерду же в таком случае не вступаться за шурина. Когда люди московские, посланные в Орду жаловаться на князя тверского, успеют в своем деле, то Димитрий поступит, как угодно Богу и царю: чего Ольгерд не должен ставить ему в вину. Михаилу нет дела до великого княжения, а Димитрию до Твери; они ведаются только чрез послов.— Князь литовский обязан возвратить Димитрию сию договорную грамоту, буде вздумает по истечении срока возобновить неприятельские действия».

Таким образом старец Ольгерд заключил свои впадения в Россию, которые могли бы иметь гораздо вреднейшее следствие для ее целости, если бы он нашел в Димитрии менее бодрости и неустрашимости. Историк литовский, вместо трех походов, описывает только один, рассказывая следующие обстоятельства, несогласные с известиями наших современных летописцев: «Димитрий, надменный успехами своего оружия, хотел отнять у Литвы Витебск, Полоцк и Киев; прислал Ольгерду *кремень, огниву, саблю* и велел объявить, что россияне намерены в Светлую неделю похристосоваться с ним в Вильне огнем и железом. Ольгерд немедленно выступил с войском в средине Великого Поста и вел с собою послов Димитревых до Можайска; там отпустил их и, дав им зажженный фитиль, сказал: *Отвезите его к вашему князю. Ему не нужно искать меня в Вильне: я буду в Москве с красным яицом прежде, нежели этот фитиль*

угаснет. Истинный воин не любит откладывать: вздумал и сделал.— Послы спешили уведомить Димитрия о предстоящей опасности и нашли его в день Пасхи, идущего к Заутрене; а восходящее солнце озарило на Поклонной горе стан литовский. Изумленный великий князь требовал мира: Ольгерд благоразумно согласился на оный, взяв с россиян много серебра и все их владения до реки Угры. Он вошел с боярами литовскими в Кремль, ударил копьем в стену на память Москве и вручил *красное яицо* Димитрию».— Не говоря о хронологических ошибках сего историка, заметим только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовым государством и Россиею, пока Смоленск оставался еще княжеством особенным или не присоединенным к Литве.

[1374—1375 гг.] Ольгерд не рассудил за благо нарушить перемирия и года два не беспокоил России. Иные опасности явились; медленно, но грозно восходила туча над великим княжением от берегов Волги. Еще Димитрий соглашался быть данником моголов, однако ж не хотел терпеть насилия с их стороны. Вопреки, может быть, слову, данному ханом, послы Мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошнего князя, Димитрия Константиновича, и граждан: сей князь, исполняя, как вероятно, предписание московского, велел или дозволил народу умертвить послов, с коими находилось более тысячи мамаевых воинов: главного из них, мурзу Сарайку, заключили в крепости с его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайке, что он должен проститься с товарищами и что их будут содержать в разных домах. Испуганный сею вестию мурза ушел от приставов, вбежал в дом епископский, зажег оный и с помощию слуг своих оборонялся: они пустили несколько стрел и едва не ранили самого суздальского епископа, Дионисия; но скоро были все жертвою народной злобы.

Неизвестно, старался ли Димитрий Константинович или великий князь оправдать сие дело пред судилищем ханским: по крайней мере гордый Мамай не стерпел такой явной дерзости и послал войско опустошить пределы нижегородские, берега Киши и Пьяны, где начальствовал боярин Парфений и где через несколько дней не осталось ничего, кроме пепла и трупов.

[1375 г.] Сия месть не могла удовлетворить гневу Ма-

маеву: он клялся погубить Димитрия, и российские мятежники взялись ему в том способствовать. Мы упоминали о знаменитости московских чиновников, называемых тысячскими, которые, подобно князьям, имели особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно с древним обычаем, чтобы предводительствовать их людьми военными. Димитрий уничтожил сей важный сан, неприятный для самовластия государей и для бояр, обязанных уступать первенство чиновнику народному. Последний московский тысячский, Василий Васильевич Вельяминов, умерший схимником, оставил сына, именем Ивана, хотевшего, может быть заступить место отца: недовольный великим князем, он вместе с богатым купцом Некоматом ушел к Михаилу Тверскому и представил ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрия, чтобы отнять Владимир у московского князя. Отправив коварного Вельяминова и Некомата к хану, Михаил сам ездил в Литву и, возвратясь в Тверь, получил из Орды грамоту на великое княжение. Мамай обещал ему войско: Ольгерд также. Не дав им времени исполнить столь нужное обещание, легкомысленный князь тверской объявил войну Димитрию, послал своих наместников в Торжок и сильный отряд к Угличу.

Великий князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело и с тверитянами, и с литвою, и с моголами: гонцы его скакали из области в область; полки вслед за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинах Волока.— Все князья удельные, или служащие московскому, находились под его знаменами: Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Константинович Суздальский с двумя братьями и сыном; князья ростовские, Василий и Александр Константиновичи, с двоюродным их братом, Андреем Феодоровичем; Иоанн Смоленский, Василий Ярославский, Феодор Михайлович Моложский, Феодор Романович Белозерский, Василий Михайлович Кашинский (сын умершего Михаила Васильевича), Андрей Стародубский, Роман Михайлович Брянский, Роман Симеонович Новосильский, Симеон Константинович Оболенский и брат его, Иоанн Торусский. Некоторые из сих князей — например, смоленский и брянский — не были владетельными: ибо в

Смоленске господствовал Святослав, дядя сего Иоанна, а в Брянске сын Ольгердов. В Стародубе и Белозерске уже властвовали наместники московские. Оболенск, Торусса и Новосиль, древние уделы черниговские в земле вятичей, подобно Ярославлю, Мологе и Ростову, зависели тогда от великого княжения; однако ж имели своих особенных владетелей, потомков Св. Михаила Черниговского.

Димитрий, взяв Микулин, 5 августа осадил Тверь. Он велел сделать два моста чрез Волгу и весь город окружить тыном. Началися приступы кровопролитные. Верные тверитяне никогда не изменяли князьям своим: говели, пели молебны и бились с утра до вечера; гасили огонь, коим неприятель хотел обратить их стены в пепел, и разрушили множество туров, защиту осаждающих. Все Михаиловы области были разорены московскими воеводами, города взяты, люди отведены в плен, скот истреблен, хлеб потоптан; ни церкви, ни монастыри не уцелели; но тверитяне мужественно умирали на стенах, повинуясь князю и надеясь на Бога. Осада продолжалась три недели: Димитрий с нетерпением ждал новогородцев, которые явились наконец в его стане, пылая ревностию отплатить Михаилу за бедствие Торжка. Еще сей князь, видя изнеможение своих воинов от ран и голода, ободрял себя мыслию, что Ольгерд и Кестутий избавят его в крайности: литовцы действительно шли к нему в помощь; но, узнав о силе Димитриевой, возвратились с пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: он избрал последнее средство, и владыка Евфимий со всеми знатнейшими тверскими боярами пришел в стан к Димитрию, требуя милости и спасения.

Великий князь показал достохвальную умеренность, предписав Михаилу условия не тягостные, согласные с благоразумною политикою. Главные из оных были следующие: «По благословению отца нашего, Алексия митрополита всея Руси, ты, князь тверской, дай клятву за себя и за наследников своих признавать меня *старейшим* братом, никогда не искать великого княжения Владимирского, нашей отчины, и не принимать оного от ханов, также и Новагорода Великого; а мы обещаемся не отнимать у тебя наследственной Тверской области. Не вступайся в Кашин, отчину князя Василия Михайловича; отпусти захваченных бояр его и слуг, также и всех

наших, с их достоянием. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые в Торжке, вместе с имением граждан, ныне свободных от данной ими тебе присяги: да будут свободны и те, кого ты закабалил из них грамотами. Но предаем забвению все действия нынешней тверской осады: ни тебе, ни мне не требовать возмездия за убытки, понесенные нами в сей месяц.— Князья ростовские и ярославские *со мною один человек:* не обижай их, или мы за них вступимся.— Откажись от союза с Ольгердом: когда Литва объявит войну смоленскому» — тогда уже союзнику Димитриеву — «или другим князьям, нашим братьям: мы обязаны защитить их, равно как и тебя.— В рассуждении татар поступай согласно с нами: решимся ли воевать, и ты враг их; решимся ли платить им дань, и ты плати оную.— Когда я и брат мой, князь Владимир Андреевич, сядем на коней, будь нам товарищ в поле; когда пошлем воевод, да соединятся с ними и твои».

В других статьях сей договорной грамоты сказано, что Михаил, в исполнение прежних условий, освободит всех людей великокняжеских, задержанных в Твери им или его боярами по долгам, искам и ручательству; что бояре вольны отъехать для службы от московского князя к тверскому или от тверского к московскому, но лишаются в таком случае своих жалованных поместьев; что села изменников Ивана Вельяминова и Некомата принадлежат Димитрию; что земли и воды новогородцев, из чести служащих Михаилу, остаются под ведением Новагорода; что тамошние купцы могут безопасно ездить чрез области тверские; что гражданин свободный обязан платить дань князю той области, где живет: хотя бы и находился в службе другого, но подсуден единственно своему государю; что в делах спорных бояре московские и тверские съезжаются для суда на границе, а в случае несогласия избирают князя Олега Рязанского в посредники; что беглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые московские люди не платят в Твери ничего, кроме законных, издавна уставленных пошлин; что всякий насильственный перевод жителей из одной земли в другую воспрещается, и проч. Довольный смирением гордого соперника, Димитрий оставил ему все права князя независимого и название *великого,* подобно смоленским и ря-

занским князьям. Новогородцы же заключили особенный договор с Михаилом, который обязался дать свободу их пленникам, *житым* (или нарочитым) и простым людям; возвратить товары, отнятые у купцов новогородских, восстановить древние границы между обеими землями, наблюдать правила доброго соседства, не стоять за беглых рабов, должников, и проч.— Сия междоусобная война, счастливая для великого князя, была долгое время оплакиваема в тверских областях, разоренных без милосердия: ибо воевать значило тогда свирепствовать, жечь и грабить. Димитрий, руководствуясь обычаем как уставом народным, не заслужил упреков от современников, которые, напротив того, славили его великодушие: ибо он не захотел совершенно истребить Твери и свергнуть Михаила с наследственного престола. Летописцы тем более клянут истинных виновников сего бедствия, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнув чрез несколько лет возвратиться в великое княжение, были казнены всенародно, к устрашению подобных им злодеев. Народ московский, долго уважав и любив отца Иванова, чиновника столь знаменитого, с горестию смотрел на казнь сего несчастного сына, прекрасного лицом, благородного видом; она совершилась на древнем *Кучкове поле*, где ныне монастырь Сретенский.

[1376 г.] Великий князь, распустив часть войска, послал другую на болгаров с воеводою, князем Димитрием Михайловичем Волынским, женатым на его сестре, Анне. Сей князь — один из потомков Святополка II, как вероятно, или Романа Галицкого,— выехав из Волыни служить государю московскому, усердствовал отличаться подвигами мужества. Казанская Болгария, еще прежде России покоренная Батыем, с того времени зависела от ханов, и жители смешались с моголами. Мурза Булактемир, как мы упоминали, овладел ею в 1361 году: после властвовал там Осан, неприятель Димитрия Константиновича Суздальского, сверженный им в 1370 году. Взяв с собою посла ханского — следственно, действуя с согласия Мамаева,— сын Димитриев, Василий, и брат, князь городецкий, ходили с войском в Болгарию: приняли дары от Осана, но возвели на его место другого князя. Новый поход россиян в сию землю имел важнейшую цель: великий князь, уже явный враг моголов, хо-

тел подчинить себе Болгарию. Сыновья Димитрия Суздальского соединились с полками московскими и приближались к *Казани* [16 марта], городу славному в нашей истории: сообщим любопытное предание о начале его. «Сын Батыев,— так говорит один летописец XVI века, бывший любимым слугою царя Казанского,— сын Батыев, именем Саин, шел воевать Россию, но, обезоруженный смирением и дарами ее князей, остановился: тут он вздумал завести селение, где бы чиновники татарские, посылаемые для собрания дани в наше отечество, могли иметь отдохновение. Место было изобильно, *пчелисто и пажитно:* но страшные змии обитали в оном: сыскался волхв, который обратил их в пепел. Хан основал город *Казань* (что значит *котел* или *золотое дно*) и населил его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими из областей ростовских во время крещения земли Русской; любил сие место, где сближаются ее пределы с Болгариею, Вяткою, Пермию, и часто сам приезжал туда из Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновым Юртом*». Сей хан *Саин* был или Сартак, единственный Батыев сын, известный по летописям, или сам Батый, коего историк татарский, Абульгази, обыкновенно именует *Сагином*.

Казанцы встретили россиян в поле: многие из них выехали на вельблюдах, думая видом и голосом сих животных испугать наших коней; другие надеялись произвести то же действие стуком и громом: но видя неустрашимость россиян, побежали назад. Войско российское, истребив огнем села их, зимовища, суда, заставило двух болгарских владетелей, Осана и Махмат-Салтана, покориться великому князю. Они дали ему и Димитрию Суздальскому 2000, а на воинов 3000 рублей, и приняли в свой город московского чиновника или таможенника: следственно, обязались быть данниками России. Ободренная сим успехом, она готовилась к дальнейшим подвигам.

[1377 г.] Еще Мамай отлагал до удобнейшего времени действовать всеми силами против великого князя (ибо в Орде снова свирепствовала тогда язва), однако ж не упускал случая вредить россиянам. Соседы Нижегородской области, мордва, взялись указать моголам безопасный путь в ее пределы, и царевич, именем Арапша, с берегов Синего, или Аральского моря пришедши слу-

жить Мамаю, выступил с ханскими полками. Димитрий Суздальский известил о том великого князя, который немедленно собрал войско защитить тестя, но, долго ждав моголов и надеясь, что они раздумали идти к Нижнему, послал воевод своих гнаться за ними, а сам возвратился в столицу. Сие ополчение состояло из ратников переславских, юрьевских, муромских и ярославских: князь Димитрий Константинович присоединил к ним суздальцев под начальством сына, Иоанна, и другого князя, Симеона Михайловича. К несчастию, ум предводителей не ответствовал числу воинов. Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевозской, тешиться ловлею зверей как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности: утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спустив одежду с плеч, искали прохлады; другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят летописцы, что он был карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности. Арапша с пяти сторон ударил на россиян, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами и неся неприятеля на плечах. Погибло множество воинов и бояр: князь Симеон Михайлович был изрублен, князь Иоанн Димитриевич утонул в реке, которая прославилась сим нечастьем (осуждая безрассудность воевод Димитриевых, древние россияне говорили в пословицу: *за Пьяною люди пьяны*).— Татары, одержав совершенную победу, оставили за собою пленников с добычею и на третий день явились под стенами Нижнего Новагорода, где царствовал ужас: никто не думал обороняться. Князь Димитрий Константинович ушел в Суздаль; а жители спасались в лодках вверх по Волге. Неприятель умертвил всех, кого мог захватить; сжег город, и таким образом наказав его за убиение послов Мамаевых, удалился, обремененный корыстию. Сын Димитрия Константиновича, чрез несколько дней приехав на сие горестное пепелище, старался прежде

всего возобновить обгорелую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить в ней тело своего несчастного брата, Иоанна, утонувшего в реке.

В то же время моголы взяли нынешнюю Рязань: князь Олег, исстреленный, обагренный кровию, едва мог спастися. Впрочем, они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пеплом, в особенности берега Суры, где Арапша не оставил в целости ни одного селения. Многие бояре и купцы лишились всего имения; в том числе летописцы именуют одного знаменитого гостя, Тараса Петрова: моголы разорили шесть его цветущих, многолюдных сел, купленных им у князя за рекою Кудимою; видя, что собственность в сих местах ненадежна, он навсегда переехал в Москву.— Чтобы довершить бедствие Нижнего Новагорода, мордовские хищники по следам татар рассеялись злодействовать в его уезде; но князь Борис Константинович настиг их, когда они уже возвращались с добычею, и потопил в реке Пьяне, где еще плавали трупы россиян. Сей князь городецкий вместе с племянником, Симеоном Димитриевичем, и с воеводою великого князя, Феодором Свиблом, в следующую зиму опустошил без битвы всю землю мордовскую, истребляя жилища и жителей. Он взял в плен жен и детей, также некоторых людей чиновных, казненных после в Нижнем. Народ в злобном остервенении влачил их по льду реки Волги и травил псами.

[1378 г.] Сия бесчеловечная месть снова возбудила гнев Мамаев на россиян: ибо земля мордовская находилась под властию хана. Нижний Новгород, едва возникнув из пепла, вторично был взят татарами: жители бежали за Волгу.— Князь Димитрий Константинович, будучи тогда в Городце, прислал объявить Мамаевым воеводам, чтобы они удовольствовались окупом и не делали зла его княжению. Но, исполняя в точности данное им повеление, они хотели крови и развалин: сожгли [24 июля] город, опустошили уезд и, выходя из наших пределов, соединились еще с сильнейшим войском, посланным от Мамая на самого великого князя.

Димитрий Иоаннович, сведав заблаговременно о замыслах неприятеля, имел время собрать полки и встретил татар в области Рязанской, на берегах Вожи. Мурза

Бегич предводительствовал ими. Они сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы; ехали вперед легкою рысью. Великий князь стоял в середине, поручив одно крыло князю Даниилу Пронскому, а другое *окольничему*, или ближнему княжескому чиновнику, Тимофею. По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля и дружным, быстрым нападением решило дело: моголы обратили тыл; бросая копья, бежали за реку. Россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами. Несколько именитых мурз находилось в числе убитых. Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день великий князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами. Довольный столь блестящим успехом, он возвратился в Москву. Сия победа достопамятна тем, что была первою, одержанною россиянами над татарами с 1224 года, и не стоила им ничего, кроме труда убивать людей: столь изменился воинственный характер Чингисханова потомства! Юный герой Димитрий, торжествуя оную вместе со всеми добрыми подданными, мог сказать им словами Библии: *Отступило время от них: Господь же с нами!*

Мамай — истинный властелин Орды, во всем повелевая ханом — затрепетал от гнева, услышав о гибели своего войска; собрал новое и столь быстро двинулся к Рязани, что тамошний князь, Олег, не имел времени ни ждать вспоможения от великого князя, ни приготовиться к отпору; бежал из столицы за Оку и предал отечество в жертву варварам. Но Мамай, кровопролитием и разрушениями удовлетворив первому порыву мести, не хотел идти далее Рязани и возвратился к берегам Волги, отложив решительный удар до иного времени.

Димитрий успел между тем смирить Литву. Славный Ольгерд умер в 1377 году, не только христианином, но и схимником по убеждению его супруги, Иулиании, и печерского архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее оступление от Веры Иисусовой. Некоторые летописцы повествуют, что он гнал христиан и замучил в Вильне трех усердных исповедников Спа-

сителя, включенных нашею церковию в лик Святых; но литовский историк славит его терпимость, сказывая, что Ольгерд казнил 500 виленских граждан за насильственное убиение семи францисканских монахов и торжественно объявил свободу Веры. Смерть сего опасного властолюбца обещала спокойствие нашим юго-западным границам, тем более, что она произвела в Литве междоусобие. Любимый сын и преемник Ольгердов, Ягайло, злодейски умертвив старца Кестутия, принудил сына его, младого Витовта, искать убежища в Пруссии. Андрей Ольгердович Полоцкий, держав сторону дяди, ушел во Псков, дал клятву быть верным другом россиян и приехал в Москву служить великому князю. Перемирие, заключенное с Литвою в 1373 году, было давно нарушено: ибо москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржев. Пользуясь раздором его сыновей, Димитрий в начале зимы [1379 г.] отрядил своего брата, Владимира Андреевича, князей волынского и полоцкого, Андрея Ольгердовича, с сильным войском к Стародубу и Трубчевску, чтобы сию древнюю собственность нашего отечества снова присоединить к России. Оба города сдалися; но полководцы Димитриевы, как бы уже не признавая тамошних обитателей единокровными братьями, дозволяли воинам пленять и грабить. В Трубчевске княжил брат Андреев, Димитрий Ольгердович: ненавидя Ягайла, он не хотел обнажить меча на россиян, дружелюбно встретил их с женою, с детьми, со всеми боярами и предложил свои услуги великому князю, который в благодарность за то отдал ему Переславль Залесский *с судом и с пошлиною.*— Таким образом Димитрий мог надеяться в одно время и свергнуть иго татар, и возвратить отечеству прекрасные земли, отнятые у нас Литвою. Сия великая мысль занимала его благородную душу, когда он сведал о новых грозных движениях Орды и долженствовал остановить успехи своего оружия в Литве, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описания знаменитейшего из воинских подвигов древней России предложим читателю церковные дела сего времени, коими Димитрий, несмотря на величайшую государственную опасность, занимался с особенною ревностию.

Еще в 1376 году патриарх Филофей сам собою поставил Киприана, ученого сербина, в митрополиты для

России; но великий князь, негодуя на то, объявил, что церковь наша, пока жив Св. Алексий, не может иметь другого пастыря. Киприан хотел преклонить к себе новогородцев и сообщил им избирательную грамоту Филофееву: архиепископ и народ ответствовали, что воля государя московского в сем случае должна быть для них законом. Отверженный россиянами, Киприан жил в Киеве и повелевал литовским духовенством, в надежде скоро заступить место Св. Алексия: ибо сей добродетельный старец уже стоял на пороге смерти. Но великий князь в мыслях своих назначил ему иного преемника.

Между всеми московскими иереями отличался тогда священник села Коломенского, Митяй, умом, знаниями, красноречием, острою памятию, приятным голосом, красотою лица, величественною наружностию и благородными поступками, так, что Димитрий избрал его себе в отцы духовные и в *печатники*, то есть вверил ему хранение великокняжеской печати: сан важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость государева к сему человеку, наставнику, духовнику всех бояр, равно сведущему в делах мирских и церковных. Он величался как царь, по словам летописцев: жил пышно, носил одежды драгоценные, имел множество слуг и отроков. Прошло несколько лет: Димитрий, желая возвести его на степень еще знаменитейшую, предложил ему заступить место спасского архимандрита, Иоанна, который в глубокой старости посвятил себя тишине безмолвия. Хитрый Митяй не соглашался и был силою введен в монастырь, где надели на него клобук инока вместе с мантиею архимандрита, к удивлению народа, особенно к неудовольствию духовных. «Быть до обеда бельцем (говорили они), а после обеда старейшиной монахов есть дело беспримерное».

Сей новый сан открывал путь к важнейшему. Великий князь, предвидя близкую кончину Св. Алексия, хотел, чтобы он благословил Митяя на митрополию. Алексий, искренний друг смирения, давно мыслил вручить пастырский жезл свой кроткому игумену Сергию, основателю Троицкой лавры: хотя Сергий, думая единственно о посте и молитве, решительно ответствовал, что никогда не оставит своего мирного уединения, но святый старец, или в надежде склонить его к тому, или не любя гордого Митяя (названного в иночестве Михаилом), от-

рексея исполнить волю Димитриеву, доказывая, что сей архимандрит еще *новоук* в монашестве. Великий князь просил, убеждал митрополита: посылал к нему бояр и князя Владимира Андреевича; наконец успел столько, что Алексий благословил Митяя, как своего наместника, прибавив: «*если* Бог, патриарх и Вселенский Собор удостоят его править Российскою церковию».

Св. Алексий (в 1378 году) скончался, и Митяй, к изумлению духовенства, самовольно возложил на себя *белый* клобук; надел мантию с источниками и скрижалями; взял посох, печать, казну, ризницу митрополита; въехал в его дом и начал судить дела церковные самовластно. Бояре, отроки служили ему (ибо митрополиты имели тогда своих особенных светских чиновников), а священники присылали в его казну известные оброки и дани. Он медленно готовился к путешествию в Царьград, желая, чтобы Димитрий велел прежде святителям российским поставить его в епископы, согласно с уставом апостольским, или номоканоном. Великий князь призвал для того всех архиереев в Москву: никто из них не смел ослушаться, кроме Дионисия Суздальского, с твердостию объявившего, что в России один митрополит законно ставит епископов. Великий князь спорил и наконец уступил, к досаде Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между сим нареченным митрополитом и Дионисием, ибо они имели наушников, которые старались усилить их вражду. «Для чего,— сказал первый архиерею суздальскому,— ты до сего времени не был у меня и не принял моего благословения?» Дионисий ответствовал: «Я епископ, а ты поп: и так можешь ли благословлять меня?» Митяй затрепетал от гнева; грозил, что не оставит Дионисия и *попом,* когда возвратится из Царяграда, и что собственными руками спорет скрижали с его мантии. Епископ суздальский хотел предупредить врага своего и ехать к патриарху; но великий князь приставил к нему стражу. Тогда Дионисий решился на бесчестный обман: дал клятву не думать о путешествии в Константинополь и представил за себя порукою мужа, славного добродетелию, троицкого игумена Сергия; получив же свободу, тайно уехал в Грецию и ввел невинного Сергия в стыд. Сей случай ускорил отъезд Митяя, который уже 18 месяцев управлял церковию, именуясь наместником. В

знак особенной доверенности великий князь дал ему несколько белых хартий, запечатанных его печатию, дабы он воспользовался ими в Константинополе сообразно с обстоятельствами, или для написания грамот от имени Димитриева, или для нужного займа денег. Сам государь, все бояре старейшие, епископы проводили Митяя до Оки; в Грецию же отправились с ним 3 архимандрита, московский протопоп Александр, несколько игуменов, 6 бояр митрополитских, 2 переводчика и *целый полк*, как говорят летописцы, всякого рода людей, под главным начальством *большого* великокняжеского боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинского, собственного посла Димитриева. Казну и ризницу везли на телегах.

За пределами рязанскими, в степях половецких, Митяй был остановлен татарами и не испугался, зная уважение их к сану духовному. Приведенный к Мамаю, он умел хитрою лестию снискать его благоволение, получил от нового тогдашнего хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлык,— достиг Тавриды и в генуэзской Кафе сел на корабль. Уже Царьград открылся глазам российских плавателей; но Митяй, как второй Соисей (по выражению летописца), долженствовал только издали видеть цель своего путешествия и честолюбия: занемог и внезапно умер, может быть, весьма естественно; но в таких случаях обыкновенно рождается подозрение: он был окружен тайными неприятелями; ибо, уверенный в особенной любви великого князя, излишнею своею гордостию оскорблял и духовных и светских чиновников. Тело его свезли на берег и погребли в Галате.

Вместо того, чтобы уведомить великого князя о происшедшем и ждать от него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить в митрополиты кого-нибудь из бывших с ними духовных: одни хотели Иоанна, архимандрита петровского, который первый учредил в Москве общее житие братское; а другие Пимена, архимандрита переславского. Долго спорили: наконец бояре избрали Пимена и, будучи озлоблены укоризнами Иоанна, грозившего обличить их несправедливость пред великим князем, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пимен торжествовал и, нашедши в ризнице Митяевой белую хартию Димитрия,

написал на оной письмо от государя московского к императору и патриарху такого содержания: «Посылая к вам архимандрита Пимена, молю, да удостоите его быть митрополитом российским: ибо не знаю лучшего». Царь и патриарх Нил изъявили сомнение. «Для чего (говорили они) князь ваш требует нового митрополита, имея Киприана, поставленного Филофеем?» Но Пимен и бояре достигли своей цели щедрыми дарами, посредством других белых хартий Димитриевых заняв у купцов италиянских и восточных столь великое количество серебра, что сей государь долго не мог выплатить оного. Смягченный корыстию, патриарх сказал: «Не знаю, верить ли послам российским; но совесть наша чиста» — и посвятил Пимена в Софийском храме.

Оскорбленный вестию о кончине Митяевой, великий князь едва верил самовольству послов своих; объявил Пимена наглым хищником святительства и, призвав в Москву Киприана заступить место Св. Алексия, встретил его с великими почестями, с колокольным звоном, со всеми знаками искреннего удовольствия; а Пимена велел остановить на возвратном пути, в Коломне, и за крепкою стражею отвезти в Чухлому. С него торжественно сняли белый клобук: столь власть княжеская первенствовала у нас в делах церковных! Главный боярин, Юрий Олешинский, и все сообщники Пименовы были наказаны заточением. Сие случилось уже в 1381 году, то есть после славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

[1380 г.] Мамай пылал яростию и нетерпением отомстить Димитрию за разбитие ханских полков на берегах Вожи; но видя, что россияне уже не трепещут имени могольского и великодушно решились противоборствовать силе силою, он долго медлил, набирая войско из татар, половцев, харазских турков, черкесов, ясов, буртанов, или жидов кавказских, армян и самых крымских генуэзцев: одни служили ему как подданные, другие как наемники. Наконец, ободренный многочисленностию своей рати, Мамай призвал на совет всех князей ординских и торжественно объявил им, что идет, по древним следам Батыя, истребить государство Российское. «Казним рабов строптивых! — сказал он в гневе: — да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!» Желая еще более об-

надежить себя в успехе, Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним заодно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к московским князьям, жестокосердый в юности и зрелым умом мужеских лет наученный лукавству. Испытав в поле превосходную силу Димитрия, он начал искать его благоволения; будучи хитр, умен, *велеречив*, сделался ему другом, советником в общих делах государственных и посредником — как мы видели — в гражданских делах великого княжения с тверским. Думая, что грозное ополчение Мамаево, усиленное Ягайловым, должно необходимо сокрушить Россию — страшась быть первою жертвою оного и надеясь хитрым предательством не только спасти свое княжество, но и распространить его владения падением московского, Олег вошел в переговоры с моголами и с Литвою чрез боярина рязанского, Епифана Кореева; заключил с ними союз и тайно условился ждать их в начале сентября месяца на берегах Оки. Мамай обещал ему и Ягайлу все будущие завоевания в великом княжении, с тем, чтобы они, получив сию награду, были верными данниками ханскими.

Димитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом, и сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне. «Мамай *со всем царством* идет в землю Рязанскую против меня и тебя,— писал он к великому князю:— Ягайло также: *но еще рука наша высока:* бодрствуй и мужайся!» В обстоятельствах столь важных, решительных, первою мыслию Димитрия было спешить в храм Богоматери и молить Всевышнего о заступлении. Облегчив сердце излиянием набожных чувств, он разослал гонцов по всем областям великого княжения, чтобы собирать войско и немедленно вести оное в Москву. Повеление его было исполнено с редким усердием: целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья ростовские, белозерские, ярославские, с своими слугами,— бояре владимирские, суздальские, переславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, углицкие, серпуховские с *детьми боярскими*, или с воинскими дружинами, соста-

вили полки многочисленные, которые одни за другими вступали в ворота кремлевские. Стук оружия не умолкал в городе, и народ с умилением смотрел на бодрых воинов, готовых умереть за отечество и Веру. Казалось, что россияне пробудились от глубокого сна: долговременный ужас имени татарского, как бы от действия сверхъестественной силы, исчез в их сердце. Они напоминали друг другу славную победу Вожскую; исчисляли все бедствия, претерпенные ими от варваров в течение ста пятидесяти лет, и дивились постыдному терпению своих отцов. Князья, бояре, граждане, земледельцы были воспламенены равным усердием, ибо тиранство ханов равно всех угнетало, от престола до хижины. Какая война была праведнее сей? Счастлив государь, обнажая меч по движению столь добродетельному и столь единодушному! Народ, до времен Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами моголов, в бедности, в отчаянии, не смел и думать о свободе: отдохнув под умным правлением князей московских, он вспомнил древнюю независимость россиян и, менее страдая от ига иноплеменников, тем более хотел свергнуть оное совершенно. Облегчение цепей не мирит нас с рабством, но усиливает желание прервать оные.

Каждый ревновал служить отечеству: одни мечом, другие молитвою и делами христианскими. Между тем, как юноши и мужи блистали оружием на стогнах Москвы, жены и старцы преклоняли колена в святых храмах; богатые раздавали милостыню, особенно великая княгиня, супруга нежная и чувствительная; а Димитрий, устроив полки к выступлению, желал с братом Владимиром Андреевичем, со всеми князьями и воеводами принять благословение Сергия, игумена уединенной Троицкой обители, уже знаменитой добродетелями своего основателя. Сей святой старец, отвергнув мир, еще любил Россию, ее славу и благоденствие: летописцы говорят, что он предсказал Димитрию кровопролитие ужасное, но победу — смерть многих героев православных, но спасение великого князя; упросил его обедать в монастыре, окропил святою водою всех бывших с ним военачальников и дал ему двух иноков в сподвижники, именем Александра Пересвета и Ослябю, из коих первый был некогда боярином брянским и витязем мужественным. Сергий вручил им знамение креста на схимах и

сказал: «Вот оружие нетленное! Да служит оно вам вместо шлемов!» Димитрий выехал из обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь Небесную.

В тот час, когда полки с распущенными знаменами уже шли из Кремля в ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленские, будучи провождаемы духовенством с крестами и чудотворными иконами, великий князь молился над прахом своих предместников, государей московских, в церкви Михаила Архангела, воспоминая их подвиги и добродетели. Он нежно обнял горестную супругу, но удержал слезы, окруженный свидетелями, и сказав ей: «Бог наш заступник!», сел на коня. Одни жены плакали. Народ стремился вслед за воинством, громогласно желая ему победы. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливым предзнаменованием.— В Москве остался воеводою Феодор Андреевич, блюсти столицу и семейство княжеское.

В Коломне соединились с Димитрием верные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрий, предводительствуя сильною дружиною полоцкою и брянскою. Великий князь хотел осмотреть все войско; никогда еще Россия не имела подобного, даже в самые счастливые времена ее независимости и целости: *более ста пятидесяти тысяч* всадников и пеших стало в ряды, и Димитрий, выехав на обширное поле Девичье, с душевною радостию видел ополчение столь многочисленное, собранное его монаршим словом в городах одного древнего Суздальского княжения, некогда презираемого князьями и народом южной России. Скоро пришла весть, что Мамай, совокупив всю Орду, уже три недели стоит за Доном и ждет Ягайла Литовского. В то же время явился в Коломне посол ханский, требуя, чтобы Димитрий заплатил моголам ту самую дань, какую брал с его предков царь Чанибек. Еще не доверяя силам своим и боясь излишнею надменностью погубить отечество, Димитрий ответствовал, что он желает мира и не отказывается от дани *умеренной*, согласно с прежними условиями, заключенными между им и Мамаем; но не хочет разорить земли своей налогами тягостными в удовлетворение корыстолюбивому тиранству. Сей ответ казался Мамаю дерзким и коварным. С обеих сторон видели необходимость решить дело мечом.

Димитрий сведал тогда измену Олега Рязанского и

тайные сношения его с моголами и с Литвою; не ужаснулся, но с видом горести сказал: «Олег хочет быть новым Святополком!» — и, приняв благословение от коломенского епископа, Герасима, 20 августа выступил к устью реки Лопасни. Там настиг его князь Владимир Андреевич, внук Калитин, и великий воевода Тимофей Васильевич со всеми остальными полками московскими. 26 августа войско переправилось за Оку, в землю Рязанскую, а на другой день сам Димитрий и *двор* княжеский, к изумлению Олега, уверившего своих союзников, что великий князь не дерзнет им противоборствовать и захочет спастися бегством в Новгород или в пустыни Двинские. Слыша о силах Димитрия, равно боясь его и Мамая, князь рязанский не знал, что ему делать; скакал из места в место; отправлял гонцов к татарам, к Ягайлу, уже стоявшему близ Одоева; трепетал будущего и раскаивался в своей измене; чувствуя, сколь ужасен страх в злодействе, он завидовал опасностям Димитрия, ободряемого чистою совестию, Верою и любовию всех добрых россиян.

6 сентября войско наше приближилось к Дону, и князья рассуждали с боярами, там ли ожидать моголов, или идти далее? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовские, говорили, что надобно оставить реку за собою, дабы удержать робких от бегства; что Ярослав Великий таким образом победил Святополка и Александр Невский шведов. Еще и другое важнейшее обстоятельство было опорою сего мнения: надлежало предупредить соединение Ягайла с Мамаем. Великий князь решился — и, к ободрению своему, получил от Св. Сергия письмо, в коем он благословлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришла весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встречались с татарскими и гнали их. Димитрий собрал воевод и, сказав им: «Час суда Божия наступает», 7 сентября велел искать в реке удобного броду для конницы и наводить мосты для пехоты. В следующее утро был густой туман, но скоро рассеялся; войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве. В середине находились князья литовские, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, Феодор Романович Белозерский и боярин Николай Васильевич; в собственном же полку велико-

княжеском бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Брянок, князь Иоанн Васильевич Смоленский; на правом крыле князь Андрей Феодорович Ростовский, князь стародубский того же имени и боярин Феодор Грунка; на левом князь Василий Васильевич Ярославский, Феодор Михайлович Моложский и боярин Лев Морозов; в сторожевом полку боярин Михаил Иоаннович, внук Акинфов, князь Симеон Константинович Оболенский, брат его князь Иоанн Торусский и Андрей Серкиз; а в засаде князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский, победитель Олега и болгаров, муж славный доблестию и разумом,— Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Новосильского. Димитрий, стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых осенним солнцем,— слыша всеобщие громогласные восклицания: «Боже! даруй победу государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи сих бодрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий в умилении преклонил колена и, простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на *черном знамени* великокняжеском, молился в последний раз за христиан и Россию; сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и *милыми братьями,* утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире, с венцом мученическим за гробом.

Войско тронулось, и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон вожди наблюдали друг друга и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила татар еще превосходила нашу. Димитрий, пылая ревностию служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг князя,— говорили они,— смотреть на битву, видеть подвиги воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Но Димитрий ответствовал: «Где вы, там и я. Скрываясь наза-

ди, могу ли сказать вам: *братья! умрем за отечество?* Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушию: громогласно читая псалом: *Бог нам прибежище и сила,* первый ударил на врагов и бился мужественно как рядовой воин; наконец отъехал в средину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти верст лилася кровь христиан и неверных. Ряды смешались: инде россияне теснили моголов, инде моголы россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали; так некоторые московские неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к большим, или княжеским знаменам и едва не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Еще князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Димитрием Волынским. Настал девятый час дня: сей Димитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: «Теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля, и быстро устремился на моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги изумленные, рассеянные не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «велик Бог христианский!» и бежал вслед за другими. Полки российские гнали их до самой реки Мечи, убивали, топили, взяв стан неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней, вельблюдов, навьюченных всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня, довершив победу, стал *на костях,* или на поле битвы, под черным знаменем княжеским и велел трубить в воинские трубы: со всех сторон съезжались к нему князья и полководцы, но Димитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «Где брат мой и *первоначальник* нашей славы?» Никто не мог дать об нем вести. В беспокойстве, в ужасе воеводы рассеялись искать его, живого или мертвого; долго не находили: наконец два воина увидели великого князя, ле-

жащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обеспамятел и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь! ты победил врагов!» Димитрий встал: видя брата, видя радостные лица окружающих его и знамена христианские над трупами моголов, в восторге сердца изъявил благодарность Небу; обнял Владимира, чиновников; целовал самых простых воинов и сел на коня, здравый веселием духа и не чувствуя изнурения сил.— Шлем и латы его были иссечены, но обагрены единственно кровию неверных: Бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных опасностей, коим он с излишнею пылкостию подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрий, провождаемый князьями и боярами, объехал поле Куликово, где легло множество россиян, но вчетверо более неприятелей, так, что, по сказанию некоторых историков, число всех убитых простиралось до двухсот тысяч. Князья белозерские, Феодор и сын его Иоанн, торусские Феодор и Мстислав, дорогобужский Димитрий Монастырев, первостепенные бояре Симеон Михайлович, сын тысячского Николай Васильевич, внук Акинфов Михаил, Андрей Серкиз, Волуй, Бренко, Лев Морозов и многие другие положили головы за отечество: а в числе их и Сергиев инок Александр Пересвет, о коем пишут, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с печенегом, богатырем Мамаевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости сего и другого Сергиева Священновитязя, Осляби, покоятся доныне близ монастыря Симонова. Останавливаясь над трупами мужей знаменитейших, великий князь платил им дань слезами умиления и хвалою; наконец, окруженный воеводами, торжественно благодарил их за оказанное мужество, обещая наградить каждого по достоинству, и велел хоронить тела россиян. После, в знак признательности к добрым сподвижникам, там убиенным, он уставил праздновать вечно их память в Субботу Дмитровскую, доколе существует Россия.

Ягайло в день битвы находился не более как в 30 или в 40 верстах от Мамая: узнав ее следствие, он пришел в ужас и думал только о скором бегстве, так что легкие наши отряды нигде не могли его настигнуть. Со всех

сторон счастливый Димитрий, одним ударом освободив Россию от двух грозных неприятелей, послал гонцов в Москву, в Переславль, Кострому, Владимир, Ростов и другие города, где народ, сведав о переходе войска за Оку, денно и нощно молился в храмах. Известие о победе столь решительной произвело восхищение неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствие нашего отечества утверждены ею навеки; что Орда пала и не восстанет; что кровь христиан, обагрившая берега Дона, была последнею жертвою для России и совершенно умилостивила Небо. Все поздравляли друг друга, радуясь, что дожили до времен столь счастливых, и славили Димитрия, как второго Ярослава Великого и нового Александра, единогласно назвав его *Донским*, а Владимира Андреевича *Храбрым* и ставя Мамаево побоище выше Алтского и Невского. Увидим, что оно, к сожалению, не имело тех важных, прямых следствий, каких Димитрий и народ его ожидали; но считалось знаменитейшим в преданиях нашей истории до самых времен Петра Великого, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее и в несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих.

Для чего Димитрий не хотел воспользоваться победою, гнать Мамая до берегов Ахтубы и разрушить гнездо тиранства? Не будем обвинять великого князя в оплошности. Татары бежали, однако ж все еще сильные числом, и могли в волжских улусах собрать полки новые; надлежало идти вслед за ними с войском многолюдным: каким образом продовольствовать оное в степях и пустынях? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а россияне долженствовали бы везти хлеб с собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имея лошадей, не приученных питаться одною иссохшею травою. Множество раненых требовало призрения, и победители чувствовали нужду в отдохновении. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнет восстать на Россию, Димитрий не хотел без крайней необходимости подвергать судьбу государства дальнейшим опасностям войны и, в надежде заслужить счастие умеренностию, возвратился в столицу. Шествие его от поля Куликова

до врат Кремлевских было торжеством непрерывным. Везде народ встречал победителя с веселием, любовию и благодарностию; везде гремела хвала Богу и государю. Народ смотрел на Димитрия как на Ангела-хранителя, ознаменованного печатию Небесного благоволения. Сие блаженное время казалось истинным очарованием для добрых россиян: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой и сведав еще, что сей изменник старался вредить московским полкам на возвратном их пути чрез области рязанские, истреблял мосты, даже захватывал и грабил слуг великокняжеских, Димитрий готовился наказать его. Тогда именитейшие бояре рязанские приехали в Москву объявить, что князь их ушел с своим семейством и двором в Литву; что Рязань поддается герою Донскому и молит его о милосердии. Димитрий отправил туда московских наместников; но хитрый Олег, быв несколько месяцев изгнанником, умел тронуть его чувствительность знаками раскаяния и возвратился на престол, с обещанием отказаться от Ягайловой дружбы, считать великого князя старшим братом и быть с ним заодно в случае войны или мира с литвою и татарами. В сем письменном договоре сказано, что Ока и Цна служат границею между княжениями московским и рязанским; что места, отнятые у татар, бесспорно принадлежат тому, кто их отнял; что город *Тула,* названный именем царицы *Тайдулы,* жены Чанибековой, и некогда управляемый ее баскаками, остается собственностию Димитрия, равно как и бывшая мордовская область, Мещера, купленная им у тамошнего крещеного князя, именем Александра Уковича. Великодушие действует только на великодушных: суровый Олег мог помнить обиды, а не благотворения; скоро забыл милость Димитрия и воспользовался первым случаем нанести ему вред.)

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнув своих улусов в виде робкого беглеца, скрежетал зубами и хотел еще отведать сил против Димитрия; но судьба послала ему иного неприятеля. Тохтамыш, один из потомков Чингисхановых, изгнанный из Орды Капчакской ханом Урусом, снискал дружбу славного Тамерлана, который, смиренно называясь эмиром, или князем моголов чагатайских, уже властвовал над обеими Бухариями. С помощию сего второго Чингиса Тохтамыш, объявив се-

бя наследником Батыева престола, шел к морю Азовскому. Мамай встретил его близ нынешнего Мариуполя, и на том месте, где моголы в 1224 году истребили войско наших соединенных князей, был разбит наголову; оставленный неверными мурзами, бежал в Кафу и там кончил жизнь свою: генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю или завладеть Мамаевою казною. Тохтамыш воцарился в Орде и дружелюбно дал знать всем князьям российским, что он победил *их врага общего*. Димитрий принял ханских послов с ласкою, отпустил с честию и вслед за ними отправил собственных с богатыми дарами для хана; то же сделали и другие князья. Но дары не дань и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамыш не мог удовольствоваться приветствиями: он хотел властвовать как Батый или Узбек над Россиею.

[1381 г.] В следующее лето хан послал к Димитрию царевича Акхозю и с ним 700 воинов требовать, чтобы все князья наши, как древние подданные моголов, немедленно явились в Орде. Россияне содрогнулись. «Давно ли,— говорили они,— мы одержали победу на берегах Дона? Неужели кровь христианская лилась тщетно?» Государь думал согласно с народом, и царевичу в Нижнем Новегороде сказали, что великий князь не ответствует за его безопасность, если он приедет в столицу с воинскою дружиною. Акхозя возвратился к хану, отправив в Москву некоторых из своих товарищей. Даже и сии люди, устрашенные знаками народной ненависти россиян к моголам, не посмели туда ехать; а Димитрий, излишно надеясь на слабость Орды, спокойно занимался делами внутреннего правления.

[1382 г.] Прошло около года: хан молчал, но в тишине готовился действовать. Вдруг услышал в Москве, что татары захватили всех наших купцов в земле Болгарской и взяли у них суда для перевоза войска ханского чрез Волгу; что Тохтамыш идет на Россию; что вероломный Олег встретил его близ границы и служит ему путеводителем, указывая на Оке безопасные броды. Сия весть, привезенная из улусов некоторыми искренними доброхотами россиян, изумила народ: еще великодушная решимость правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донской с мужественным братом своим, Владимиром Андреевичем, спешили выступить в

поле; но другие князья изменили чести и славе. Сам тесть великого князя, Димитрий Нижегородский, сведав о быстром стремлении неприятеля, послал к хану двух сыновей с дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что от важного урона, претерпенного россиянами в битве Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудели людьми военными: наконец советники Димитриевы только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругою и с детьми, желая собрать там более войска и надеясь, что бояре, оставленные им в столице, могут долго противиться неприятелю.

Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушался ни бояр, ни митрополита и при звуке колоколов стекался на вече, вспомнив древнее право граждан российских в важных случаях решить судьбу свою большинством голосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие спасаться бегством; первые стали на стенах, на башнях и бросали камнями в тех, которые думали уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще немало воинов отважных и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество. Сам митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного пастыря: он был иноплеменник! Волнение продолжалось: народ, оставленный государем и митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к боярам.

В сие время явился достойный воевода, юный князь литовский, именем Остей, внук Ольгердов, посланный, как вероятно, Димитрием. Умом своим и великодушием, столь сильно действующим в опасностях, он восстановил порядок, успокоил сердца, ободрил слабых. Купцы, земледельцы окрестных селений, пришедшие в Москву с детьми и с драгоценнейшею собственностию,— иноки, священники требовали оружия. Немедленно образовались полки; каждый занял свое место, в тишине и

благоустройстве. Дым и пламя вдали означали приближение моголов, которые, следуя обыкновению, жгли на пути все деревни и 23 августа обступили город. Некоторые их чиновники подъехали к стене и, зная русский язык, спрашивали, где великий князь Димитрий? Им ответствовали, что его нет в Москве. Татары, не пустив ни одной стрелы, ездили вокруг Кремля, осматривали глубину рвов, башни, все укрепления и выбирали места для приступов; а москвитяне, в ожидании битвы, молились в церквах; другие же, менее набожные, веселились на улицах; выносили из домов чаши крепкого меду и пили с друзьями, рассуждая: «Можем ли бояться нашествия поганых, имея город твердый и стены каменные с железными воротами? Неприятели скроются, когда испытают нашу бодрость и сведают, что великий князь с сильными полками заходит им в тыл». Сии храбрецы, всходя на стену и видя малое число татар, смеялись над ними; а татары издали грозили им обнаженными саблями и ввечеру, к преждевременной радости москвитян, удалились от города.

Сие войско было только легким отрядом: в следующий день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Сам Тохтамыш предводительствовал ею. Он велел немедленно начать приступ. Москвитяне, пустив несколько стрел, были осыпаны неприятельскими. Татары стреляли с удивительною меткостию, пешие и конные, стоя неподвижно или на всем скаку, в обе стороны, взад и вперед. Они приставили к стене лестницы; но россияне обливали их кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами и к вечеру отразили. Три дня продолжалась битва; осажденные теряли многих людей, а неприятель еще более: ибо не имея стенобитных орудий, он упорствовал взять город силою. И воины и граждане московские, одушевляемые примером князя Остея, старались отличить себя мужеством. В числе героев летописцы называют одного суконника, именем Адама, который с ворот Флоровских застрелил любимого мурзу ханского. Видя неудачу, Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара.

В четвертый день осады неприятель изъявил желание вступить в мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъехав к стенам, сказали москвитянам, что хан любит их как *своих* добрых *подданных*

и не хочет воевать с ними, будучи только личным врагом великого князя; что он немедленно удалится от Москвы, буде жители выйдут к нему с дарами и впустят его в сию столицу осмотреть ее достопамятности. Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с послами находились два сына Димитрия Нижегородского, Василий и Симеон: обманутые уверениями Тохтамыша или единственно исполняя волю его, они как россияне и христиане дали клятву, что хан сдержит слово и не сделает им малейшего зла москвитянам. Храбрый Остей советовался с боярами, с духовенством и народом: все думали, что ручательство нижегородских князей надежно; что излишняя недоверчивость может быть пагубна в сем случае и что безрассудно подвергать столицу дальнейшим бедствиям осады, когда есть способ прекратить их. Отворили ворота: князь литовский вышел первый из города и нес дары; за ним духовенство с крестами, бояре и граждане. Остея повели в стан ханский — и там умертвили. Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку обнажив мечи, тысячи моголов в одно мгновение обагрились кровию россиян безоружных, напрасно хотевших спастися бегством в Кремль: варвары захватили путь и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли на стену. Еще довольно ратников оставалось в городе, но без вождей и без всякого устройства: люди бегали толпами по улицам, вопили как слабые жены и терзали на себе волосы, не думая обороняться. Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и монахов, жен и священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных: татары отбивали двери и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли, по сказанию летописцев, несметное количество золота и серебра в казне великокняжеской, у бояр старейших, у купцов знаменитых, наследие их отцов и дедов, плод бережливости и трудов долговременных. К вечному сожалению потомства, сии грабители, обнажив церкви и домы, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу историю, может быть, весьма любопытных памятников.

Не будем подробно описывать всех ужасов сего несчастного для России дня: легко представить себе оные. И в наше время, когда неприятель, раздраженный упорством осажденных, силою входит в город, что может превзойти бедствие жителей? ни язва, ни землетрясение. А татары со времен Батыевых не смягчились сердцем и, в своей азовской роскоши утратив отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирепость народа степного. Обремененные добычею, утружденные злодействами, наполнив трупами город, они зажгли его и вышли отдыхать в поле, гоня перед собою толпы юных россиян, избранных ими в невольники.— «Какими словами,— говорят летописцы,— изобразим тогдашний вид Москвы? Сия многолюдная столица *кипела* прежде *богатством и славою:* в один день погибла ее красота; остались только дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые, обгорелые церкви. Ужасное безмолвие смерти прерывалось одним глухим стоном некоторых страдальцев, иссеченных саблями татар, но еще не лишенных жизни и чувства».

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему великому княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров имели участь Москвы. Жители Переславля бросились в лодки, отплыли на средину озера и тем спаслися от погибели; а город был сожжен неприятелем. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, князь Владимир Андреевич: отпустив мать и супругу в Торжок, он внезапно ударил на сильный отряд моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, хан начал отступать от Москвы; взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный князь рязанский увидел, сколь милость татар, купленная гнусною изменою, ненадежна: они поступали в его земле как в неприятельской; жгли, убивали, пленяли жителей и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, послом к князю суздальскому.

С какою скорбию Димитрий и князь Владимир Андреевич, приехав с своими боярами в Москву, увидели ее хладное пепелище и сведали все бедствия, претерпенные отечеством и столь неожидаемые после счастливой Донской битвы! «Отцы наши,— говорили они, проливая слезы,— не побеждали татар, но были *менее* нас злопо-

лучны!» Действительно *менее* со времен Калиты, памятных началом устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрия в том, что он не следовал правилам Иоанна I и Симеона, которые искали милости в ханах для пользы государственной; но великий князь, чистый в совести пред Богом и народом, не боялся ни жалобы современников, ни суда потомков; хотя скорбел, однако ж не терял бодрости и надеялся умилостивить Небо своим великодушием в несчастии.

Он велел немедленно погребать мертвых и давал гробокопателям по рублю за 80 тел: что составило 300 рублей; следственно, в Москве погибло тогда 24 000 человек, кроме сгоревших и потонувших: ибо многие, чтобы спастись от убийц, бросались в реку. Еще не успели совершить сего печального обряда, когда Димитрий послал воевод московских наказать Олега, приписывая ему успех Тохтамышев и бедствие великого княжения. Подданные должны были ответствовать за своего князя: он ушел, предав их в жертву мстителям, и войско Димитриево, остервененное злобою, вконец опустошило Рязань, считая оную гнездом измены и ставя жителям в вину усердие их к Олегу.— Вторым попечением Димитрия было возобновление Москвы; стены и башни Кремлевские стояли в целости: хан не имел времени разрушить оные. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте; но прежнее многолюдство в столице и в других взятых татарами городах уменьшилось надолго.

В то время, когда надлежало дать церкви новых иереев вместо убиенных моголами, святить оскверненные злодействами храмы, утешать, ободрять народ пастырскими наставлениями, митрополит Киприан спокойно жил в Твери. Великий князь послал за ним бояр своих, но объявил его, как малодушного беглеца, недостойным управлять церковию, и, возвратив из ссылки Пимена, поручил ему Российскую митрополию; а Киприан с горестию и стыдом уехал в Киев, где господствовал сын Ольгердов, Владимир, христианин греческой Веры. Столь решительно поступал Димитрий в делах церковных, живо чувствуя достоинство государя, любя отечество и желая, чтобы духовенство служило примером сей любви для граждан! Он мог досадовать на Киприана и за дружескую связь его с Михаилом Александровичем

Тверским, который, вопреки торжественному обету и письменному договору 1375 года, не хотел участвовать ни в славе, ни в бедствиях московского княжения и тем изъявил холодность к общей пользе россиян. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его к Димитрию: как бы обрадованный несчастием Москвы и в надежде воспользоваться злобою Тохтамыша на великого князя, он с сыном своим, Александром, уехал в Орду, чтобы снискать милость хана и с помощию моголов свергнуть Донского с престола.

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвах: разоренное великое княжение требовало мирного спокойствия, и народ уныл. Великодушный Димитрий, скрепив сердце, с честию принял в Москве ханского мурзу, Карача, объявившего ему, что Тохтамыш, страшный во гневе, умеет и миловать преступников в раскаянии. Сын великого князя, Василий, со многими боярами поехав Волгою на судах в Орду, знаками смирения столь угодил хану, что Михаил Тверской не мог успеть в своих происках и с досадою возвратился в Россию. Но милость Тохтамышева дорого стоила великому княжению: кровопийцы ординские, называемые послами, начали снова являться в его пределах и возложили на оное весьма тягостную дань, в особенности для земледельцев: всякая деревня, состоящая из двух и трех дворов, обязывалась платить полтину серебром, города давали и *золото*. Сверх того, к огорчению государя и народа, хан в залог верности и осьми тысяч рублей долгу удержал при себе юного князя Василия Димитриевича, вместе с сыновьями князей нижегородского и тверского. Одним словом, казалось, что россияне долженствовали проститься с мыслию о государственной независимости как с мечтою; но Димитрий надеялся вместе с народом, что сие рабство будет не долговременно; что падение мятежной Орды неминуемо и что он воспользуется первым случаем освободить себя от ее тиранства.

Для того великий князь хотел мира и благоустройства внутри отечества; не мстил князю тверскому за его вражду и предлагал свою дружбу самому вероломному Олегу. Сей последний неожиданно разграбил Коломну, пленив тамошнего наместника, Александра Остея, со многими боярами: Димитрий послал туда войско под начальством князя Владимира Андреевича, но желал

усовестить Олега, зная, что сей князь любим рязанцами и мог быть своим умом полезен отечеству. Муж, знаменитый святостию, игумен Сергий, взял на себя дело миротворца: ездил к Олегу, говорил ему именем Веры, земли Русской, и смягчил его сердце так, что он заключил с Димитрием искренний, вечный союз, утвержденный после семейственным: Феодор, сын Олегов, (в 1387 году) женился на княжне московской, Софии Димитриевне.

Великий князь долженствовал еще усмирить новогородцев. Они (в 1384 году) дали князю литовскому, Патрикию Наримантовичу, бывший удел отца его: Орехов, Кексгольм и половину Копорья; но тамошние жители изъявили негодование. Сделался мятеж в Новегороде: Славянский конец, обольщенный дарами Патрикия, стоял за сего князя на вече двора Ярославова; другие концы взяли противную сторону на вече Софийском. Вооружались; шумели, писали разные грамоты или определения и наконец согласились, вместо упомянутых городов, отдать Патрикию Ладогу, Русу и берег наровский, не считая нужным требовать на то великокняжеского соизволения. Сие дело могло оскорбить Димитрия: он имел еще важнейшие причины быть недовольным. В течение десяти лет оставляемые в покое соседями, новогородцы, как бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именем *молодечества*, и многочисленными толпами ездили грабить купцов, селения и города по Волге, Каме, Вятке. В 1371 году они завоевали Кострому и Ярославь, а в 1375 вторично явились под стенами первой, где начальствовал воевода Плещей: их было 2000, а вооруженных костромских граждан 5000; но малодушный Плещей, с двух сторон обойденный неприятелем, бежал: разбойники взяли город и целую неделю в нем злодействовали; пленяли людей, опустошали домы, купеческие лавки и, бросив в Волгу, чего не могли увезти с собою, отправились к Нижнему; захватили и там многих россиян и продали их как невольников восточным купцам в Болгарах. Еще недовольные богатою добычею, сии храбрецы, предводительствуемые каким-то Прокопием и другим смоленским атаманом, пустились даже вниз по Волге, к Сараю, и грабили без сопротивления до самого *Хазитороканя*, или Астрахани, древнего города козаров; наконец, об-

манутые лестию тамошнего князя могольского, именем Сальчея, были все побиты; а вятчане (в 1379 году) истребили другую шайку таких разбойников близ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрий терпел сию дерзость новогородцев и видел, что она возрастала: правительство их захватывало даже его собственность, или доходы великокняжеские, и (в 1385 году) отложилось от церковного суда московской митрополии: посадник, бояре, *житые* (именитые) и черные люди всех пяти концов торжественно присягнули на вече, чтобы ни в каких тяжбах, подсудных церкви, не относиться к митрополиту, но решить оные самому архиепископу новогородскому по греческому номоканону, или Кормчей книге, вместе с посадником, тысячским и четырьмя посредниками, избираемыми с обеих сторон из бояр и людей житых. Испытав бесполезность дружелюбных представлений и самых угроз, огорчаемый строптивостию новогородцев и явным их намерением быть независимыми от великого княжения, Димитрий прибегнул к оружию, чтобы утвердить власть свою над сею знаменитою областию и со временем воспользоваться ее силами для общего блага или освобождения России.

Двадцать шесть областей соединили своих ратников под знаменами великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигород, Можайск, Волок Ламский, Ржев, Серпухов, Боровск, Дмитров, Переславль, Владимир, Юрьев, Муром, Мещера, Стародуб, Суздаль, Городец, Нижний, Кострома, Углич, Ростов, Ярославль, Молога, Галич, Белозерск, Устюг. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бежецка, Торжка (кроме знатнейших бояр сего последнего) взяли сторону Димитрия. Зимою, пред самым Рождеством Христовым, он с братом Владимиром Андреевичем и другими князьями выступил из Москвы; не хотел слушать послов новогородских и в день Богоявления расположился станом в тридцати верстах от берегов Волхова, обратив в пепел множество селений. Там встретил его архиепископ, старец Алексий, с убедительным молением простить вину новогородцев, готовых заплатить ему 8000 рублей. Великий князь не согласился, и новогородцы, извещенные о том, готовились к сильному отпору, под начальством Патрикия и других князей, нам неизвестных; оградили вал тыном, сожгли предместия, двадцать четыре монастыря в ок-

рестностях и все домы за рвом в трех концах города, в Плотинском, в Людине и в Неревском; два раза выходили в поле для битвы, ожидая неприятеля, и возвращались, не находя его. Имея войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалев ни домов, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотели отвратить кровопролитие и послали двух архимандритов, 7 иереев и 5 граждан, от имени пяти концов, чтобы склонить Димитрия к миру. С одной стороны знаки раскаяния и смирения, с другой твердость, но соединенная с умеренностию, произвели наконец желаемое действие. Великий князь подписал мирную грамоту, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор*, или дань, собираемую с черного народа, и внес в казну княжескую 8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников. Новогородцы тогда же вынули из Софийского сокровища и прислали к Димитрию 3000 рублей, отправив чиновников в Двинскую землю для собрания остальных пяти тысяч: ибо двиняне, имев также участие в разбоях волжских, долженствовали участвовать и в наказании за оные. Димитрий возвратился в Москву с честию и без всякого урона, оставив в областях новогородских глубокие следы ратных бедствий. Многие купцы, земледельцы, самые иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности (ибо москвитяне по заключении мира освободили не всех пленников); другие, обнаженные хищными воинами, умерли от холода на степи и в лесах.— К несчастию, новогородцы не приобрели и внутреннего спокойствия: ибо великий князь, довольный их покорностию, не отнял у них древнего права избирать главных чиновников и решить дела государственные приговором веча. Так (в 1388 году) три конца Софийской стороны восстали на посадника Иосифа и, злобствуя на Торговую, где сей чиновник нашел друзей и защитников, более двух недель не имели с нею никакого сообщения. Исполняя, кажется, волю Димитриеву, новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикия Наримантовича; а чрез два года отдали их другому князю литовскому, Лугвению-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны со шведами или немцами иметь в нем полководца и жить с его братьями в союзе.

В сие время Литва была уже в числе держав христианских. Ягайло (в 1386 году) с согласия вельмож польских женился на Ядвиге, дочери и единственной наследнице их умершего короля Людовика, принял Веру латинскую в Кракове вместе с достоинством государя польского и крестил своей народ волею и неволею. Чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками: священники кропили их святою водою и давали имена христианские: в одном полку называли всех людей Петрами, в другом Павлами, в третьем Иоаннами, и так далее; а Ягайло ездил из места в место толковать на своем отечественном языке Символ Веры. Древний огонь Перкунов угас навеки в городе Вильне; святые рощи были срублены или обращены в пепел, и новые христиане славили милость государя, дарившего им белые суконные кафтаны: «ибо сей народ (говорит Стриковский) одевался до того времени одними кожами зверей и полотном». Происшествие, столь благословенное для Рима, имело весьма огорчительные следствия для россиян: Ягайло, дотоле покровитель греческой Веры, сделался ее гонителем; стеснял их права гражданские, запретил брачные союзы между ими и католиками и даже мучительски казнил двух вельмож своих, не хотевших изменить православию в угодность королю. К счастию, многие князья литовские — Владимир Ольгердович Киевский, братья его Скиригайло и Димитрий, Феодор Волынский, сын умершего Любарта, и другие — остались еще христианами нашей церкви и заступниками единоверных.

Впрочем, несмотря на разномыслие в духовном законе, Ягайловы родственники служили королю усердно, кроме одного Андрея Ольгердовича Полоцкого, друга Димитриева и москвитян. Между тем как сей князь делил с Димитрием опасности и славу на поле Куликове, Скиригайло господствовал в Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадив его на кобылу, с бесчестием и насмешками вывезли из города), он прибегнул к магистру ливонскому, Конраду Роденштеину, и вместе с ним 3 месяца держал (в 1382 году) Полоцк в осаде. Напрасно жители молили новогородцев как братьев о защите; напрасно предлагали магистру быть данниками ордена, если он избавит их от Скиригайла: новогородцы отправили только мирное посольство к

Ягайлу, а Конрад Роденштеин ответствовал: «Для кого оседлал я коня своего и вынул меч из ножен, тому не изменю вовеки». Мужество осажденных заставило неприятеля отступить, и любимый ими Андрей с радостию к ним возвратился; но Скиригайло в 1386 году, предводительствуя войском литовским, взял сей город, казнил в нем многих людей знатных и, пленив самого Андрея, отослал его в Польшу, где он три года сидел в тяжком заключении.

Сей несчастный сын Ольгердов имел верного союзника в Святославе Иоанновиче, смоленском князе: желая отмстить за него, Святослав вступил в нынешнюю Могилевскую губернию и начал свирепствовать, как Батый, в земле, населенной россиянами, не только убивая людей, но и вымышляя адские для них муки: жег, давил, сажал на кол младенцев и жен, веселяся отчаянием сих жертв невинных. Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но летописцы говорят о сих злодействах Святослава с живейшим омерзением: он получил возмездие. Войско его, осаждая Мстиславль, бывший город смоленский, отнятый Литвою, увидело в поле знамена неприятельские: Скиригайло Ольгердович и юный герой Витовт, сын Кестутиев, примирившийся с Ягайлом, шли спасти осажденных. Святослав мужественно сразился на берегах Вехри, и жители мстиславские смотрели с городских стен на битву, упорную и кровопролитную. Она решилась в пользу литовцев: Святослав пал, уязвленный копием навылет, и чрез несколько минут испустил дух. Племянник его, князь Иоанн Васильевич, также положил свою голову; а сыновья, Глеб и Юрий, были взяты в плен со многими боярами. Победители гнались за россиянами до Смоленска: взяли окуп с жителей сего города, выдали им тела убитых князей и, посадив Юрия, как данника Литвы, на престоле отца его, вышли из владения смоленского. Глеб Святославич остался в их руках аманатом.

Сии происшествия долженствовали быть крайне оскорбительны для великого князя: ибо Святослав, отстав от союза с Литвою, усердно искал Димитриевой дружбы и вместе с Андреем Ольгердовичем служил щитом для московских границ на западе. Но Димитрий, опасаясь Литвы, еще более опасался моголов и, готовясь тогда к новому разрыву с Ордою, имел нужду в приязни Ягай-

ловой. Сын великого князя Василий, три года жив невольником при дворе ханском, тайно ушел в Молдавию, к тамошнему воеводе Петру, нашему единоверцу, и мог возвратиться в Россию только чрез владения польские и Литву. Димитрий отправил навстречу к нему бояр, поручив им, для личной безопасности Василиевой, склонить Ягайла к дружелюбию. Они успели в деле своем: Василий Димитриевич прибыл благополучно в Москву, провождаемый многими панами польскими.

Вероятно, что бегство его из Орды было следствием намерения Димитриева свергнуть иго Тохтамышево: другие случаи также доказывают сие намерение. Тесть Донского, Димитрий Константинович, преставился схимником в 1383 году, памятный сооружением каменных стен в Нижнем Новегороде и любовию к отечественной истории (ибо мы ему обязаны древнейшим харатейным списком Нестора). Сыновья его и дядя их, Борис Городецкий, находились тогда в Орде, споря о наследстве: хан отдал Нижегородскую область дяде, а племянникам, Симеону и Василию Суздаль, удержав последнего аманатом в Сарае. Скучав долго неволею и праздностию — тщетно хотев, подобно сыну Донского, бежать в Россию — Василий умилостивил наконец Тохтамыша и приехал с его жалованною грамотою княжить в Городце. Но сия милость ханская казалась ему неудовлетворительною: с помощию великого князя он и брат его, Симеон Суздальский, (в 1388 году) отняли Нижний у дяди и, презрев грамоты ханские, обязались во всяком случае верно служить Димитрию: Борис же остался князем городецким, в зависимости от московского, который, действуя таким образом против воли Тохтамыша, явно показывал худое к нему уважение.

В то время, как россияне великого княжения с надеждою или страхом могли готовиться ко второй Донской битве, они были изумлены враждою своих двух главных защитников. Димитрий и князь Владимир Андреевич, братья и друзья, казались дотоле одним человеком, имея равную любовь к отечеству и ко славе, испытанную общими опасностями, успехами и противностями рока. Вдруг Димитрий, огорченный, как надобно думать, старейшими боярами Владимира и его к ним пристрастием, велел их взять под стражу, заточить, развезти по разным городам. Сей поступок, доказывая власть велико-

княжескую, мог быть согласен с законами справедливости, но крайне огорчил народ, тем более, что татары начинали уже действовать против России, взяв нечаянно Переславль Рязанский: единодушие первых ее героев было всего нужнее для безопасности государства. Явив пример строгости, Димитрий спешил удовлетворить желанию народа и собственного сердца: чрез месяц, в день Благовещения, обнял брата как друга и новою договорною грамотою утвердил искренний с ним союз. В ней сказано, что Владимир признает Димитрия отцом, сына его Василия братом *старшим*, Георгия Димитриевича *равным*, а меньших сыновей великого князя *младшими* братьями; что они будут жить в любви неразрывной, подобно как их отцы жили с Симеоном Гордым, и должны взаимно объявлять друг другу навсты злых людей, желающих поселить в них вражду; что ни Димитрию, ни Владимиру без общего согласия не заключать договоров с иными владетелями; что первому не мешаться в дела братних городов, второму в дела великого княжения, но судить тяжбы москвитян обоим вместе чрез наместников, а в случае их несогласия прибегать к суду митрополита или третейскому, коего решение остается законом и для князей; что великому князю, ни боярам его, не покупать сел в уделе Владимировом, ни Владимиру в областях, ему не принадлежащих; что если Димитрий, удовлетворяя нуждам государственным, обложит данию своих бояр поместных, то и Владимировы обязаны внести такую же в казну великокняжескую; что гости, *суконники* и *городские люди* свободны от службы, и проч. Далее сказано, что Владимир, *если Богу* не угодно будет *избавить Россию от моголов*, участвует во всех ее тягостях и дает ханам *триста двадцать* рублей в число *пяти тысяч* Димитриевых, по сей же соразмерности платя и долги государственные.

Сия грамота наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Димитриевой смерти, законными наследниками великого княжения.

Примирение державных братьев казалось истинным торжеством государственным. Народ веселился, не предвидя несчастия, коему надлежало случиться толь ско-

ро и толь внезапно. Димитрию едва исполнилось сорок лет: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза светлые, огненные, изображая внутреннюю крепость сложения, ручались за долголетие. Вдруг, к общему ужасу, разнеслася весть о тяжкой болезни великого князя; к успокоению народа сказали, что опасность ее миновалась; но Димитрий, не обольщая себя надеждою, призвал игуменов Сергия и Севастиана, вместе с девятью главными боярами, и велел писать духовное завещание. Объявив Василия Димитриевича наследником великокняжеского достоинства, он каждому из пяти сыновей дал особенные уделы: Василию Коломну с волостями, Юрию Звенигород и Рузу, Андрею Можайск, Верею и Калугу, Петру Дмитров, Иоанну несколько сел, а великой княгине Евдокии разные поместья и знатную часть московских доходов. Сверх областей наследственных, Димитрий отказал второму сыну Галич, третьему Белозерск, четвертому Углич, купленные Калитою у тамошних князей удельных: сии города дотоле не были еще совершенно присоединены к Московскому княжению.

Несколько дней бояре и граждане утешались мнимым выздоровлением любимого их государя. В сие время супруга его родила шестого сына, именем Константина, окрещенного старшим братом, Василием Димитриевичем, и Мариею, вдовою последнего тысячского. Но скоро болезнь вновь усилилась, и великий князь, чувствуя свой конец, желал видеть супругу, еще слабую от следствия родов; изъявляя удивительную твердость, долго говорил с нею и с детьми; приказывал им быть во всем ей послушными и действовать единодушно, любить отечество и верных слуг его. Бояре в безмолвной горести стояли вдали: он велел им приближиться и сказал: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известна внутренность души моей. С вами я царствовал и побеждал врагов для счастия России; с вами веселился в благоденствии и скорбел в злополучиях; любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам одним грубым словом; вы были не боярами, но князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: *умрем за тебя и детей твоих.* Служите верно моей супруге и юным сыновьям: делите с ними радость и бед-

ствия». Представив им семнадцатилетнего Василия Димитриевича как будущего их государя, он благословил его; избрал ему девять советников из вельмож опытных; обнял Евдокию, каждого из сыновей и бояр; сказал: *Бог мира да будет с вами!* сложил руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрия в церкви Архангела Михаила. Трапезундский митрополит Феогност, приехавший на то время гостем в Москву, совершил сей печальный обряд вместе с некоторыми епископами и святым игуменом Сергием.

Нельзя, по сказанию летописцев, изобразить глубокой душевной скорби россиян в сем случае: долго стенание и вопль не умолкали при дворе и на стогнах: ибо никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Димитрий, за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний, почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления; силою одного разума и характера заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных; словами и примером вливал мужество в сердца воинов и, будучи младенец незлобием, умел с твердостию казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый россиянин сражался за отечество и ближних? Но Димитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза вниз и возносился сердцем единственно к Богу Всетворящему.— Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость и, ревностный в благочестии подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий Пост приобщался Святых Таин и носил власяницу на голом теле; однако ж не хотел следовать обыкновению предков, умиравших всегда иноками: ибо думал, что несколько дней или часов монашества перед кончиною не спасут души и что государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье.

Таким образом летописцы изображают нам добрые свойства сего князя; и славя его как *первого победителя татар*, не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разорить великое княжение, не успев собрать войска силь-

ного, и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука.

Димитрий сделал, кажется, и другую ошибку: имев случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным: желая ли изъявить великодушное бескорыстие? Но добродетели государя, противные силе, безопасности, спокойствию государства, не суть добродетели. Может быть, он не хотел изгнанием Михаила Тверского, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думал, что Олег, хитрый, деятельный, любимый подданными, лучше московских наместников сохранит безопасность юго-восточных пределов России, если искренно с ним примирится для блага отечества.— Димитрий прибавил к московским владениям одну купленную им Мещеру и, подчинив себе князей ярославских, не хотел отнять у них наследственного удела, довольный правом предписывать им законы.

В княжение Донского были основаны города Курмыш и Серпухов; первый (в 1372 году) Борисом Константиновичем Городецким, а второй (в 1374) князем Владимиром Андреевичем, который, чтобы приманить туда людей, дал жителям многие выгоды и льготу, оградил его дубовыми стенами и сделал в нем наместником своего окольничего, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, в 1384 году начав строить каменную крепость Яму на берегу Луги (ныне Ямбург), совершили оную в 33 дня; а в 1387 обвели Порхов также кирпичными стенами, вместо прежних деревянных.— Знаменитые монастыри Чудов, Андроньев, Симоновский в Москве, Высоцкий близ Серпухова и другие остались также памятниками времен Донского. Первые два основаны митрополитом Алексием (который, обогатив Чудовскую обитель драгценными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завещал погребсти себя в оной), последние Святым Сергием Радонежским. Игумен Симонова монастыря, Феодор, племянник Сергиев и духовник великого князя, отличаясь умом и знаниями, несколько раз ездил в Константинополь: поставленный там в архимандриты, он исходатайствовал у патриарха Нила, чтобы его обитель называлась Патриаршею и ни в чем не зависела от митрополита российского. Исполняя волю князя Владимира Андреевича, своего друга, Св. Сергий избрал прекрасное место в двух верстах от ново-

го города Серпухова и, собственными руками заложив монастырь Высоцкий, оставил в нем игуменствовать любимого ученика, именем Афанасия, который после выехал навсегда из отечества, недовольный изгнанием митрополита Киприана, и преставился в Цареграде.

Церковные дела, важные по тогдашнему времени, заботили великого князя не менее государственных. Он простил митрополита Пимена единственно в досаду Киприану, но не мог иметь к нему ни любви, ни уважения, и желал дать церкви иного, достойнейшего пастыря. Мы говорили о епископе Дионисии, враге Митяя: обманом уехав в Константинополь, он нашел милость в патриархе и возвратился оттуда с саном *архиепископа* суздальского, нижегородского и городецкого. Будучи хитр, ласков, благотворителен, Дионисий умел оправдать себя в глазах Димитрия и заслужил его доброе мнение достохвальным подвигом христианского учителя. Еще во время Алексия митрополита открылась в Новегороде ересь *стригольников*, названных так от имени Карпа Стригольника, человека простого, но ревностного суевера, утверждавшего, что иереи российские, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важного сана и что истинные христиане должны от них удалиться. Многие люди, думая согласно с ним, перестали ходить в церковь, и народ, озлобленный их нескромными, дерзкими речами, утопил в Волхове трех главных виновников раскола, Карпа и диакона Никиту с товарищем. Сия излишняя строгость, как обыкновенно бывает, не уменьшила, но втайне умножила число еретиков: архиепископ новогородский Алексий писал о том к патриарху Нилу, который уполномочил Дионисия искоренить зло средствами благоразумного убеждения. Дионисий отправился в Новгород, во Псков, где стригольники имели также своих учеников; доказывал им, что плата, определенная законом, не есть лихоимство, и наконец примирил их с церковию, к удовольствию всех правоверных. Отдавая справедливость сей заслуге, великий князь желал видеть Дионисия на месте Пимена и велел ему ехать в Константинополь для поставления, будучи уверен в согласии патриарха. Воля Димитриева действительно исполнилась; но Владимир Ольгердович Киевский остановил нового митрополита на возвратном пути из Греции в Москву, объявив, что Киприан есть гла-

ва всей российской церкви — и честолюбивый Дионисий умер в Киеве под стражею. Таким образом великий князь два раза не имел успеха в избрании митрополитов и, как бы обезоруженный неблагоприятностию судьбы, хотел по крайней мере, чтобы древняя столица Св. Владимира и Москва имели одного пастыря духовного. Начался суд между Пименом и Киприаном в Цареграде, куда великий князь, вслед за первым, отправил симоновского архимандрита, Феодора, с грамотами и дарами. Прошло около трех лет, и дело решилось ничем: Киприан остался митрополитом киевским, а Пимен, возвратясь в Москву, через год уехал опять в Грецию, тайно от великого князя, расположенного к нему весьма немилостиво: что случилось за месяц до кончины Димитриевой.

Важнейшим происшествием для церковной истории сего времени было обращение пермян в христианскую Веру. Вся обширная страна от реки Двины до хребта гор Уральских издревле платила дань россиянам; но, довольные серебром и мехами, там собираемыми, они не принуждали жителей к перемене закона. Юный монах, сын одного устюжского церковника, именем Стефан, воспламенился ревностию быть апостолом сих идолопоклонников; выучился языку пермскому, изобрел для него новые особенные буквы, числом 24, и перевел на оный главные церковные книги с славянского; хотел также узнать язык греческий и долго жил в ростовском монастыре Св. Григория Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библиотекою. Изготовив себя ко званию народного учителя, он взял благословение от коломенского епископа, Герасима, наместника митрополии, и великокняжеские грамоты для своей безопасности; отправился в Пермь и начал проповедывать Бога истинного людям грубым, невеждам, но добродушным. Они слушали его с изумлением; некоторые крестились охотно; другие, в особенности жрецы или кудесники пермские, встревоженные сею новостию, говорили: «Как верить человеку, из Москвы пришедшему? Не россияне ли издревле угнетают Пермь тяжкими данями? От них ли ждать нам истины и добра? Служа многим богам отечественным, изведанным благодеяниями долговременными, безумно променять их на одного, чуждого и неизвестного. Они посылают нам соболей, куниц и ры-

сей, коими вельможи русские украшаются, торгуют и дарят ханов, греков и немцев. Народ! твои учители суть опытные старцы; а сей иноплеменник юн летами, следственно и разумом». Но Стефан под защитою княжеских грамот, Неба и своей кротости более и более успевал в душеспасительном деле; умножив число новых христиан до тысячи, он построил церковь близ устья реки Выми и славил Творца вселенной на языке пермском; а жители, самые упорные в язычестве, с любопытством смотрели на обряды христианского Богослужения, дивяся красоте храма. Наконец, желая доказать им бессилие идолов, Стефан обратил в пепел одну из их знаменитейших кумирниц. Народ видел и безмолвствовал в ужасе, кудесники вопили, святой муж проповедывал. Тщетно главный волхв, именем Пама, хотел защитить свою Веру: кумиры, разрушенные пламенем, свидетельствовали их ничтожность. Он вызвался пройти невредим сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефан сделал то же. «Я не повелеваю стихиями,— ответствовал смиренный инок,— но Бог христианский велик: иду с тобою». Пама думал только устрашить его: видя же смелость противника, отказался от испытания и тем довершил торжество истинной Веры. Убежденные мудрым учением Стефана, жители целыми толпами крестились и вместе с ним сокрушали идолов, в домах, на улицах, дорогах и в рощах, бросая в огонь драгоценные кожи зверей, приносимые в дар сим деревянным богам, и полотняные тонкие пелены, коими их обвивали. Пишут, что главными идолами народа пермского и обдорского были *Воипель* и так называемая *Золотая баба*, или каменное изображение старухи с двумя младенцами; что суеверные, убивая лучших своих оленей в честь ее, кровию оных мазали рот и глаза истукану, отвечавшему на вопросы любопытных о тайнах судьбы; что близ того места, в горах, часто раздавался звук, подобный трубному, и проч. Создав еще две церкви, Стефан завел при оных училища, чтобы образовать молодых людей для сана иерейского, и поехал в Москву требовать учреждения особенной епископии Пермской. Великий князь лично знал и любил его. Митрополит Пимен также. Они нашли Стефана достойным епископского сана, и сей новый святитель, возвратясь в землю, им просвещенную, заслужил имя отца пермян: учил, благодетельствовал;

во время голода доставлял им хлеб из Вологды и ездил в Новгород ходатайствовать за них у правительства. Одним словом, введение христианства в сих местах, утвержденного одною Апостольскою проповедию и силою добродетели, было счастливою эпохою для обитателей и в самом их гражданском состоянии: народ благодарный доныне с любовию говорит там о делах своего первого наставника, описанных иноком Епифанием, учеником Св. Сергия. Употребив всю жизнь на благотворение, Стефан хотел закрыть глаза в Москве, где и преставился в княжение Василия Димитриевича (в 1396 году) с названием Святого; тело его погребено в Кремле, в церкви Преображения.

Между достопамятностями Димитриева времени должно заметить частые путешествия греческих духовных сановников, особенно из Палестины, в Москву для собрания милостыни. Знаменитейший из них был иерусалимский архимандрит Нифонт, который посредством золота, вывезенного им из России, достиг патриаршества. Утесняемые неверными, греки пользовались усердием наших предков к Святым Местам и, требуя денег для восстановления храмов разоренных, употребляли оные более на мирские, нежели на церковные нужды.— Вообще Греция, приближаясь к своему конечному падению и недоброжелательством Рима как бы исключенная из системы держав христианских, была в самой тесной связи с единоверною Россиею, которая начинала воскресать в Москве, и хотя не могла защитить Константинополя, но уделяла ему часть своего избытка, посылая дары императору и патриарху. Житель цареградский во глубине нашего Севера, как прежде в Киеве, находил для себя второе отечество, где люди ученые столько любили язык его, что Алексий митрополит даже в русских грамотах подписывал имя свое по-гречески. В Константинополе обитало всегда множество россиян, привлекаемых купечеством или набожностию и живших там обыкновенно в монастыре Св. Иоанна Предтечи. Чтобы дать читателю ясное понятие о тогдашнем пути от Москвы до Царяграда, приведем здесь некоторые места из записок одного российского духовного сановника, бывшего в Греции вместе с митрополитом Пименом.

«Мы выехали из Москвы,— пишет он,—13 апреля в 1389 году, во Вторник Страстной Недели, и митрополит

велел епископу смоленскому, Михаилу, вместе с архимандритом спасским Сергием записывать все достопамятности сего путешествия. Пробыв великую субботу в Коломне, отправились мы Окою в день Пасхи к Рязани, где, за несколько верст от Переславля, встретили нас сыновья Олеговы: наконец и сам князь со всеми боярами и со крестами. Дружелюбно угостив Пимена, он проводил его из города в Фомино Воскресение; а воевода княжеский, Станислав, долженствовал охранять нас в пути до реки Дона: ибо в сих местах бывают частые разбои. За нами везли на колесах три струга с большою лодкою, и в Четверток спустили их на реку Дон. В Пятницу мы приехали к урочищу Кир-Михаилову, где прежде находился город. Тут откланялись митрополиту бояре Олеговы и епископы, Ермий Рязанский, Феодор Ростовский, Евфросин Суздальский, Даниил *Звенигородский*. Исаакий же Черниговский и Михаил Смоленский в воскресенье сели с Пименом на суда и поплыли вниз рекою Доном.

Нельзя вообразить ничего унылее сего путешествия. Везде голые, необозримые пустыни; нет ни селения, ни людей; одни дикие звери, козы, лоси, волки, медведи, выдры, бобры смотрят с берега на странников как на редкое явление в сей стране; лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно парили над нами. Там существовали некогда города знаменитые: ныне едва приметны следы их.

В понедельник миновали мы реку Мечу и Сосну, во вторник Острую Луку, в среду Кривой Бор, а в шестой день плавания устье Воронежа. 9 маия встретил нас князь Юрий Елецкий» (потомок Михаила Черниговского) «с своими боярами и со множеством людей. Исполняя данное ему Олегом повеление, он изъявил митрополиту искреннее дружелюбие и снабдил его всем нужным.

Оттуда приплыли мы к Тихой Сосне и на ее берегах увидели ряд белых каменных столпов, подобных малым стогам: работа и вид прекрасны!

Оставив за собою реки Червленный Яр, Битюг и Хопер, в пятое воскресение после Светлого миновали мы устье Медведицы и других рек, а во вторник *Серклию* (Саркел?), город древний, а ныне только развалины. Тут в первый раз на обеих сторонах Дона показались татары

Сарыхозина улуса и бесчисленное множество их скота, овец, коз, волов, вельблюдов, коней. Мысль, что мы уже вступили в землю сих варваров, приводила нас в трепет; но они не сделали никому обиды, а только спрашивали везде, куда едем, и давали нам молока. Таким образом проплыв еще мимо улуса Вулатова и Акбугина, мы накануне Вознесения достигли Азова, города фряжского и немецкого; а в неделю Святых Отцов перегрузились в корабль на устье Дона». Тут путешественник рассказывает, что генуэзцы, у коих Пимен (в 1380 году) занимал деньги в Греции на имя великого князя, схватили его как неисправного должника и хотели заключить в темницу; однако ж митрополит откупился серебром и благополучно отправился в свой путь Азовским и Черным морем.

Осыпая в Москве единоверных греков благодеяниями, Димитрий привлекал в Россию и других европейцев. Между его грамотами находим одну, данную Андрею *Фрязину* (вероятно, генуэзцу) на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матфеем Фрязиным. В грамоте сказано, чтобы жители ему повиновались и что он, следуя древним уставам, должен блюсти там общее спокойствие. Димитрий, глава новогородцев, имел, как видно, право давать наместника печерянам, их подданным. Таким образом Москва и в XIV веке не чуждалась иностранцев, которые могли быть нужны для ее гражданского образования, и мнение, что до времен Иоанна III она не имела никакого сношения с Западом Европы, есть ложное. Азовские и таврические генуэзцы служили посредниками между Италиею и нашим Севером.

В государствование Донского россияне великого княжения оставили куны, заменив оные мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцом татарская. Моголы в древнем своем отечестве и в Китае вместо денег употребляли древесную кору и лоскутки кожаные с клеймом ханским; но в Бухарии и в Капчаке имели собственную серебряную и медную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою*. Росссияне сим именем назвали и свою, то есть, серебряную, *деньгами*, а медную *пулами*. Последние уже ходили и при отце Донского; а древнейшие из серебряных, доныне нам известных, биты в княжение Димитрия, весом $^1/_4$ золотника, с изображе-

нием всадника. В мирном условии тверского князя с Димитрием, заключенном в 1375 году, еще упоминается о *резанях,* или мелких кунах; но в позднейших договорах цены вещей определяются только *алтынами* и *деньгами* (коих считалось 6 в алтыне).

Последний год Димитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства в России. Пишут, что монах францисканский, Константин Анклицен или Бартольд Шварц, изобрел порох около половины XIV века и сообщил сие важное открытие венециянам, воевавшим тогда с генуэзцами. Французы в 1338 году уже знали оное, и король английский Эдуард III, в славной битве при Креси (в 1346), разил неприятелей пушками. Вероятно, что аравитяне еще гораздо ранее употребляли порох. Восточные историки XIII столетия описывают его действие, и гренадский владетель, Абалвалид Исмаил Бен Ассер, в 1312 году имел снаряд огнестрельный. Нет сомнения, что и монах Рогер Бакон за 100 лет до Бартольда Шварца умел составлять порох: ибо ясно говорит, в своем творении De nulitate Magiae, о свойстве и силе оного. Сказание нашего собственного летописца, что в 1185 году князь половецкий Кончак возил с собою харазского турка, *стрелявшего живым огнем,* также заставляет думать, что оружие сего человека могло быть огнестрельное. Но в России оно не употреблялось до 1389 года, когда, по известию одной летописи, вывезли к нам из земли немецкой *арматы* и *стрельбу огненную,* с того времени сведанную россиянами. Хотя еще в описании московской осады 1382 года упоминается о *пушках*; но так назывались у нас прежде не нынешние воинские орудия сего имени, а большие самострелы, или махины, коими осажденные бросали камни в осаждающих.— При сыне Донского, Василии, уже делали в Москве и порох.

Наконец, описав историю времен Димитрия, прибавим, что летописцы наши, согласно с другими, говорят о явлении комет зимою в 1368 и весною в 1382 годах: вторая, по их мнению, предвестила грозное Тохтамышево нашествие. Достойно замечания, что в следующий год около Москвы снег лежал целый месяц после Святой Пасхи и люди ездили на санях до 20 апреля. Разные небесные знамения, чудесные для невежества, также засухи и великие пожары были весьма обыкновенны в государствование Димитрия.

Глава II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ Г. 1389—1425

Великое княжение сделалось наследием владетелей московских. Характер аристократии. Договор. Политика Василиева. Брак. Великий князь в Орде. Разорение Вятки. Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве. Дела с Новымгородом. Нашествие Тамерлана. Славная икона Владимирская. Бедствие Азова. Дела литовские. Взятие Смоленска. Свидание великого князя с Витовтом. Россия литовская. Дела новогородские. Происшествия в Орде. Замыслы Витовта. Наши завоевания в Болгарии. Война Витовта с моголами. Эдигей. Кончина князя тверского. Временная независимость великого княжения. Удача и неблагоразумие князя смоленского. Политика Витовта. Неудовольствие новогородцев. Злодейство князя смоленского. Разрыв с Литвою. Свидригайло. Войны с Ливониею. Нашествие Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владимира Храброго. Происшествия в Орде. Дела новогородские. Язва. Голод. Мысль о преставлении света. Кончина и характер Василия. Завещание. Договор с рязанским князем. Дары, посланные в Грецию. Дочь Василиева за императором. Дела церковные. Судная грамота. Разные известия. Добродетель супруги Донского.

Димитрий оставил Россию готовую снова противоборствовать насилию ханов: юный сын его, Василий, отложил до времени мысль о независимости и был возведен на престол [15 августа 1389 г.] в Владимире послом царским, Шахматом. Таким образом достоинство великокняжеское сделалось наследием владетелей московских. Уже никто не спорил с ними о сей чести. Хотя Борис Городецкий, старейший из потомков Ярослава II, немедленно по кончине Донского отправился в Сарай; но целию его исканий был единственно Нижний Новгород, отнятый у него племянниками. Тохтамыш, неблагодарно предприяв воевать сильную империю Тамерланову, велел ему ехать за собою к границам Персии; наконец дозволил остаться в Сарае, и, разорив многие города бывшего своего заступника, по возвращении в улусы отпустил Бориса в Россию с новою жалованною грамотою на область Нижегородскую.

Великий князь, едва вступив в лета юношества, мог

править государством только с помощию Совета: окруженный усердными боярами и сподвижниками Донского, он заимствовал от них сию осторожность в делах государственных, которая ознаменовала его тридцатишестилетнее княжение и которая бывает свойством аристократии, движимой более заботливыми предвидениями ума, нежели смелыми внушениями великодушия, равно удаленной от слабости и пылких страстей. Опасаясь прав дяди Василиева, князя Владимира Андреевича, основанных на старейшинстве и на славе воинских подвигов, господствующие бояре стеснили, кажется, его власть и не хотели дать ему надлежащего участия в правлении: Владимир, ни в чем не нарушив договора, заключенного с Донским — был всегда ревностным стражем отечества и довольный жребием князя второстепенного — оскорбился неблагодарностию племянника и со всеми ближними уехал в Серпухов, свой удельный город, а из Серпухова в Торжок. Сия несчастная ссора, как и бывшая с отцом Василия, скоро прекратилась возобновлением дружественной грамоты 1388 года. Владимир, сверх его прежнего удела и трети московских доходов, получил Волок и Ржев: за то обещал повиноваться юному Василию как старейшему, ходить на войну с ним или с полками великокняжескими, *сидеть в осаде,* где он велит, и проч.; а с Волока платить ханам 170 рублей в число пяти тысяч Василиевых.

Обстоятельство, что Владимир Андреевич во время раздора с племянником жил в области Новогородской, достойно замечания. Владетели московские, присвоив себе исключительное право на сан великокняжеский, считали и Новгород наследственным их достоянием, вопреки его древней, основанной на грамотах Ярославовых свободе избирать князей. Оттого сыновья Калитины, Симеон, Иоанн, при восшествии на престол были в раздоре с сим гордым народом: Василий также; и новогородцы охотно дали убежище недовольному Владимиру, чтобы иметь в нем опору на всякий случай; но, видя искреннее примирение дяди с племянником, желали и сами участвовать в оном. Дело шло единственно о чести или обряде. «Мы рады повиноваться князю московскому,— говорили они: — только прежде напишем условия как люди вольные». Сии условия по обыкновению состояли в определении известных

прав княжеских и народных. Василий не захотел спорить и в присутствии бояр новогородских, в Москве, утвердив печатию договорную грамоту, отправил к ним в наместники вельможу московского, Евстафия Сыту.— Заметим, что со времен Калиты новогородцы уже не имели собственных, особенных князей, повинуясь великим или московским, которые управляли ими чрез наместников: ибо Наримант, Патрикий, Лугвений и другие князья, литовские и российские, с того времени находились у них единственно в качестве воевод, или частных властителей.

Три предмета долженствовали быть главными для политики государя московского: надлежало прервать или облегчить цепи, возложенные ханами на Россию,— удержать стремление Литвы на ее владения, усилить великое княжение присоединением к оному уделов независимых. В сих трех отношениях Василий Димитриевич действовал с неусыпным попечением, но держась правил умеренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своим преемникам дальнейшие успехи в славном деле государственного могущества.

На семнадцатом году жизни он сочетался браком с юною Софиею, дочерью Витовта, сына Кестутиева. Изгнанный Ягайлом из отечества, сей витязь жил в Пруссии у немцев. В одной из летописей сказано, что Василий, в 1386 году бежав из Орды в Молдавию, на пути в Россию был задержан Витовтом в каком-то немецком городе и наконец, освобожденный с условием жениться на его дочери, чрез пять лет исполнил сие обещание, согласно с честию и пользою государственною. Уже Витовт славился разумом и мужеством; имел также многих друзей в Литве и по всем вероятностям не мог долго быть изгнанником. Василий надеялся приобрести в нем или сильного сподвижника против Ягайла, или посредника для мира с Литвою. Бояре московские, Александр Поле, Белевут, Селиван ездили за невестою в Пруссию и возвратились чрез Новгород. Князь литовский, Иван Ольгимонтович, проводил ее до Москвы, где совершилось брачное торжество к общему удовольствию народа.

[1392 г.] Скоро великий князь отправился к хану. За несколько месяцев перед тем царевич Беткут, посланный Тохтамышем от берегов Волги и Казанки сквозь

дремучие леса к северу, разорил Вятку, где со времен Андрея Боголюбского обитали новогородские выходцы в свободе и независимости, торгуя или сражаясь с чудскими соседственными народами. Слух о благосостоянии сей маленькой республики вселил в моголов желание искать там добычи и жертв корыстолюбия. Изумленные внезапным их нашествием, жители не могли отстоять городов, основанных среди пустынь и болот в течение двухсот лет: одни погибли от меча, другие навеки лишились вольности, уведенные в плен Беткутом: многие спаслися в густоте лесов и предприяли отмстить татарам. Новогородцы, устюжане соединились с ними и, на больших лодках рекою Вяткою доплыв до Волги, разорили Жукотин, Казань, болгарские, принадлежащие ханам города и пограбили всех купцов, ими встреченных. Однако ж не сии случаи заставили великого князя ехать в Орду: намерение его обнаружилось в следствиях, составивших достопамятную эпоху в постепенном возвышении московского княжения. Он был принят в Орде с удивительною ласкою. Еще никто из владетелей российских не видал там подобной чести. Казалось, что не данник, а друг и союзник посетил хана. Утвердив Нижегородскую область за князем Борисом Городецким, Тохтамыш, согласно с мыслями вельмож своих, не усомнился признать Василия наследственным ее государем. Великий князь хотел еще более, и получил все по желанию: Городец, Мещеру, Торусу, Муром. Последние две области были древним уделом черниговских князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамыш, начав гибельную для себя войну с грозным Тамерланом, боялся, чтобы россияне не пристали к сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарного повелителя Золотой Орды, шел от моря Аральского и Каспийского к пустыням северной Азии. Хотя летописцы не говорят того, однако ж вероятно, что Василий, требуя милостей хана, обещал ему не только верность, но и сильное вспоможение: как глава князей российских, он мог ручаться за других и тем обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбие вельмож ординских и богатые дары Василиевы решили всякое сомнение. Уже Тохтамыш двинулся с полками навстречу к неприя-

телю за Волгу и Яик: великий князь спешил удалиться от кровопролития; а посол ханский, царевич Улан, долженствовал возвести его на престол нижегородский.

Три месяца Василий был в отсутствии: народ московский праздновал возвращение юного государя [26 октября 1392 г.] как особенную милость Небесную. Еще не доехав до столицы, великий князь из Коломны отправил бояр своих с ханскою грамотою и с послом царевым в Нижний, где князь Борис, недоумевая, что ему делать, собрал вельмож на совет. На знатнейший из них, именем Румянец, оказался предателем. Князь хотел затворить ворота городские. «Посол царев (сказал Румянец) и бояре московские едут сюда единственно для утверждения любви и мира с тобою: впусти их и не оскорбляй ложным подозрением. Окруженный нами, верными защитниками, чего можешь страшиться?» Князь согласился, и поздно увидел измену. Бояре московские, въехав в город, ударили в колокола, собрали жителей, объявили Василия их государем. Тщетно Борис звал к себе дружину свою. Коварный Румянец ответствовал: «Мы уже не твои»,— и с другими единомышленниками предал Бориса слугам великокняжеским. Сам Василий с боярами старейшими прибыл в Нижний, где, учредив новое правление, поручил сию область наместнику, Димитрию Александровичу Всеволожу. Так рушилось, с своими уделами, особенное княжество Суздальское, коего именем долго называлась сильная держава, основанная Андреем Боголюбским, или все области северовосточной России между пределами новогородскими, смоленскими, черниговскими и рязанскими.— Борис чрез два года умер. Его племянники, Василий, прозванием Кирдяпа, и Симеон, бежав в Орду, напрасно искали в ней помощи. Хотя царевич Эйтяк вместе с Симеоном (в 1399 году) приступал к Нижнему и взял город обманом; но имея у себя едва тысячу воинов, не мог удержать оного. Супруга Симеонова, быв долго под стражею в России, нашла способ уйти в землю мордовскую, подвластную татарам, и жила в каком-то селении у христианской церкви, сооруженной хивинским турком Хазибабою: бояре великого князя, посланные с отрядом войска, взяли сию несчастную княгиню и привезли в Москву. Между тем ее горестный супруг, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лет скитался с моголами

по диким степям, служил в разные времена четырем ханам и наконец прибегнул к милости великого князя, который возвратил ему семейство и позволил избрать убежище в России. Симеон, изнуренный печалями, добровольно удалился в независимую область Вятскую, где и скончался чрез пять месяцев (в 1402 году), быв жертвою общей пользы государственной. Старший брат Симеонов, Василий Кирдяпа, умер также в изгнании. Сыновья Василиевы и Борисовы то служили при дворе московском, то уходили в Орду; а внук Кирдяпин, Александр Иванович Брюхатый, женился после на дочери великого князя, именем Василисе.

Руководствуясь правилами государственного блага, Василий и в других случаях не боялся казаться ни излишно властолюбивым, ни жестоким. Так, вследствие вторичного несогласия с новогородцами, не хотевшими платить ему *черной*, или народной дани, изъявил он строгость необыкновенную, хитро соединив выгоды казны своей с честию главы духовенства. Митрополит Киприан, бесспорно заступив место умершего в Цареграде Пимена, ездил (в 1392 году) из Москвы в Новгород; с пышными обрядами служил Литургию в Софийском храме; велегласно учил народ с амвона и две недели пировал у тамошнего архиепископа, Иоанна, вместе с знаменитейшими чиновниками, которые, в знак особенного уважения, от имени всего города подарили ему несколько дворов. Но сие дружелюбие изменилось, когда митрополит в собрании граждан объявил, чтобы они, следуя древнему обыкновению, относились к нему в делах судных. Посадник, тысячский и все ответствовали единодушно: «Мы клялися, что не будем зависеть от суда митрополитов, и написали грамоту». *Дайте мне оную,* сказал Киприан: *я сорву печать и сниму с вас клятву*. Народ не хотел, и Киприан уехал с великою досадою. Зная, сколь митрополиты пребыванием своим в Москве способствовали знаменитости ее князей и нужны для их дальнейших успехов в единовластии, Василий с жаром вступился за пастыря церкви. Посол великокняжеский представил новогородцам, что они, с 1386 года платив Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать митрополита судиею в делах гражданских, или испытают гнев государев. Новогородцы отвечали, что народная дань

издревле шла обыкновенно в общественную казну, а князь довольствовался одними пошлинами и дарами; что второе требование Василия, касательно митрополита, противно их совести. [1393 г.] Сей ответ был принят за объявление войны. Полки московские, коломенские, звенигородские, дмитровские, предводимые дядею великого князя, Владимиром Андреевичем Храбрым, и сыном Донского, Юрием, взяли Торжок и множество пленников в областях Новагорода, куда сельские жители с имением, с детьми бежали от меча и неволи. Уже рать московская, совершив месть, возвратилась, когда Василий узнал, что Торжок, оставленный без войска, бунтует и что ревностный доброхот великокняжеский, именем Максим, убит друзьями новогородского правительства. Тут он решился неслыханною у нас дотоле казнию устрашить мятежников: велел боярам снова идти с полками в Торжок, изыскать виновников убийства и представить в Москву. Привели семьдесят человек. Народ собрался на площади и был свидетелем зрелища ужасного. Осужденные на смерть, сии преступники исходили кровию в муках: им медленно отсекали руки, ноги и твердили, что так гибнут враги государя Московского!.. Василий еще не имел и двадцати лет от рождения: действуя в сем случае, равно как и в других, по совету бояр, он хотел страхом возвысить достоинство великокняжеское, которое упало вместе с государством от разновластия.— Новогородцы с своей стороны искали себе удовлетворения в разбоях: взяли Кличен, Устюжну; сожгли Устюг, Белозерск, не щадя и Святых храмов, обдирая иконы и книги церковные: пытали богатых людей, чтобы узнать, где скрыты их сокровища; пленяли граждан, земледельцев и, наполнив добычею множество лодок, отправили все вниз по Двине. Два князя предводительствовали сими хищниками: Роман Литовский и Константин Иоаннович Белозерский, коего отец и дед пали в славной Донской битве. Сей юный князь, не захотев быть подручником государя московского, вступил в службу Новагорода, его неприятеля. Но война не продолжилась; ибо новогородцы, изведав твердый характер Василия, разочли, что лучше уступить ему требуемую им дань, нежели отказаться от купеческих связей с московскими владениями и подвергать опасностям свою торговлю двинскую, которой он,

господствуя над Устюгом и Белымозером, легко мог препятствовать: обстоятельство всегда решительное в их ссорах с великими князьями. Надлежало удовольствовать и митрополита, тем необходимее, что патриарх константинопольский, Антоний, взял его сторону и велел им сказать: «Повинуйтеся во всем главе церкви российской». И так они прислали знатнейших людей в Москву и умилостивить государя смиренными извинениями и вручить Киприану судную грамоту. Митрополит благословил их, а великий князь отправил бояр в Новгород для утверждения мира. С ними ездил и посол митрополитов, коему чиновники и народ дали там 350 рублей в знак дружелюбия.

В то время, когда юный Василий, приобретениями и строгостию утверждая свое могущество, с радостию взирал издали на внешние и внутренние опасности Капчакской ненавистной Орды,— в то самое время он увидел новую тучу варваров, готовую истребить счастливое творение Иоанна Калиты, героя Донского и его собственное, то есть вторично обратить Россию в кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерлане, Тимуре, или Темир-Аксаке: будучи сыном одного ничтожного князька в империи чагатайских моголов и рожденный во дни ее падения, когда безначалие, раздоры, властолюбие эмиров предали оную в жертву хану кашгарскому и гетам или калмыкам, он в первом цвете юности замыслил избавить отечество от неволи,— восстановить величие оного, наконец покорить вселенную и громом славы жить в памяти веков. Вздумал и совершил. Явление сих исполинов в мире, безжалостно убивающих миллионы, ненасытимых истреблением и разрушающих древние здания гражданских обществ для основания новых, ничем не лучших, есть тайна Провидения. Движимые внутренним беспокойством духа, они стремятся от трудного к труднейшему, губят людей и в награду от них требуют себе названия великих. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: под защитою гор и пустынь собирая верных товарищей, приучая их и себя к воинской доблести, неутомимо тревожа гетов, он бесчисленными успехами купил славу Героя. Враги побежденные удалились; держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить врагов внутренних, эмиров властолюбивых, и самого бывше-

го друга и главного сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сейм единодушно возгласил Тимура, на тридцать пятом году его жизни, монархом Чагатайской державы и Сагеб-Керемом, или *владыкою мира*. Сидя в златом венце на престоле сына Чингисханова, опоясанный царским поясом, осыпанный, по восточному обыкновению, золотом и каменьями драгоценными, Тимур клялся эмирам, стоящим пред ним на коленах, оправдать делами свое новое достоинство и победить всех царей земли. Боясь казаться народу хищником, сей лукавый властолюбец жаловал потомков Чингисовых в великие ханы, держал их при себе и повелевал будто бы только именем сих законных государей могольских. Война следовала за войною, и каждая была завоеванием. В 1352 году, за семь лет до его восшествия на престол чагатайский, укрываясь в пустынях от неприятелей, он не имел в мире ничего, кроме одного тощего коня и дряхлого вельблюда; а чрез несколько лет сделался монархом двадцати шести держав в трех частях мира. Овладев восточными берегами моря Каспийского, устремился на Персию, или древний Иран, где, между реками Оксом и Тигром, долго царствовал род Чингисов, но тогда, вместо монарха, господствовали многие князья слабые: одни смиренно облобызали ковер Тимурова престола; другие сражались и гибли. Богатый Ормус заплатил ему дань золотом: Багдад, некогда столица великих калифов, покорился. Уже вся Азия от моря Аральского до Персидского залива, от Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравии, признавала Тимура своим повелителем, когда он, собрав эмиров, сказал им: «Друзья и сподвижники! счастие, благоприятствуя мне, зовет нас к новым победам. Имя мое привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии нам отверсты: сокрушу, что дерзнет противиться, и буду владыкою оных». Эмиры изумились: цепи гор высоких, глубокие реки, пустыни, огромные слоны и миллионы воинственных жителей устрашали их воображение. Но Тимур, уверенный в своем счастии, шел смело по следам Героя Македонского в сию цветущую страну мира, где история полагает колыбель человеческого рода и куда искони стремились завоеватели, от Вакха до Семирамиды, от Сезостриса до Александра Великого; в страну, славнейшую древно-

стию преданий, но менее других известную по летописям. Тимур перешел Инд, взял Дели (где уже более трех веков властвовали султаны магометанской веры) и, на берегах Гангеса истребив множество гебров-огнепоклонников, остановился у той славной скалы, которая, имея вид телицы, извергает из недр своих сию знаменитую в баснословии Востока реку. Там сведал он о бунте христиан грузинских, о блестящих успехах Баязетова оружия и возвратился; смирил первых, невзирая на их неприступные горы, и, не терпя равного себе в воинской славе, хотел, чтобы султан турецкий удержал быстрое стремление своих завоеваний, которые в окрестностях Евфрата сближались с могольскими. «Знай,— писал он к Баязету,— что мои воинства покрывают землю от одного моря до другого; что цари служат мне телохранителями и стоят рядами пред шатром моим; что судьба у меня в руках и счастие всегда со мною. Кто ты? муравей туркоманский: дерзнешь ли восстать на слона? Если ты в лесах Анатолии одержал несколько побед ничтожных; если робкие европейцы обратили тыл пред тобою: славь Магомета, а не храбрость свою... Внемли совету благоразумия: останься в пределах отеческих, как они ни тесны; не выступай из оных, или погибнешь». Гордый Баязет ответствовал равнодушно: «Давно желаю воевать с тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на меч мой!» Баязет имел время изготовиться к сей войне: ибо враг его, раздраженный тогда султаном египетским, устремился к Средиземному морю. Сирия, Египет, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеванием лестным. Разбив мамелюков под стенами Алепа, в тот самый час, когда свирепые моголы лили кровь единоверцев в сем городе, Тимур спокойно беседовал с учеными мужами алепскими и красноречиво доказывал им, что он друг Божий; что одни упрямые враги его будут ответствовать Небу за претерпеваемые ими бедствия. Сей хитрый лицемер действительно при всяком случае изъявлял набожность, пред битвами обыкновенно совершал молитву на коленях, за победы торжественно благодарил Всевышнего и на пути к Дамаску, где надлежало ему сразиться с войском египетским, остановил многочисленные полки свои, чтобы в глазах их смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для мусульманов. Султан египет-

ский, Фаруч, заключил в темницу послов могольских: Тимур писал к нему: «Великие завоеватели собирают воинства, ищут опасностей и битв единственно для чести и памяти бессмертной. Сей грозный шум ополчений, где миллионы людей бывают в движении, производим любовию ко славе, а не к стяжанию: ибо человек может насытиться в день одною половиною хлеба. Ты дерзнул оскорбить меня: если бы камни говорить могли, они научили бы тебя осторожности». Победив Фаруча, он с ласкою угостил в шатре своем ученого кади Веледдина, присланного жителями Дамаска умилостивить его; говорил с ним об истории народов (ибо все происшествия мира, Востока и Запада, по словам современного арабского писателя, были ему известны); хвалил государей милосердых и так мало заботился о снискании сей добродетели, что оставил в Дамаске одни кучи пепла. Нигде татары не находили столько богатства, золота и всяких драгоценностей, как в сем городе, где шесть веков цвела торговля.— Скоро решилась и судьба Баязетова. Страшные янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастию моголов. Пленив Баязета, Тимур обнял его, посадил на ковре царском рядом с собою и старался утешить рассуждениями о тленности мирского величия: отняв у него корону, подарил ему одежду драгоценную и хвастовством великодушия еще более, нежели своею победою, унизил сего бывшего знаменитого монарха.— Обложив данию султана мамелюков, османов, императора греческого; властвуя от моря Каспийского и Средиземного до Нила и Гангеса, Тимур жил в Самарканде и называл себя главою лучшей половины мира. В сию столицу возвращался он после всякого завоевания наслаждаться кратковременным отдохновением; украшал великолепно мечети, разводил сады и, желая слыть благотворителем людей, соединял каналами реки, строил новые города, в надежде, что слабые умы, ослепляемые призраками лицемерных государственных добродетелей, простят ему множество разрушенных им городов древних, убиение миллионов и высокие пирамиды голов человеческих, коими его моголы знаменовали свои победы на месте кровопролития, на пепелищах Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимур не совершил всех описанных нами завое-

ваний, когда, оскорбленный неблагодарностию Тохтамыша, он в первый раз приблизился к границам России. Войско его шло от Самарканда и реки Сигона через Ташкент, Ясси или Туркестан, за коим уже начиналось владение Капчакской Орды, в нынешних степях киргизских. Стоя на высоком холме, Тимур долго с удивлением смотрел на их необозримые, гладкие равнины, подобные морю, и велел тут, в память векам, соорудить высокую каменную пирамиду с означением эгиры и дня, когда он вступил в сии ужасные пустыни. Четыре месяца шли татары к северу, питаясь наиболее мясом диких коз, сайгаков, птичьими яицами и травою. Звериная ловля представляла в сих пустынях зрелище шумной войны. Рассыпаясь на великом пространстве, моголы составляли круг и гнали зверей прямо к ставке императорской при звуке оружия и труб. Тимур выезжал на коне и, встречая целые стада всякого рода животных, стрелял любых; наконец, утомленный охотою, входил в шатер свой обедать. Тогда воины бросались на зверей, убивали всех без остатка, разводили бесчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для них в сих безводных местах самым счастливейшим открытием.— Достигнув пятидесятого градуса широты, между реками Эмбою и Тоболом, войско остановилось. Тимур в богатой одежде и в царском венце сел на коня; имея в руке златую державу, объехал все полки и, довольный их исправностию, вооружением, бодрым духом, велел идти далее, к берегам Урала. Там показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей хан презрел совет умных вельмож, которые говорили ему, что страшно быть врагом счастливого: ненавидя в Тимуре хищника власти, принадлежащей потомкам Чингисхановым, он грозился свергнуть его с трона. Ежедневные сшибки передовых отрядов заключились кровопролитным сражением в степях Астраханской губернии: разбитый Тохтамыш бежал за Волгу; а Тимур на ее берегах великолепно праздновал свою победу, среди обширного луга, где прекрасные невольницы разносили яства в золотых и серебряных чашах; окруженный своими женами, он сидел на престоле капчакском и с удовольствием внимал песням, коими стихотворцы могольские славили сей блестящий успех его оружия и которые были названы *фа-*

тенамией капчак, или *торжеством капчакским;* двадцать шесть дней эмиры и воины пировали, наслаждаясь всеми утехами роскоши. Но Тимур не хотел быть долее в сей завоеванной им стране и тем же путем, чрез 11 месяцев, возвратился в Самарканд.

[1395 г.] Прошло около трех лет. Тохтамыш, оставленный в покое неприятелем, снова господствовал над Ордою Капчакскою и снова послал войско разорять северную Персию. «Во имя всемогущего Бога,— писал к нему Тамерлан,— спрашиваю, с каким намерением ты, хан капчакский, управляемый демоном гордости, выступаешь их своих пределов? Разве забыл ты последнюю войну, когда рука моя обратила в прах твои силы, богатства и владения? Неблагодарный! вспомни, сколь некогда оказал я тебе милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли мира? Хочешь ли войны? Избирай; мне все едино. Но самая глубина морская не скроет врага от нашей мести». Тохтамыш хотел войны и расположился станом на берегу Терека: ибо монарх чагатайский был уже в Дербенте. Между Тереком и Курою, близ нынешнего Екатеринограда, произошло славное в восточных летописях кровопролитие. Потомки Чингисхановы сражались между собою в ужасном остервенении злобы и гибли тьмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замешались; но сей свирепый герой, рожденный быть счастливым, умел твердостию исторгнуть победу из рук Тохтамышевых: окруженный врагами, изломав копие свое, уже не имея ни одной стрелы в колчане, хладнокровно давал вождям повеление сломить густые толпы неприятельские. Стрелки его, чтобы остаться неподвижными, целыми рядами бросались на колена, и левое крыло шло вперед. Еще хан Золотой Орды мог бы новым усилием решить битву в свою пользу; но прежде времени ослабев духом, бежал. Тамерлан гнался за ним до Волги, где, объявив Койричака Аглена, сына Урусова, властителем Орды Капчакской, надел на него венец царский.

Сии удары, нанесенные моголами моголам, изнурили силы волжских и долженствовали веселить россиян мыслию о близкой счастливой свободе отечества. Надеялись, что Тамерлан, сокрушив неприятеля, вторично отступит к границам своей империи, и что внутренние междоусобия Орды Капчакской довершат его

гибель. Но грозный завоеватель Востока вслед за бегущим Тохтамышем устремился к северу; перешел Волгу, степи саратовские и, вступив в наши юго-восточные пределы, взял Елец, где господствовал князь Феодор, отрасль карачевских владетелей и данник Олега Рязанского. Весть о нашествии сего нового Батыя привела в ужас всю Россию. Ожидали такого же общего разрушения, какое за 160 лет перед тем было жребием государства нашего; рассказывали друг другу о чудесных завоеваниях, о свирепости и несметных полках Тамерлановых; молились в церквах и готовились к христианской смерти, без надежды отразить силу силою. Но великий князь бодрствовал в совете бояр мудрых и в сие решительное время явил себя достойным сыном Димитрия: не устрашился ни славы Тамерлана, ни четырех его сот тысяч моголов, которые, по слуху, шли под его знаменами; велел немедленно собираться войску и сам принял начальство, в первый раз украсив юношеское чело свое шлемом бранным и напомнив москвитянам те незабвенные дни, когда герой Донской ополчался на Мамая. Уже многие из воевод Димитриевых скончали жизнь; другие, служив отцу, хотели служить и сыну; старцы сели на коней и явились пред полками в доспехах, обагренных кровию татарскою на Куликове поле. Народ ободрился: войско шло охотно, тем же путем, которым вел оное Донской против Мамая, и великий князь, поручив Москву дяде своему, Владимиру Андреевичу, стал за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встретить неприятеля.

Между тем все церкви московские были отверсты с утра до глубокой ночи. Народ лил слезы пред алтарями и постился. Митрополит учил его и вельмож христианским добродетелям, торжествующим в бедствиях. Но слабые трепетали. Желая успокоить граждан любезной ему столицы, великий князь писал к митрополиту из Коломны, чтобы он послал в Владимир за иконою девы Марии, с коею Андрей Боголюбский переехал туда из Вышегорода и победил болгаров. Сие достопамятное перенесение славного в России образа из древней в ее новую столицу было зрелищем умилительным: бесчисленное множество людей на обеих сторонах дороги преклоняло колена, с усердием и слезами взывая: *Матерь Божия! Спаси землю Русскую!* Жители владимир-

ские провождали икону с горестию: московские приняли с восхищением, как залог мира и благоденствия. Митрополит Киприан, епископы и все духовенство в ризах служебных, с крестами и кадилами; за ними Владимир Андреевич Храбрый, семейство великокняжеское, бояре и народ встретили святыню вне града на *Кучкове поле,* где ныне монастырь Сретенский; увидев оную вдали, пали ниц и в радостном предчувствии уже *благодарили* Небо. Поставили образ в соборном храме Успения и спокойнее ждали вестей от великого князя.

Тамерлан, пленив владетеля елецкого со всеми его боярами, двинулся к верховью Дона и шел берегами сей реки, опустошая селения. Знаменитый персидский историк сего времени, Шерефеддин, любя хвалить добродетели своего героя, признается, что Тамерлан, подобно Батыю, усыпал трупами поля в России, убивая не воинов, а только людей безоружных. Казалось, что он хотел идти к Москве; но вдруг остановился и, целые две недели быв неподвижен, обратил свои знамена к югу и вышел [26 августа] из российских владений. Без сомнения, не одно смелое, великодушное ополчение князя московского произвело сие удивительное для современников действие: надлежит искать и других причин вероятных. Хотя историки восточные повествуют, что моголы чагатайские обогатились у нас несметною добычею и навьючили вельблюдов слитками золота, серебра, мехами драгоценными, кусками *тонкого полотна антиохийского* и *русского;* однако ж вероятнее, что сокровища, найденные ими в Ельце и в некоторых городках рязанских, не удовлетворяли их корыстолюбию и не могли наградить за труды похода в земле северной, большею частию лесистой, скудной паствами и в особенности теми изящными произведениями человеческого ремесла, коих употребление и цену сведали татары в образованных странах Азии. Наступала дождливая осень: с людьми, обыкшими кочевать в местах плодоносных и теплых, благоразумно ли было идти далее к северу, чтобы встретить зиму со всеми ее жестокостями? И путь к Москве надлежало еще открыть битвою с войском довольно многочисленным, которое умело победить Мамая. Завоевание Индии, Сирии, Египта, богатых природою и торговлею, славных в истории

мира, пленяло воображение Тамерлана: Россия, к счастию, не имела для него сей прелести. Он спешил удалиться от непогод осенних и по течению Дона спустился к его устью.

Сия весть радостно изумила наше войско. Никто не думал гнаться за врагом, который, еще не видав знамен великого князя, не слыхав звука воинских труб его, как бы в смятении бежал к Азову. Юный государь мог бы приписать спасение отечества великодушной своей твердости, но вместе с народом приписал оное силе сверхъестественной и, возвратясь в Москву, соорудил каменный храм Богоматери с монастырем на древнем *Кучкове поле:* ибо, как пишут современники, Тамерлан отступил в самый тот день и час, когда жители московские на сем месте встретили Владимирскую икону. Оттоле церковь наша торжествует праздник Сретения Богоматери 26 августа, в память векам, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россию от ужаснейшего из всех завоевателей.

Что Тамерлан готовил Москве, то испытал несчастный Азов, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное посольство, составленное из купцов египетских, венециянских генуэзских, каталонских и бискайских, встретило монарха чагатайского на берегу Дона с дарами и ласками. Он успокоил их на словах и, в то же время велев одному из эмиров осмотреть городские укрепления, внезапно приступил к оным. Азов и богатства его исчезли. Ограбив лавки и домы, умертвив или оковав цепями всех тамошних христиан, которые не успели спастися бегством на суда, моголы обратили город в пепел.— Завоевав землю черкесскую и ясскую, взяв самые неприступные крепости в Грузии, Тамерлан у подошвы Кавказа дал праздник войску. В огромном шатре, окруженном блестящими столпами, среди вельмож и полководцев, он сидел на золотом троне, украшенном драгоценными каменьями, и при звуке шумных мусикийских орудий пил грузинское вино, желая здравия и дальнейших побед своим неутомимым сподвижникам. Уведомленный о непокорстве жителей астраханских, Тамерлан, презирая холод зимний и глубокий снег, пошел к сему городу, укрепленному, сверх каменных, *ледяными стенами;* срыл его до основания; разрушил огнем и столицу ханскую, Сарай; наконец

удалился к границам своей империи, предав, как он сказал, державу Батыеву *губительному ветру истребления.* Орда Капчакская находилась тогда в жалостном состоянии: утратив бесчисленное множество людей в битвах с моголами чагатайскими, она была еще феатром кровопролитных междоусобий. Три хана спорили о господстве над нею: Тохтамыш, Койричак и Тимур Кутлук. Сей последний, будучи также рода Батыева и служив Тамерлану, в противность его воле остался в степях Капчакских, набирал войско и величал себя истинным царем ординским.

Сии происшествия, благоприятные для России, успокоив великого князя в рассуждении моголов, позволили ему обратить внимание на Литву, которою несколько лет управлял Скиригайло, наместник своего брата, короля польского. Но с 1392 года там уже властвовал независимо тесть Василиев, Витовт Александр, вследствие мира и договора с королем Ягайлом, уступившим ему и Волынию с Брестом. Одаренный от природы умом хитрым, Витовт пылал властолюбием и, приняв от немцев Веру христианскую, сохранил в душе всю жестокость язычника; не только, подобно другим завоевателям, равнодушно жертвовал в битвах бесчисленным множеством людей для приобретения новых земель, но смело нарушал и все святейшие уставы нравственности: играл клятвами, изменял; безжалостно лил кровь своих ближних; умертвил трех сыновей Ольгердовых: Вигунта Кревского отравил ядом; Нариманта повесил на дереве и расстрелял; Коригайлу отсек голову. В Новегороде Северском господствовал их брат, Корибут: Витовт пленил его и, выгнав Владимира Ольгердовича из Киева, отдал нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владимиру, исповедывал Веру греческую, был щедр к народу, но свиреп нравом, любил вино до крайности и жил недолго. Единственно ли по личной ненависти или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себе Киев, архимандрит монастыря Печерского зазвал Скиригайла в гости, напоил и дал ему отраву столь явно, что весь город знал причину его смерти. Народ жалел об нем: следственно, не имел участия в злодействе; а Витовт, прислав туда князя Иоанна Ольшанского в качестве своего наместника, не думал о наказании сего злодейства, и тем как бы объ-

явил себя тайным совиновником оного. Скоро присоединил он к Литовской державе и всю Подолию, где княжил внук Феодора Кориятовича, именем также Феодор, присяжник Ягайлов. Слабый король польский не дерзал ни в чем противиться мужественному, решительному сыну Кестутиеву и даже предавал ему единокровных братьев. Вдовствующая супруга Ольгердова, Иулиания, скончала дни свои в Витебске, и меньший сын ее, Свидригайло, заняв сей город силою, велел тамошнего наместника королевского сбросить с высокой стены: оскорбленный тем Ягайло молил Витовта о мести. Она совершилась, но только в пользу государя литовского, который, завоевав Друцк, Оршу и Витебск с *помощью огнестрельного снаряда*, отправил к королю плененного им Свидригайла, а владение его взял себе. Кроме Литвы, господствуя в лучших областях древней России, Витовт хотел похитить и самый остаток ее достояния.

Князь смоленский, Юрий Святославич, шурин сего князя, служил ему при осаде Витебска как данник Литвы; но Витовт, желая совершенно покорить сие княжение, собрал войско многочисленное и, распустив слух, что идет на Тамерлана, вдруг явился под стенами Смоленска, где Юриевы братья ссорились друг с другом об уделах; сам Юрий находился тогда в Рязани у тестя своего, Олега. Глеб Святославич, старший из братьев, приехал с боярами в стан литовский: Витовт, обласкав его как друга, сказал, что слыша о раздоре князей смоленских, желает быть посредником между ими и за каждым утвердить наследственную собственность. Легковерные Святославичи спешили к нему с дарами, провождаемые всеми знатнейшими боярами, так что в крепости не оставалось ни одного воеводы, ни стражи. Ворота городские были отворены; народ, вслед за князьями, стремился толпами видеть героя Литовского, готового бороться с великим Тамерланом. Но как скоро несчастные князья вступили в шатер Витовтов, сей коварный объявил их своими пленниками; велел зажечь предместие и в ту же минуту устремился на город. Никто не противился: литовцы грабили, пленяли жителей и, взяв крепость, провозгласили Витовта государем сей области российской. Народ был в изумлении. Отправив князей смоленских в Литву, а Глебу Свято-

славичу дав в удел местечко Полонное, Витовт старался утвердить за собою столь важное приобретение: жил несколько месяцев в Смоленске; поручил его наместнику, князю литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожил легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался с великим князем.

[1396 г.] Нет сомнения, что Василий Димитриевич с прискорбием видел сие новое похищение российского достояния и не мог быть ослеплен ласками тестя; но ему казалось благоразумнее соблюсти до времени приязнь его и целость хотя Московского княжества, нежели подвергнуть гибели сию единственную надежду отечества войною с государем сильным, мужественным, алчным ко славе и к приобретениям. Василий, осторожный, рассмотрительный, имел отважность, но только в случае необходимости, когда слабость и нерешительность ведут к явному бедствию; он сразился бы с Тамерланом, сокрушителем империй: но с Витовтом еще можно было хитрить, и великий князь сам поехал к нему в Смоленск, где, среди веселых пиров наружного дружелюбия, они утвердили границы своих владений. В сие время уже почти вся древняя земля вятичей (нынешняя Орловская губерния с частию Калужской и Тульской) принадлежала Литве: Карачев, Мценск, Белев с другими удельными городами князей черниговских, потомков Святого Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту. Захватив Ржев и Великие Луки, властвуя от границ псковских с одной стороны до Галиции и Молдавии, а с другой до берегов Оки, до Курска, Сулы и Днепра, сын Кестутиев был монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север, так что Можайск, Боровск, Калуга, Алексин уже граничили с литовским владением.— Дела ординские были также предметом совещания сих двух государей, из коих один мыслил только избавиться от ига, а другой возложить оное на самих ханов или столь обессилить их, чтобы они ни в коем случае не могли быть опасны для его областей полуденных.— Вместе с великим князем находился в Смоленске митрополит Киприан, ходатайствуя за пользу нашей церкви или собственную. Дав слово не притеснять Веры греческой, Витовт оставил Киприана главою духовенства в подвластной ему России, и митрополит, поехав в Киев, жил там 18 месяцев.

Вероятно, что великий князь взял обещание с тестя своего не беспокоить и пределов рязанских; по крайней мере, сведав, что Олег сам вошел в литовские границы и начал осаду Любутска (близ Калуги), Василий послал туда боярина представить ему, сколь безрассудно оскорблять сильного. Олег возвратился; но Витовт уже хотел мести: вступил в его землю; истребил множество людей; заставив Олега укрыться в лесах, вышел с добычею и пленом. Сие действие не нарушило доброго согласия между им и Василием Димитриевичем. Обагренный кровию бедных рязанцев, он заехал в Коломну видеться с великим князем и весело праздновал там несколько дней, осыпаемый ласками и дарами. Непосредственным, явным следствием сего вторичного свидания было общее их посольство к новогородцам с требованием, чтобы они прервали дружескую связь с немцами, врагами Литвы. Витовт с неудовольствием видел также, что сын убитого им Нариманта Ольгердовича, Патрикий, и князь смоленский, Василий Иоаннович, нашли в Новегороде убежище от его насилия; а великий князь мог досадовать на чиновников новогородских за то, что они, в противность договору, опять не хотели зависеть в судных делах от митрополита. Киприан, вторично быв у них в 1395 году вместе с послом константинопольского патриарха, бесполезно доказывал им, сколь такое нарушение обета несогласно с доброю совестию и с честию. Впрочем, смягченный дарами жителей, выехал оттуда мирно, благословив архиепископа и народ. Имел ли Василий Димитриевич какую-нибудь досаду на ливонских немцев, требуя от Новагорода разрыва с ними, или желал сего единственно в угодность тестю, неизвестно: вероятнее, что он только искал предлога для исполнения своих замыслов, которые обнаружились впоследствии. Новогородцы с удивлением выслушали посольство московское и Витовтово. Быв семь лет в вражде с немцами по делам купеческим, они в 1391 году примирились торжественно на общем съезде в Изборске, где находились депутаты Любека, Готландии, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду в свободной торговле, условились предать вечному забвению взаимные обиды, и немцы, приехав в Новгород, восстановили там свою контору, церковь и дворы. Сия торговля процветала тогда более, нежели

когда-нибудь; из самых отдаленных мест Германии купцы ежегодно являлись на берегах Волхова со всеми ремесленными произведениями Европы; и новогородцы, нимало не расположенные исполнить волю государя московского, еще менее Витовтову, ответствовали: «Господин князь великий! У нас с тобою мир, с Витовтом мир и с немцами мир»; не хотели слушать угроз, но с честию отпустили послов назад.

Великий князь — чаятельно, предвидев сей отказ — немедленно *объявил гнев,* то есть войну Новугороду, и спешил воспользоваться ее правом. Земля Двинская издавна имела богатую торговлю, получая так называемое серебро закамское и лучшие меха с границ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, в особенности птицеловством, для коего великие князья, в силу договоров с Новымгородом, ежегодно отправляли туда *сокольников,* предписывая в грамотах земскому начальству давать им подводы и корм. Еще Иоанн Калита замышлял овладеть совершенно Двинскою землею: правнук его желал исполнить сие намерение и сделал то без всякого кровопролития. Нередко утесняемые новогородским корыстолюбивым правительством, двиняне дружелюбно [в 1397 г.] встретили рать московскую, охотно поддалися Василию Димитриевичу и приняли от него наместника, князя Феодора Ростовского. Самые воеводы новогородские, там бывшие, вследствие тайных сношений с Москвою объявили себя верными слугами великого князя, который в сие время занял Торжок, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вместе с Заволочьем они лишались способа не только иметь из первых рук важные произведения климатов сибирских но и выгодно торговать с немцами, которые всего более искали у них мехов драгоценных. Архиепископ новогородский Иоанн, посадник Богдан и знаменитейшие чиновники спешили в Москву; но великий князь, лично оказав им ласку, не хотел слышать о возвращении Двинской земли.

[1398 г.] Тогда отчаяние пробудило воинственный дух в новогородцах. Они собралися на вече и требовали благословения от архиепископа, сказав ему: «Когда великий князь изменою и насилием берет достояние Святой Софии и Великого Новагорода, мы готовы умереть за правду и за нашего *Господина, за Великий Нов-*

город». Архиепископ благословил их, и все граждане дали клятву быть единодушными. Посадник Тимофей Юрьевич, предводительствуя осьмью тысячами воинов, обратил в пепел *старый* Белозерск, а жители *нового* откупились шестидесятью рублями. Князья белозерские и воеводы московские, там бывшие, приехали в стан новогородский с изъявлением покорности. Разорив богатые волости Кубенские близ Вологды, новогородцы три недели без успеха осаждали Гледен, сожгли посады Устюга, даже Соборную в нем церковь, и, взяв там славную чудотворную икону Богоматери, в насмешку именовали ее своею пленницею. Войско их разделилось: 3000 пошли к Галичу грабить и пленять людей; 5000, вступив в Двинскую землю, осадили крепость Орлец, где заключился наместник великокняжеский с двинскими новогородскими воеводами, которые передались к государю московскому. Нападали и оборонялись с равным усилием близ месяца; наконец осажденные принуждены были сдаться: чем решилась судьба всех Двинских областей. Посадник Тимофей Юрьевич в одной руке держал меч казни для изменников, в другой милостивую грамоту для жителей, готовых раскаяться в вине своей: толпами стекаясь к его знаменам, они смиренно *били челом*, в надежде на милосердие Великого Новагорода. Посадник оковал цепями главного двинского воеводу, новогородского боярина Иоанна с братьями, Айфалом, Герасимом и Родионом; великокняжеского наместника, Феодора Ростовского, отняв у него казну, отпустил к государю со всеми людьми воинскими; обложил московских купцов тремя стами рублей, а двинских жителей двумя тысячами; взял у них еще 3000 коней и возвратился с торжеством в Новгород. Окованные изменники были представлены народу: Иоанна скинули с моста в Волхов; братья его, Герасим и Родион, постриглись в монахи, с дозволения архиепископа и граждан; Айфал ушел с дороги.— Зная меру сил своих и нимало не ослепленные удачею мести, новогородцы предложили мир великому князю. Посадник Иосиф и тысячский явились во дворец его с дарами и с видом хитрого смирения; не могли обольстить государя проницательного, но успели во всем: ибо Василий знал, что новогородцы в то же время имели сношения с Витовтом, предлагая ему на некоторых условиях быть

их главою и покровителем. Великий князь не сомневался, что они могли действительно, в случае крайности, приступить к Литве и, скрыв внутреннюю досаду, отказался от Двинской земли, Вологды и других владений новогородских; дал им мир и послал брата своего, Андрея, для исполнения всех условий оного. Тогда Витовт, считая себя осмеянным, немедленно отослал к новогородцам мирный договор, заключенный с ними в самый первый год восшествия его на престол литовский. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявлением войны и называлось посылкою *разметных грамот*. Но Витовт отсрочил сию войну, занимаясь приготовлением к другой, важнейшей.

[1399 г.] Тохтамыш, по отшествии Тамерлана, собрал новые силы: еще большая часть Орды признавала его своим ханом. Он вступил в Сарай, отправил посольства к державам соседственным и называл себя единственным повелителем Батыевых улусов. Но Тимур Кутлук — или, по нашим летописям, Темир Кутлуй — напал на него внезапно, победил и взял Сарай. Тохтамыш с своими царицами, с двумя сыновьями, с казною и с двором многочисленным бежал в Киев искать защиты сильного Витовта, который с удовольствием объявил себя покровителем столь знаменитого изгнанника, гордо обещая возвратить ему царство. Уже Витовт отведал счастия против моголов и, в окрестностях Азова пленив целый улус, населил ими разные деревни близ Вильны, где потомство их живет и доныне. Он утешался мыслию слыть победителем народа, коего ужасалась Азия и Европа,— располагать троном Батыевым, открыть себе путь на Восток и сокрушить самого Тамерлана. Готовя удар решительный, Герой литовский желал, как вероятно, склонить и великого князя к содействию: по крайней мере в сие время приезжал от него посол в Москву, князь Ямонт, наместник смоленский. Ничто не могло быть для России благоприятнее войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевесу того или другого? Ханы ординские требовали от нас дани: литовцы совершенного подданства. Великое княжество Московское, отсылая серебро в улусы, еще гордилось независимостию в сравнении с бывшими княжествами днепровскими, и благоразумный Василий Димитриевич, несмотря на мнимую друж-

бу тестя, знал, что он, захватив Смоленскую область, готов взять и Москву. И так, вместо полков великий князь отправил в Смоленск, где находился Витовт, супругу свою с боярами и приветливыми словами. Лукавый отец ее не уступал в ласках зятю; великолепно угостил дочь, наших бояр и в знак родительской нежности дал ей множество икон с памятниками страстей Господних, выписанными из Греции одним князем смоленским.

Не хотев участвовать в замышляемой борьбе Литвы, с моголами, Василий в то же время не устрашился сам поднять на них меч, чтобы отмстить им за разорение Нижнего Новагорода, о коем мы выше упоминали. Он послал брата своего, князя Юрия Димитриевича, в Казанскую Болгарию с сильным войском, которое взяло ее столицу (и ныне известную под именем *Болгаров*), Жукотин, Казань, Кременчуг; три месяца опустошало сию торговую землю и возвратилось с богатою добычею. Летописцы говорят, что никогда еще полки российские не ходили столь далеко в ханские владения, и Василий Димитриевич слыл с того времени *завоевателем Болгарии;* но время истинных, прочных завоеваний для России еще не наступило.

Может быть, хитрый великий князь в дружелюбных сношениях с Витовтом представлял ему сей счастливый поход как действие союза, заключенного ими против моголов; но государь литовский, не менее хитрый, видел в зяте тайного, опасного врага, который только до случая оставлял его спокойно владеть наследием Ярославова потомства. Безопасность литовских приобретений в России требовала гибели княжения Московского, уже сильного; и Витовт, обещась восстановить власть Тохтамыша над Золотою Ордою, Заяицкою, Болгариею, Тавридою и Азовом, именно поставил в условие, как уверяют наши летописцы, чтобы сей хан отдал Москву Литве.

Долго Витовт готовился к важному походу, собирая войско в Киеве. Тщетно польская королева Ядвига, хваляся проницанием будущего, предсказывала ему бедствие: слабый Ягайло дал брату знатнейших воевод своих: Спитка Краковского, Сандивогия Остророгского, Доброгостия Самотульского, Иоанна Мазовского и других с отборными ратниками. Знамена литовские развевались пред самыми стенами Киева, украшенные трофеями побед Гедимина, Ольгерда и Кестутия. Дружины

наших князей, данников Витовта, стояли в рядах с литовцами, жмудью, волохами, а моголы Тохтамышевы полком особенным, равно как и 500 богато вооруженных немцев, присланных великим магистром прусского ордена. Пятьдесять князей, российских и литовских, под верховным начальством Витовта предводительствовали ратию, многочисленною и бодрою.

В сие время явился посол Тимура Кутлука. Именем своего хана он говорил князю литовскому: «Выдай мне Тохтамыша, врага моего, некогда царя великого, ныне беглеца презренного: так непостоянна судьба жизни!» Витовт сказал: «иду видеться с Тимуром» — и пошел к югу тем самым путем, коим некогда ходил Мономах разить диких половцев. За реками Сулою и Хоролем, на берегах Ворсклы стоял Тимур Кутлук с моголами, более желая мира, нежели битвы. «Почто идешь на меня? — велел он сказать Витовту: — я не вступал никогда в землю твою с оружием». Князь литовский ответствовал: «Бог готовит мне владычество над всеми землями. Будь моим сыном и данником, или будешь рабом». Тимур неотступно предлагал мир; признавал Витовта *старейшим;* соглашался даже, по словам наших летописцев, платить ему ежегодно некоторое количество серебра. Гордый князь литовский, подражая хвастовству восточному, хотел еще, чтобы моголы изображали на своих деньгах знамение, или печать его: в таком случае обещал не помогать Тохтамышу. Хан требовал срока на три дня и между тем дарил, чествовал, ласкал Витовта посольствами. Сие удивительное смирение было, кажется, одною хитростию, чтобы продлить время и соединиться с остальными полками татарскими.

Все переменилось, когда пришел в стан к моголам седой князь Эдигей, славный умом и мужеством. Он был вторым Мамаем в Орде и повелевал хаиом; некогда служил Тамерлану и носил иа себе знаки его милостей. Сведав от Тимура о мирных условиях, предложенных Витовтом, Эдигей сказал: «Лучше умереть», и требовал свидаиия с киязем литовским. Они съехались на берегу Ворсклы. «Князь храбрый! — говорил вождь татарский: — Царь наш справедливо мог признать тебя отцом: ты его старее летами, но моложе меня: и так изъяви мие покорность, плати дань и на деньгах литовских изобрази печать мою». Сия насмешка привела Витов-

та в ярость: он громогласно возвестил битву и привел полки в движение. Благоразумнейший из воевод его, Спитко Краковский, видя множество татар, еще советовал искать мира на условиях честных для обеих сторон; но юные витязи литовские кричали: «сокрушим неверных!», и знаменитый пан Щуковский, гордый сердцем, дерзкий языком, сказал ему: «Если по любви к жене прекрасной и к наслаждениям роскоши ты боишься смерти, то не охлаждай других, готовых отдать жизнь за славу». Великодушный Спитко ответствовал: «Несчастный! Я паду в битве, а ты обратишь тыл». Войско литовское перешло за Ворсклу и сразилось [12 августа 1399 г.].

Рать ханская была многочисленнее. Витовт надеялся на свои пушки и пищали; но сии орудия, как говорят летописцы, действовали слабо в открытом поле, где татары, рассыпаясь, могли нападать на ряды литовские сбоку: скажем лучше, что искусство огнестрельное находилось тогда во младенчестве; не умели заряжать скоро, ни с легкостью обращать пушку во все стороны. Однако ж литовцы привели в смятение толпы Эдигеевы и считали себя уже победителями, когда Тимур Кутлук, ученик Тамерланов, зашел им в тыл и стремительным ударом сломил полки их. Тохтамыш прежде всех оставил место сражения; за ним Витовт и надменный пан Щуковский; а великодушный Спитко умер героем. Ужасное кровопролитие продолжалось до самой глубокой ночи: моголы резали, топтали неприятелей или брали в плен, кого хотели. Ни Чингисхан, ни Батый не одерживали победы совершеннейшей. Едва ли третия часть войска литовского спаслася. Множество князей легло на месте, и в том числе Глеб Святославич Смоленский, Михаил и Димитрий Данииловичи Волынские, потомки славного Даниила, короля Галицкого — сподвижник Димитрия Донского, Андрей Ольгердович, который, бежав от Ягайла, несколько времени жил во Пскове и возвратился служить Витовту — Димитрий Брянский, также сын Ольгердов и также верный союзник Донского — князь Михайло Евнутиевич, внук Гедиминов — Иоанн Борисович Киевский — Ямонт, наместник смоленский, и другие. Хан Тимур Кутлук гнал остатки неприятельского войска к Днепру, взял с Киева 3000 рублей серебра литовского в окуп, а с монастыря Печер-

ского особенно 30 рублей; оставил там своих баскаков и, погромив Витовтовы области до самого Луцка, возвратился в улусы.— Так литовский Герой, хотев удивить мир великим подвигом, снискал один стыд, лишился войска, открыл моголам путь в свои владения и должен был опасаться еще дальнейших худых следствий.

Весть о несчастии его произвела в Москве, в Новегороде, в Рязани действие двоякое: жалели о многих россиянах, падших под знаменами литовскими; с изумлением видели, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, нового тиранства ханов и вместе утешались мыслию, что силы опасной Литвы ослабели. Но Витовт имел в России истинного друга, который огорчился бы его бедствием, если бы успел сведать оное. Сей друг, князь Михаил Тверской, преставился почти в самое время, когда хан разбил литовцев. Бесполезно истощив все способы вредить Донскому, Михаил Александрович жил наконец мирно, ибо видел, что правление юного Василия не уступает Димитриеву ни в силе, ни в мудрости; оставив намерение лишить владетелей московских великокняжеского сана и вообще противиться успехам их могущества, он заключил даже оборонительный союз с Василием на случай впадения в Россию моголов, немцев, ляхов, литвы, но тайно держался Витовта как естественного недоброжелателя или завистника Москвы, и (в 1397 году) посылал к нему сына, Иоанна, женатого на Марии, сестре Витовтовой, без сомнения не столько для родственного свидания, сколько для важных государственных переговоров.

Хотя Василий не изъявлял никаких враждебных намерений в рассуждении Твери, однако ж князь ее с беспокойством видел, что он весьма ласково принял его племянника, Иоанна Всеволодовича Холмского, который, не хотев зависеть от дяди, уехал в Москву, сочетался браком с Анастасиею, сестрою великого князя, и был наместником в Торжке. Имея 66 лет от рождения, Михаил еще бодрствовал духом и телом; но вдруг занемог столь жестоко, что в несколько дней все его силы исчезли. Он написал духовную грамоту: отдал старшему сыну, Иоанну, Тверь, Новый Городок, Ржев, Зубцов, Радилов, Вобрын, Опоки, Вертязин; другому сыну, Василию, и внуку Иоанну Борисовичу Кашин с Коснятином; а меньшому, Феодору, два городка Микулина, повелевая

им жить в любви и слушаться брата старшего. Обстоятельства кончины его достопамятны. К нему возвратились тогда послы из Константинополя, тверской протопоп Даниил и церковники, которые ездили с милостынею в Грецию и привезли от патриарха в дар князю икону Страшного суда. Забыв болезнь и слабость, он встал с ложа, встретил сию икону на дворе, целовал оную с великим усердием и пригласил к себе на пир знатнейшее духовенство вместе с нищими, слепыми и хромыми; братски обедал с ними и, водимый слугами, каждому из гостей поднес так называемую *прощальную чашу* вина, моля их, чтобы они благословили его. Никто не мог удержаться от слез. Облобызав детей, бояр, слуг, Михаил пошел в Соборную церковь, поклонился гробу отца и деда, указал место для своей могилы и стал на паперти, где собралося множество людей, которые смотрели на него с горестным умилением. Сей некогда величественный князь, быв необыкновенно высок и дороден, казался уже тению; бледный, слабый, едва передвигал ноги, народ плакал и безмолвствовал; но когда Михаил, смиренно преклонив голову, сказал: «Иду от людей к Богу: братья! отпустите меня с искренним благословением!» — тогда все зарыдали, единодушно восклицая: «Господь благословит тебя, князь добрый!» Он сошел с ступеней. Сыновья и бояре хотели вести его во дворец: но Михаил, к изумлению их, указал рукою на лавру Св. Афанасия; приведенный в сей монастырь, был там пострижен епископом Арсением, назван Матфеем и в седьмой день скончался, с именем князя умного, милостивого и *грозного* в похвальном смысле: ибо он, как сказано в летописи, *не потакал боярам*, любя правосудие; истребил в своем княжении разбои, воровство, ябеду; уничтожил *злые налоги торговые;* утвердил города, успокоил села так, что жители других областей тысячами переселялись в Тверскую.— [1400 г.] С жизнию Михаила исчезло и благоденствие сего княжения: начались боярские смуты и раздоры между его сыновьями. Иоанн, узнав о торжестве хана и несчастии своего шурина, отправил посольство к первому, смиренно моля, чтобы он дал ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую. Послы уже не застали Тимура Кутлука: он умер; но сын его, Шадибек, исполнил желание Иоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками ханскими, во-

преки советам матери стал утеснять братьев и племянника. Они искали защиты в Москве. Великий князь бескорыстно старался мирить их, хотя и ненадолго. Два раза Иоанн приступал к Кашину и держал брата, Василия Михайловича, как пленника в Твери; освободил его, но послал в Кашин своих наместников. В сем междоусобии летописцы обвиняют наиболее невестку Иоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родом смолянку; впрочем, он гнал и сына ее, желая быть единовластным. В угодность, может быть, государю московскому Иоанн примирился с зятем его, князем холмским, и не мешал ему спокойно жить в уделе отцовском; но сей князь, скоро умерший схимником и бездетным, должен был отказать свою наследственную область сыну Иоаннову, Александру. Одним словом, удельная система вообще клонилась тогда в России к падению.

Несмотря на ослабление литовских сил, князь тверской желал остаться другом Витовта и возобновил с ним прежний союз, одобренные и согласно с их волею утвержденный государем Василием Димитриевичем, который не думал объявить себя врагом тестя (уважая льва, хотя и раненого), особенно потому, что имел причину опасаться Орды: ибо со времени нашествия Тамерланова прервал все сношения с нею, как бы не зная, кого признавать ее главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренние раздоры моголов, не утишенные и славною их победою над Литвою, не дозволяли им обратить внимания на Москву.— Витовт с своей стороны более нежели когда-нибудь искал дружбы великого князя, чтобы удалить его от союза с Олегом и с изгнанником смоленским, Юрием Святославичем, который выдал дочь свою, Анастасию, за Василиева брата, Юрия; тогда же сын Владимира Храброго, Иоанн, женился на внучке Олеговой. Легко было предвидеть, что князь смоленский захочет воспользоваться несчастием Литвы; в самом деле он неотступно убеждал тестя возвратить ему престол: чего желал тайно и Василий Димитриевич, однако ж не согласился помогать им. [1401 г.] Уверенные по крайне мере в его искреннем доброхотстве, Олег и Юрий, собрав войско, внезапно осадили Смоленск, где жители, ненавидя литовское правление, отворили ворота и с восхищением приняли сво-

его законного князя. К сожалению, день народного торжества и веселия обратился в день лютого кровопролития: Юрий Святославич, ослепленный местию, умертвил Витовтова наместника, князя Романа Михайловича Брянского, происшедшего от Св. Михаила Черниговского, и множество бояр смоленских, которые держали сторону Литвы. Он не знал, что милость в таких случаях благоприятствует не только человеколюбию, но и собственным выгодам государя. Головы отцов и мужей пали: жены, дети и друзья убиенных остались, возбуждали в народе ненависть к свирепому князю и могли говорить: «Иноплеменный Витовт здесь властвовал мирно; князь российский возвратился лить нашу кровь». Одна жестокость рождает часто необходимость другой. Когда Витовт, узнав о взятии Смоленска, явился пред стенами оного с войском, с пушками, многие из граждан хотели сдаться Литве. Умысел их открылся: Юрий казнил всех без пощады и, на сей раз отразив неприятеля, заключил с ним перемирие.

[1402 г.] Ободренный своим успехом и неудачами Литвы, князь рязанский послал сына, именем Родслава, воевать Брянск, имея намерение, если можно, освободить и сей древний черниговский удел от власти иноплеменников. Но Витовт успел взять меры. Одним из лучших его полководцев был Лугвений-Симеон Ольгердович: еще в 1392 году он возвратился в Литву из Новагорода и женился на сестре Василия Димитриевича, Марии (которая, жив с ним пять лет, преставилась в Мстиславле, откуда тело ее привезли в Москву). Лугвений, отряженный Витовтом, соединился с Александром Патрикиевичем Стародубским, встретил рязанцев у Любутска и, побив их наголову, пленил самого Родслава. Сей успех в тогдашних обстоятельствах был весьма важен для Витовта: ободрил Литву, устрашил россиян. Ненавидя Олега, Витовт мстил ему жестоким заключением сына его в оковы и в темницу, в которой он томился три года и наконец за 2000 рублей получил свободу. Старец Олег не мог пережить сего несчастия и скончался иноком: князь ума редкого и славнейший из всех рязанских владетелей; долговременный, лукавый враг Донского и Москвы, но любимый своим народом и достохвальный в его последних усилиях возвратить отечеству литовские завоевания. Имев христиан-

ское имя Иакова, он назван в монашестве Иоакимом и погребен в обители Солотчинской, им основанной близ Рязани. Сын его, Феодор, сел на престоле отца, утвержденный в сем наследстве грамотою хана Шадибека. (Чрез некоторое время он был изгнан князем пронским, Иоанном Владимировичем; а после, заключив с ним мир, княжил спокойно, будучи в тесной связи с шурином своим, государем московским.)

[1403 г.] Витовт еще несколько времени оставлял Юрия Смоленского в покое. Собрав силы, он послал Лугвения на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и доверенность к нему россиян, которые любили его как единоверного. Лугвений овладел Вязьмою без кровопролития, пленив ее князя, Иоанна Святославича. Тогда Витовт со всеми полками двинулся [в 1404 г.] к Смоленску; целые семь недель осаждал его с величайшим усилием, ежедневно стреляя из пушек, но отступил без малейшего успеха: столь крепок был город и столь упорно защищаем Юрием. Потерпели одни волости смоленские, разоренные Литвою. Юрий, опасаясь нового нападения, желал видеться с великим князем; оставил в Смоленске супругу, бояр и, дав им слово возвратиться немедленно, спешил в Москву. Василий Димитриевич принял его дружелюбно. «Будь моим великодушным покровителем,— говорил Юрий: — Витовт тебя уважает: примири нас или защити меня, если он презрит твое ходатайство. Когда же не хочешь того, будь государем моим и смоленским. Желаю лучше служить тебе, нежели видеть иноплеменника на престоле Мономахова потомства». Предложение казалось лестным. Но, зная твердое намерение Витовта снова покорить Смоленск чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сие княжение к Москве есть объявить ему войну, великий князь не соглашался быть ни ходатаем, ни защитником, ни государем Смоленска, следуя правилу жить в мире с Литвою, пока Витовт не касался собственных московских владений. Так говорят летописцы; однако ж долговременное пребывание Юрия в Москве свидетельствует по крайней мере, что он не терял надежды спеть в своем искании: изменники предупредили его.

Будучи врагом опасной Литвы, сей князь, к несчастию, имел врагов еще опаснейших между смоленскими боярами, озлобленными казнию их ближних: пользуясь

его отсутствием, они тайно призвали Витовта и сдали ему город. Полки литовские без малейшего сопротивления вступили в крепость, обезоружили воинов, взяли некоторых верных бояр под стражу, впрочем не делая жителям никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юриева была отправлена в Литву, и Витовт, заняв всю Смоленскую область, везде определил своих чиновников, к неудовольствию изменников российских, которые надеялись управлять ею; но гражданам и сельским жителям даровал особенную льготу, желая отвратить народ от Юрия и привязать к себе: в чем успел совершенно и чрез несколько лет в кровопролитной с немцами битве, где более 60 000 человек легко на месте, одержал победу единственно храбростию верных ему смоленских воинов.— Таким образом, взяв древний город российский в первый раз обманом, вторично изменою, Витовт благоразумною политикою утвердил его за Литвою на 110 лет и тем заключил ее важные присвоения в России. Время счастливых возвратов было для нас уже недалеко.

Нечаянная весть о взятии Смоленска поразила Юрия Святославича; изумила и великого князя так, что он вообразил себя обманутым и, призвав Юрия, осыпал его укоризнами, говоря: «Ты хотел единственно обольстить меня лукавыми предложениями: Смоленск не мог сдаться Литве без своего повеления». Напрасно сей несчастный князь уверял, что виною тому измена бояр: Василий остался в подозрении, и Юрий, не находя в Москве ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, решился искать той и другой в вольном Новегороде.

Государствование Василия Димитриевича было для новогородцев временем беспокойным: они никак не могли долго жить с ним в мире, видя его непрестанные покушения на их свободу и достояние. Так он (в 1401 году) велел митрополиту задержать в Москве новогородского архиепископа Иоанна, который ревностно ходатайствовал за гражданские права своей духовной паствы. Так, чрез несколько месяцев, воины великокняжеские схватили в Торжке двух знаменитых бояр, неприятных государю, и взяли все их имение. Так рать московская без объявления войны вступила в Двинскую землю, будучи предводима новогородскими изменниками, Айфалом и братом его, Герасимом расстригою, ушедшим из мо-

настыря: они пленили двинского посадника, многих бояр и везде грабили без милосердия; но, разбитые в Колмогорах, оставили пленников и бежали. (Сей мятежник Айфал, не успев в замыслах против отечества, разбойничал после на Каме и Волге, имея у себя до 250 судов; был в плену у татар и наконец убит на Вятке Михайлом Рассохиным, подобным ему беглецом новогородским.— Хотя великий князь освободил взятых в Торжке бояр и архиепископа Иоанна, более трех лет сидевшего в келье Николаевского монастыря; однако ж Новгород ждал и впредь с его стороны таких же утеснений, будучи готов противиться оным.

Юрий Святославич с сыном Феодором, братом Владимиром и князем Симеоном Мстиславичем Вяземским явился там среди народа и смиренно просил убежища. Новогородцы любили казаться великодушными в таких случаях. Мысль быть покровителями одного из знаменитейших князей российских, гонимого Витовтом, отверженного великим князем, льстила их гордости. Они приняли изгнанника с ласкою и сделали еще более: дали ему 13 городов в управление: Русу, Ладогу и другие, с условием, чтобы он, как воин мужественный, ревностно блюл целость их владений, не щадя ни трудов, ни жизни. Взаимные клятвы утвердили сей договор, равно неприятный Витовту и Василию Димитриевичу. Первый, будучи тогда уже в мире с Новымгородом, жаловался, что его злодей снискал там дружбу и доверенность; а великий князь с неудовольствием видел, что сей народ в случае столь важном действует самовластно, без всякого сношения с Москвою. Впрочем, Юрий недолго жил в области Новогородской: привыкнув господствовать неограниченно, он скучал своею зависимостию от народного веча и возвратился в Москву с новою надеждою на покровительство Василия Димитриевича, который, начиная тогда ссориться с Витовтом за впадение Литвы в границы Пскова, принял Юрия весьма дружелюбно и сделал наместником в Торжке. Но сей несчастный изгнанник скоро лишился и милости великого князя и сожаления людей, в глазах целой России возложив на себя знамение гнусного преступника.

[1406 г.] Князь Симеон Мстиславич Вяземский разделял с ним бедствие изгнания как друг и знаменитый слуга его. Он имел прекрасную добродетельную супру-

гу, именем Иулианию. Равно жестокий и сластолюбивый, Юрий пылал вожделением осквернить ложе Симеонова; не успел в том ни соблазном ни коварными хитростями и дерзнул на явное злодеяние: в своем доме, среди веселого пира, убил князя вяземского и думал воспользоваться ужасом несчастной супруги. Но любя непорочность более всего в мире, она схватила нож и, хотев ударить им насильника в горло, уязвила в руку. Одно чувство уступило место другому: любострастие гневу. Юрий, обнажив меч, догнал Иулианию на дворе, изрубил ее в куски и велел бросить в реку. Такая гнусность могла постыдить век: впечатление, произведенное оною в сердцах современников, оправдало его. Юрий, подобно Каину ознаменованный печатию злодейства, гонимый всеобщим презрением, не смея показаться ни князьям, ни народу, уехал в Орду; скитался в степях несколько месяцев и кончил жизнь в одном пустынном монастыре области Рязанской. Он был последним из владетельных князей смоленских, происшедших от внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Наконец пришло время явной вражды между государем московским и Литвою. Псков, освобожденный новогородцами от всех обязанностей подданства, был управляем собственными законами; принимал наместников от Василия Димитриевича, но избирал себе чиновников и князей или воевод, иногда чужеземных: так Андрей Ольгердович и сын его, Иоанн, несколько времени начальствовали в оном. Сия вольность не даровала благоденствия псковитянам: угрожаемые с одной стороны ливонским орденом, с другой Витовтом, напрасно требовали они защиты от своих братьев, новогородцев, которые завидовали успехам их счастливой торговли и не только отказывались помогать им, не только в мирных договорах с немцами, с литвою умалчивали о Пскове, но даже сами теснили и приходили осаждать его; не имея успеха в сих нападениях, мирились, и всегда неискренно. Сверх того он вторично был жертвою язвы, которая несколько раз возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастием, коварный Витовт, будто бы честно объявляя войну, послал *разметную* псковскую *грамоту* к новогородцам, напал неожиданно на владения псковитян, взял город Коложе и пленил 11 000 рос-

сиян. В то же время магистр ливонский опустошил селения вокруг Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, псковитяне немедленно отмстили Витовту разорением Великих Лук и Новоржева, ему подвластных; отняли у Литвы коложское знамя и разбили немцев близ Киремпе: но, ведая меру сил своих, прибегнули к государю московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имели свою особенную систему политическую и в самом деле мало зависели от великого князя: однако ж Василий, называясь их государем, решился доказать истину сего названия; отправил к ним брата, Константина Димитриевича, и, требуя удовлетворения от Витовта, начал собирать полки. Его *система осторожности* не переменилась: он хотел мира, но хотел доказать и готовность к войне в случае необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остаток независимой России.

Витовт ответствовал гордо. Призвав в союз к себе Иоанна Михайловича Тверского, великий князь послал воевод на литовские города: Серпейск, Козельск и Вязьму. Воеводы возвратились без успеха: огорченный сим худым началом и думая, что Витовт со всеми силами устремится на Москву, Василий Димитриевич решился возобновить дружелюбную связь с Ордою, вопреки мнению старых бояр; требовал вспоможения от Шадибека и представлял, что Литва есть общий их враг. Не было слова о дани и зависимости: Василий искал только союза татар, и юный Шадибек, управляемый доброхотами государя московского, действительно прислал ему несколько полков. Выступив в поле, великий князь сошелся с Витовтом близ Крапивны (в Тульской губернии). Вместо битвы начались переговоры: ибо ни с которой стороны не хотели отважиться на случай решительный, и Герой литовский, помня претерпенное им бедствие на берегах Ворсклы, уже научился не верить счастию. Заключили перемирие и разошлися.

[1407 г.] Мира не было. Литовцы чрез несколько месяцев сожгли и присоединили к своим владениям Одоев, где княжили потомки Св. Михаила Черниговского, быв в некоторой зависимости от сильнейших владетелей рязанских; а великий князь взял Дмитровец, но снова заключил перемирие с тестем под Вязьмою, и также ненадолго. Еще за год до сего времени выехал в Москву из Литвы сын князя Иоанна Ольгимонтовича, Алек-

сандр Нелюб, со многими единоземцами: вступив в нашу службу, он получил себе во владение город Переславль Залесский. Вслед за ним [в 1408 г.] прибыл в Москву Свидригайло Ольгердович, который, будучи недоволен данным ему от Витовта уделом Северским, Брянским, Стародубским и замышляя господствовать над всею Литвою, вздумал предложить услуги свои великому князю. Ему сопутствовали епископ черниговский Исаакий, князья звенигородские, Александр и Патрикий, Феодор Александрович Путивльский, Симеон Перемышльский, Михайло Хотетовский, Урустай Минский и целый полк бояр черниговских, северских, брянских, стародубских, любутских, рославских, так что дворец московский весь наполнился ими, когда они пришли к государю. Московитяне с любопытством смотрели на своих единоплеменников, уже принявших обычаи иноземные; а бояре южной России дивились величию Москвы (за сто лет едва известной по имени), красоте ее церквей, святых обителей и пышности двора Василиева, напомнившей им древние предания о блестящем дворе Ярослава Великого. Всего же более дивились они в ней благоустройству гражданскому, необыкновенному в их странах, где троны Владимирова потомства стояли пусты и где паны литовские, искажая язык славянский, давали чуждые законы народу. Великий князь осыпал пришельцев милостями и к общему удивлению отдал Свидригайлу в удел не только Переславль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны, но даже столицу владимирскую с селами, доходами и людьми, как сказано в летописи: столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло уверительно говорил о тайных связях своих с вельможами литовскими; хвалился завоевать с помощию москвитян в несколько месяцев всю землю Витовтову; обещал Василию Новгород Северский и склонил его к возобновлению неприятельских действий против тестя. Великий князь не был легковерен; но мог надеяться, что, имея с собою Ягайлова брата, или подлинно найдет друзей в Литве, или приобретет мир выгодный. В последнем отчасти и не обманулся. Витовт встретил зятя на берегах Угры. Многочисленное войско его состояло, кроме литвы, из полков киевских (предводимых Олельком Владимировичем, внуком Ольгердо-

вым), смоленских и даже из немцев, присланных к нему великим магистром прусским. Тщетно Свидригайло искал изменников в стане литовском: самые россияне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки великокняжеские. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; с обеих сторон действовали только легкими отрядами, избегая главного сражения; наконец, вследствие многих переговоров, согласились в мирных условиях, назначив Угру пределом между Литвою и московскими владениями в нынешней Калужской губернии. Города Козельск, Перемышль, Любутск возвратились к России и были с того времени уделом Владимира Андреевича *Храброго*. Сохраняя честь свою, великий князь не хотел выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязал тестя не беспокоить впредь области псковитян, которые после заключили с Литвою мир особенный.

Впрочем, покровительство Василия Димитриевича не доставило Пскову безопасности. Брат его, Константин, взяв за Наровою немецкий городок Порх, уехал назад в Москву; а магистр ливонский, Конрад Фитингоф, соединясь с курляндцами, разбил псковитян: три посадника и 700 лучших граждан легло на месте. Еще два раза входил он в их владения, жег села, пленял людей, не щадя и новогородцев, которые, злобствуя на псковитян, отказались и тогда действовать с ними заодно против общих неприятелей. Сии частые войны с Ливониею обыкновенно не имели никаких важных следствий. Хотя немцы мыслили присоединить Псков к своим владениям с согласия Витовта и Свидригайла (как то видно из договора, заключенного между ими в 1402 году): но имея более властолюбия, нежели силы, они только грабили, убивали несколько сот человек и чувствовали нужду и мире для выгод торговли. Народное право с обеих сторон так мало уважалось, что иногда умерщвляли послов: в Нейгаузене (в 1414 году) изрубили псковского, во Пскове дерптского. Сия вражда прекратилась в 1417 году мирным договором на 10 лет, и великий князь участвовал в оном как посредник. Но псковитяне, честно соблюдая мир с немцами, снова возбудили на себя гнев Витовта, который принуждал их объявить войну Ливонии. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу посольствами в Литву и в

Москву. Витовт грозил им непрестанно; однако ж не сделал ничего более, вероятно из уважения к зятю, коего псковитяне всегда признавали своим верховным государем и который давал им князей или наместников. Три раза начальствовал там Константин, брат Василиев; после князья ростовские, Андрей и Феодор Александрович, сын последнего Александр и Феодор Патрикиевич Литовский.

Доселе государствование Василия было славно и счастливо: он усилил великое княжение знаменитыми приобретениями без всякого кровопролития; видел спокойствие, благоустройство, избыток граждан в областях своих; обогатил казну доходами; уже не делился ими с Ордою и мог считать себя независимым. Хотя после ханские от времени до времени являлись в Москве (царевич Эйтяк в 1403 году и мирза, казначей Шадибеков, в 1405): но вместо дани получали единственно маловажные дары и возвращались с ответом, что великое княжение Московское будто бы оскудело и не в силах платить серебра ханам. Напрасно Тимур Кутлук и Шадибек звали к себе Василия: он не хотел послать к ним никого из своих братьев или бояр старейших, ожидая, чем кончатся, междоусобия ординские. Еще Тохтамыш, отверженный Витовтом, скитался по отдаленным улусам, искал друзей и надеялся возвратить себе царство; когда же, настигнутый в пустынях, близ Тюменя, отрядом войска Шадибекова, он пал в сражении: великий князь, с намерением питать мятеж в Орде, дал в России убежище сыновьям его. Слабый хан молчал, а знаменитый Эдигей, сподвижник Тамерланов, победитель Витовта, князь всемогущий в улусах, находился в дружеских сношениях с Василием; давал ему ласковое имя сына и коварный совет воевать Литву, в то же время советуя Витовту искоренить Московское княжение. Так моголы, некогда страшные одною силою, уже начали хитрить в слабости, стараясь производить вражду между государями, для них опасными. В 1407 году, когда князь тверской, Иоанн Михайлович, приехал Волгою на судах в ханскую столицу (чтобы судиться там с Юрием Всеволодовичем, братом умершего Иоанна Холмского, желавшим присвоить себе Тверское княжение), сделалась в Орде перемена: Булат-Салтан изгнал Шадибека, зятя Эдигеева, и сел на царство, но еще более своих пред-

шественников зависел от Эдигея. Сей хитрый старец — видя, что государь московский и Витовт никак не хотят отважиться на решительную войну между собою — предпринял наконец оружием смирить первого; готовя рать многочисленную, все еще уверял его в своей ревностной дружбе и писал к нему, выступив в поход: «Се идет царь Булат с Великою Ордою наказать литовского врага твоего за содеянное им зло России. Спеши изъявить царю благодарность: если не лично, то пришли хотя сына, или брата, или вельможу». С сею грамотою приехал в Москву один из чиновников татарских. Василий имел друзей в Орде и знал о ратных ее движениях; но по всем известиям думал, что моголы действительно хотят воевать Литву: ибо Эдигей умел скрыть свою истинную цель от самых вельмож ханских. Никто не беспокоился в Москве, где, по сказанию одного летописца, уже мало оставалось бояр старых и где юные советники великокняжеские мечтали в гордости, что они могут легко обманывать старца Эдигея и располагать в нашу пользу силами моголов. Однако ж Василий Димитриевич был изумлен скорым походом ханского войска и немедленно отправил боярина Юрия в стан оного, чтобы иметь вернейшее сведение о намерении татарского полководца; велел даже собирать войско в городах, на всякий случай. Но Эдигей, задержав Юрия, шел вперед с великою поспешностию — и чрез несколько дней услышали в Москве, что полки ханские стремятся прямо к ней.

Сия весть поколебала твердость великокняжеского Совета: Василий не дерзнул на битву в поле и сделал то же, что его родитель в подобных обстоятельствах: уехал с супругою и с детьми в Кострому, оставив защитниками столицы дядю, Владимира Андреевича Храброго, братьев Андрея и Петра со множеством бояр и духовных сановников (митрополит Киприан уже скончался). Великий князь надеялся на крепость стен московских, на действие своих пушек и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагоприятную для осады долговременной. Не одна робость, как вероятно, заставила его удалиться. Он мог скорее боярина или наместника подвигнуть северные города российские к единодушному восстанию против неприятеля для избавления столицы, и татары не могли спокойно осаждать ее, зная,

что великий князь собирает там войско. Но граждане московские судили иначе и роптали, что государь предает их врагу, спасая только себя и детей. Напрасно князь Владимир, украшенный сединою честной старости и славною памятию Донской битвы, ободрял народ своим величественным спокойствием в опасности: слабые унывали. Чтобы татары не могли сделать примета к стенам кремлевским, сей князь велел зажечь вокруг посады. Несколько тысяч домов, где обитали мирные семейства трудолюбивых граждан, запылали в одно время. Жители не думали спасать имения и толпами бежали к городским воротам. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся детей, молили единственно о том, чтобы их впустили в оные: необходимость предписывала жестокий отказ, ибо от излишнего многолюдства опасались голода в крепости. Зрелище было страшно: везде огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию.

Ноября 30, ввечеру, татары показались, но вдали, опасаясь действия огнестрельных городских орудий. Декабря 1 пришел сам Эдигей с четырьмя царевичами и многими князьями, стал в Коломенском, отрядил 30 000 вслед за Василием к Костроме и послал одного из царевичей, именем Булата, сказать Иоанну Михайловичу Тверскому, чтобы он немедленно шел к нему со всею его ратию, самострелами и пушками. Между тем полки татарские рассыпались по областям великого княжения; взяли Переславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец: то есть сожгли их, пленив жителей, ограбив церкви и монастыри. Счастлив, кто мог спастися бегством! Не было ни малейшего сопротивления. Россияне казались стадом овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы падали ниц пред варварами; ждали решения судьбы своей, и моголы отсекали им головы или расстреливали их в забаву; избирали любых в невольники, других только обнажали: но сии несчастные, оставляемые без крова, без одежды среди глубоких снегов в жертву страшному холоду и метелям, большею частию умирали. Пленников связывали и вели как псов на смычках: иногда один татарин гнал перед собою человек со-

рок. Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя в Владимире и в пяти других городах, имея воинскую многочисленную дружину, обязанный милостию великого князя, которая не изменилась и со времени неудачного похода литовского, бежал и скрылся в лесах от моголов. (Сей мнимый герой, обличив свое малодушие, скоро выехал из России с великим богатством и стыдом, ограбив на пути наши села и пригороды.)

Эдигей, обложив Москву, нетерпеливо ждал к себе князя тверского с орудиями стенобитными и не предпринимал ничего против города; но Иоанн Михайлович поступил в сем случае как истинный россиянин и друг отечества: он гнушался мыслию способствовать гибели Московского княжения, хотя и весьма опасного для независимости Тверского; поехал к Эдигею один с немногими боярами и возвратился из Клина, будто бы от нездоровья. Сие великодушие могло стоить ему дорого: к счастию, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки ханские, которые гнались за великим князем, не могли настигнуть его и, к досаде Эдигея, пришли назад. Несмотря на ослушание Иоанна Тверского и недостаток в нужных для осады снарядах, сей вождь ординский упорствовал взять Москву, если не приступом, то голодом, и хотел зимовать в Коломенском. Но вести, полученные им от хана, расстроили его намерение. Уже прошел тот век, когда наследники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тьмами, и могли в одно время громить Восток и Запад: внутренние несогласия, кровопролития, язва, герой Донской и Тамерлан столь уменьшили многолюдство в улусах, что Булат, отправив войско в Россию, остался беззащитным и едва не был пленен каким-то мятежным ординским царевичем, хотевшим овладеть его столицею. Хан заклинал полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства действительно были таковы, что Эдигей не мог терять времени, с одной стороны опасаясь великого князя, собиравшего в Костроме войско, а с другой еще страшнейших врагов в Орде; призвал вельмож на совет и положил чрез несколько часов отступить от нашей столицы; но, желая казаться победителем, а не бегущим, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послал объявить московским начальникам, что

соглашается не брать их города, если они дадут ему окуп.

Москва представляла зрелище и ратной деятельности и ревностных подвигов благочестия; с утра до иочи воины стояли на стенах, священники в отверстых храмах пели молебны, иарод постился. «Богатые,— говорит летописец,— обещали Небу наградить бедиых, сильные не теснить слабых, судии быть правосудными,— и солгали пред Богом!» Владимир Андреевич, князья, бояре целые три недели тщетно ждали приступа и, не имея запасов хлебных, страшились голода. Удивлениые предложением Эдигея и не зная, что сделало его миролюбивым, они с радостию дали ему 3000 рублей и прославили милость Божию, когда сей князь, отправив вперед добычу с обозом, 21 декабря выступил из Коломенского; взял еще на возвратном пути Рязань и скоро удалился от пределов российских. Но следы сего ужасного нашествия остались надолго неизгладимы в оных. «Вся Россия,— пишут современиики,— от реки Дона до Белаозера и Галича, была потрясена сею грозою. Целые волости опустели. Кто избавился от смерти и иеволи, тот оплакивал ближних или утрату имения. Везде *туга* и скорбь, предсказанные некоторыми книжииками года за три или за четыре. Многие удивительные знамения также возвестили гиев Божий: со многих святых икон текло миро или капала кровь», и проч. Суеверие всегдашнее в таких случаях: люди слабые, поражеиные внезапным ударом, обыкновенно ищут сверхъестественных предзнаменований его в минувшем времени, как бы надеясь впредь лучшим внимаиием к таинствениым указаниям Судьбы отвращать подобные бедствия.

Впрочем, Эдигей, кроме добычи и пленников, ие приобрел ничего важного сим подвигом, к коему он иесколько лет готовился, и грозное письмо, отправленное им с пути к великому князю, не имело иикаких следствий. Оно достопамятно: предлагаем его содержание. «От Эдигея поклон к Василию, по думе с царевичами и князьями.— Великий хаи послал меня на тебя с войском, узнав, что дети Тохтамышевы нашли убежище в земле твоей. Ведаем также происходящее в областях Московского княжеиия: вы ругаетесь не только над купцами иашими, не только всячески тесиите их, но и самых послов царских осмеиваете. Так ли водилось прежде?

Спроси у старцев: земля Русская была нашим верным улусом; *держала страх*, платила дань, чтила послов и гостей ординских. Ты не хочешь знать того — и что же делаешь? Когда Тимур сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово: Шадибек 8 лет властвовал: ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год: ты, старейший князь в улусе Русском, не являешься в Орде! Все дела твои не добры. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Феодор Кошка и напоминал тебе о ханских благотворениях. Ныне сын его недостойный, Иоанн, казначей и друг твой: что скажет, тому веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что вышло? разорение твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови в совет бояр старейших: Илию Иоанновича, Петра Константиновича, Иоанна Никитича и других, с ними согласных в доброй думе; пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, да не погибнет вконец держава твоя. Все, писанное тобою к ханам о бедности народа русского, есть ложь: мы ныне сами видели улус твой и сведали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох: куда ж идет серебро? Земля христианская осталась бы цела и невредима, когда бы ты исправно платил ханскую дань; а ныне бегаешь как раб!.. Размысли и научися!» — Но великий князь не хотел слушаться ни приказаний, ни советов его, сведав о новом мятеже в Орде; возвратился в столицу и с любовию обнял дядю своего, Владимира Андреевича, довольный по крайней мере тем, что, он не имел способа защитить другие города, сдал ему Москву в целости.

[1410 г.] Сей знаменитый внук Калитин жил недолго и преставился с доброю славою князя мужественного, любившего пользу отечества более власти. Он первый отказался от древних прав семейственного старейшинства и был из князей российских *первым дядею, служившим племяннику*. Кратковременные ссоры его с Донским и Василием происходили не от желания присвоить себе великокняжеский сан, а только от смут боярских. Сия великодушная жертва возвысила в Владимире пред судилищем потомства достоинство героя, который счастливым ударом решил судьбу битвы Куликовской, а может быть и России. В архиве наших древностей хранят-

ся договоры сего князя с Василием и завещание. Он возвратил племяннику города Волок и Ржев, взяв от него в замену Углич, Городец на Волге, Козельск, Алексин, не в удел временный, а в наследственное владение, или в отчину, с обязательством, в случае смерти Василиевой, повиноваться его сыну как государю верховному, ходить с ним самим на войну и посылать детей своих с полками московскими. В духовной записи Владимир Андреевич поручает супругу и детей великому князю; отказывает свою треть Москвы всем пяти сыновьям вместе, так, чтобы они ведали ее погодно; старшему сыну, Иоанну, дает Серпухов, Алексин, Козельск (а буде сей город снова отойдет к Литве, то Любутск) — Симеону Боровск и половину Городца: другую половину Ярославу, вместе с Малоярославцем (названным так от имени сего Владимирова сына) — Андрею Радонеж — Василию Перемышль и Углич — супруге Елене Ольгердовне множество сел (в том числе Коломенское, Тайнинское и славную мельницу на устье Яузы); ей же с меньшими детьми большой двор московский (другим сыновьям особенные домы и сады). Свидетелями духовной были игумены Никон Радонежский, Савва Спасский и 5 бояр Владимировых. Как сия, так и договорные, вышеупомянутые грамоты свидетельствуют, что великий князь и Владимир, надеясь избавиться от ига моголов, еще не были в том уверены: ибо последний обязывается делить с первым ординские тягости и платить ему за Углич 105 рублей на семь тысяч рублей ханской дани, а за Городец 160 р. на 1500 р.

[1411—1412 г.] В самом деле великий князь, при новой перемене в Орде, еще на время отказался от государственной независимости. Темир, неизвестный по летописям восточным, свергнул Булата и, прогнав Эдигея к берегам Черного моря, должен был уступить престол Капчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислал в Россию грозных послов и в досаду Василию Димитриевичу хотел восстановить княжение Новогородское, объявив сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наследниками: чего они искали в Орде, и смелейший из них, Даниил Борисович, за год до того времени с дружиною князей болгарских разбил в Лыскове брата Василиева, Петра Димитриевича; а воевода

Даниилов с казанским царевичем, Талычем, ограбил Владимир, имея у себя не более пяти сот моголов и россиян: столь унизилась знаменитая столица Боголюбского! Летописцы, в объяснение сего случая, сказывают, что она тогда не имела стен; что ее наместник, Юрий Васильевич Щека, был в отсутствии, и что неприятели тайно пришли лесом из-за реки Клязьмы в самый полдень, когда все граждане спали! Сам митрополит, преемник Киприанов, Фотий, будучи в сие время близ Владимира, на Святом озере, едва мог спастися от татар бегством в непроходимые пустыни сенежские. Впрочем, ни Лысковская победа, ни опустошение домов и церквей владимирских не могли возвратить Даниилу родительского престола: союзники его, казанские моголы, немедленно ушли назад с добычею. Но ярлык хана в руках князей нижегородских, дружба Зелени-Салтана с Витовтом, новый тесный союз Иоанна Михайловича Тверского с государем литовским, у коего сын его, Александр, гостил в Киеве, и намерение Иоанново ехать в Орду казались Василию Димитриевичу столь опасными, что он решился сам искать благосклонности хана и, провождаемый всеми знатнейшими вельможами, с богатыми дарами отправился в столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сын Тохтамышев, Керимбердей, застрелил сего недруга россиян и воцарился. Сей новый хан, как вероятно, по смерти отца имел с другими братьями убежище в областях московских и, следственно, основанное на признательности благорасположение к Василию: по крайней мере великий князь, им обласканный, достиг своей цели; то есть возвратился с уверением, что бывшие владетели суздальские не найдут в нем (хане) покровителя, а Витовт друга, особенно ко вреду России. Иоанн Михайлович Тверской, также милостиво принятый Керимбердеем, с его согласия удержал за собою Кашин, несмотря на все искания брата, Василия Михайловича. Сей бедный князь, взятый под стражу наместниками тверскими, ушел из заключения, скитался по лесам, был в Москве, у хана, и не мог нигде найти защиты. Василий Димитриевич хотя привез его с собою из Орды, однако ж не хотел в угодность изгнаннику ссориться с Иоанном, который изъявил столько великодушия в бедственное для Москвы время, и в личном с ним знакомстве, при

дворе хана, доказал ему искренними объяснениями, что не имеет никаких вредных для великого княжения замыслов.

[1415—1423 гг.] Нет сомнения, что Василий, будучи в ханской столице, снова обязался платить дань моголам: он платил ее, кажется, до самого конца жизни своей, несмотря на внутренние беспорядки, на частые перемены в Орде. Керимбердей, друг россиян, был неприятелем Витовта, который, желая свергнуть его с престола, объявил царем капчакским князя могольского, именем Бетсабулу, и в Вильне торжественно возложил на него знаки царского достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукном багряным. Керимбердей, победив сего Витовтова хана, отсек ему голову; но скоро погиб от руки своего брата, Геремфердена, бывшего усердным союзником государя литовского. Кроме сего главного хана непрестанно являлись в улусах иные цари, воевали между собою или грабили наши пределы: так (в 1415 году) один из них, взяв Елец, убил тамошного князя; так царь Барак, сын Койричака, победив другого, именем Куйдадата, приступал (в 1422 году) к Одоеву и пленил множество людей, но должен был оставить их, настигженный в степях князем Юрием Романовичем Одоевским и мценским воеводою, Григорием Протасьевичем, которые после, соединясь с друцкими князьями, разбили и Куйдадата. Сей князь тревожил набегами и литовские и российские области: почему Витовт, сведав о приближении его к Одоеву, требовал содействия от великого князя; и хотя москвитяне не успели взять участия в битве: однако ж Витовтовы полководцы, пленив двух жен Куйдадатовых, одну отправили к своему государю, а другую в Москву.— Между тем и старец Эдигей, уступив Орду Капчакскую, или Волжскую, сыновьям Тохтамышевым, властвовал как государь независимый в улусах Черноморских. Будучи врагом Витовта, он (в 1416 году) разорил многие литовские области; не мог взять укрепленного киевского замка, но ограбил и сжег все тамошние церкви вместе с Печерскою лаврою, пленив несколько тысяч граждан, так что с сего времени, по словам историка Длугоша, Киев опустел совершенно. Наконец Эдигей, желая спокойствия, прислал в дар Витовту трех вельблюдов, покрытых красным сукном, и 27 коней, с следующею грамотою: «Князь знаменитый! В трудах

и подвигах честолюбия застигла нас обоих унылая старость: посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролиянная нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, коими мы друг друга огорчали, развеяны ветром; пламя войны очистило сердца наши от злобы; вода угасила пламя». Они заключили мир.

Имея долговременную рать с прусским орденом, Витовт жил мирно с Василием Димитриевичем, который даже не отказался помогать ему войском. В 1422 году, при осаде *Голуба*, или Кульма, были у Витовта союзные дружины московская и тверская, или *великие россияне,* как сказано в тогдашней переписке ордена. Уверяя зятя в своей приязни, Витовт в то же время грозил новогородцам как державе особенной. Желая быть в дружбе и с литовским государем и с московским, они вторично приняли к себе Ольгердова сына, Лугвения, начальствовать в их областных городах, а брата Василиева, Константина Димитриевича, наместником великокняжеским в столицу; но сия политика не имела совершенного успеха. Примирясь с немцами, Витовт и король Ягайло велели Лугвению ехать в Литву, и все трое вместе возвратили мирные грамоты новогородцам. Лугвений писал, что он, быв у них только на жалованье, разрывает сию связь, неприятную его братьям, которые составляют с ним одного человека. «Да будет война между нами! — сказали вечу послы королевские и Витовтовы именем двух государей: — вы обещали и не хотели действовать с нами против немцев; вы торжественно злословите нас и называете *погаными;* вы благотворите сыну врага нашего, Юрия Святославича». Феодор Юрьевич Смоленский действительно жил там и пользовался великодушною защитою правительства: сей юный князь спешил объявить своим покровителям, что не хочет быть для них виною опасной вражды; он немедленно удалился в Немецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться к великому князю; но не имея к нему доверенности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миром (в 1414 году), *на старых условиях,* как сказано в летописи: ибо государь литовский не думал прямо воевать с ними, а только искушал их твердость угрозами, в надежде, что сия народная держава согласится иметь одну политическую систему с Литвою, одних друзей и неприятелей: то есть давать ему или войско или сереб-

ро в случае войны с немцами. Властолюбие его тогда не простиралось далее: ибо Василий Димитриевич, уступив тестю Смоленск, без кровопролития не уступил бы Новагорода, который издревле считался областию великокняжескою. Однако ж новогородцы поставили на своем, удержав право мириться и воевать по собственной воле, а не в угодность государю литовскому.

Во все княжение Василия Димитриевича они не имели никакой *важной* рати с неприятелями внешними. Толпы шведов грабили иногда в окрестностях городка Ямы (ныне Ямбурга), в Корелии и на берегах Невы, но уходили немедленно: россияне, в наказание за то, сожгли предместие Выборга и несколько сел в окрестностях. Двинский посадник, Яков Стефанович, ходил с малочисленною дружиною воевать пределы Норвегии; а *мурмане*, или норвежцы, числом до пяти сот, приплыв в лодках к тому месту, где ныне Архангельск, обратили в пепел 3 церкви и злодейски умертвили иноков монастырей Николаевского и Михайловского.— С ливонскими немцами (в 1420 году) был у новогородцев дружелюбный съезд на берегу Наровы: именем первых сам магистр Сиферт, ландмаршал Вильрабе, ревельский командор Дидрих и фогт венденский Иоанн, от россиян же наместник московский, князь Феодор Патрикеевич, два посадника и три боярина утвердили вечный мир на древних условиях времен Александра Невского касательно границ и торговли. Госвин, феллинский командор, и ругодивский, или нарвский фогт, Герман, приезжали для того в Новгород.

Сия вольная держава долее обыкновенного наслаждалась тогда и внутренним гражданским спокойствием. Только один случай возмутил оное. Расскажем его в доказательство, какие маловажные причины могут иногда волновать общество народное. Некто людин, или простой гражданин, именем Стефан, злобствуя на боярина Данила Божина, схватил его на улице, крича: «Добрые люди! помогите мне управиться с злодеем». Народ взял сторону людина и без всякого исследования сбросил Данила с мосту. Один добродушный рыболов не дал утонуть невинному боярину, а народ в неистовстве разграбил дом сего человека. Дело могло бы тем кончиться; но Данило, желая мести, посадил своего обидчика в темницу: о чем узнав, все граждане Торговой стороны взвол-

новались, ударили в вечевой колокол, надели доспехи, взяли знамя и пришли в Кузьмодемьянскую улицу, где жил боярин Данило: в несколько минут дом его был сравнен с землею и Стефан освобожден. Завидуя избытку бояр и приписывая им дороговизну хлеба, они разграбили множество дворов и монастырь Св. Николая, утверждая, что в нем боярские житницы. Сторона Софийская, где обитали граждане знатнейшие, противилась их злодеяниям и также вооружилась. Звонили в колокола, бегали, вопили и, стараясь занять Большой мост, стреляли друг в друга. Одним словом, казалось, что свирепый неприятель вошел в город и что жители, по их древнему любимому выражению, умирают *за Святую Софию.* В сие самое время сделалась ужасная гроза: от непрестанной молнии небо казалось пылающим; но мятеж народа был еще ужаснее грозы. Тогда архиепископ новогородский Симеон, возведенный на сию степень по жребию из простых иноков (не будучи даже ни священником, ни диаконом), муж редких добродетелей, собрал все духовенство в храме Софийском, облачился в ризы святительские и, провождаемый клиросом, вышел к народу, стал посреди мосту и, взяв в руки животворящий крест, начал благословлять обе стороны. В одно мгновение шум и волнение утихли; толпы сделались неподвижны; оружие и шлемы упали на землю, и вместо ярости изобразилось на лицах умиление. «Идите в домы свои с Богом и с миром!» — вещал добродетельный пастырь — и граждане в безмолвии, в тишине, в духе смирения и братства разошлися. Сей достопамятный случай прославил архиепископа Симеона.

С великим князем жили новогородцы в мире, более притворном, нежели искреннем: они не преставали ни опасаться Василия, ни досаждать ему. В 1417 году изменники, беглецы новогородские, Симеон Жадовский и Михайло Рассохин, собрав толпы бродяг на Вятке, в Устюге, вместе с боярином брата Василиева, Юрия Димитриевича, из областей великокняжеских нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то бояре новогородские, выгнав сих разбойников, сами ограбили Устюг, будто бы без ведома правительства, так же, как Рассохин и Жадовский действовали будто бы без всякого сношения с Москвою. Ссора Василия Димитриевича с братом Константином, в 1420 году, подала новогород

цам случай сделать немалую досаду первому. Следуя новому уставу в правах наследственных, великий князь требовал от братьев, чтобы они клятвенно уступили старейшинство пятилетнему сыну его, именем Василию. Константин не хотел сделать того и лишился удела; бояр его взяли под стражу; имение их описали. Злобствуя на великого князя, он уехал в Новгород, где правительство, нимало не боясь Василиева гнева, с отменными ласками приняло Константина Димитриевича, дало ему в удел все города, бывшие за Лугвением, и какой-то особенный денежный сбор, именуемый *коробейщиною*. Великий князь должен был оскорбиться; но скрыл гнев и примирился с братом, огорчаемый тогда ужасными естественными бедами отечества.

Язва, которая со времен Симеона Гордого несколько раз посещала Россию, ужаснее прежнего открылась в княжение Василия Димитриевича: во Пскове и в Новегороде была четыре раза и дважды в областях Московских, Тверских, Смоленских, Рязанских. Признаки и следствия оказывались те же: а именно, железа, кровохаркание, озноб, жар — и смерть неминуемая. Иногда приходила сия гибельная чума во Псков из ливонского Дерпта, иногда из других мест, или возобновлялась от употребления вещей зараженных. Опустошив Азию, Африку, Европу, она нигде не свирепствовала так долго, как в нашем отечестве, где от 1352 года до 1427 в разные времена бесчисленное множество людей было ее жертвою: в одном Новегороде, по известию немецкого историка Кранца, умерло 80 000 человек в 6 месяцев: «Люди (говорит он) ходя падали на улицах и в одну минуту испускали дух; здоровые шли погребать усопших и, внезапно лишаясь жизни, в той же могиле были сами погребаемы». Ни посты, ни чин Ангельский не спасали: алчная смерть, в городах и селах наполняя скудельницы трупами, искала добычи и в святых обителях душевного мира. Строили церкви; отказывали имения монастырям: иных средств не употребляли. Суеверные псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимых ведьм и, зная по преданию, что древнейшая церковь христианская, в их городе созданная, была посвящена Св. Власию, возобновили оную на старом месте, в надежде, что Господь скорее услышит там их моление о конце сего бедствия. Еще не довольно: в 1419 году выпал глу-

бокий снег 15 сентября, когда еще хлеб не был убран; сделался общий голод и продолжался около трех лет во всей России; люди питались кониною, мясом собак, кротов, даже трупами человеческими; умирали тысячами в домах и гибли на дорогах от зимнего необыкновенного холода в 1422 году. Сперва продавался оков ржи (или 8 осьмин) по рублю, в Костроме по два, в Нижнем по шести рублей (что составляло фунт с $^1/_4$ серебра); наконец негде было купить осьмины. Зная, что во Пскове находилось много ржи запасной, жители новогородские, тверские, московские, чудь, корела толпами устремились в сию область, богатые покупать и вывозить хлеб, а скудные кормиться милостынею. Скоро цена там возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двух рублей. Псковитяне, запретив вывоз хлеба, изгнали всех пришельцев, и сии бедные с женами, с детьми умирали на большой дороге. Кроме того, Москва и Новгород были приводимы в ужас частыми пожарами. В 1421 году необыкновенное наводнение затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровлях; множество домов и церквей обрушилось. К сим страшным явлениям надлежит еще прибавить зимы без снега, бури неслыханные, дожди *каменные и славную* комету 1402 года, для суеверов Италии предвестницу смерти миланского герцога, Иоанна Галеаса. Одним словом, россияне ждали конца миру, и сию мысль имели самые просвященные люди тогдашнего времени. «Иисус Христос,— говорили они,— сказал, что в последние дни будут великие знамения Небесные, глад, язвы, брани и неустройства; восстанет язык на язык, царство на царство: все видим ныне. Татары, турки, фряги, немцы, ляхи, литва воюют вселенную. Что делается в нашем православном отечестве? Князь восстает на князя, брат острит меч на брата, племянник *кует* копие на дядю». В самых делах государственных о том упоминалось. Когда псковитяне (в 1397 году) заключали мир с новогородцами, архиепископ Иоанн, будучи между ими посредником, склонил их к дружелюбию словами: «Дети! видите уже последнее время!»

[1425 г.] Среди общего уныния и слез, как говорят летописцы, Василий Димитриевич преставился на 53 году от рождения, княжив 36 лет, с именем властителя благоразумного, не имев любезных свойств отца своего, доб-

росердечия, мягкости во нраве, ни пылкого воинского мужества, ни великодушия геройского, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый князьями, народом, уважаемый друзьями и неприятелями. Присвоив себе Нижний Новгород, Суздаль, Муром,— вместе с некоторыми из бывших уделов черниговских в древней земле вятичей: Торусу, Новосиль, Козельск, Перемышль, равно как и целые области Великого Новагорода: Бежецкий Верх, Вологду и проч., сей государь утвердил в своем подданстве Ростов, коего владетели, со времен Иоанна Данииловича зависев от Москвы, сделались уже действительными слугами Василия, посылаемые им в качестве наместников управлять другими городами. В Хлыновской летописи сказано, что он посылал войско на Вятку с князем Симеоном Ряполовским, но не мог овладеть ею: современные же грамоты доказывают, что Василий действительно присоединил ее к московским областям и что брат его, Юрий, князь галицкий, господствовал над оною. Впрочем, сия народная держава еще сохраняла свои древние уставы гражданской вольности. Не хотев мечом покорять ни Рязани, ни Твери, Василий имел решительное большинство над князьями их и следственно приближался к единовластию в Россию; усилив державу Московскую приобретениями важными, сохранил ее целость от хищности литовской и менее всех своих предшественников платил дань моголам. Может быть, он сделал ошибку в политике, дав отдохнуть Витовту, разбитому ханом; может быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь с Ордою и вместе с Олегом Рязанским ударить на Литву, чтобы соединить южную Россию с северною, а после тем удобнее свергнуть иго ханское. Но все ли обстоятельства нам известны? Успех предприятия столь великого и смелого был ли действительно вероятен? Князь московский, государь шести или семи нынешних губерний в северной России, имел ли способ сокрушить Витовта, который, властвуя над ее лучшею, многолюднейшею половиною и над всею Литвою, располагая также силами Польши, легко мог, утратив одно войско на берегах Ворсклы, собрать другое? Великий князь, без сомнения, не думал щадить тестя и не жертвовал отечеством какой-нибудь семейственной слабости (быв несколько раз готов сразиться с Витовтом в поле); но

действовал так по лучшему своему государственному разумению. Смелость оправдывается только успехом; безвременная, неудачная губит державы — и часто благодарность отечества принадлежит тому, кто без крайности не дерзал на опасность и не искал имени *великого*.

Довольно, что Василий умел обуздывать тестя и не дал ему поглотить остальных владений независимой России. С 1408 года они жили в непрерывном согласии, и года за два до кончины великого князя супруга его ездила к отцу в Смоленск, может быть не только для свидания, но и для важных государственных переговоров. Василий, кажется, чувствовал себя близким к смерти; хотел заблаговременно взять меры к утверждению сына на престоле великокняжеском и в завещании своем говорит, что он поручает его, вместе с материю, дружескому заступлению тестя и брата, государя литовского, который именем Божиим ему в том обязался. Вероятно, что княгиня София в сем важном деле была посредницею между отцом и супругом. Василий оставлял сына младенцем; знал честолюбие братьев, в особенности Юрия и Константина; предвидел, что они могут воспротивиться новому уставу наследства, подчинявшему дядей племяннику, и надеялся, что сильный и не менее гордый Витовт, признательный к лестной его доверенности, захочет оправдать ее ревностию к пользе юного внука, согласной с нашею государственною: ибо древний, многосложный, неясный закон родового старейшинства более всего питал междоусобие в России. Мог ли великий князь действительно ожидать бескорыстных услуг от тестя, поседевшего в кознях властолюбия? Но сия доверенность кажется более хитростию, нежели слабодушным легковерием: она состояла только в словах и, возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василиева в случае насилия со стороны дядей, не давала Литве никаких способов поработить Москву: ибо Совет великокняжеских бояр, пестунов государя-отрока, знал, чего требовать от иноплеменного покровителя и до чего не допускать его.

В сем завещании Василий, *благословляя* сына *великим княжением* и поручая матери, отказывает ему все родительское наследие и собственный *примысл* (Нижний Новгород, Муром), *треть Москвы* (ибо другие две

части принадлежали сыновьям Донского и Владимира Андреевича), Коломну и села в разных областях; сверх того *большой луг* за Москвою-рекою, Ходынскую мельницу, двор Фоминский у Боровицких ворот и загородный у Св. Владимира; а из вещей драгоценную золотую шапку, бармы, крест патриарха Филофея, каменный сосуд Витовтов, хрустальный кубок, дар короля Ягайла, и проч.; все иные вещи отдает супруге, также и многие волости, прибавляя: «там княгиня моя господствует и судит до кончины своей; но должна оставить их в наследство сыну: села же, ею купленные, вольна отдать, кому хочет. Дочерям отказываю каждой по пяти семей из рабов моих; княгинины холопы остаются служить ей; прочих освобождаю». Грамота скреплена восковыми печатями, четырьмя боярскими и пятою великокняжесскою с изображением всадника; а внизу подписана митрополитом Фотием (греческими словами). Заметим, что Василий Димитриевич уже именно объявляет здесь сына преемником своим в достоинстве великокняжеском; но при жизни старшего сына, Иоанна, умершего отроком, написав подобное же завещание, говорит в оном: «а даст Бог князю Ивану великое княжение держати»,— следственно еще предполагает необходимость ханского на то согласия. Сия первая духовная сочинена около 1407 года и скреплена одною серебряною, вызолоченною печатию с изображением Св. Василия Великого и с надписью: *Князя Великого Василия Димитриевича всея Руси.*

В числе грамот сего времени сохранился также договор великого князя с Феодором Ольговичем Рязанским, писанный в 1403 году. Феодор, обязываясь чтить Василия старейшим братом, называет Владимира Андреевича и Юрия Димитриевича равными себе, а других сыновей Донского меньшими братьями; дает слово не иметь никаких сношений с ханами и с Литвою без ведома Василиева, уведомлять его о всех движениях или намерениях Орды, жить в любви с князьями торусскими и новосильскими, слугами великого князя; признает Оку границею своих и московских владений, и проч. Василий же, уступив ему Тулу, обещает не подчинять себе ни земли Рязанской, ни ее князей; именует Феодора *великим* князем, но вообще говорит языком верховного, хотя и снисходительного или умеренного в властолюбии повелителя.

К блестящим для России деяниям Василиева государствования принадлежит услуга, оказанная сим великим князем императору греческому, Мануилу. Уже славное царство Константина Великого находилось при последнем издыхании. Уступив всю Малую Азию, Фракию и другие владения османским туркам, которые осаждали и Царьград, спасенный единственно Тамерланом, счастливым врагом Баязетовым; утратив почти все, кроме столицы, Мануил находился в крайности и, не имея казны, не мог иметь и войска, нужного для своей защиты. Сведав о сем жалостном оскудении монарха единоверного, Василий Димитриевич не только сам отправил к нему (в 1398 году) знатное количество серебра с монахом Ослябею, бывшим любутским боляричем, но уговорил и других князей российских сделать то же. Сии дары были приняты в Константинополе с живейшею благодарностию: царь, патриарх, народ прославили великодушие россиян; и Мануил, чтобы еще более утвердить дружелюбную связь с Москвою, женил (в 1414 году) сына своего, Иоанна, на дочери Василия Димитриевича, Анне. И так брачные союзы между государями восточной империи и российскими начались и заключились невестами одного имени. Брак первой Анны, супруги Владимира Святого, имел счастливые действия для Греции; но внука Донского видела там одни бедствия и чрез три года скончалась от морового поветрия. Супруг ее царствовал под именем Иоанна Палеолога и не оставил детей.

Церковные дела сего времени особенно достопамятны в нашей истории. Мы видели, что при Димитрии Россия имела двух митрополитов: северная Пимена, южная Киприана. Кончина первого соединила обе митрополии, и Киприан, быв для того в Цареграде, выехал оттуда с великою пышностию, провождаемый двумя греческими митрополитами, адрианопольским и гаанским, тремя архиепископами (Феодором Ростовским, Евфросином Суздальским, Исаакием Черниговским), епископом Михаилом Смоленским, греком Иеремиею Рязанским и Феодосием Туровским. Великий князь, бояре и народ с великою честию встретили Киприана в Котлах, радуясь, что глава всего духовенства российского снова будет обитать в московской столице и зная уже личные его достоинства. В самом деле, сей митрополит имел жаркое

усердие к Вере и нравственность непорочную, строго судил неправды епископов и не дозволял им противиться власти княжеской. Так он справедливо наказал епископа тверского, Евфимия Вислена, обвиняемого князем, духовенством и народом в разных беззакониях; свел его с епископии и велел ему жить в келье Чудова монастыря; а епископа туровского, Антония, в угодность Витовту лишив и сана святительского, отняв у него *белый* клобук, ризницу, источники и скрижали, заключил в Симоновской обители. Другой епископ литовской России, Савва Луцкий, (в 1401 году) призванный на Собор девяти архиереев в Москве, долженствовал отказаться от своей епархии: вероятно, также имев несчастие заслужить гнев Витовтов. Мы говорили о судьбе архиепископа новогородского Иоанна, около трех лет сидевшего в монастыре Николаевском единственно по негодованию великого князя на сего ревностного ходатая прав новогородских. Действуя всегда согласно с пользою или волею государственных властителей, Киприан сохранил под своим начальством епархии южной России и был отменно любим Василием Димитриевичем. Мы должны упомянуть здесь о грамоте, будто бы данной Киприану сим государем на суды церковные и внесенной в некоторые новейшие летописи, с прибавлением, что она выписана из старого московского номоканона. В ней сказано: «Се аз князь великий Василий Димитриевич, размыслив с отцом своим, митрополитом Киприаном, возобновляю древние уставы церковные прадеда моего, Св. Владимира, и сына его, Ярослава, согласно с греческим номоканоном... В лето 6911» (1403). Сии два устава, мнимый Владимиров и Ярославов, суть явно подложные: мог ли благоразумный Василий Димитриевич верить их истине? Мог ли сам митрополит предложить государю законы столь нелепые, по которым надлежало платить за бранное слово, сказанное женщине, во сто раз более, нежели за гнуснейшие преступления и злодейства? Киприан славился не только благочестием, но и дарованиями разума. Уважаемый константинопольским духовенством, он был призван им на Собор, чтобы торжественно низвергнуть беззаконного патриарха Макария, и вместе с знаменитейшими греческими святителями подписал имя свое на *свитке* Макариева *осуждения*. Любя уединение, он жил большею частию вне Москвы, в селе Голе-

нищеве, между Воробьевыми горами и Поклонною, где, наслаждаясь приятными видами и тишиною, переводил книги с греческого и сочинил житие Св. Петра митрополита, в коем, говоря о себе весьма скромно, описывает виденные им мятежи и бедствия в Греции. Как ревностный учитель веры, он имел удовольствие обратить трех знаменитых вельмож ханских: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выехали от Орды в Москву и, просвещенные его беседами, захотели креститься. Сей торжественный обряд совершился на берегу Москвы-реки, в присутствии великого князя и всего двора, при колокольном звоне и радостных восклицаниях бесчисленного народа. Москвитяне плакали от умиления, видя древних гордых врагов своих смиренно внимающих гласу митрополита, и веселились мыслию, что торжество нашей Веры предзнаменует и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трех святых отроков, Анании, Азарии и Мисаила, сии новокрещенные ходили вместе по городу, дружелюбно кланялись народу и были им приветствуемы как братья.— Уважаемый и любимый, Киприан скончался в маститой старости, за несколько дней до смерти (в 1406 году) написав грамоту к Василию Димитриевичу, ко всем князьям российским, боярам, духовенству, мирянам, благословляя их и требуя христианского прощения. Архиепископ ростовский, Григорий, читая оную вслух над гробом его в Успенском соборе, произвел общее рыдание. С того времени все новейшие митрополиты московские списывали сию грамоту и приказывали читать ее на своем погребении.

Преемником Киприановым был (в 1409 году) Фотий, морейский грек, который знал хорошо язык славянский, хотя обыкновенно писал имя свое по-гречески: муж разумный и добродетельный, как говорят летописцы, но весьма несчастливый в своем церковном правлении. Приехав в северную Россию, опустошенную тогда Эдигеем, он с великою ревностию старался о восстановлении митрополитского достояния, расхищенного и неприятелем и корыстолюбцами. Стяжания церковные были захвачены мирянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать их и тягаться с людьми сильными, с князьями, с боярами: чем Фотий возбудил на себя досаду многих; говорили, что он печется более о мирском, нежели о духовном; винили его в излишнем

корыстолюбии, может быть отчасти и справедливо; по крайней мере сам великий князь ему не доброхотствовал и, не любя митрополита, смотрел по-видимому равнодушно и на вред, скоро претерпенный митрополиею.

Хитрый Витовт без сомнения издавна видел с неудовольствием свои российские земли под духовною властию святителя инодержавного. Митрополиты наши именовались киевскими, но жили в Москве, усердствовали ее государям и, повелевая совестию людей, питали дух братства между южною и северною Россиею, опасный для правления литовского; сверх того, собирая знатные доходы в первой, истощали ее богатство и переводили оное в Московское великое княжение. Благоразумная политика Киприанова удаляла исполнение Витовтова замысла: сей пастырь, выехав из литовских владений в Москву, как в столицу государя правоверного, следственно и митрополии, не оставлял Киева; посетив его в 1396 году, жил там около осьмнадцати месяцев; ездил и в другие южные епархии; вообще угождал Витовту. Фотий, монах от юности, мало сведущий в делах государственных и воспитанный в ненависти к латинской церкви, не искал милости в Витовте, усердном католике; не хотел даже быть в областях его и требовал единственно доходов оттуда. Тогда Витовт, созвав епископов южной России, предложил им избрать особенного митрополита и велел подать себе жалобу на Фотия как на пастыря нерадивого. Тщетно Фотий хотел отвратить удар: он спешил в Киев, чтобы примириться с Витовтом или ехать в Константинополь к патриарху; но, ограбленный в Литве, долженствовал возвратиться в Москву. Наместники его были высланы из южной России, волости и села митрополитские описаны на государя и розданы вельможам литовским. Согласно с желанием духовенства, Витовт послал в Константинополь ученого болгарина, именем Григория Цамблака, ласковыми письмами убеждая императора и патриарха поставить сего достойного мужа в митрополиты киевские. Когда же, доброхотствуя Фотию, патриарх не исполнил его воли: все епископы южной России съехались в Новогродок и сами собою, в угодность государю, посвятили Цамблака в митрополиты, написав во всенародное известие следующую достопамятную грамоту:

«Всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше

исходяй от Отца светом. И мы прияли сей дар Небесный; и мы утешились оным, епископы стран российских, друзья и братья по Духу Святому, смиренный *Архиепископ* Полоцкий и Литовский, Феодосий, епископ Исаакий Черниговский, Дионисий Луцкий, Герасим Владимирский, Севастиан Смоленский, Харитоний Хельмский, Евфимий Туровский. Видя запустение Церкви Киевской, главной в Руси, имея пастыря только именем, а не делом, мы скорбели душою: ибо митрополит Фотий презирал наше духовное стадо; не хотел ни править оным, ни видеть его; корыстовался единственно нашими церковными доходами и переносил в Москву древнюю утварь киевских храмов. Бог милосердный подвигнул сердце великого князя Александра Витовта, Литовского и многих русских земель господаря: он изгнал Фотия и просил иного митрополита от царя и патриарха; но ослепленные неправедною мздою, они не вняли молению праведному. Тогда великий князь собрал нас, епископов, всех князей литовских, русских и других подвластных ему, бояр, вельмож, архимандритов, игуменов, священников — и мы в Новом Граде Литовском, в храме Богоматери, по благодати Святого Духа и преданию Апостольскому посвятили киевской церкви митрополита, именем Григория, и свергнули Фотия, представив его вины патриарху, да не рекут люди сторонние: *государь Витовт иной Веры; он не печется о киевской церкви,* которая есть мать русским, ибо Киев есть мать всем градам нашим. Епископы издревле имели власть ставить митрополитов и при великом князе Изяславе посвятили Климента. Так и болгары, древнейшие нас в христианстве, имеют собственного первосвятителя; так и сербы, коих земля не может равняться ни величеством, ни множеством народа с областями Александра Витовта. Но что говорить о болгарах и сербах! Мы последовали уставу Апостолов, которые предали нам, ученикам своим, благодать Св. Духа, равно действующую на всех епископов. Собираяся во имя Господне, святители везде могут избирать достойного учителя и пастыря, самим Богом избираемого. Да не скажут легкомысленные: *отлучимся от них, когда они удалились от церкви греческой!* Нет: мы храним предания Святых Отцов, клянем ереси, чтим патриарха константиноградского и других; имеем одну Веру с ними, но отвергаем только

беззаконную в церковных делах власть, присвоенную царями греческими: ибо не патриарх, но царь дает ныне митрополитов, торгуя важным первосвятительским саном. Так Мануил, любя не славу церкви, а корысть свою, в одно время прислал нам трех митрополитов: Киприана, Пимена и Дионисия. Сие было виною многих долгов, убытков, мятежа, убийства,— и что всего хуже — бесчестия для нашей митрополии. Рассудив же, что не подобает царю-мирянину ставить митрополитов за деньги, мы избрали достойного первосвятителя... В лето 6924 Индикта, ноября 15» (в 1415 году).

Тщетно Фотий писал грамоты к вельможам и народу южной России, опровергая незаконное посвящение Григория как дело одной мирской власти или *иноверного мучителя*, врага истинной церкви: древняя единственная митрополия наша разделилась оттоле на две, и московские первосвятители оставались только по имени киевскими. Григорий Цамблак, муж ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить церковь греческую с латинскою, ездил для того с литовскими панами в Рим и в Константинополь, но возвратился без успеха и скончался в 1419 году, хвалимый в южной России за свое усердие к Вере и проклинаемый в Московской Соборной церкви как отступник. Он уставил торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написал ее житие вместе со многими христианскими поучениями. Преемником его в киевской митрополии был Герасим, смоленский епископ, поставленный константинопольским патриархом в 1433 году.

Отвергая мнимую Василиеву грамоту о суде церковном, между памятниками его княжения нашли мы другую, гораздо несомнительнейшую, о суде гражданском. Она тем любопытнее, что со времен Ярослава Великого до XV века не встречалось нам ни в летописях, ни в архивах ничего относительного к древнему российскому законодательству. Сия судная грамота писана к двинским жителям, когда они в 1397 году признали себя подданными государя московского, и содержит следующее:

«Буде я, великий князь, определю к вам в наместники своего боярина, или двинского, то они должны поступать согласно с сим предписанием.

Ежели сделается убийство, то сыскать убийцу; ежели

не найдут его, то волость платит наместнику 10 рублей; за рану кровавую 30 белок, за синюю 15 белок; а преступник наказывается особенно.

Кто обесчестит боярина словами или ударит, с того взыскивают наместники пеню по чину или роду обиженного.

Буде драка случится в пиршестве и там же прекратится миром: то наместникам и дворянам нет дела; а буде мир сделается уже после, то наместник берет куницу *шерстью.*

Перепахав или перекосив межу на одном поле или на одном лугу, виновный дает барана, за перепаханную межу сельскую 30 белок, за княжескую 120 белок; но его не вязать.— Вообще все судимые, дающие порук, остаются свободны. С человека скованного дворянам судейским не просить ничего; всякое обещание в таком случае недействительно.

У кого найдется краденое, но кто сведет с себя татьбу и доищется вора: тому нет наказания. Вор же платит в первый раз цену украденного; за преступление вторичное наказывается тяжкою денежною пенею, а в третий раз виселицею. Тать во всяком случае должен быть заклеймен.

Уличенный в *самосуде* платит 4 рубля; а самосуд есть то, когда гражданин или земледелец, схватив татя, отпустит его за деньги, а наместники о сем узнают.

Кто, будучи вызываем к суду, не явится, на того наместники дают грамоту *правую бессудную* или обвинительную.

Господин, ударив холопа своего и нечаянно убив до смерти, не ответствует за то наместникам.

В тяжбах со всякого рубля наместнику полтина.

Обиженные наместником приносят жалобу мне, великому князю. Я потребую его к ответу; и буде в срок не явится, то велю приставу княжескому поступить с ним как с виновным.

Двинские купцы не должны быть судимы ни в Устюге, ни в Вологде, ни в Костроме. Если будут обличены в татьбе, то представить их ко мне, великому князю, и ждать моего суда или жаловаться на них двинским моим наместникам.

Двиняне торгуют без пошлины, во всех областях великого княжения, платя единственно устюжским и во-

логодским наместникам две меры соли с ладии, а с воза две белки» и проч. Далее определяется платеж дворянам или судейским отрокам (как они в древней Русской Правде именуются) за труд и переезды.

Сии законы уже не сходствуют с Уставом Ярослава Великого, определяя смертную казнь за воровство, наказываемое у нас в старину одною денежною пенею.— Под именем *белок,* упоминаемых здесь в означении цен, должно разуметь не древние векши, или кожаную монету, а действительные бельи шкуры, так же, как в другом месте сей грамоты сказано, что наместник за драку берет куницу *шерстью*: следственно, кунью шкуру. Нет вероятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепахание межи платил только 30 *векшей;* сумму ничтожную по цене древних кожаных денег. Впрочем, сии деньги, или *куны*, тогда еще ходили в Двинской земле: ибо новогородское правительство отменило их уже в 1410 году, заменив оные медными грошами литовскими и шведскими ортугами, а в 1420 году серебряною монетою, подобною московской и другим российским, продав медную немцам. То же сделали и псковитяне; и с сего времени во всей России начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконец столь унизились в цене, что в 1407 году псковитяне давали ими 15 гривен за полтину серебра.

В прибавление к истории Василия Димитриевича сообщим следующие известия:

В его княжение россияне начали счислять годы мироздания с сентября месяца, оставив древнее летосчисление с марта. Вероятно, что митрополит Киприан первый ввел сию новость, подражая тогдашним грекам.

Уже при Димитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам и фамилиям, вместо прозвищ, коими различались прежде люди одного имени и отчества: при Василии сие обыкновение утвердилось, и древние славянские имена вышли из употребления.

В сие время Москва славилась иконописцами Симеоном Черным, старцем Прохором, городецким жителем Даниилом и монахом Андреем Рублевым, столь знаменитым, что иконы его в течение ста пятидесяти лет служили образцом для всех иных живописцев. В 1405 году он расписал церковь Св. Благовещения на дворе велико-

княжеском, а в 1408 соборную Св. Богоматери в Владимире, первую вместе с греком Феофаном и с Прохором, а вторую с Даниилом.— И в литейном художестве Москва имела искусных мастеров: один из них (в 1420 году) научил псковского гражданина Феодора лить свинцовые доски для кровли церковной: за что псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптские немцы, скрывая от россиян все успехи полезных художеств, никак не хотели присылать к ним своих мастеров.

В 1404 году монах Афонской горы, именем Лазарь, родом сербин, сделал в Москве первые боевые часы, которые были поставлены на великокняжеском дворе, за церковию Благовещения, и стоили более полутораста рублей, то есть около тридцати фунтов серебра. Народ удивлялся сему произведению искусства как чуду.

В 1394 году великий князь, желая более укрепить столицу, велел копать ров от Кучкова поля, или нынешних Стретенских ворот, до Москвы-реки, глубиною в человека, а шириною в сажень. Для сего, к неудовольствию граждан, надлежало разметать многие домы: ибо ров шел сквозь улицы и дворы. Следственно, Москва была тогда уже обширнее нынешнего Белого города.

В 1390 году знатный юноша, именем Осей, сын великокняжеского пестуна, был смертельно уязвлен оружием в Коломне *на игрушке*, как сказано в летописи: сие известие служит доказательством, что предки наши, подобно другим европейцам, имели рыцарские игры, столь благоприятные для мужества и славолюбия юных витязей.

В послании митрополита Фотия, писанном в 1410 году к новогородскому архиепископу Иоанну, находим некоторые достопамятные черты относительно к тогдашним понятиям, обыкновениям и нравам. Фотий велит наказывать эпитимиею мужа и жену, которые совокупились браком без церковного, иерейского благословения, и венчать свадьбы после Обедни, а не в полдень, не ночью; дозволяет третий брак единственно молодым людям, не имеющим детей, и с условием не входить в церковь пять лет или заслужить прощение искренним, ревностным покаянием, слезами и сокрушением сердца; возбраняет девицам замужество прежде двенадцати лет; всех, дерзающих пить вино до обеда, лишает причащения; строго осуждает непристойную брань именем отца

или матери; запрещает духовенству торговать и лихоимствовать, инокам и черницам жить в одном монастыре, вдовым иереям быть в женских обителях, людям легковерным слушать басни и принимать *лихих баб с узлами*, с ворожбою и с зелием. Сей митрополит изъявлял отменное усердие к истинному христианскому просвещению и писал многие учительные послания к духовенству, князьям и народу.

Василий Димитриевич за 18 лет до кончины своей оплакал смерть матери, Евдокии, славной умом, а еще более христианскими добродетелями, и сравниваемой летописцами с Мариею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великого, в ревности к украшению церквей. Она построила Вознесенский девический монастырь в Кремле, церковь Рождества Богоматери и другие, расписанные греком Феофаном и Симеоном Черным. Сия княгиня набожная сколь любила добродетель, столь ненавидела ее личину: изнуряя тело свое постами, хотела казаться тучною; носила на себе несколько одежд; украшалась бисером, являясь везде с лицом веселым, и радовалась, слыша, что злословие представляет ее целомудрие сомнительным. Говорили, что Евдокия желает нравиться и даже имеет любовников. Сия молва оскорбила сыновей, особенно Юрия Димитриевича, который не мог скрыть своего беспокойства от матери. Евдокия призвала их и свергнула с себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ее тела и кожу, совершенно иссохшую от неумеренного воздержания. «Верьте,— сказала она,— что ваша мать целомудренна; но виденное вами да будет тайною для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за оную». Но злословие скоро умолкло: Евдокия, незадолго до кончины оставив мир и названная в монашестве Евфросинею, преставилась с именем Святой Угодницы Божией.

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЕМНЫЙ Г. 1425—1462

Чудо. Междоусобие. Язва. Нашествие Литвы. Съезд в Литве. Характер Витовта. Происшествия литовские. Набеги татар. Суд в Орде. Междоусобия. Злодейство. Распря с Новымгородом. Рождение Иоанна Великого. Дань ординская. Изгнанный хан в Белеве. Царство Казанское. Смерть Димитрия Красного. Собор Флорентийский. Новая вражда. Дела новогородские. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествие царя казанского. Плен великого князя. Ужас и бедствие Москвы. Разбой князя тверского. Освобождение Василия. Землетрясение. Злодейство Шемякино. Ослепление великого князя. Безрассудность Шемяки. Пословица. Вероломство. Смирение Василия. Обручение юного Иоанна. Изгнание Шемяки. Клятва. Благоразумное правление Василиево. Булла папы. Иоанн — соправитель. Договоры. Достопамятное послание. Последняя из знаменитых битв княжеского междоусобия. Нашествие татар. Смерть Шемяки. Успехи единовластия. Усмирение Новагорода. Рязанский князь воспитывается в Москве. Неблагодарность Василиева. Покорение Вятки. Дела псковские. Набеги татар. Кончина и свойства Василиевы. Жестокость тогдашних нравов. Суеверие. Перемена монеты в Новегороде. Дела церковные. Взятие Константинополя турками. Начало Крымской Орды.

Новый великий князь имел не более десяти лет от рождения. Подобно отцу и деду в начале их государствования, он зависел от Совета боярского, но не мог равняться с ними ни в счастии, ни в душевных способностях. Не быв еще никогда жертвою внутреннего междоусобия, великое княжение Московское при Василии Темном долженствовало испытать сие зло и видеть уничижение своего венценосца, им заслуженное. Только Провидение, обстоятельства и верность народная, как бы вопреки худым советникам престола, спасли знаменитость Москвы и Россию.

Сей князь еще в колыбели именовался *великим* по следующему происшествию, коего истину утверждают летописцы. Мать его не скоро разрешилась от бремени и терпела ужасные муки. Беспокойный отец просил одного Святого инока Иоанновской обители молиться о княгине Софии. «Не тревожься! — ответствовал старец: — Бог дарует тебе сына и наследника всей России».

Между тем духовник великокняжеский, священник Спасского Кремлевского монастыря, сидел в своей келье и вдруг услышал голос: «Иди и дай имя *великому князю Василию*». Священник отворил дверь и, не видя никого, удивился; спешил во дворец и сведал, что София действительно в самую ту минуту родила сына. Невидимого вестника, приходившего к духовнику, сочли Ангелом; младенца назвали Василием, и народ с сего времени видел в нем своего будущего государя, ожидая от него, как вероятно, чего-нибудь необыкновенного. Надежда осталась без исполнения, но могла быть причиною особенного усердия москвитян к сему внуку Донского.

Василий Димитриевич преставился ночью: митрополит Фотий в тот же час послал своего боярина, Иакинфа Слебятева, в Звенигород к князю Юрию Димитриевичу с требованием, чтобы он, вместе с меньшими братьями, признал племянника великим князем. Но Юрий, всегда имев надежду, в противность новому уставу, быть преемником старшего брата, не захотел ехать в Москву, удалился в Галич и, сведав о торжественном восшествии юного Василия на великокняжеский престол, отправил к нему посла с угрозами. Ни дядя, ни племянник не думал уступить старейшинства; и хотя заключили перемирие до Петрова дня, однако ж Юрий, не теряя времени, собирал войско в городах своего удела. Великий князь предупредил его и вместе с другими дядями выступил к Костроме. Юрий ушел в Новгород Нижний; наконец за реку Суру, откуда Константин Димитриевич, отправленный вслед за ним с полками великокняжескими, возвратился в Москву без всякой битвы. Юрий требовал нового перемирия на год; а Василий по совету матери, дядей и самого Витовта Литовского, послал к нему в Галич митрополита Фотия, который, быв встречен за городом всем княжеским семейством, с изумлением увидел там множество собранного из разных областей народа. Юрий думал похвалиться бесчисленностью своих людей и густыми толпами их усыпал всю гору при въезде в Галич с московской стороны; но митрополит, отгадав его мысль, с насмешкою дал ему чувствовать, что крестьяне не воины и сермяги не латы. Начали говорить о мире: Юрий не хотел оного, требуя единственно перемирия, и столь разгневал Фотия, что сей первосвятитель, не благословив ни князя, ни города, немедленно

уехал. В летописи сказано, что в самый день митрополитова отбытия сделался мор в Галиче; что Юрий, приведенный тем в ужас, верхом поскакал вслед за Фотием и, догнав его за озером, в селе Пасынкове, слезами и раскаянием убедил возвратиться; что благословение пастыря, данное народу, прекратило болезнь, и князь послал в Москву двух вельмож заключить мир, обещав не искать великого княжения, пока царь ординский решит, кому принадлежит оное.

Смутное начало Василиева княжения предвещало бедствия государственные России, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали в истории отца его и которая с Троицына дня возобновилась [1426 г.] в Москве, завезенная туда из Ливонии через Псков, Новгород и Тверь, где в один год скончались князь Иоанн Михайлович, сын Иоаннов Александр и внук Юрий Александрович, княжив месяц. Брат Юриев, Борис, сел на тверском престоле, отдав племяннику, Иоанну Юрьевичу, город Зубцов и взяв под стражу дядю своего, Василия Михайловича Кашинского. В Москве преставились дядя великого князя Петр Димитриевич и три сына Владимира Храброго, Андрей, Ярослав и Василий. В Торжке, Волоке, Дмитрове и в других городах умерло множество людей. Отличным знаком сей новой язвы был синий или багровый пузырь на теле: синий предзнаменовал неизбежную смерть в третий день, а багровый выгнивал, и недужные оставались живы. Летописец говорит, что с сего времени, как некогда с Ноева потопа, век человеческий сократился в России и предки наши сделались щедушнее, слабее; что в разных местах были страшные явления; что от великой засухи (в 1430 году) воды истощились; земля, боры горели; люди среди густых облаков дыма не могли видеть друг друга; звери, птицы и рыбы в реках умирали; везде голод и болезни свирепствовали. Одним словом, последние годы Василия Димитриевича и первые сына его составляют печальнейшую эпоху нашей истории в XV веке. Язва возобновлялась еще во Пскове и в Москве около 1442 и 1448 года.

Неприятели внешние также беспокоили Россию. Корыстолюбивый Витовт, не боясь малолетнего Василия, (в 1426 году) приступил к Опочке, городу псковскому, с войском многочисленным, в коем были даже богемцы, волохи и дружина хана татарского, Махмета. Жители

употребили хитрость: сделали тонкий мост перед городскими воротами, укрепив его одними веревками и набив под ним, в глубоком рве, множество острых кольев; а сами укрылись за стенами. Неприятели, не видя никого, вообразили, что крепость пуста, и толпами бросились на мост: тогда граждане подрезали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали в муках; другие же, взятые в плен, терпели еще лютейшие: граждане сдирали с них кожу, в глазах Витовта и всего осаждающего войска. Сие варварство имело счастливый успех: ибо князь литовский — уверенный, что россияне будут обороняться до последнего издыхания — отступил к Вороначу. Тут сделалась страшная буря с грозою, столь необыкновенная, что литовцы ожидали преставления света, и сам Витовт, обхватив руками шатерный столп, в ужасе вопил: *Господи помилуй!* Сие худое начало расположило его к миру. Псковитяне, тревожимые немцами, оставленные новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество великого князя, коего посол не мог ничего для них сделать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрез два года он посетил и богатых новогородцев, которые спорили с ним о границах и дерзнули назвать его изменником. Современный историк польский описывает их людьми мирными, преданными сластолюбию и роскоши: в надежде на свои непроходимые болота они смеялись над угрозами Витовта и велели ему сказать, что варят мед для его прибытия; но сей старец, еще бодрый и деятельный, со многочисленным войском открыл себе путь сквозь опасные зыби так называемого *Черного леса*. Десять тысяч работников шли впереди с секирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которые служили мостом для пехоты, конницы и снаряда огнестрельного, пищалей, *тюфяков* и пушек. Витовт осадил Порхов. Летописцы рассказывают, что самая огромная из его пушек, сделанная немецким мастером Николаем, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадях, одним выстрелом сразила каменную городскую башню и стену в церкви Св. Николая; но разлетелась на части и своими обломками умертвила множество литовцев, в том числе и самого мастера вместе с воеводою полоцким. В городе начальствовал посадник Григорий и знаменитый муж Исаак Борецкий: не имея ни малой надежды отстоять

крепость, оии выехали к неприятелю и предложили ему 5000 рублей; а иовогородцы, прислав архиепископа Евфнмия с чииовииками в стаи литовский, также старалнсь купить мир серебром. Внтовт мог бы без сомиення осадить и Новгород; одиако ж — рассуждая, что вериое лучше иеверного — взял 10 000 рублей, за плеиииков же особеиную тысячу, н, сказав: «Впредь не смейте называть меия ни измеиником, ин бражинком», возвратился в Литву. Сия даиь, составляя не менее пятидесятн пяти пуд серебра, была тягостиа для иовогородцев, которые собирали её по всем нх областям н в Заволочье; каждые десять человек виосилн в казиу рубль: следствеино, в Новогородской земле иаходнлось не более ста десяти тысяч людей нлн владельцев, платнвшнх государствеиные податн.

Несмотря иа сии непрнятельские действия Внтовта в северо-западной Росснн, он жил мирио с юиым внуком своим, велнким киязем; обязал его даже клятвою ие вступаться нн в новогородские, ин в псковскне дела и в 1430 году дружески пригласил к себе в гостн. С Василием отправился в Литву и мнтрополит Фотий. В Троках иашли оии седого, осьмидесятнлетнего Внтовта, окруженного соимом вельмож литовских. Скоро съехались к иему миогие гости зиамеиитые киязья Борнс Тверской, рязанскнй, одоевские, мазовскне, хан перекопский, изгнаниый господарь волошский Илня, послы нмператора греческого, великий магнстр прусскнй, ландмаршал ливоиский с своими саиовииками и король Ягайло. Летописцы говорят, что сей торжественный съезд веицеиосцев н киязей представлял зрелище редкое; что гости старались удивнть хозяиеа великолепнем своих одежд н многочислениостию слуг, а хозяиеи удивлял гостей пнрами роскошными, каких ие бывало в Европе н для коих ежедневио из погребов кияжеских отпускалось 700 бочек меду, кроме виеа, ромаиеи, пива,— а на кухию привозили 700 быков и яловиц, 1400 бараиов, 100 зубров, столько же лосей н кабаиов. Праздновалн около семи недель, в Троках и в Вильие; но заннмались и важиым делом: оио состояло в том, что Внтовт, по совету цесаря Сигизмунда (нмевшего с ним, в генваре 1429 года, свндаиие в Луцке) хотел назваться *королем* литовским н прннять веиец от руки посла рнмского. К досаде сего величавого старца, вельможн польские воспротивнлись его на-

мерению, боясь, чтобы Литва, сделавшись особенным королевством, не отделилась от Польши, к их вреду обоюдному: чего действительно тайно желал хитрый цесарь. Тщетно грозил Витовт: сам папа, взяв сторону Ягайловых вельмож, запретил ему думать о венце королевском, и веселые пиры заключились болезнию огорченного хозяина. Все разъехались: один Фотий жил еще несколько дней в Вильне, стараясь, как вероятно, о присоединении киевской митрополии к московской; наконец, отпущенный с ласкою, сведал в Новогродке о смерти Витовта. Сей князь, тогда славнейший из государей северной Европы, был для нашего отечества ужаснее Гедимина и Ольгерда, своими завоеваниями стеснив пределы России на юге и западе; в теле малом вмещал душу великую; умел пользоваться случаем и временем, повелевать народом и князьями, награждать и наказывать; за столом, в дороге, на охоте занимался делами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несметное множество серебра, золота, расточал оные щедро, но всегда с пользою для себя; человеколюбия не ведал; смеялся над правилами государственного нравоучения; ныне давал, завтра отнимал без вины; не искал любви, довольствуясь страхом; в пирах отличался трезвостию и подобно Ольгерду не пил ни вина, ни крепкого меда, но любил жен и нередко, оставляя рать в поле, обращал коня к дому, чтобы лететь в объятия юной супруги. С ним, по словам историка польского, воссияла и затмилась слава народа литовского, к счастию России, которая без сомнения погибла бы навеки, если бы Витовтовы преемники имели его ум и славолюбие: но Свидригайло, брат Ягайлов, и Сигизмунд, сын Кестутиев, один после другого властвовав над Литвою, изнуряли только ее силы междоусобием, войнами с Польшею, тиранством и грабительством. Свидригайло, зять князя тверского, Бориса, всегда омраченный парами вина, служил примером ветрености и неистовства, однако ж был любим россиянами за его благоволение к Вере греческой. Брат Витовтов, Сигизмунд, изгнав Свидригайла — бывшего потом несколько лет пастухом в Молдавии — господствовал как ужаснейший из тиранов и, палимый страстию златолюбия, губил вельмож, купцов, богатых граждан, чтобы овладеть их достоянием; не веря людям, вместо стражи держал при себе диких зверей и не мог спастися от ножа убийц:

князья Иоанн и Александр Черторижские, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемником был (в 1440 году) сын Ягайлов, Казимир; а добродушный сын Сигизмундов, Михаил, умер изнанником в России, отравленный каким-то злодеем по наущению вельмож литовских, как думали.— Новогородцы в 1431 году заключили мирный договор с Свидригайлом, а в 1436 с Сигизмундом.

Что в сие время происходило в Орде, о том не имеем никакого сведения. В 1426 году татары пленили несколько человек в Украйне Рязанской, другая многочисленная толпа их, предводительствуемая царевичем и князем, чрез три года опустошила Галич, Кострому, Плесо и Луг. Единственною целию сих впадений был грабеж. Настигнув хищников, рязанцы отняли у них и добычу и пленных; а дяди князя великого, Андрей и Константин Димитриевичи, ходили вслед за царевичем до Нижнего. Они не могли догнать неприятеля: но князь Стародубский-Пестрый и Феодор Константинович Добрынский, недовольные их медленностию, тайно отделились от московского войска с своими дружинами и наголову побили задний отряд татарский. Осенью в 1430 году князь ординский Айдар воевал литовскую Россию и приступал ко Мценску; отраженный тамошним храбрым начальником, Григорьем Протасьевым, употребил обман: дав ему клятву в дружестве, вызвал его из города и взял в плен. Золотая Орда повиновалась тогда хану Махмету, который, уважая народное право, осыпал Айдара укоризнами, а мужественного воеводу, Григория, ласками и возвратил ему свободу; пример чести, весьма редкий между варварами! В том же году, весною, великий князь посылал воеводу своего, князя Феодора Давидовича Пестрого, на Волжскую и Камскую Болгарию, где россияне взяли немало пленников.

Миновало около шести лет после заключенного юным Василием мира с дядею его, Юрием: условие решить спор о великом княжении судом ханским оставалось без исполнения: для того ли, что цари непрестанно менялись в мятежной Орде, или Василий хотел уклониться от сего постыдного для наших князей суда, в надежде смирить дядю? Они действительно в 1428 году клятвою утвердили договор, чтобы каждому остаться при своем; но Юрий, года три жив спокойно, объявил войну племян-

нику. Тогда великий князь предложил дяде ехать к царю Махмету: согласились, и Василий, раздав по церквам богатую милостыню, с горестным сердцем оставил Москву; в прекрасный летний день, августа 15, обедал на лугу близ Симонова монастыря и не мог без слез смотреть на блестящие главы ее храмов. Никто из князей московских не погибал в Орде: бояре утешали юного Василия рассказами о чести и ласках, оказанных там его родителю; но мысль отдать себя в руки неверным и с престола знаменитого упасть к ногам варвара омрачала скорбию душу сего слабого юноши. За ним отправился и Юрий. Они вместе прибыли в улус баскака московского, Булата, друга Василиева и неприятеля Юриева. Но сей последний имел заступника в сильном мурзе Тегине, который увез его с собою зимовать в Тавриду и дал слово исходатайствовать ему великокняжеское достоинство. К счастию Василия, был у него боярин хитрый, искательный, велеречивый, именем Иоанн Димитриевич: он умел склонить всех ханских вельмож в пользу своего юного князя, представляя, что им будет стыдно, если Тегиня один доставит Юрию сан великокняжеский; что сей мурза необходимо присвоит себе власть и над Россиею и над Литвою, где господствует друг Юриев, Свидригайло; что сам царь ординский уже не посмеет ни в чем ослушаться вельможи толь сильного и что все другие сделаются рабами Тегини. Такие слова уязвили *как стрела*, по выражению литописца, сердце вельмож ханских, в особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у царя за Василия и чернить Тегиню так, что легковерный Махмет наконец обещал им казнить смертию сего мурзу, буде он дерзнет вступиться за Юрия. Весною [1432 г.] дядя Василиев приехал из Тавриды в Орду; а с ним и Тегиня, который, сведав о расположении царя, уже не смел ему противоречить. Махмет нарядил суд, чтобы решить спор дяди с племянником, и сам председательствовал в оном. Василий доказывал свое право на престол новым уставом государей московских, по коему сын после отца, а не брат после брата, долженствовал наследовать великое княжение. Дядя, опровергая сей устав, ссылался на летописи и на завещание Димитрия Донского, где он (Юрий), в случае кончины Василия Димитриевича, назван его преемником. Тут боярин московский, Иоанн, стал пред

Махметом и сказал: «Царь верховный! Молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет великого княжения по древним правам российским, а государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значит летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли царской? Не она ли утвердила завещание Василия Димитриевича, отдавшего Московское княжение сыну? Шесть лет Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, следственно, сам признавал государем законным». Сия действительно хитрая речь имела успех совершенный: Махмет объявил Василия великим князем и велел Юрию *вести под ним коня:* древний обряд азиатский, коим означалась власть государя верховного над его подручниками или зависимыми князьями. Но Василий, уважая дядю, не хотел его уничижения; а как в сие время восстал на Махмета другой царь могольский, Кичим-Ахмет, то мурза Тегиня, пользуясь смятением хана, выпросил у него для Юрия город Дмитров, область умершего князя Петра Димитриевича. Племянник и дядя благополучно возвратились в Россию, и вельможа татарский, Улан-царевич, торжественно посадил Василия на трон великокняжеский в Москве, в храме Богоматери у златых дверей. С сего времени Владимир утратил право города столичного, хотя в титуле великих князей все еще именовался прежде Москвы.

Суд ханский не погасил вражды между дядею и племянником. Опасаясь Василия, Юрий выехал из Дмитрова, куда великий князь немедленно прислал своих наместников, изгнав Юрьевых. Скоро началась и явная война от следующих двух причин. Московский вельможа Иоанн, оказав столь важную услугу государю, в награду за то хотел чести выдать за него дочь свою. Или невеста не нравилась жениху, или великий князь вместе с материю находил сей брак неприличным: Иоанн получил отказ, и Василий женился на Марии, дочери Ярослава, внуке Владимира Андреевича Храброго. Надменный боярин оскорбился. «Неблагодарный юноша обязан мне великим княжением и не устыдился меня обесчестить»,— говорил он в злобе и выехал из Москвы, сперва в Углич к дяде Василиеву, Константину Димитриевичу, потом в Тверь и наконец в Галич к Юрию. Обо-

юдная ненависть к государю московскому служила для них союзом: забыли прошедшее и вымышляли способ мести. [1433 г.] Боярин Иоанн не сомневался в успехе войны: положили начать оную как можно скорее. Между тем сыновья Юриевы, Василий Косой и Димитрий Шемяка, дружески пируя в Москве на свадьбе великого князя, сделались ему неприятелями от странного случая, который на долгое время остался памятным для москвитян. Князь Димитрий Константинович Суздальский некогда подарил нареченному зятю своему, Донскому, золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными каменьями; тысячский Василий, в 1367 году, во время свадьбы Донского, тайно обменял его на другой, гораздо меньшей цены, и дал сыну Николаю, женатому на Марии, старшей дочери князя суздальского. Переходя из рук в руки, сей пояс достался Василию Юрьевичу Косому и был на нем в час свадебного великокняжеского пиршества. Наместник ростовский, Петр Константинович, узнал оный и сказал о том матери Василия, Софии, которая обрадовалась драгоценной находке и, забыв пристойность, торжественно сняла пояс с Юриевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гневом, бежали из дворца, клялись отмстить за свою обиду и немедленно, исполняя повеление отца, уехали из Москвы в Галич.

Прежде они хотели, кажется, быть миротворцами между Юрием и великим князем: тогда же, вместе с боярином Иоанном, старались утвердить родителя в злобе на государя московского. Не теряя времени, они выступили с полком многочисленным; а юный Василий Васильевич ничего не ведал до самого того времени, как наместник ростовский прискакал к нему с известием, что Юрий в Переславле. Уже Совет великокняжеский не походил на Совет Донского или сына его: беспечность и малодушие господствовали в оном. Вместо войска отправили посольство навстречу к галицкому князю с ласковыми словами. Юрий стоял под стенами Троицкого монастыря; он не хотел слышать о мире: вельможа Иоанн и другие бояре его ругали московских и с бесчестием указали им возвратный путь. Тогда великий князь собрал несколько пьяных воинов и купцов; в двадцати верстах от столицы, на Клязьме, сошелся с неприятелем [25 апреля 1433 г.] и, видя силу оного, бежал назад; взял мать, жену; уехал в Тверь, а из Твери в Кострому,

чтобы отдаться в руки победителю: ибо Юрий, вступив в Москву и всенародно объявив себя великим князем, пошел туда и пленил Василия, который искал защиты в слезах. Боярин Иоанн, думая согласно с сыновьями галицкого князя, считал всякое снисхождение неблагоразумием. Юрий также не славился мягким сердцем; но имел слабость к одному из вельмож своих, Симеону Морозову, и, приняв его совет, дал в удел племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновал сей мир веселым пиршеством и с дарами отпустил Василия в его удельный город.

Открылось, что Морозов или обманул своего князя, или сам обманулся. Приехав в Коломну, Василий начал отовсюду сзывать к себе народ, бояр, князей: все шли к нему охотно, ибо признавали его законным государем, а Юрия хищником, согласно с новою системою наследства, благоприятнейшею для общего спокойствия. Сын, восходя на трон после отца, оставлял все, как было, окруженный теми же боярами, которые служили прежнему государю: напротив чего брат, княживший дотоле в каком-нибудь особенном уделе, имел своих вельмож, которые, переезжая с ним в наследованную по кончине брата землю, обыкновенно удаляли тамошних бояр от правления и вводили новости, часто вредные. Столь явные выгоды и невыгоды вооружили всех против старой мятежной системы наследственной и против Юрия. В несколько дней Москва опустела: граждане не пожалели ни жилищ, ни садов своих и с драгоценнейшим имуществом выехали в Коломну, где недоставало места в домах для людей, а на улицах для обозов. Одним словом, сей город сделался истинною столицею великого княжения, многолюдною и шумною. В Москве же царствовали уныние и безмолвие: человек редко встречался с человеком, и самые последние жители готовились к переселению. Случай единственный в нашей истории и произведенный не столько любовию к особе Василия, сколько усердием к правилу, что сын должен быть преемником отца в великокняжеском сане!

Юрий укорял своего любимца, Морозова, неблагоразумным советом; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокого, не удовольствовались словами: пришли к сему боярину в набережные сени и, сказав: «Ты погубил нашего отца!» — собственною рукою умер-

твили его. Боясь гнева родительского, они выехали в Кострому. Князь же Юрий, видя невозможность остаться в Москве, сам отправился в Галич, велев объявить племяннику, что уступает ему столицу, где Василий скоро явился к торжеством и славою, им не заслуженною, провождаемый боярами, толпами народа и радостным их кликом. Зрелище было необыкновенное: вся дорога от Коломны до Москвы представлялась улицею многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь вслед за государем, как *пчелы за маткою,* по старому, любимому выражению наших летописцев.

Но бедствия Василиева княжения только что начинались. Хотя Юрий заключил мир, возвратил племяннику Дмитров, взяв за то Бежецкий Верх с разными волостями, и дал слово навсегда отступиться от больших сыновей, признав их в договорной грамоте врагами общего спокойствия: однако ж скоро нарушил обещание, послав к детям свою галицкую дружину, с которою они разбили московское войско на реке Куси. Великий князь разорил Галич. Юрий ушел к Белуозеру: собрав же силы и призвав вятчан, вместе с тремя сыновьями, Косым, Шемякою, Димитрием Красным, одержал в ростовских пределах столь решительную победу над Василием, что сей слабодушный князь, не смев возвратиться в столицу, бежал в Новгород, оттуда на Мологу, в Кострому, в Нижний; а Юрий, осадив [в 1434 г.] Москву, через неделю вступил в Кремль, пленил мать и супругу Василиеву. Народ был в горести. «Не изменяй мне в злосчастии»,— писал великий князь к двоюродному брату, Иоанну, сыну умершего Андрея Можайского. Иоанн ответствовал ему: «Государь! Я не изменю тебе в душе; но у меня есть город и мать: я должен мыслить об их безопасности; и так еду к Юрию». Уже Шемяка и Димитрий Красный стояли с войском в Владимире, готовясь идти к Нижнему: Василий трепетал и думал бежать в Орду: на сей раз счастие услужило ему лучше москвитян.

Юрий, снова объявив себя великим князем, договорными грамотами утвердил союз с племянниками своими, Иоанном и Михаилом Андреевичами, владетелями Можайска, Белаозера, Калуги, и с князем Иоанном Федоровичем Рязанским, требуя, чтобы они не имели ника-

кого сношения с изгнанником Василием. Достойно замечания, что сии грамоты начинаются словами: *Божиею милостию*, которые прежде не употреблялись в государственных постановлениях... В грамоте рязанской сказано, что Тула принадлежит Иоанну и что он не должен принимать к себе мещерских князей в случае их неверности или бегства: сии князья, подданные государя московского, происходили, как вероятно, от Александра Уковича, у коего Димитрий Донской купил Мещеру.— Юрию было около шестидесяти лет от рождения: не имея ни ума проницательного, ни души твердой, он любил власть единственно по тщеславию и без сомнения не возвысил бы великокняжеского сана в народном уважении, если бы и мог удержаться на престоле московском. Но Юрий внезапно скончался [6 июня 1434 г.], оставив духовную, писанную, кажется, еще задолго до его смерти: деля между сыновьями только свои наследственные города, он велит им платить *великому князю* с Галича и Звенигорода 1026 рублей в счет ординской *семитысячной* дани: следственно, или Василий тогда еще не был изгнан, или Юрий мыслил возвратить ему великое княжение (что менее вероятно). Сын Юриев, Косой, немедленно принял на себя имя государя московского и дал знать о том своим братьям; они же, не любя и презирая его, ответствовали: «Когда Бог не захотел видеть отца нашего на престоле великокняжеском, то мы не хотим видеть на оном и тебя»; примирились с Василием и выгнали Косого из столицы. В знак благодарности великий князь, возвратясь на московский престол, отдал Шемяке Углич со Ржевом, наследственную область умершего дяди их, Константина Димитриевича, а Красному Бежецкий Верх, удержав за собою Звенигород, удел Косого, и Вятку. Мы имеем их договорную грамоту, наполненную дружескими с обеих сторон уверениями. Шемяка, следуя обыкновению, именует в оной Василия старейшим братом, отдает себя в его покровительство, обязывается служить ему на войне и платить часть ханской дани, с условием, чтобы великий князь один сносился с Ордою, не допуская удельных владетелей ни до каких хлопот.

Сие дружество между князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истинным. Мы уже видели характер Шемяки, который не устыдился оба-

грить собственных рук кровию вельможи Морозова: увидим и Василиев в деле гнусном, достойном азиатского варвара.

Но брат Шемякин, Косой, еще превосходил их в свирепости: имея товарища в бегстве своем, какого-то князя Романа, он велел отрубить ему руку и ногу за то, что сей несчастный хотел тайно оставить его! Напрасно искав заступников в Новегороде, ограбив берега Мсты, Бежецкую и Двинскую область, Косой с толпами бродяг вступил в северные пределы великого княжения; разбитый близ Ярославля, ушел в Вологду, пленил там чиновников московских и с новым войском явился на берегах Костромы, где великий князь заключил с ним мир, отдав ему город Дмитров. Они не долго жили в согласии: чрез несколько месяцев Косой выехал из Дмитрова в Галич, призвал вятчан и, взяв Устюг на договор, вероломно убил Василиева наместника, князя оболенского, вместе со многими жителями. В сие время Шемяка приехал в Москву звать великого князя на свадьбу, помолвив жениться на дочери Димитрия Заозерского: злобясь на его брата, Василий оковал Шемяку цепями и сослал в Коломну. Действие столь противное чести не могло быть оправдано подозрением в тайных враждебных умыслах сего Юриева сына, еще не доказанных и весьма сомнительных. Наконец в Ростовской области встретились неприятели: Косой предводительствовал вятчанами и дружиною Шемяки; с Василием находились меньший брат Юрьевичей, Димитрий Красный, Иоанн Можайский и князь Иоанн Баба, один из друцких владетелей, пришедший к нему с полком литовских копейщиков. Готовились к битве; но Косой, считая обман дозволенною хитростию, требовал перемирия. Неосторожный Василий заключил оное и распустил воинов для собрания съестных припасов. Вдруг сделалась тревога: полки вятские во всю прыть устремились к московскому стану в надежде пленить великого князя, оставленного ратниками. Тут Василий оказал смелую решительность: уведомленный о быстром движении неприятеля, схватил трубу воинскую и, подав голос своим, не тронулся с места. В несколько минут стан наполнился людьми: неприятель вместо оплошности, вместо изумления увидел пред собою блеск оружия и стройные ряды воинов, которые одним ударом смяли его, погнали, рассеяли. Несчаст-

ный Юрьевич, готовив плен Василию, сам попался к нему в руки: воевода Борис Тоболин и князь Иоанн Баба настигли Косого в постыдном бегстве. Совершилось злодейство, о коем не слыхали в России со второго надесять века: Василий дал повеление ослепить сего брата двоюродного. Чтобы успокоить совесть, он возвратил Шемяке свободу и города удельные. В договорной грамоте, тогда написанной, Шемяка именует старшего брата недругом великого князя, обязываясь выдать все его имение, в особенности святые иконы и кресты, еще отцом их из Москвы увезенные; отказывается от Звенигорода, предоставляя себе полюбовно разделить с меньшим братом, Димитрием Красным, другие области наследственные и данные ему великим князем в Угличе и Ржеве.— Несчастный слепец жил после того 12 лет, в уединении, как бы забвенный всеми и самыми единокровными братьями. Великий князь будет наказан за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобного ему варвара.

[1437—1440 гг.] Спокойный внутри московского владения, сей юный государь имел тогда распрю с новогородцами, которые в самом начале его княжения посылали войско наказать устюжан за их грабительство в Двинской земле, и взяли с сего города в окуп 50 000 белок и шесть сороков соболей, к досаде Василия. Но он, не желая явной войны с ними, вызвался отдать им все родителем его захваченные новогородские земли в уездах Бежецкого Верха, Волока Ламского, Вологды, с условием, чтобы и бояре их возвратили ему собственность княжескую; однако ж не исполнял обещания и не присылал дворян своих для развода земель, пока новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой в Торжке. В договорной грамоте, написанной по сему случаю, именно сказано, что великий князь берет по новой гривне с четырех земледельцев, или с сохи, в которую впрягаются две лошади, а третья на подмогу; что плуг и ладья считаются за две сохи: невод, лавка, кузница и чан кожевный за одну; что земледельцы, работающие из половины, платят только за полсохи; что наемники месячные, лавочники и старосты новогородские свободны от всякой дани; что если кто, оставив свой двор, уйдет в господский или утаит соху, то платит за вину вдвое, и проч.— Сей договор заключен был единственно

на год: после чего новогородцы опять ссорились с Василием, смеясь над мнением тех людей, которые советовали им не раздражать государей московских. Летописцы повествуют, что внезапное падение тамошней великолепной церкви Св. Иоанна наполнило сердца ужасом, предвестив близкое падение Новагорода: гораздо благоразумнее можно было искать сего предвестия в его нетвердой системе политической, особенно же в возрастающей силе великих князей, которые более и более уверялись, что он под личиною гордости, основанной на древних воспоминаниях, скрывает свою настоящую слабость. Одни непрестанные опасности государства Московского, со стороны моголов и литвы, не дозволяли преемникам Иоанна Калиты заняться мыслию *совершенного* покорения сей народной державы, которую они старались только обирать, зная богатство ее купцов. Так поступил и Василий: зимою в конце 1440 года двинулся с войском к Новугороду и на пути заключил с ним мир, взяв 8000 рублей. Между тем псковитяне, служа великому князю, успели разорить несколько селений в областях новогородских, а заволочане в московской.— В сей самый год (1440), генваря 22, родился у Василия сын, Тимофей-Иоанн, коему провидение, сверх многих великих дел, назначило сокрушить Новгород. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба государя столь чрезвычайного утаиться от мудрых гадателей? Пишут, что новогородский добродетельный старец, именем Мисаил, в час Иоаннова рождения пришел к архиепископу Евфимию и сказал: «Днесь великий князь торжествует: Господь даровал ему наследника. Зрю младенца, ознаменованного величием: се игумен Троицкой обители, Зиновий, крестит его, именуя Иоанном! Слава Москве: Иоанн победит князей и народы. Но горе нашей отчизне: Новгород падет к ногам Иоанновым и не восстанет!» Летописцы не сомневались в истине сего чудесного сказания, изобретенного без сомнения уже в то время, когда сын Василиев совершил бессмертные свои подвиги.

Василий старался жить дружно с ханом и по верному свидетельству грамот платил ему обыкновенную дань, вопреки некоторым летописцам, сказывающим, что царь Махмет, любя его, освободил Россию от всех налогов. Впадения татар в Рязанские области не тревожили моск-

витян; но перемена, случившаяся в Орде, нарушила спокойствие великого княжения. Махмет (в 1437 году) был изгнан из улусов братом своим, Кичимом, искал убежища в России и занял Белев, город литовский. Оказав некогда благодеяние Василию, он надеялся на его дружбу и крайне изумился, услышав, что великий князь приказывает ему немедленно удалиться от пределов российских. Сей хан, в самом изгнании гордый, не хотел повиноваться, имея у себя около трех тысяч воинов. Надлежало прибегнуть к оружию. Василий послал туда многочисленную рать, вверив оную братьям, Шемяке и Димитрию Красному, вождям столь недостойным, что они казались народу атаманами разбойников, от Москвы до Белева не оставив ни одного селения в целости: везде грабили, отнимали скот, имение и нагружали возы добычею. Конец ответствовал началу. Приступив к Белеву, московские воеводы отвергнули все мирные предложения Махмета, устрашенного их силою, и вогнали татар в крепость, убив зятя царева. На другой день хан выслал трех князей для переговоров. «Отдаю в залог вам моего сына, Мамутека,— велел он сказать нашим полководцам: — сделаю все, чего требуете. Когда же Бог возвратит мне царство, обязываюсь блюсти землю Русскую и не брать с вас никакой дани». Воеводы московские не хотели ничего слушать. «И так смотрите!» — сказали князья Махметовы, возвысив голос и перстом показывая им на российских воинов, которые в сию минуту толпами бежали от городских стен, гонимые каким-то внезапным ужасом. Вся рать московская дрогнула и с воплем устремилась в бегство; Шемяка и другие князья также. Моголы едва верили глазам своим; наконец поскакали за россиянами, секли их, топтали и возвратились к хану с вестию, что многочисленное войско великокняжеское исчезло как дым. Успех столь блестящий не ослепил Махмета: сей благоразумный хан предвидел, что ему, отрезанному от улусов, нельзя удержаться в России и бороться с Василием: он выступил из Белева и чрез землю мордвы прошел в Болгарию, к тому месту, где находился древний Саинов Юрт, или Казань, в 1399 году опустошенная россиянами. Около сорока лет сей город состоял единственно из развалин и хижин, где укрывалось несколько бедных семейств. Махмет, выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил но-

вую, деревянную, и представил оную в убежище болгарам, черемисам, моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета царем и защитником. Таким образом сей изгнанник капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государства образованного и торгового. Моголы смешались в оном с болгарами и составили один народ, коего остатки именуются ныне татарами казанскими и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области российские. Уже в следующий год Махмет с легким войском явился под стенами Москвы, откуда Василий, боязливый, малодушный, бежал за Волгу, оставив в столице начальником князя Юрия Патрикиевича Литовского. К счастию, татары не имели способа овладеть оною: удовольствовались грабежом, сожгли Коломну и возвратились с добычею.— Между тем в Большой, или Золотой, Орде господствовал брат Махметов, Кичим, среди опасностей, мятежей и внутренних неприятелей. Моголы, ослепленные безрассудною злобою, терзали друг друга, упиваясь собственною кровию. Первейший из князей ординских, именем Мансуп, погиб тогда от руки хана Кичима.

После несчастного приступа к Белеву Василий не мог иметь доверенности ни к усердию, ни к чести сыновей Юриевых, Шемяки и Димитрия Красного; однако ж (в 1440 году) возобновил дружественный союз с ними на прежних условиях: то есть оставил их мирно господствовать в отцовском уделе и пользоваться частию московских доходов. Меньший брат, Димитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Таин и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Димитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул — и казался мертвым. Бояре оплакали князя, закрыли одеялом, выпили по нескольку стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый мертвец скинул с себя одеяло и, не откры-

вая глаз, начал петь стихиры. Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дня князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слыхал ничего, наконец действительно умер с именем Святого: ибо — как сказывают летописцы — тело его, чрез 23 дня открытое для погребения в московском соборе Архангела Михаила, казалось живым, без всяких знаков тления и без синеты.— Шемяка наследовал удел Красного и еще несколько времени жил мирно с великим князем.

В сии два года [1439—1440 гг.] внутреннего спокойствия москвитяне и вся Россия были тревожимы соблазном в важном деле церковном, о коем летописцы говорят весьма обстоятельно и которое, минутно польстив властолюбию Рима, утвердило отцов наших в ненависти к папам. Митрополит Фотий преставился в 1431 году, написав умилительную грамоту к великому князю и ко всему народу: он весьма красноречиво изображает в ней претерпенные им в святительстве печали; жалеет о днях своей мирной, уединенной юности; оплакивает разделение митрополии, безвременную кончину Василия Димитриевича, бедствия и междоусобия великого княжения. Шесть лет по смерти Фотия церковь наша сиротствовала без главы, от внутренних смятений государства Московского. Сими обстоятельствами думал воспользоваться митрополит литовский, Герасим, и старался подчинить себе епископов России, но без успеха: он посвятил в Смоленске только новогородского архиепископа, Евфимия; другие не хотели иметь с ним никакого дела. Наконец Василий созвал святителей и велел им назначить митрополита: все единодушно выбрали знаменитого Иону, архиерея рязанского. «Таким образом,— говорят летописцы,— исполнилось достопамятное слово блаженного Фотия, который, посетив однажды Симоновскую обитель и видя там юного инока, мирно спящего, с удивлением смотрел на его кроткое, величественное лицо; долго расспрашивал об нем архимандрита и сказал, что сей юноша будет первым святителем в земле Русской: то был Иона». Но предсказание исполнилось уже после: ибо константинопольский патриарх, еще до прибытия Ионы в Царьград, посвятил нам в митрополиты грека Исидора, родом из Фессалоники, славнейшего богослова, равно искусного в языке греческом

и латинском, хитрого, гибкого, красноречивого. Исидор незадолго до сего времени был в Италии и снискал любовь папы: вероятно даже, что он по согласию с ним домогался власти над российскою церковию, дабы тем лучше способствовать важным намерениям Рима, о коих теперь говорить будем.

Супруг княжны московской, Анны, Иоанн Палеолог, царствовал в Константинополе, непрестанно угрожаемом силою турецкою; лишенный едва не всех областей славной державы своих предков — стесненный в столице и на берегах самого Воспора видя знамена Амуратовы — сей государь искал покровителя в римском первосвященнике, коего воля хотя уже не была законом для государей Европы, однако ж могла еще действовать на их советы. Старец умный и честолюбивый, Евгений IV, сидел тогда на апостольском престоле: он именем Св. Петра обещал императору Иоанну воздвигнуть всю Европу на турков, если греки, мирно, беспристрастно рассмотрев догматы обеих церквей, согласятся во мнениях с латинскою, чтобы навеки успокоить совесть христиан и быть единым стадом под началом единого пастыря. Евгений требовал не безмолвной покорности, но торжественного прения: истина, объясненная противоречиями, долженствовала быть общим уставом христианства. Император советовался с патриархами. Еще древние предубеждения сильно отвращали их от духовного союза с надменным Римом; но Амурат II уже измерял оком Царьград как свою добычу: предубеждения умолкли. Положили, да будет *осьмой* Собор Вселенский в Италии. Там, кроме царя и знатнейшего духовенства обеих церквей, надлежало собраться всем государям Европы в духе любви христианской; там Иоанн Палеолог, вступив с ними в братский союз единоверия, долженствовал убедительно представить им опасности своей державы и церкви православной, гремя в их слух именем Христа и Константина Великого: успех мог ли казаться сомнительным? Евгений ручался за оный и сделал еще более: взял на себя все расходы, коих требовало путешествие императора и духовенства греческого в Италию: ибо Византия, некогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменников! Вооруженные суда Евгениевы явились в пристани Царяграда: император с братом своим, Димитрием Деспотом,

с константинопольским патриархом Иосифом и с семьюстами первейших сановников греческой церкви, славных ученостию или разумом, сели на оные (24 ноября 1437 года) в присутствии бесчисленного множества людей, которые громогласно желали им, чтобы они возвратились с миром церковным и с воинством крестоносцев для отражения неверных.

Между тем Иона возвратился в свою рязанскую епархию, хотя бесполезно съездив в Грецию, но обласканный царем и патриархом, которые, отпуская его с честию, сказали ему: «Жалеем, что мы ускорили поставить Исидора, и торжественно обещаем тебе российскую митрополию, когда она вновь упразднится». За ним прибыл в Москву и новый митрополит, не только именем, но и делом иерарх *всей России*: ибо Герасима Смоленского уже не было (Свидригайло, господствуя над Литвою, в 1435 году сжег его на костре в Витебске, узнав, что он находился в тайных сношениях с Сигизмундом Кестутиевичем, врагом сего неистового сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами царя и патриарха, Василий встретил Исидора со всеми знаками любви, дарил, угощал в Кремлевском дворце; но изумился, сведав, что митрополит намерен ехать в Италию. Сладкоречивый Исидор доказывал важность будущего осьмого Собора и необходимость для России участвовать в оном. Пышные выражения не ослепили Василия. Напрасно ученый грек описывал ему величие сонма, где Восток и Запад, устами своих царей и первосвятителей, изрекут неизменяемые правила Веры. Василий ответствовал: «Отцы и деды наши не хотели слышать о соединении Законов греческого и римского; я сам не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебе. Помни только чистоту Веры нашей и принеси оную с собою!» Исидор клялся не изменять православию и в 1437 году, сентября 8, выехал из Москвы с епископом суздальским Аврамием, со многими духовными и светскими особами, коих число простиралось до ста. Сие *первое* путешествие россиян в Италию описано одним из них с великою подробностию: сообщим здесь некоторые обстоятельства оного.

Новогородский архиепископ Евфимий, быв тогда в Москве, проводил Исидора до своей епархии; а князь тверской, Борис, послал с ним в Италию вельможу

Фому. Митрополит от Вышнего Волочка плыл рекою Мстою до Новагорода, где, равно как и во Пскове, духовенство и гражданство изъявило усердную к нему любовь дарами и пиршествами. Доселе он казался ревностным наблюдателем всех обрядов православия; но, выехав из России, немедленно обнаружил соблазнительную наклонность к латинству. Встреченный в Ливонии дерптским епископом и нашими священниками (ибо в сем городе находились две русские церкви), Исидор с благоговением приложился к крестам духовенства католического и потом уже к образам греческим: сопутники его ужаснулись и с того времени не имели к нему доверенности. Архиепископ, чиновники рижские также осыпали митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Там он получил письмо от великого магистра немецкого, учтивое, ласковое: сей знаменитый властитель предлагал ему свои услуги и советы для безопасного путешествия чрез орденские владения. Но Исидор сел в Риге на корабль, отправив более двухсот лошадей сухим путем, и (19 маия 1438 года) пристал к берегу в Любеке, откуда чрез Люнебург, Брауншвейг, Лейпциг, Эрфурт, Бамберг, Нюренберг, Аугсбург и Тироль проехал в Италию, везде находя гостеприимство, дружелюбие, почести и везде осматривая с любопытством не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбия, искусств, ума гражданского. С каким удивлением россияне, дотоле не выезжав из отечества, загрубевшего под игом варваров, видели в Немецкой земле города цветущие, здания прочные, удобные и красивые, обширные сады, каменные водоводы, или, по их словам, рукою человека пускаемые реки! Достойно замечания, что Эрфурт показался им самым богатейшим в Германии городом, наполненным всякими товарами и хитрыми произведениями рукоделия. Горы Тирольские изумили наших путешественников своими снежными громадами, современными рождению оных (как говорит автор) и превышающими течение облаков: зрелище в самом деле разительное для жителей плоской земли, в особенности непонятное для них смешением климатов: ибо россияне в одно время видели там и вечное царство зимы, на вершинах гор, и плодоносное лето со всеми его красотами, неизвестными в нашем северном отечестве: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущие на

отлогостях Тирольских, среди цветников естественных.— Августа 18 Исидор прибыл в Феррару.

В сем городе уже несколько месяцев ожидали его император и папа как главу российской знаменитой церкви, мужа ученейшего и друга Евгениева. Кроме духовных сановников, кардиналов, митрополитов, епископов, там находились послы трапезундские, иверские, арменские, волошские; но, к удивлению Иоанна Палеолога, не было ни императора немецкого, ни других венценосцев западных. Латинская церковь представляла тогда жалостное зрелище раздора; уже семь лет славный в истории *Собор Базельский*, действуя независимо и в противность Евгению, смеялся над его буллами, давал законы в делах Веры, обещал искоренить злоупотребления духовной власти и преклонил к себе почти всех государей европейских, которые для того отказались участвовать в итальянском Соборе. Однако ж заседания начались с великою торжественностию в Ферраре, в церкви Св. Георгия, после долговременного спора между императором Иоанном и папою о местах: Евгений желал сидеть среди храма как глава Веры; Иоанн же хотел сам председательствовать, подобно царю Константину во время собора Никейского. Решили тем, чтобы в средине церкви, против алтаря, лежало Евангелие; чтобы на правой стороне папа занимал первое, возвышенное место между католиками, а ниже его стоял трон для отсутствующего императора немецкого; чтобы царь Иоанн сидел на левой, также на троне, но далее папы от алтаря. Надлежало согласиться в четырех мнениях: 1) об исхождении Св. Духа, 2) о чистилище, 3) о квасных просфорах, 4) о первенстве папы. С обеих сторон выбрали ораторов: римляне — кардиналов Альбергати, Иулиана, епископа родосского и других; греки — трех святителей, Марка Ефесского (мужа ревностного, велеречивого), Исидора Российского и юного Виссариона Никейского, славного ученостию и разумом, но излишно уклонного в рассуждении догматов Веры. Пятнадцать раз сходились для прения о Св. Духе: наши единоверцы утверждали, что он исходит единственно от Отца; а римляне прибавляли: *и Сына*, ставя в доказательство некоторые древние рукописи Святых Отцов, отвергаемые греками как подложные. Умствовали, истощали все хитрости богословской диалектики и не могли согла-

ситься в сей части символа: выражение Filioque оставалось камнем претыкания. Уже Марко Ефесский гремел против латинской ереси, и вместо духовного братства ежедневно усиливался дух раздора. Греки скучали в отдалении от домов своих и жаловались на худое содержание: Евгений также, не видя успеха, скучал бесполезными издержками и в конце зимы уговорил императора переехать во Флоренцию, будто бы опасаясь язвы в Ферраре, но в самом деле для того, что флорентийцы дали ему немалую сумму денег за честь видеть Собор в их городе.

Нельзя без умиления читать в истории о последних тайных беседах Иоанна Палеолога, в коих сей несчастный государь изливал всю душу свою пред святителями греческими и вельможами, изображая с одной стороны любовь к правоверию, а с другой бедствия империи и надежду спасти ее посредством соединения церквей. «Думаю только о благе отечества и христианства,— говорил он:— после долговременного отсутствия возвратимся ли без успеха, с единым стыдом и горестию? Не мышлю о своих личных выгодах: жизнь кратковременна, а детей не имею; но безопасность государства и мир церкви для меня любезны». Митрополит российский осуждал упрямство Марка Ефесского и других святителей, говоря: «Лучше соединиться с римлянами душою и сердцем, нежели без всякой пользы уехать отсюда: и куда поедем?» Виссарион еще убедительнее представлял жалостное состояние империи. Наконец, по многих прениях, греки уступили, и согласились, 1) что Св. Дух исходит от Отца и Сына; 2) что опресноки и квасной хлеб могут быть равно употребляемы в священнодействии; 3) что души праведные блаженствуют на небесах, грешные страдают, а средние между теми и другими очищаются, *или* палимые огнем, *или* угнетаемые густым мраком, *или* волнуемые бурею, *или* терзаемые иным способом; что все люди телесно воскреснут в День суда и явятся пред судилищем Христовым дать отчет в делах своих; 4) что папа есть наместник Иисуса Христа и глава церкви; что патриарх константинопольский занимает вторую степень, и так далее. 6 июля (1439 года) было последнее заседание Собора в кафедральном храме флорентийском, где обе церкви совокупили торжественность и великолепие своих обрядов, чтобы тем сильнее действовать

иа сердца людей. В присутствии бесчисленного иарода, между двумя рядами папских телохранителей, вооруженных палицами, одетых в латы серебряные н держащих в одной руке пылающие свечи, Евгений служнл обедню; гремела музыка императорская; пелн славу Вседержителя иа языке греческом и латинском. Папа, воздев руки на иебо, пролнвал слезы радости н, величественно благословив царя, князей, епнскопов, чиновников республики Флореитийской, велел кардиналу Иулиану и архиепископу Виссарноиу чнтать с амвоиа *Хартию соединения*, написанную следующим образом: «Да веселятся небеса и земля! Разрушнлось средостение между Восточною н Западною церковию; мир возвратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляют еднный, мрачное облако скорбн и раздора исчезло; тихий свет вожделеииого согласия сияет паки. Да ликует мать наша, церковь, видя чад своих, после долговременного разлучения, вновь совокуплеииых любовию; да благодарит Всемогущего, который осушнл ее горькие об них слезы. А вы, верные сыны мира христианского, благодарите мать вашу Церковь кафолическую, за то, что отцы Востока и Запада ие устрашились опасиостей пути дальнего и велнкодушно сиосили труды, дабы присутствовать на сем святом Соборе н воскресить любовь, коея уже не было между христианамн». Следуют упомянутые статьи примиренпя и согласия в догматах Веры, подписанные Евгением, осмью кардииалами, двумя патриархамн латинскими (иерусалимским и градским), осмью архиепнскопами, пятидесятью епископами н другнми сановниками; а от имени греков — императором, тремя местоблюстителями престолов патриарших (ибо Иосиф, патнарх коистантииопольский, скончался за несколько дией до того во Флоренции), семиадцатью митрополитами, архиепископами и всеми бывшими там святителями, кроме одного Марка Ефесского, иеумолимого старца, презрнтеля угроз н корысти. Сведав, что сей твердый муж не подписал хартии, папа гиевно воскликнул: «И так мы иичего не сделали!» — и требовал, чтобы император или принудил его к согласию, или наказал как ослушника; ио Марко тайиым отъездом спасся от гоиеиия.

Выгоды, приобретеиные уступчивостию греков, со-

стояли для них в том, что Евгений дал им несколько тысяч флоринов, обязался прислать в Константинополь 300 воинов с двумя галерами для охранения сей столицы, и в случае нужды обещал Иоанну именем государей европейских гораздо сильнейшее вспоможение. Греки хотели еще, чтобы толпы богомольцев, ежегодно отправляясь из Европы морем в Палестину, всегда приставали в Цареграде для выгоды тамошних жителей: папа включил и сию статью в договор; наконец с великою честию отпустил императора, который, быв два года в отсутствии, возвратился в Грецию оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Марии, и видеть общий мятеж духовенства. Узнав происшедшее на Флорентийском Соборе, оно разделилось во мнениях: некоторые хотели держаться его постановлений; другие, и большая часть, вопили, что истинная церковь гибнет и что не пастыри верные, но изменники, ослепленные златом римским, заключили столь беззаконный, столь унизительный для греков союз с папою; что один Марко Ефесский явил себя достойным служителем Христовым, и проч. Сии последние одержали верх. Вопреки императору и новому патриарху Митрофану, ревностному защитнику соединения, народ бежал из храмов, где священнодействовали их единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, так что несмотря на усилия папы Евгения и преемника его, несмотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, греки захотели лучше умереть, нежели согласиться на исхождение Св. Духа от Сына, на опресноки и чистилище. Достопамятный пример твердости в богословских мнениях! Впрочем, сомнительно, чтобы папа мог тогда спасти империю, если бы восточная церковь и покорилась его духовной власти. Веки крестовых ополчений миновали; ревностный дух христианского братства уступил место малодушной политике в Европе: каждый из венценосцев имел свою особенную государственную систему, искал пользы во вреде других и не доверял им. Немецкая земля, быв феатром жестокой войны, произведенной расколом Иоанна Гусса, более и более слабела в долговременное, ничтожное царствование Фридерика III. Англия и Франция с величайшим усилием боролись между собою. Испания, еще разделенная, не простирала мыслей своих далее собственных ее пределов. Португа-

лия занималась единственно мореплаванием и новыми открытиями в Африке: Италия церковными делами, торговлею и внутренними распрями. Дания и Швеция, бедные людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному и, непрестанно опасаясь друг друга, не мешались в дела иных держав европейских. Только Венгрия и Польша несколько времени бодрствовали на берегах Дуная, изъявляя ревность противиться успехам Амуратова оружия; но Варнская битва, столь несчастная для короля Владислава, надолго отвратила их от войны с мужественными турками. Еще духовная власть сильно действовала над умами и в советах государственных; но уже не имела прежнего единства. Мнимая божественность пап исчезла: соборы, Костницкий и Базельский, судили и низвергали их. Сии шумные сонмы церковной аристократии издали готовили падение духовной и совершенную независимость мирской власти. Иерархи разных земель уже разнствовали и в мыслях, во многих отношениях предпочитая особенные выгоды своих государств папиным. В сих обстоятельствах Европы мог ли Евгений ручаться за единодушие венценосцев ее, чтобы сокрушить Оттоманскую державу или погибнуть на берегах Воспора для спасения Византии? Устрашенные победами Амурата и Магомета II, государи западные трепетали в бездействии. Тщетно герой Албанин, знаменитый Скандербег, давал им пример великодушия, один с горстию людей отражая многочисленное воинство султанское: нимало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его в их собственные междоусобия, к удовольствию неверных.— Одним словом, Иоанн Палеолог не только не успел, но, по всем вероятностям, и не мог успеть в своем намерении, чтобы соединением двух церквей отвратить конечную гибель империи Греческой.

Главные орудия сего мнимого соединения, архиепископ Виссарион и митрополит Исидор, были награждены от папы кардинальскими шапками: первый остался в Италии; второй с именем легата апостольского для всех земель северных отправился из Флоренции 6 сентября; сел на корабль в Венеции, переехал Адриатическое море и чрез Далмацию и Кроатскую землю прибыл в столицу Венгрии, в Будин, откуда написал грамоты во все подведомые ему епархии литовские, российские, ливонскую,

изъясняясь таким образом: «Исидор, милостию Божиею преосвященный митрополит киевский и всея Руси, *легат от ребра* (à latere) *апостольского,* всем и всякому христианину вечное спасение, мир и благодать. Возвеселитеся ныне о Господе: церковь восточная и римская навеки совокупилися в древнее мирное единоначалие. Вы, добрые христиане церкви константинопольской, русь, сербы, волохи, и все верующие во Христа! Приимите сие святое соединение с духовною радостию и честию. Будьте истинными братьями христиан римских. Един Бог, едина Вера: любовь и мир да обитают между вами! А вы, племена латинские, также не уклоняйтесь от греческих, признанных в Риме истинными христианами: молитеся в их храмах, как они в ваших будут молиться. Исповедуйте грехи свои тем и другим священникам без различия; от тех и других принимайте тело Христово, равно святое и в пресном и в кислом хлебе. Так уставила общая мать ваша, церковь кафолическая», и проч.

Исидор спешил в Киев, где духовенство встретило его как единственного митрополита всех российских епархий, и весною 1440 году прибыл в Москву, с грамотою от папы к великому князю. Евгений извещал его «о благословенном успехе Флорентийского Собора, славном в особенности для России: ибо архипастырь ее более других способствовал оному». Письмо от начала до конца было ласково и скромно. Папа молил Василия быть милостивым к Исидору и давать ему те церковные оброки, коими издревле пользовались наши митрополиты. Духовенство и народ с нетерпением ожидали своего первосвятителя в кремлевском храме Богоматери. Исидор явился окруженный многими сановниками: пред ним несли крест латинский и три серебряные *палицы.* Россияне удивились сей новости, и еще более, когда митрополит в Литургии помянул Евгения папу, вместе вселенских патриархов. Когда же, по окончании службы, диакон Исидоров, в стихаре и с орарием став на амвоне, велегласно прочитал грамоту Флорентийского осьмого Собора, столь несогласную с древним учением нашей церкви: тогда все, духовные и миряне, в изумлении смотрели друг на друга, не зная, что мыслить о слышанном. Имя Собора Вселенского, царя Иоанна и согласие знатнейших православных иерархов Греции, искони наших учителей, заграждали уста: безмолвствовали епископы и вельможи.

В сем общем глубоком молчании раздался только один голос — князя великого. С юных лет зная твердо уставы церкви и мнения Святых Отцов о Символе Веры, Василий увидел отступление греков от ее правил, воспылал ревностию обличить беззаконие, вступил в прение с Исидором и торжественно наименовал его лжепастырем, губителем душ, еретиком, призвал на совет епископов, бояр, искусных в книжном учении, и велел им основательно рассмотреть флорентийскую Соборную грамоту. Все прославили ум великого князя. Святители и вельможи сказали ему: «Государь! Мы дремали; ты един за всех бодрствовал, открыл истину, спас Веру: митрополит *отдал ее на злате* римскому папе и возвратился к нам с ересью». Исидор силился доказать противное, но без успеха: Василий посадил его за стражу в Чудове монастыре, требуя, чтобы он раскаялся, отвергнув соединение с латинскою церковию. Таким образом хитрость, редкий дар слова и великий ум сего честолюбивого грека, имев столь много действия на Флорентийском Соборе, где ученейшая Греция состязалась с Римом, оказались бессильными в Москве, быв побеждены здравым смыслом великого князя, уверенного, что перемены в Законе охлаждают сердечное усердие к оному и что неизменяемые догматы отцов лучше всяких новых мудрований. Узнав же, что Исидор чрез несколько месяцев тайно ушел из монастыря, благоразумный Василий не велел гнаться за ним, ибо не хотел употребить никаких жестоких мер против сего сверженного им митрополита, который, въехав в Россию гордо, пышно и величаво, бежал из нее как преступник, в страхе, чтобы москвитяне не сожгли его под именем еретика на костре.

Исидор благополучно достиг Рима с печальным известием о нашем упрямстве и в награду за свой ревностный подвиг занял одно из первых мест в думе кардиналов, еще именуясь *российским;* а великий князь, с согласия всех епископов, вторично избрав Иону в митрополиты, (в 1443 году) отправил боярина Полуехта в Константинополь с грамотою к царю и патриарху, в коей описывает всю историю нашего христианства со времен Владимира и говорит далее: «По кончине блаженного Фотия земля Русская несколько лет оставалась без духовного пастыря, волнуемая нашествием варваров и внутренним междоусобием: наконец мы послали к вам епи-

скопа рязанского, Иону, мужа от юных лет благочестивого и добродетельного, желая, да поставите его в митрополиты; но вы или от замедления нашего, или следуя единственно прихоти самовластия, дали нам Исидора. Богу известно, что я долго колебался и мыслил отвергнуть его; но ласковая грамота патриархова, моление посла вашего и сладкоречивое смирение Исидорово тронули мое сердце... Когда же он, вопреки своей клятве, изменил православию: тогда мы созвали боголюбивых Святителей нашей земли, да изберут нового достойнейшего митрополита, как и прежде, в чрезвычайных случаях, у нас бывало. Но хотим соблюсти обряд древний: требуем твоего царского согласия и патриаршего благословения, уверяя вас, что никогда произвольно не отлучимся от церкви греческой, доколе стоит держава Русская. И так ожидаем, что вы исполните мое прошение и не замедлите уведомить нас о вашем здравии, да возвеселимся духом ныне и присно и во веки веков. Аминь». Сей посол не доехал до Константинополя: ибо Василий приказал ему возвратиться, сведав тогда, как говорит летописец, совершенное отступление императора греческого от истинной Веры. С того времени Иона первенствовал, кажется, в делах нашей церкви, хотя еще и не был торжественно признан ее главою; а епископы южной России снова имели особенного митрополита, посвященного в Риме, именем Григория Болгарина, ученика Исидорова, вместе с ним ушедшего из Москвы. Они держались Флорентийского соединения, которое в Литве и в Польше доставило им все выгоды и преимущества духовенства латинского, подтвержденные в 1443 году указом Владислава III. Преемник Владиславов, Казимир, даже уговаривал великого князя признать киевского иерарха главою и московских епископов, представляя, как вероятно, что духовное единоначалие утвердит благословенный союз между северною и южною Россиею; но святители наши предали Григория анафеме. Московская митрополия осталась независимою, а киевская подвластною Риму, будучи составлена из епархий брянской, смоленской, перемышльской, туровской, луцкой, владимирской, полоцкой, хельмской и галицкой.

Такие следствия имел славный Собор Флорентийский. Еще несколько лет защитники и противники его писали, спорили, опровергали друг друга; наконец бед-

ствие, постигшее Константинополь, пресекло и споры и долговременные усилия властолюбивого Рима для подчинения себе византийской церкви. Духовенство же московское, отвергнув соблазн, тем более укрепилось в догматах православия.

Россияне имели нужду в мире церковном, чтобы великодушнее сносить несчастия государственные, коими Небо скоро посетило наше отечество.

Уже осенью в 1441 году открылась новая вражда между великим князем и Димитрием Шемякою, который, сведав о приближении московского войска к Угличу, бежал в Новогородскую область и, собрав несколько тысяч бродяг, вместе с князем Александром Чарторижским, выехавшим к нему из Литвы, внезапно подступил к Москве: хотя игумен троицкий, Зиновий, примирил их; но Шемяка, боясь Василия, дал знать новогородцам, что желает навсегда к ним переселиться. Они гордо сказали: «Да будет, князь, твоя воля! Если хочешь к нам, мы тебе рады; если не хочешь, как тебе угодно». Сей ответ или не полюбился ему, или тогдашние обстоятельства Новагорода отвратили его от намерения искать там убежища: Шемяка остался в своем уделе.

[1443—1445 гг.] Новгород, волнуемый внутри, угрожаемый извне, не имел ни твердого правления, ни ясной политической системы. В 1442 году народ, без всякого доказательства обвиняя многих людей в зажигательстве, жег их на кострах, топил в Волхове, побивал каменьем. Худые урожаи и десятилетняя дороговизна приводили граждан в отчаяние. «Вопль и стенание (говорит летописец) раздавались на площадях и на улицах; бедные шатались как тени, падали, умирали, дети пред родителями, отцы и матери пред детьми; одни бежали от голода в Литву, или в землю Немецкую, или во Псков; другие из хлеба шли в рабство к купцам магометанской и жидовской Веры. Не было правды ни в судах, ни во граде. Восстали ябедники, лжесвидетели, грабители; наши старейшины утратили честь свою, и мы сделались поруганием для соседов». К сим народным бедствиям присоединились внешние опасности. Слабая держава может существовать только союзом с сильными: ослепленный Новгород досаждал всем и не имел друзей. Один из князей суздальских, Василий Юрьевич, внук Кирдяпин и наследственный враг Москвы, был ласково принят

новогородцами и начальствовал у них в Яме. К неудовольствию же великого князя они вызвали из Литвы внука Ольгердова, Иоанна Владимировича, и дали ему свои пригороды в угодность Казимиру; между тем не угодили и последнему. Казимир хотел, чтобы они взяли от него наместников в свою столицу и явно отложились от Василия Василиевича, говоря: «Для вас единственно я не заключил с ним мира: поддайтесь мне, и вы будете со всех сторон безопасны». Новогородцы, еще не расположенные изменить русскому отечеству, посмеялись над властолюбием Казимира: отпустили Иоанна в Литву и вторично приняли к себе Лугвениева сына, Юрия, бывшего в Москве. Тщетно псковитяне искали их дружбы и давали им пример благоразумия, стараясь быть в тесной связи с Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти северо-западную Россию от хищности иноплеменников. Князья — иногда российские, иногда литовские — начальствовали во Пскове, но всегда именем великого князя, с его согласия, и присягали в верности сперва ему, а потом народу. Следуя иным правилам, новогородцы видели в гражданах сей области уже не братьев, а слуг московских и своих совместников в выгодах немецкой торговли. Те и другие воевали, мирились, заключали договоры, особенно с державами иноземными, не думая о благе общем. Новогородцы в 1442 году взяли всех немецких купцов под стражу: псковитяне дружелюбно торговали с Ганзою. В шведской Финляндии властвовал тогда государственный маршал, Карл Кнутсон, получив ее в удел от Верховного совета и короля: он жил в Выборге и, стараясь ничем не оскорблять новогородцев, злобился на псковитян, которые повесили несколько чухонцев за воровство в земле своей: мстил им, без объявления войны брал людей в плен и требовал окупа. В 1443 году магистр ливонского ордена, Финке фон-Оберберген, возобновил мир с областию Псковскою на 10 лет и был неприятелем новогородцев: сжег предместие Ямы и велел сказать им как бы в насмешку, что не он, а герцог Клевский из заморья воюет Россию.

Так сказано в нашей летописи: бумаги Немецкого ордена, хранящиеся в древнем Кенигсбергском архиве, объясняют для нас сей предлог войны с ее достопамятными обстоятельствами. Еще в 1438 году великий ма-

гистр немецкий писал к новогородскому князю Юрию, чтобы он благосклонно принял юного принца Клевского, Эбергарда, едущего в Палестину через Россию, и доставил ему все способы для пути безопасного; но Эбергард возвратился в Ригу с жалобами на претерпенные им в Новогородской земле оскорбления. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, без их ведома, начало неприятельские действия. Финке уверял, что орден желает единственно удовлетворения за обиду принца Клевского и за многие другие, сделанные немцам *беспокойными, наглыми россиянами, любящими отнимать чужое и жаловаться*. Великий герцог литовский, Казимир, был между ими посредником, величаясь именем *государя новогородцев*, единственно потому, что они со времен Гедиминовых принимали к себе литовских князей в областные начальники; но Финке, благосклонно встретив Казимировых послов, не устыдился взять под стражу новогородского, даже ограбил его и выслал *нагого* из Ливонии.— Раздраженные новогородцы опустошили ливонские селения за Наровою: немцы землю Водскую, берега Ижоры и Невы; опять приступили к Яме и хотели пушками разрушить ее стены, но через пять дней сняли осаду. Немецкие летописцы прибавляют, что россияне заманили магистра в какое-то ущелье и побили у него множество воинов; что он, желая отмстить им новым впадением в их пределы, возвратился с новою неудачею и стыдом. Несмотря на то, гордый Финке вторично отвергнул мирные предложения новогородцев, сказав их послам в Риге, что не заключит мира, если они не уступят ему всей реки Наровы с островом. Доселе действовав только собственными силами, ливонцы предприяли наконец вооружить на россиян знатную часть Европы, посредством великого магистра прусского, бывшего в тесной связи с Римом и с государями северными; хотели уже не грабежа, не маловажных ошибок, но решительного удара. В 1447 году орден заключил договор с королем Дании, Норвегии и Швеции, Христофором, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую: немцам взять Копорье и Нейшлот, шведам — Орехов, Ландскрону, и проч. Великий магистр прусский убеждал папу содействовать молитвою и деньгами к усмирению *неверных* россиян; писал к императору, к курфирстам и вызывал из Германии всех право-

славных витязей служить Богу и его матери, казнить *отступников злочестивых* на берегах Волхова; писал также ко всем городам ганзейским, к Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцам своим возить хлеб в Новгород. Вооруженные ливонские суда заняли Неву и брали в добычу всякий нагруженный съестными припасами корабль, идущий в Ладожское озеро, не исключая ни союзных шведских, ни прусских. Войско Немецкого ордена отправилось морем из Данцига и сухим путем из Мемеля к Нарве: пехота, конница и пушкари, с рыцарем Генрихом, искусным в употреблении огнестрельного снаряда. В Бранденбурге, Эльбинге, Кенигсберге и во всех городах прусских народ торжественно молился о счастливом успехе *христианского оружия против язычников* (contra paganos) новогородских и союзников их, *москвитян, волохов и татар:* латинские обедни и церковные ходы долженствовали склонить Небо к совершенному истреблению сей Российской народной державы, более именем, нежели силами *Великой*, опустошенной тогда голодом и болезнями.

Какие были следствия мер столь важных и грозных? В наших летописях сказано единственно, что ливонские рыцари, король шведский и *прусский* (то есть великий магистр Немецкого ордена), в 1448 году имев битву с новогородцами на берегах Наровы, ушли назад; а двиняне близ Неноксы разбили шведов, которые приходили туда морем из Лапландии.— Ни *татары*, ни *волохи*, ни *москвитяне* не помогали Новугороду. «Я даю ему князей, но без войска»,— писал Казимир к немцам. В бумагах орденских упоминается только о каком-то знаменитом человеке, который в 1447 году ехал из Моравии с *шестьюстами всадников* на помощь к новогородскому князю Юрию, сыну Лугвениеву.

В сие время новогородцы имели еще двух неприятелей: князь Борис Тверской безжалостно грабил их землю, и народ югорский, угнетаемый ими, объявил себя независимым. Воеводы двинские, Василий Шенкурский и Михайло Яковлев, пришли к ним с тремя тысячами воинов. Жители употребили хитрость. «Дайте нам время собрать дань,— говорили они:— сделав расчет между собою, мы покажем вам урочища и станы»; но, усыпив россиян обещаниями и ласками, побили их наголову. Новогородцы оружием усмирили сих бунтующих дан-

ников, а князя тверского старались усовестить словами дружелюбными; заключили наконец союз с добрыми псковитянами и перемирие с немцами на 25 лет.

Гораздо важнейшие происшествия ожидают нас в московском великом княжении. Смерть Витовта, деда, опекуна Василиева, уничтожив связь притворного дружества между Литвою и нашим государством, возобновила их естественную взаимную ненависть друг к другу, еще усиленную раздором церковным. Неприятели Казимировы искали убежища в Москве: сын Лугвениев, князь Юрий, выехав из Новагорода и заняв вооруженною рукою Смоленск, Полоцк, Витебск, но будучи не в силах противиться Казимиру, бежал к великому князю. Однако ж войны не было до 1444 года: в сие время, зимою, Василий послал двух служащих ему царевичей могольских на Брянск и Вязьму. Нечаянность их впадения благоприятствовала успеху, если можно назвать успехом грабеж и кровопролитие бесполезное: татары и москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 литовцев, предводимых семью панами, разорили беззащитные окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Вереи. Собралось несколько сот россиян под начальством воевод можайского, верейского и боровского: презирая многочисленность неприятеля, они смело ударили на Казимировых панов в Суходрове и были разбиты. Впрочем, литовцы, не взяв ни одного города, удалились с пленниками.

Великий князь не мог отразить их для того, что имел дело с другим неприятелем. Царевич Золотой Орды, именем Мустафа, желая добычи, вступил в Рязанскую область, пленил множество безоружных людей и, взяв за них окуп, ушел; но скоро опять возвратился к Переславлю, требуя уже не денег, а только убежища. Настала зима необыкновенно холодная, с глубокими снегами, жестокими морозами и вьюгами: татары не могли достигнуть улусов, лишились коней и сами умирали в поле. Граждане переславские, не смея отказать им, впустили их в свои жилища; однако ж ненадолго: ибо Василий послал князя оболенского с московскою дружиною и с мордвою выгнать царевича из наших пределов. Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати великокняжеской, по требованию первых вышел из города, стал на берегах речки Листани и спокойно ожидал неприятелей.

С одной стороны наступили на него воеводы московские с конницею и пехотою, вооруженною *ослопами*, или палицами, топорами и рогатинами; с другой рязанские *казаки* и мордва на лыжах, с сулицами, копьями и саблями. Татары, цепенея от сильного холода, не могли стрелять из луков и, несмотря на свою малочисленность, смело пустились в ручной бой. Они, конечно, не имели средства спастися бегством; но от них зависело отдаться в плен без кровопролития: Мустафа не хотел слышать о таком стыде и бился до изнурения последних сил. Никогда татары не изъявляли превосходнейшего мужества: одушевленные словами и примером начальника, резались как исступленные и бросались грудью на копья. Мустафа пал героем, доказав, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсем застыла в сердце моголов; другие также легли на месте; пленниками были одни раненые, и победители, к чести своей, завидовали славе побежденных.— Чрез несколько времени татары Золотой Орды — желая, как вероятно, отмстить за Мустафу — воевали области рязанские и мордовские; но не сделали ничего важного.

Неприятель опаснейший явился с другой стороны, царь казанский, Улу-Махмет; взял старый Новгород Нижний, оставленный без защиты, и шел к Мурому. Великий князь собрал войско: Шемяка, Иоанн Андреевич Можайский, брат его Михаил Верейский и Василий Ярославич Боровский, внук Владимира Храброго, находились под московскими знаменами. Махмет отступил: передовой отряд наш разбил татар близ Мурома, Гороховца и в других местах. Не желая во время тогдашних зимних холодов гнаться за царем, великий князь возвратился в столицу. Весною пришла весть, что Махмет осадил Нижний Новгород, послав двух сыновей, Мамутека и Ягупа, к Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать их. Василий Васильевич с одною московскою ратию пришел в Юрьев, где встретили его воеводы нижегородские: долго терпев недостаток в хлебе, они зажгли крепость и ночью бежали оттуда. Чрез несколько дней присоединились к москвитянам князья можайский, верейский и боровский, но с малым числом ратников. Шемяка обманул Василия: сам не поехал и не дал ему ни одного воина; а царевич Бердатн, друг и слуга россиян, еще оставался назади. Великий князь

расположился станом близ Суздаля, на реке Каменке: слыша, что неприятель идет, воины оделись в латы и, подняв знамена, изготовились к битве: но долго ждав моголов, возвратились в стан. Василий ужинал и пил с князьями до полуночи; а в следующий день, по восхождении солнца отслушав Заутреню, снова лег спать. Тут узнали о переправе неприятеля через реку Нерль: сделалась общая тревога. Великий князь, схватив оружие, выскочил из шатра и, в несколько минут устроив рать, бодро повел оную вперед, при звуке труб, с распущенными хоругвями. Но сие шумное ополчение, предводимое внуками Донского и Владимира Храброго, состояло не более как из 1500 россиян, если верить летописцу; силы государства Московского не уменьшились: только Василий не умел подражать деду и словом творить многочисленные воинства; земля оскудела не людьми, но умом правителей.

Впрочем, сия горсть людей казалась сонмом героев, текущих к верной победе. Князья и воины не уважали татар; видели их превосходную силу и, вопреки благоразумию, схватились с ними на чистом поле близ монастыря Евфимиева. Неприятель был вдвое многочисленнее; однако ж россияне первым ударом обратили его в бегство, может быть, притворное: он хотел, кажется, чтобы наше войско расстроилось. По крайней мере так случилось: москвитяне, видя тыл неприятельской рати, устремились за нею без всякого порядка: всякий хотел единственно добычи; кто обдирал мертвых, кто без памяти скакал вперед, чтобы догнать обоз царевичей или брать пленников. Татары вдруг остановились, поворотили коней и со всех сторон окружили мнимых победителей, рассеянных, изумленных.

Еще князья наши старались восстановить битву; сражались толпы с толпами, воин с воином, долго, упорно; везде число одолело, и россияне, положив на месте 500 моголов, были истреблены. Сам великий князь, личным мужеством заслужив похвалу — имея простреленную руку, несколько пальцев отсеченных, тринадцать язв на голове, плечи и грудь синие от ударов — отдался в плен вместе с Михаилом Верейским и знатнейшими боярами. Иоанн Можайский, оглушенный сильным ударом, лежал на земле: оруженосцы посадили его на другого коня и спасли. Василий Ярославич Боровский

также ушел; но весьма немногие имели сие счастие. Смерть или неволя были жребием остальных. Царевичи выжгли еще несколько сел, два дня отдыхали в монастыре Евфимиеве и, сняв там с несчастного Василия златые кресты, послали оные в Москву, к его матери и к супруге, в знак своей победы.

Столица наша затрепетала от сей вести: двор и народ вопили. Москва видала ее государей в злосчастии и в бегстве, но никогда не видала в плену. Ужас господствовал повсюду. Жители окрестных селений и пригородов, оставляя домы, искали убежища в стенах кремлевских: ибо ежечасно ждали нашествия варваров, обманутые слухом о силе царевичей. Новое бедствие довершило жалостную судьбу москвитян и пришельцев: ночью сделался пожар внутри Кремля, столь жестокий, что не осталось ни одного деревянного здания в целости: самые каменные церкви и стены в разных местах упали; сгорело около трех тысяч человек и множество всякого имения. Мать и супруга великого князя с боярами спешили удалиться от сего ужасного пепелища: они уехали в Ростов, предав народ отчаянию в жертву. Не было ни государя, ни правления, ни столицы. Кто мог, бежал; но многие не знали, где найти пристанище, и не хотели пускать других. Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей; запретили бегство; ослушников наказывали и вязали; починили городские ворота и стены; начали строить и жилища. Одним словом, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия, и Москву из пепла, надеясь, что Бог возвратит ей и государя.— Между тем, пользуясь ее сиротством и несчастием, хищный князь Борис Александрович Тверской прислал воевод своих разграбить в Торжке все имение купцов московских.

Несмотря на пороки или недостатки Василия, россияне великого княжения видели в нем единственного законного властителя и хотели быть ему верными: плен его казался им тогда главным бедствием. Царевичи, хотя и победители, вместо намерения идти к Москве — чего она в безрассудном страхе ожидала — мыслили единственно как можно скорее удалиться с добычею и с важным пленником, имея столь мало войска. От Суздаля они пришли к Владимиру; но только погрозив жителям, через Муром возвратились к отцу в Нижний. Сам Мах-

мет опасался россиян и не рассудил за благо остаться в наших пределах: зная расположение Шемяки, отправил к нему посла, именем Бигича, с дружескими уверениями; а сам отступил к Курмышу, взяв с собою великого князя и Михаила Верейского.

Шемяка радовался бедствию Василия, которое удовлетворяло его властолюбию и ненависти к сему злосчастному пленнику. Он принял царского мурзу с величайшею ласкою: угостил и послал с ним к Махмету дьяка Федора Дубенского для окончания договоров. Дело шло о том, чтобы Василию быть в вечной неволе, а Шемяке великим князем под верховною властию царя казанского. Но Махмет, долго не имев вести о Бигиче, вообразил или поверил слуху, что Шемяка убил его и хочет господствовать в России независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемене в судьбе Василия. Один из князей болгарских или могольских, именем Либей, завладел тогда Казанью (после он был умерщвлен сыном ханским, Мамутеком). Желая скорее возвратиться в Болгарию, царь советовался с ближними, призвал великого князя и с ласкою объявил ему свободу, требуя от него единственно умеренного окупа и благодарности. Василий, прославив милость Неба и царскую, выехал из Курмыша с князем Михаилом, с боярами и со многими послами татарскими, коим надлежало проводить его до столицы; отправил гонца в Москву к великим княгиням и сам вслед за ним спешил в любезное отечество. Между тем дьяк Шемякин и мурза Бигич плыли Окою от Мурома к Нижнему: услышав о свободе великого князя, они возвратились от Дудина монастыря в Муром, где наместник, князь оболенский, взял Бигича под стражу.

В тот самый день, когда царь отпустил Василия в Россию — 1 октября [1445 г.] — Москва испытала один из главных естественных ужасов, весьма необыкновенный для стран северных: землетрясение. В шестом часу ночи поколебался весь город, Кремль и посад, домы и церкви; но движение было тихо и непродолжительно: многие спали и не чувствовали оного; другие обеспамятели от страха, думая, что земля отверзает недра свои для поглощения Москвы. Несколько дней ни о чем ином не говорили в домах и на Красной площади; считали сей феномен предтечею каких-нибудь новых государст-

венных бедствий и тем более обрадовались нечаянному известию о прибытии великого князя. Не только в столице, но и во всех городах, в самых хижинах сельских добрые подданные веселились, как в день Светлого Праздника, и спешили издалека видеть государя. В Переславле нашел Василий мать, супругу, сыновей своих, многих князей, бояр, детей боярских и вообще столько ратных людей, что мог бы смело идти с ними на сильнейшего из врагов России. Сия усердная, великолепная встреча напомнила величие героя Димитрия, приветствуемого народом после Донской битвы: дед пленял россиян славою, внук трогал сердца своим несчастием и неожидаемым спасением.— Но Василий (17 ноября) с горестию въехал в столицу, медленно возникающую из пепла; вместо улиц и зданий видел пустыри; сам не имел дворца и, жив несколько времени за городом в доме своей матери, на Ваганкове, занял в Кремле двор князя литовского, Юрия Патрикиевича.

Еще мера зол, предназначенных судьбою сему великому князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Опасаясь Василия, Димитрий Шемяка бежал в Углич, но с намерением погубить неосторожного врага своего, который, еще не ведая тогда всей его злобы и поверив ложному смирению, новою договорною грамотою утвердил с ним мир. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, князем слабым, жестокосердным, легкомысленным, и без труда уверил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все государство Московское царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверской, обманутый сим вымыслом и страшась лишиться княжения. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные бояре умершего Константина Димитриевича, завистники бояр великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимого: в числе их находились боярин Иван Старков, несколько купцов, дворян, даже иноков. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить великого князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

[1446 г.] Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал

молиться в Троицкую обитель, славную добродетелями и мощами Св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали; бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Князья вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их домы; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой лавре.

Великий князь, ничего не зная, слушал обедню у гроба Св. Сергия. Вдруг вбегает в церковь один дворянин, именем Бунко, и сказывает о происшедшем. Василий не верит. Сей дворянин служил прежде ему, а после отъехал к Шемяке, и тем более казался вестником ненадежным. «Вы только мутите нас,— ответствовал Василий:— я в мире с братьями»,— и выгнал Бунка из монастыря; но одумался и послал несколько человек занять гору на московской дороге. Передовые воины Иоанновы, увидев сих людей, известили о том своего князя: он велел закрыть 40 или 50 саней циновками и, спрятав под ними ратников, отправил их к горе. Стражи Василиевы дремали, не веря слуху о неприятеле, и спокойно глядели на мнимый обоз, который, тихо взъехав на гору, остановился: циновки слетели с саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — уверенные, что жертва в их руках — они сели на коней и пустились во всю прыть к селу Клементьевскому. Уже Василий не мог сомневаться в опасности, собственными глазами видя скачущих всадников: бежит на конюшенный двор, требует лошадей и не находит ничего готового; вся люди в изумлении от ужаса; не знают, что говорят и делают. Уже всадники пред вратами монастырскими. Великий князь ищет убежища в церкви: пономарь, впустив его, запирает двери. Чрез несколько минут монастырь наполнился людьми вооруженными: сам Иоанн Можайский подъехал на коне к церкви и спрашивал, где великий князь? Услышав его голос, Василий громко закричал: «Брат любезный! помилуй! Не лишай

меня Святого места: никогда не выйду отсюда: здесь постригуся; здесь умру». Взяв с гроба Сергиева икону Богоматери, он немедленно отпер южные ворота церковные, встретил Иоанна и сказал ему: «Брат и друг мой! Животворящим Крестом и сею иконою, в сей церкви, над сим гробом преподобного Сергия клялися мы в любви и верности взаимной, а что теперь делается надо мною, не понимаю». Иоанн ответствовал: «Государь! если захотим тебе зла, да будет и нам зло. Нет, желаем единственно добра христианству и поступаем так с намерением устрашить Махметовых слуг, пришедших с тобою, чтобы они уменьшили твой окуп». Великий князь поставил икону на ее место, пал ниц пред ракою Св. Сергия и начал молиться громогласно, с таким умилением, с таким жаром, что самые злодеи его не могли от слез удержаться; а князь Иоанн, кивнув головою пред образами, спешил выйти из церкви и тихо сказал боярину Шемякину, Никите: «Возьми его!» Василий встал и спросил: «Где брат мой, Иоанн?» *Ты пленник великого князя, Димитрия Юрьевича,* отвечал Никита, схватив его за руки. «Да будет воля Божия!» — сказал Василий. Жестокий вельможа посадил несчастного князя в голые сани вместе с каким-то монахом и повез в столицу; а московских бояр всех оковали цепями: других же слуг великокняжеских ограбили и пустили нагих.

На другой день привезли Василия в Москву прямо на двор к Шемяке, который жил в ином доме; на четвертый день [16 февраля], ночью, ослепили великого князя, от имени Димитрия Юрьевича, Иоанна Можайского и Бориса Тверского, которые велели ему сказать: «Для чего любишь татар и даешь им русские города в кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпаешь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил ты брата нашего, Василия Косого?» — Вместе с супругою отправили великого князя в Углич, а мать его Софию в Чухлому. Сыновья же Василиевы, Иоанн и Юрий, под защитою своей невинности спаслися от гонителей: пестуны сокрыли их в монастыре и ночью уехали с ними к князю ряполовскому, Ивану, в село Боярово, недалеко от Юрьева. Сей верный князь с двумя братьями, Симеоном и Димитрием, вооружился, собрал людей, сколько мог, и повез младенцев, надежду России, в Муром, укрепленный и безопаснейший других городов.

Ужас господствовал в великом княжении. Оплакивали судьбу Василия, гнушались Шемякою. Князь боровский, Василий Ярославич, брат великой княгини Марии, не хотел остаться в России после такого злодеяния, отъехал в литовскую землю, где Казимир дал ему в удел Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Но дворяне московские, хотя и с печальным сердцем, присягнули Димитрию Шемяке, все, кроме одного, именем Федора Басенка, торжественно объявившего, что не будет служить варвару и хищнику. Димитрий велел оковать его: Басенок ушел из темницы в Литву со многими единомышленниками к Василию Ярославичу, который сделал его и князя Симеона Ивановича Оболенского начальниками в Брянске. Шемяка, приняв на себя имя великого князя, отдал Суздаль презрительному сподвижнику своему, Иоанну Можайскому; но скоро взял у него назад сию область и вследствии письменного договора уступил, вместе с Нижним, с Городцом и даже с Вяткою, как законную наследственную собственность, внукам Кирдяпиным, Василию и Феодору Юрьевичам; то есть бессмыленно хотел уничтожить полезное дело Василия I, присоединившего древнее Суздальское княжение к Москве. В договорной грамоте Шемяка, предоставив себе единственно честь старейшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно их прадеду Димитрию Константиновичу, тестю Донского, господствовали независимо и сами управлялись с Ордою; обе стороны равно обязываются не входить ни в какие особенные переговоры с несчастным слепцом Василием; села и земли, купленные московскими боярами вокруг Суздаля, Городца, Нижнего, долженствовали безденежно возвратиться к прежним владельцам, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклонным к двум изгнанникам, которые, не хотев служить Василию Темному, скитались по России из места в место? Он боялся народной ненависти и малодушно искал опоры в сих братьях, из коих старший, служа Новугороду, отличился в битве с немцами и славился храбростию. Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию и, в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народ-

ной пословице *о суде Шемякине*, доныне употребительной.

Он не умертвил великого князя единственно для того, что не имел дерзости Святополка I; лишив его зрения, оправдывался законом мести и собственным примером Василия, который ослепил Шемякина брата. Но москвитяне — соглашаясь, что несчастие Василиево было явным попущением Божиим,— усердно молили Небо избавить их от властителя недостойного; воспоминали добрые качества слепца: его верность в правоверии, суд без лицеприятия, милость к князьям удельным, к народу, к самому Шемяке. Лазутчики Димитрия в столице, на площади, в домах бояр и граждан видели печаль, слышали укоризны; даже многие города не поддавались ему. В сих обстоятельствах надлежало Шемяке показать смелую решительность: к счастию, злодеи не всегда имеют оную; устрашаются крайности и не достигают цели. Он боялся младенцев великокняжеских, хранимых в Муроме князьями ряполовскими, верными боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотел употребить насилия: призвал в Москву рязанского епископа Иону и сказал ему: «Муж Святый! обещаю доставить тебе сан митрополита; но прошу твоей услуги. Иди в свою епископию, в город Муром; *возьми* детей великого князя *на свою епитрахиль* и привези ко мне: я готов на всякую милость; выпущу отца их; дам им удел богатый, да господствует в оном и живут в изобилии». Иона, не сомневаясь в его искренности, отправился в Муром и ревностно старался успеть в Димитриевом поручении. Бояре колебались. «Если не послушаем святителя,— думали они,— то Димитрий силою возьмет Муром и детей великокняжеских: что будет с ними, с несчастным их родителем и с нами?» Бояре требовали клятвы от Ионы и привели младенцев в храм Богоматери, где епископ, отпев молебен, торжественно принял их с церковной пелены на свою епитрахиль, в удостоверение, что Димитрий не сделает им ни малейшего зла. Князья ряполовские и друзья их, успокоенные обрядом священным, сами поехали с драгоценным залогом к Шемяке, бывшему тогда в Переславле. Сей лицемер плакал будто бы от умиления: ласкал, целовал юных невинных племянников; угостил обедом и дарами, а на третий день отправил с тем же Ионою к отцу в Углич.

Иона возвратился в Москву и занял дом митрополитский; но Василий и семейство его остались под стражею. Шемяка не исполнил обета.

Сие вероломство изумило бояр: добрые князья Ряполовские были в отчаянии. «Не дадим веселиться злобе»,— сказали они и решились низвергнуть Димитрия. К ним пристали князь Иван Стрига-Оболенский, вельможа Ощера и многие дети боярские: условились с разных сторон идти к Угличу; в один день и час явиться под его стенами, овладеть городом, освободить Василия. Заговор не имел совершенного успеха; однако ж произвел счастливое действие. Узнав намерение Ряполовских, тайно выехавших из Москвы, Димитрий отправил воеводу своего вдогон за ними; но сии мужественные витязи разбили дружину Шемякину и видя, что умысел их открылся, поехали в Литву к Василию Ярославичу Боровскому, чтобы вместе с ним взять меры в пользу великого князя. Они проложили туда путь всем их многочисленным единомышленникам: из столицы и других городов люди бежали в Малороссию, проклиная Шемяку, который трепетал в московском дворце, ежедневно получая вести о всеобщем негодовании народа. Призвав епископов, он советовался с ними и с князем Иоанном Можайским, освободить ли Василия? чего неотступно требовал Иона, говоря ему: «Ты нарушил устав правды; ввел меня в грех, постыдил мою старость. Бог накажет тебя, если не выпустишь великого князя с семейством и не дашь им обещанного удела. Можешь ли опасаться слепца и невинных младенцев? Возьми клятву с Василия, а нас епископов во свидетели, что он никогда не будет врагом твоим». Шемяка долго размышлял; наконец согласился.

Должны ли вероломные надеяться на верность обманутых ими? Но злодеи, освобождая себя от уз нравственности, мыслят, что не всем дана сила попирать ногами святыню, и сами бывают жертвою легковерия. Димитрий хотел, по тогдашнему выражению, *связать душу* Василиеву Крестом и Евангелием так, чтобы не оставить ему на выбор ничего, кроме рабского смирения или Ада; приехал в Углич со всем двором, с князьями, боярами, епископами, архимандритами; велел позвать Василия, обнял его дружески, винился, изъявлял раскаяние, требовал прощения великодушного. «Нет!— ответствовал

великий князь с сердечным умилением: — я один во всем виновен; пострадал за грехи мои и беззакония; излишно любил славу мира и преступал клятвы; гнал вас, моих братьев; губил христиан и мыслил еще изгубить многих; одним словом, заслуживал казнь смертную. Но ты, государь, явил милосердие надо мною и дал мне средство к покаянию». Слова лились рекою вместе со слезами; вид, голос подтверждали их искренность. Шемяка был совершенно доволен: все другие плакали, славя Ангельское смирение души Василиевой. Может быть, великий князь действительно говорил и чувствовал одно в порыве христианской набожности, которая питается уничижением земной гордости. Обряд крестного целования заключился великолепною трапезою у Шемяки: Василий обедал у него с супругою и с детьми, со всеми вельможами и епископами; принял богатые дары и Вологду в удел; пожелал Димитрию благополучно властвовать над Московским государством и с своими домашними отправился к берегам Кубенского озера.

Скоро увидел Шемяка свою ошибку. Василий, пробыв несколько дней в Вологде как в печальной ссылке, поехал на богомолье в Белозерский Кириллов монастырь, где умный игумен Трифон, согласно с его желанием, объявил ему, что клятва, данная им в Угличе, не есть законная, быв действием неволи и страха. «Родитель оставил тебе в наследие Москву, — говорил Трифон: — да будет грех клятвопреступления на мне и на моей братии! Иди с Богом и с правдою на свою отчину; а мы за тебя, государя, молим Бога». Игумен и все иеромонахи благословили Василия на великое княжение. Он успокоился в совести. Ежедневно приходило к нему множество людей из разных городов, требуя чести служить Верою и правдою истинному государю России; в том числе находились знатнейшие бояре и дети боярские. Василий уже не хотел ехать назад в Вологду, но прибыл в Тверь, где князь Борис Александрович, оставив прежнюю злобу, вызвался помогать ему с условием, чтобы он женил сына своего, семилетнего Иоанна, на его дочери, Марии. Торжественное обручение детей утвердило союз между отцами, и тверская дружина усилила великокняжескую. Василий решился идти к Москве.

С другой стороны спешили туда князья Боровский, Ряполовские, Иван Стрига-Оболенский, Федор Басенок, собрав войско в Литве. На пути они нечаянно встретили татар и готовились к битве с ними; но открылось, что сии мнимые неприятели шли на помощь к Василию, предводимые царевичами Касимом и Ягупом, сыновьями царя Улу-Махмета. «Мы из земли Черкасской и друзья великого князя,— говорили татары,— знаем, что сделали с ним братья недостойные; помним любовь и хлеб его; желаем теперь доказать ему нашу благодарность». Князья российские дружески обнялися с царевичами и пошли вместе.

Шемяка, сведав о намерении Василия и желая не допустить его до Москвы, расположился станом у Волока Ламского; но великий князь, уверенный в доброхотстве ее граждан, тайно отправил к ним боярина Плещеева с малочисленною дружиною. Сей боярин умел обойти рать Шемякину и ночью, накануне Рождества, был уже под стенами Кремлевскими. В церквах звонили к Заутрене; одна из княгинь ехала в собор: для нее отворили Никольские ворота, и дружина великокняжеская, пользуясь сим случаем, вошла в город. Тут раздался стук оружия: наместник Шемякин убежал из церкви; наместник Иоанна Можайского попался в руки к Василиевым воеводам, которые в полчаса овладели Кремлем. Бояр неприятельских оковали цепями; а граждане с радостию вновь присягнули Василию.

[1447 г.] Димитрий Шемяка услышал в одно время, что Москва взята и что от Твери идет на него великий князь, а с другой стороны Василий Ярославич Боровский с татарами: не имея доверенности ни к своему войску, ни к собственному мужеству, Димитрий и Можайский ушли в Галич, оттуда в Чухлому и в Каргополь, взяв с собою мать Василиеву, Софию. Великий же князь соединился близ Углича с Василием Боровским и завоевал сей город, под коим убили одного из храбрейших его воевод, литвина Юрия Драницу; в Ярославле нашел царевичей, Касима с Ягупом, и при восклицаниях усердного народа вступил в Москву, послав боярина Кутузова сказать Шемяке: «Брат Димитрий! какая тебе честь и хвала держать в неволе мать мою, а свою тетку? Ищи другой славнейшей мести, буде хочешь: я сижу на престоле великокняжеском!» Димит-

рий советовался с боярами. Видя изнеможение своих людей, утомленных бегством — желая смягчить великого князя и чувствуя в самом деле бесполезность сего залога — он велел знатному боярину своему, Михайлу Сабурову, проводить великую княгиню до Москвы. Василий встретил мать в Троицкой лавре; а боярин Сабуров, им обласканный, вступил к нему в службу.

Князья Шемяка и Можайский искали мира посредством Василия Ярославича Боровского и Михаила Андреевича, брата Иоаннова; винились, давали обеты верности. Шемяка отказывался от Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Иоанн от Козельска и разных волостей; тот и другой обязывался возвратить все похищенное ими в Москве: казну, богатые кресты, иконы, имение княгинь и вельмож, древние грамоты, ярлыки ханские, требуя единственно, чтобы Василий оставил их обоих мирно господствовать в уделах наследственных и не призывал к себе до избрания митрополита, который один мог надежно ручаться за личную для них безопасность в столице. Великий князь простил Иоанна и дал ему Бежецкий Верх, из уважения к его брату, Михаилу Андреевичу, и сестре Анастасии, супруге Бориса Тверского; но еще не хотел примириться с Шемякою. Полки московские шли к Галичу. Наконец, убежденный ходатайством их общих родственников, Василий простил и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искренним другом, славить милость его до последнего издыхания и никогда не мыслить о великом княжении. Крестная или клятвенная грамота Димитриева, тогда написанная, заключалась сими словами: «Ежели преступлю обеты свои, да лишуся милости Божией и молитвы Святых Угодников земли нашей, митрополитов Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, Сергия, Кирилла и других; не буди на мне благословения епископов русских», и проч.— Великий князь с торжеством возвратился из Костромы в Москву, отпраздновав мир и Пасху в Ростове у епископа Ефрема.

[1448 г.] Своим последним несчастием как бы примиренный с судьбою и в слепоте оказывая более государственной прозорливости, нежели доселе, Василий начал утверждать власть свою и силу Московского княжения. Восстановив спокойствие внутри оного, он прежде всего

дал митрополита России, коего мы восемь лет не имели от раздоров константинопольского духовенства и от собственных наших смятений. Епископы Ефрем Ростовский, Аврамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский съехались в Москву; а новогородский и тверской прислали грамоты, изъявляя свое единомыслие с ними. Они, в угодность государю, посвятили Иону в митрополиты, ссылаясь будто бы, как сказано в некоторых летописях, на данное ему (в 1437 году) патриархом благословение; но Иона в грамотах своих, написанных им тогда же ко всем епископам литовской России, говорит, что он избран по уставу апостолов российскими святителями, и строго укоряет греков Флорентийским Собором. По крайней мере с того времени мы сделались уже совершенно независимы от Константинополя по делам церковным: что служит к чести Василия. Духовная опека греков стоила нам весьма дорого. В течение пяти веков, от Св. Владимира до Темного, находим только шесть митрополитов-россиян; кроме даров, посылаемых царям и патриархам, иноземные первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, как вероятно, меры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали их в Грецию. Они не могли иметь и жаркого усердия к государственным пользам России; не могли и столько уважать ее государей, как наши единоземцы. Сии истины очевидны; но страх коснуться Веры и переменою в ее древних обычаях соблазнить народ не дозволял великим князьям освободиться от уз духовной греческой власти; несогласия же константинопольского духовенства по случаю Флорентийского Собора представили Василию удобность сделать то, чего многие из его предшественников хотели, но опасались.— Избрание митрополита было тогда важным государственным делом: он служил великому князю главным орудием в обуздании других князей. Иона старался подчинить себе и литовские епархии: доказывал тамошним епископам, что преемник Исидоров, Григорий, есть латинский еретик и лжепастырь; однако ж не достиг своей цели и возбудил только гнев папы Пия II, который нескромною буллою (в 1458 году) объявил Иону *злочестивым сыном, отступником,* и проч.

[1449—1450 гг.] Вторым попечением Василия было

утвердить наследственное право юного сына: он назвал десятилетнего Иоанна соправителем и *великим князем,* чтобы россияне заблаговременно привыкли видеть в нем будущего государя: так именуется Иоанн в договорах сего времени, заключенных с Новымгородом и с разными князьями. Во время несчастия Василиева новогородцы признали Шемяку своим князем и заставили его клятвенно утвердить все древние права их: Василий, желая тогда отдохновения и мира, также дал им крестный обет не нарушать сих прав, довольствоваться старинными княжескими пошлинами и не требовать народной, или черной дани. Знатнейшие сановники Новагорода приезжали в Москву и написали договор, во всем подобный тем, какие они заключали с Ярославом Ярославичем и другими великими князьями XIII века.— Столь же снисходительно поступил Василий и со внуками Кирдяпы: оставил их господствовать в Нижнем, в Городце, в Суздале, с условием, чтобы они признавали его своим верховным повелителем, отдали ему древние ярлыки ханские на сей удел, не брали новых и вообще не имели сношений с Ордою.— Князь рязанский, Иоанн Феодорович, обязался грамотою не приставать ни к литве, ни к татарам; быть везде заодно с Василием и судиться у него в случае раздоров с князем пронским; а великий князь обещал уважать их независимость, возвратив Иоанну многие древние места рязанские по берегам Оки; Бориса же Тверского называет в грамоте *равным себе братом,* уверяя, что ни он, Василий, ни сын его не будет мыслить о присоединении Твери к московским владениям, хотя бы татары и предложили ему взять оную. Из благодарности к верным своим друзьям и сподвижникам, Василию Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Иоанна Можайского, великий князь утвердил за первым Боровск, Серпухов, Лужу, Хотунь, Радонеж, Перемышль, а за вторым Верею, Белоозеро, Вышегород, оставив им обоим часть в московских сборах и даже освободив некоторые области Михаилова удела на несколько лет от ханской дани, то есть взял ее на себя. Сии грамоты были все подписаны митрополитом Ионою, который способствовал и доброму согласию Василиеву с Казимиром. Посол литовский, Гарман, был тогда в Москве с письмами и с дарами; а великий князь посылал в Литву дьяка своего, Стефана. Иона, назы-

ваясь отцом обоих государей, уверял Казимира, что Василий искренно хочет жить с ним в любви братской.

Новое вероломство Шемяки нарушило спокойствие великого княжения. Еще в конце 1447 года епископы российские от имени всего духовенства писали к нему, что он не исполняет договора: не отдал увезенной им московской казны и драгоценной святыни; грабит бояр, которые перешли от него в службу к Василию; сманивает к себе людей великокняжеских; тайно сносится с Новымгородом, с Иоанном Можайским, с Вяткою, с Казанью. Над *Синею*, или Ногайскою Ордою, рассеянною в степях между Бузулуком и Синим, или Аральским морем, отчасти же между Черным и рекою Кубою, господствовал Седи-Ахмет, коего послы приезжали к великому князю; Шемяка не хотел участвовать в издержках для их угощения, ни в дарах ханских, ответствуя Василию, что Седи-Ахмет не есть истинный царь. «Ты ведаешь,— писали святители к Димитрию,— сколь трудился отец твой, чтобы присвоить себе великое княжение, вопреки воле Божией и законам человеческим; лил кровь россиян, сел на престоле и должен был оставить его; выехал из Москвы только с пятью слугами и сам звал Василия на государство; снова похитил оное — и долго ли пожил? Едва достиг желаемого, и се в могиле, осужденный людьми и Богом. Что случилось и с братом твоим? В гордости и высокоумии он резал христиан, иноков, священников: благоденствует ли ныне? Вспомни и собственные дела свои. Когда безбожный царь Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать государю и был виною христианской гибели: сколько истреблено людей, сожжено храмов, поругано девиц и монахинь? Ты, ты будешь ответствовать Всевышнему. Напал варвар Мамутек: великий князь *сорок раз* посылал к тебе, молил идти с ним на врага; но тщетно! Пали верные воины в битве крепкой: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи: ослепленный властолюбием и презирая святость крестных обетов, ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил, злодейски истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал? и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, пореваемый страхом, спешил из места в место, томимый в день заботами, в нощи

сновидениями и мечтами? Хотел большего, но изгубил свое меньшее. Великий князь снова на престоле и в новой славе: ибо данного Богом человек не отнимает. Одно милосердие Василиево спасло тебя. Государь еще поверил клятве твоей и паки видит измену. Пленяемый честию великокняжеского имени, суетною, если она не Богом дарована; или движимый златолюбием, или уловленный прелестию женскою, ты дерзаешь быть вероломным, не исполняя клятвенных условий мира: именуешь себя великим князем и требуешь войска от новогородцев, будто бы для изгнания татар, призванных Василием и доселе им не отсылаемых. Но ты виною сего: татары немедленно будут высланы из России, когда истинно докажешь свое миролюбие государю. Он знает все твои происки. Тобою наущенный казанский царевич Мамутек оковал цепями посла московского. Седи-Ахмета не признаешь царем; но разве не в сих же улусах отец твой судился с великим князем? Не те ли же царевичи и князья служат ныне Седи-Ахмету? Уже миновало шесть месяцев за срок, а ты не возвратил ни святых крестов, ни икон, ни сокровищ великокняжеских. И так мы, служители алтарей, по своему долгу молим тебя, господин князь Димитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, то не мы, но сам возложишь на себя тягость духовную: будешь чужд Богу, Церкви, Вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками и клевретами».— Сие послание не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года без кровопролития, с одной стороны в убеждениях миролюбия, с другой в тайных и явных кознях. Наконец Димитрий решился воевать. Он хотел нечаянно взять Кострому; но князь Стрига и мужественный Феодор Басенок отразили приступ. Узнав о том, Василий собрал и полки и епископов, свидетелей клятвы Шемякиной, чтобы победить или устыдить его. Сам митрополит провождал войско к Галичу. Как усердный пастырь душ, он еще старался обезоружить врагов: успел в том, но ненадолго. Шемяка не преставал коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что один гроб может примирить их — Василий уже хотел действовать решительно; при-

звал многих князей, воевод из других городов, и составил ополчение сильное. Шемяка, думая сперва уклониться от битвы, пошел к Вологде; но, вдруг переменив мысли, расположился станом близ Галича: укреплял город, ободрял жителей и всего более надеялся на свои пушки. Василий, лишенный зрения, не мог сам начальствовать в битве: князь оболенский предводительствовал московскими полками и союзными татарами. Оставив государя за собою, под щитами верной стражи, они стройно и бодро приближались к Галичу. Шемяка стоял на крутой горе, за глубокими оврагами; приступ был труден. То и другое войско готовилось к жестокому кровопролитию с равным мужеством: москвитяне пылали ревностию сокрушить врага ненавистного, гнусного злодеянием и вероломством; а Шемяка обещал своим первенство в великом княжении со всеми богатствами московскими. Полки Василиевы имели превосходство в силах, Димитриевы выгоду места. Князь оболенский и царевичи ожидали засады в дебрях; но Шемяка не подумал о том, воображая, что москвитяне выйдут из оврагов утомленные, расстроенные и легко будут смяты его войском свежим: он стоял неподвижно и смотрел, как неприятель от берегов озера шел медленно по тесным местам. Наконец москвитяне достигли горы и дружно устремились на ее высоту; задние ряды их служили твердою опорою для передних, встреченных сильным ударом полков галицких. Схватка была ужасна: давно россияне не губили друг друга с таким остервенением. Сия битва особенно достопамятна, как *последнее* кровопролитное действие княжеских междоусобий... Москвитяне одолели: истребили почти всю пехоту Шемякину и пленили его бояр; сам князь едва мог спастися: он бежал в Новгород. Василий, услышав о победе, благодарил Небо с радостными слезами; дал галичанам мир и своих наместников; присоединил сей удел к Москве и возвратился с веселием в столицу.

Новогородцы не усомнились принять Димитрия Шемяку, величаясь достоинством покровителей знаменитого изгнанника и надеясь чрез то иметь более средств к обузданию Василия в замыслах его самовластия; не хотели помогать Димитрию, однако ж не мешали ему явно готовиться к неприятельским действиям против великого князя и собирать воинов, с коими он чрез не-

сколько месяцев взял Устюг, Шемяка мыслил завоевать северный край московских владений, хотел приобрести любовь жителей и для того не касался собственности частных людей, довольствуясь единственно их присягою; но те, которые не соглашались изменить великому князю, были осуждены на смерть: бесчеловечный Шемяка навязывал им камни на шею и топил сих добродетельных граждан в Сухоне. Не теряя времени, он пошел к Вологде, чтобы открыть себе путь в Галицкую землю; но не мог завладеть ни одним городом и возвратился в Устюг, где великий князь около двух лет оставлял его в покое.

В сие время татары занимали Василия. Казань уже начала быть опасною для московских владений: в ней царствовал Мамутек, сын Махметов, злодейски умертвив отца и брата. В 1446 году 700 татар Мамутековой дружины осаждали Устюг и взяли окуп с города мехами, но, возвращаясь, потонули в реке Ветлуге. Отрок великокняжеский, десятилетний Иоанн Васильевич, чрез два года ходил с полками для отражения казанцев от муромских и владимирских пределов. Другие шайки хищников ординских грабили близ Ельца и даже в Московской области: царевич Касим, верный друг Василиев, разбил их в окрестностях Похры и Битюга. [1451 г.] Гораздо более страха и вреда претерпела наша столица от царевича Мазовши: отец его, Седи-Ахмет, хан Синей, или Ногайской Орды, требовал дани от Василия и хотел принудить его к тому оружием. Великий князь шел встретить царевича в поле; но сведав, что татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился в столицу, приказав князю звенигородскому не пускать их через Оку. Сей малодушный воевода, объятый страхом, бежал со всеми полками и дал неприятелю путь свободный; а Василий, вверив защиту Москвы Ионе митрополиту, матери своей Софии, сыну Юрию и боярам — супругу же с меньшими детьми отпустив в Углич — рассудил за благо удалиться к берегам Волги, чтобы ждать там городских воевод с дружинами.

Скоро явились татары, зажгли посады и начали приступ. Время было сухое, жаркое; ветер нес густые облака дыма прямо на Кремль, где воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не

могли ничего видеть, до самого того времени, как посады обратились в пепел, огонь угас и воздух прояснился. Тогда москвитяне сделали вылазку; бились с татарами до ночи и принудили их отступить. Несмотря на усталость, никто не мыслил отдыхать в Кремле: ждали нового приступа; готовили на стенах пушки, самострелы, пищали. Рассветало; восходит солнце, и москвитяне не видят неприятеля: все тихо и спокойно. Посылают лазутчиков к стану Мазовшину: и там нет никого; стоят одни телеги, наполненные железными и медными вещами; поле усеяно оружием и разбросанными товарами. Неприятель ушел ночью, взяв с собою единственно легкие повозки, а все тяжелое оставив в добычу осажденным. Татары, по сказанию летописцев, услышав вдали необыкновенный шум, вообразили, что великий князь идет на них с сильным войском, и без памяти устремились в бегство. Сия весть радостно изумила москвитян. Великая княгиня София отправила гонца к Василию, который уже перевозился за Волгу, близ устья Дубны. Он спешил в столицу, прямо в храм Богоматери, к ее славной Владимирской иконе; с умилением славил Небо и сию заступницу Москвы; облобызав гроб чудотворца Петра и приняв благословение от митрополита Ионы, нежно обнял мать, сына, бояр; велел вести себя на пепелище, утешал граждан, лишенных крова; говорил им: «Бог наказал вас за мои грехи: не унывайте. Да исчезнут следы опустошения! Новые жилища да явятся на месте пепла! Буду вашим отцом; даю вам льготу; не пожалею казны для бедных». Народ, утешенный сожалением и милостию государя, *почил* (как сказано в летописи) *от минувшего зла;* и где за день господствовал неописанный ужас, там представилось зрелище веселого праздника. Василий обедал с своим семейством, митрополитом, людьми знатнейшими: граждане, не имея домов, угощали друг друга на стогнах и на кучах обгорелого леса.

[1452 г.] Видя снова мир и тишину в великом княжении, Василий не хотел долее терпеть Шемякина господства в Устюге: немало времени готовился к походу; наконец выступил из Москвы: сам остановился в Галиче, а сына своего, Иоанна, с князьями боровским, оболенским, Феодором Басенком и с царевичем Ягупом (братом Касимовым) послал разными путями к берегам

Сухоны. Шемяка, по-видимому, не ожидал сего нападения: не дерзнул противиться, оставил в Устюге наместника и бежал далее в северные пределы Двины; но и там, гонимый отрядами великокняжескими, не нашел безопасности: бегал из места в место и едва мог пробраться в Новгород. Воеводы московские не щадили нигде друзей сего князя: лишали их имения, вольности и, посадив наместников Василиевых в область Устюжской, возвратились к государю с добычею. Но еще Шемяка был жив и в непримиримой злобе своей искал новых способов мести: смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду, от коего он скоропостижно умер. Виновник дела, столь противного Вере и законам нравственности, остался неизвестным. Новогородцы погребли Шемяку с честию в монастыре Юрьевском. Подьячий, именем Беда, прискакал в Москву с вестию о кончине сего жестокого Василиева недруга и был пожалован в дьяки. Великий князь изъявил нескромную радость.

[1454 г.] Как бы ободренный смертию опасного злодея, он начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу единовластия. Иоанн Можайский не хотел вместе с ним идти на татар: великий князь объявил ему войну и заставил его бежать со всем семейством в Литву, куда ушел из Новагорода и сын Шемякин. Жители Можайска требовали милосердия. «Даю вам мир вечный,— сказал великий князь,— отныне навсегда вы мои подданные». Наместники Василиевы остались там управлять народом.

Новогородцы давали убежище неприятелям Темного, говоря, что Святая София никогда не отвергала несчастных изгнанников. Кроме Шемяки, они приняли к себе одного из князей суздальских, Василия *Гребенку*, не хотевшего зависеть от Москвы. Великий князь имел и другие причины к неудовольствию: новогородцы уклонялись от его суда, утаивали княжеские пошлины и называли приговоры веча вышним законодательством, не слушаясь московских наместников и следуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно в случае крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василий готовится к походу; слышали угрозы; получили наконец *разметные грамоты* в знак объявления войны — и все еще думали быть непреклонными. Великий князь,

провождаемый двором, прибыл в Волок, куда, несмотря на жестокую зиму, полки шли за полками, так, что в несколько дней составилась рать сильная. Тут новогородцы встревожились, и посадник их явился с челобитьем в великокняжеском стане: Василий не хотел слушать. Князь Оболенский-Стрига и славный Феодор Басенок, герой сего времени, были посланы к Русе, городу торговому, богатому, где никто не ожидал нападения неприятельского: москвитяне взяли ее без кровопролития и нашли в ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться к великому князю: оно шло с пленниками; за ним везли добычу. Воеводы остались назади, имея при себе не более двухсот боярских детей и ратников: вдруг показалось 5000 конных новогородцев, предводимых князем суздальским. Москвитяне дрогнули; но́ Стрига и Феодор Басенок сказали дружине, что великий князь ждет победителей, а не беглецов; что гнев его страшнее толпы изменников и малодушных; что надобно умереть за правду и за государя. Новогородцы хотели растоптать неприятеля: глубокий снег и плетень остановили их. Видя, что они с головы до ног покрыты железными доспехами, воеводы московские велели стрелять не по людям, а по лошадям, которые начали беситься от ран и свергать всадников. Новогородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умели владеть ими; передние смешались: задние обратили тыл, и москвитяне, убив несколько человек, привели к Василию знатнейшего новогородского посадника, именем Михаила Тучу, взятого ими в плен на месте сей битвы.

Известие о том привело Новгород в страх несказанный. Ударили в вечевой колокол; народ бежал на двор Ярославов; чиновники советовались между собою, не зная, что делать; шум и вопль не умолкал с утра до вечера. Граждан было много, но мало воинов смелых; не надеялись друг на друга; редкие надеялись и на собственную храбрость; кричали, что не время воинствовать и лучше вступить в переговоры. Отправили архиепископа Евфимия, трех всадников, двух тысячских и 5 выборных от людей житых; велели им не жалеть ласковых слов, ни самых денег в случае необходимости. Сие посольство имело желаемое действие.

Архиепископ нашел Василия в Яжелбицах; обходил всех князей и бояр, склоняя их быть миротворцами; молил самого великого князя не губить народа легкомысленного, но полезного для России своим купечеством и готового загладить впредь вину свою искреннею верностию. Обещания не могли удовлетворить Василию: он требовал серебра и разных выгод. Новогородцы дали великому князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему черную, или народную дань, виры, или судные пени; отменили так называемые *вечевые грамоты*, коими народ стеснял власть княжескую; клялися не принимать к себе Иоанна Можайского, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его и никого из лиходеев Василиевых; отступились от земель, купленных их согражданами в областях Ростовской и Белозерской; обещали употреблять в государственных делах одну печать великокняжескую, и проч.; а Василий в знак милости уступил им Торжок. В сем мире участвовали и псковитяне, которые, забыв долговременную злобу новогородцев, давали им тогда помощь и находились в раздоре с Василием. Таким образом великий князь, смирив Новгород, предоставил сыну своему довершить легкое покорение оного.

[1456 г.] В то время умер в монашестве князь рязанский Иоанн Феодорович, внук славного Олега, поручив осьмилетнего сына, именем Василия, и дочь Феодосию великому князю. Сия доверенность была весьма опасна для независимости рязанского княжения: Василий Темный, желая будто бы лучше воспитать детей Иоанновых, взял их к себе в Москву, но, послав собственных наместников управлять Рязанью, властвовал там как истинный государь.

Властолюбие его, кажется, более и более возрастало, заглушая в нем святейшие нравственные чувства. Внук славного Владимира *Храброго*, Василий Ярославич Боровский, шурин, верный сподвижник Темного, жертвовал ему своим владением, отечеством; гнушаясь злодейством Шемяки, не хотел иметь с ним никаких сношений; осудил себя на горькую участь изгнанника, искал убежища в земле чуждой и непрестанно мыслил о средствах возвратить несчастному слепцу свободу с престолом. Какая вина могла изгладить память такой добродетельной заслуги? И вероятно ли, чтобы Яросла-

вич, усердный друг Василия, сверженного с престола, заключенного в темнице, изменил ему в счастии, когда сей государь уже не имел совместников и властвовал в мирном величии? Доселе князь боровский не изъявлял излишнего честолюбия, довольный наследственным уделом и частию московских пошлин; охотно уступил Василию области деда своего, Углич, Городец, Козельск, Алексин, взяв за то Бежецкий Верх со Звенигородом, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наследниками великого княжения. Вероятнее, что Василий, желая сделаться единовластным, искал предлога снять с себя личину благодарности, тягостной для малодушных: клеветники могли услужить тем государю, расположенному быть легковерным,— и великий князь, без всяких околичностей взяв шурина под стражу, сослал его в Углич. Удел сего мнимого преступника был объявлен великокняжеским достоянием; а сын Ярославича, Иоанн, ушел с мачехою в Литву и вместе с другим изгнанником, Иоанном Андреевичем Можайским, вымышлял средства отмстить их гонителю. Они заключили тесный союз между собою, написав следующую грамоту (от имени юного князя боровского): «Ты, князь Иван Андреевич, будешь мне старшим братом. Великий князь вероломно изгнал тебя из наследственной области, а моего отца безвинно держит в неволе. Пойдем искать управы: ты владения, я родителя и владения. Будем одним человеком. Без меня не принимай никаких условий от Василия. Если он уморит отца моего в темнице, клянися мстить; если освободит его, но с тобою не примирится, клянуся помогать тебе. Если Бог дарует нам счастие победить или выгнать Василия, будь великим князем: возврати моему отцу города его, а мне дай Дмитров и Суздаль. Не верь клеветникам и не осуждай меня по злословию; что услышишь, скажи мне и не сомневайся в истине моих крестных оправданий. Что завоюем вместе, городов или казны, из того мне треть; а буде по грехам не сделаем своего доброго дела, то останемся и в изгнании неразлучными: в какой земле найдешь себе место, там и я с тобою», и проч. Сбылося только последнее их чаяние: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги государя московского имели убежище в Литве, но не находили там ни сподвижников, ни денег. Казимир отправлял дружелюб-

ные посольства к Василию, думая единственно о безопасности своих российских владений.— Напрасно также верные слуги Ярославича, с горестию видя несколько лет заточение своего князя, мыслили освободить его: взаимно обязались в том клятвою, условились тайно ехать в Углич, вывести князя из темницы и бежать с ним за границу. Умысел открылся. Сии люди исполняли долг усердия законному их властителю, несправедливо утесненному; но великий князь наказал их как злодеев, и притом с жестокостию необыкновенною: велел некоторым отсечь руки и голову, другим отрезать нос, иных *бить кнутом*. Они погибли без стыда, с совестию чистою. Народ жалел об них.

[1458—1459 гг.] Присвоив себе удел галицкий, можайский и боровский, Василий оставил только Михаила Верейского князем владетельным; других не было: внуки Кирдяпины, несколько лет правив древнею Суздальскою областию в качестве московских присяжников, волею или неволею выехали оттуда. Уже все доходы московские шли в казну великого князя; все города управлялись его наместниками. Одна Вятка, быв частию Галицкой области, не хотела повиноваться Василию: жители ее, как мы видели, помогали Юрию, Шемяке, Косому и за несколько лет до того времени сами собою выжгли устюжскую крепость Гледен. Князь Ряполовский, посланный смирить вятчан, долго стоял у Хлынова и возвратился без успеха: ибо они задобрили воевод московских дарами. В следующий год пошло туда новое сильное войско с великокняжескою дружиною, со многими князьями, боярами, детьми боярскими; присоединив к себе устюжан, взяло городки Котельнич, Орлов и покорило вятчан государю московскому. Однако ж дух вольности не мог вдруг исчезнуть в сей народной державе, основанной на законах новогородских. Василий удовольствовался данию и правом располагать ее воинскими силами.

Любя умножать власть свою, он еще не дерзал коснуться Твери, где князь Борис Александрович, сват его, скончался независимым (в 1461 году), оставив престол сыну, именем Михаилу.— Василий не теснил более и новогородцев и дружелюбно гостил у них (в 1460 году) около двух месяцев, изъявляя милость к ним и псковитянам, которые прислали ему в дар 50 рублей, жало-

вались на немцев и требовали, чтобы он позволил князю Александру Черторижскому остаться у них наместником. Василий согласился; но Черторижский сам не захотел того и немедленно уехал в Литву. Псковитяне желали иметь у себя Василиева сына, Юрия: отпущенный родителем из Новагорода, сей юноша был встречен ими с искреннею радостию и возведен на престол в храме Троицы; ему вручили славный меч Довмонта: Юрий взял его и клялся оградить им безопасность знаменитого Ольгина отечества. Надлежало отмстить ливонским немцам, которые, утвердив мир с россиянами на 25 лет, сожгли их церковь на границе. Но дело обошлось без войны: орден требовал перемирия, заключенного потом с *согласия великокняжеского* на пять лет в Новегороде, куда приезжали для того послы архиепископа рижского и дерптские; а князь Юрий вслед за родителем возвратился в Москву, получив в дар от псковитян 100 рублей и вместо себя оставив у них наместником Иоанна Оболенского-Стригу.

[1455—1461 гг.] Нет сомнения, что Василий в последние годы жизни своей или совсем не платил дани моголам, или худо удовлетворял их корыстолюбию: ибо они, несмотря на собственные внутренние междоусобия, часто тревожили Россию и приходили не шайками, но целыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой орды вступало в наши пределы: воевода московский, князь Иван Юрьевич, победил татар на сей стороне Оки, ниже Коломны; а сын великого князя, Иоанн, мужественно отразил их от берегов ее: после чего Ахмат, хан Большой Орды, сын Кичимов, осаждал Переславль Рязанский, но с великою потерею и стыдом удалился, виня главного полководца своего, Казата улана, в тайном доброхотстве к россиянам.— Царь казанский также был неприятелем москвитян: великий князь хотел сам идти на Казань; но, встреченный его послами в Владимире, заключил с ними мир.

Василий еще не достиг старости: несчастия и душевные огорчения, им претерпенные, изнурили в нем телесные силы. Он явно изнемогал, худел и, думая, что у него сухотка, прибегнул ко мнимому целебному средству, тогда обыкновенно употребляемому в оной: жег себе тело горящим трутом; сделались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотел умереть монахом: ему

отговорили. Василий написал духовную: утвердил великое княжение за старшим сыном, Иоанном, вместе с третию московских доходов (другие же две отказал меньшим сыновьям); Юрию отдал Дмитров, Можайск. Серпухов и все имение матери своей, Софии (которая преставилась инокинею в 1453 году); третиему сыну, Андрею Большому, Углич, Бежецкий Верх, Звенигород; четвертому, именем Борису, Волок Ламский, Ржев, Рузу и села прабабы его, Марии Голтяевой, по ее завещанию; Андрею Меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери их Ростов (с условием не касаться собственности тамошних князей), городок Романов, казну свою, все удельные волости, которые бывали прежде за великими княгинями, и все, им купленные или отнятые у знатных изменников (что составляло великое богатство); сверх того клятвою обязал сыновей слушаться родительницы не только в делах семейственных, но и в государственных. Таким образом он снова восстановил уделы, довольный тем, что государство московское (за исключением Вереи) остается подвластным одному дому его, и не заботясь о дальнейших следствиях: ибо думал более о временной пользе своих детей, нежели о вечном государственном благе; отнимал города у других князей только для выгод собственного личного властолюбия; следовал древнему обыкновению, не имев твердости быть навеки основателем новой, лучшей системы правления, или единовластия. Всего страннее то, что Василий в духовном завещании *приказывает* супругу и детей своих королю польскому, Казимиру, называя его братом. Оно подписано митрополитом Феодосием, который за год до того времени был поставлен нашими святителями из архиепископов ростовских на место скончавшегося Ионы.— Василий преставился на сорок седьмом году жизни [17 марта 1462 г.], хотя несправедливо именуемый первым самодержцем российским со времен Владимира Мономаха, однако ж действительно приготовив многое для успехов своего преемника: начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и державу, но оставил государство Московское сильнейшим прежнего: ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному князю, явно влекла оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского.

Кроме междоусобия, государствование Темного ознаменовалось разными злодействами, доказывающими свирепость тогдашних нравов. Два князя ослеплены, два князя отравлены ядом. Не только чернь в остервенении своем без всякого суда топила и жгла людей, обвиняемых в преступлениях; не только россияне гнусным образом терзали военнопленных: даже законные казни изъявляли жестокость варварскую. Иоанн Можайский, осудив на смерть боярина, Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре вместе с женою за мнимое волшебство. Москва в первый раз увидела так называемую торговую казнь, неизвестную нашим благородным предкам: самых именитых людей, обвиняемых в государственных преступлениях, начали всенародно *бить кнутом*. Сие унизительное для человечества обыкновение заимствовали мы от моголов.

Суеверие и нелепые понятия о случаях естественных господствовали в умах, и летописи сего времени наполнены известиями о чудесных явлениях: то небо пылало в огнях разноцветных, то вода обращалась в кровь; образа слезили; звери переменяли свой вид обыкновенный. В 1446 году генваря 3, по баснословному сказанию новогородского летописца, шел сильный дождь и сыпались из тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, так, что все пространство между рекою Мстою и Волховцем, верст на пятнадцать, покрылось хлебом, собранным крестьянами и принесенным в Новгород, к радостному изумлению его жителей, угнетаемых дороговизною в съестных припасах.

Сей же летописец, изображая тогдашние несгодья своей отчизны, причисляет к оным и перемену в деньгах. Посадник, тысячский и знатные граждане, избрав пять мастеров, велели им перелить старую серебряную монету и вычитать за труд по деньге с двух гривен; а скоро отменили и старые рубли, или куски серебра, к великому огорчению народа, который долго волновался и кричал, что правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать им работу, не думая об его убытке. Несколько человек, оговоренных в делании подложной монеты, утопили в Волхове; других ограбили.

Мы описали святые подвиги Стефана Пермского, который водворил христианство на берегах северной

Камы: преемниками его в епископстве сей еще малоизвестной страны были Исаакий и Питирим, ревностные наставники и благотворители тамошних обитателей. Дикие народы соседственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидели новых христиан пермских и тревожили их своими набегами: так князь вогуличей, именем Асыка, с сыном Юмшаном приходил (в 1455 году) воевать берега Вычегды и, вместе с другими пленниками захватив епископа Питирима, злодейски умертвил сего добродетельного святителя.— Здесь в первый раз упоминается о вогуличах в деяниях нашей истории.

В сие время был основан знаменитый монастырь Соловецкий, на диком острове Белого моря, среди лесов и болот. Еще в 1429 году благочестивый инок Савватий водрузил там крест и поставил уединенную келию; а Св. Зосима, чрез несколько лет, создал церковь Преображения, устроил общежительство и выходил в Новегороде жалованную грамоту на весь остров, данную ему от архиепископа Ионы и тамошнего правительства за осмью свинцовыми печатями. Как в иных землях алчная любовь к корысти, так у нас христианская любовь к тихой, безмолвной жизни расширяла пределы обитаемые, знаменуя крестом ужасные дотоле пустыни, неприступные для страстей человеческих.

Россияне при Василии Темном были поражены несчастием Греции как их собственным. Народ, именуемый в восточных летописях гоцами, в византийских огузами или узами, единоплеменный с торками, которые долго скитались в степях астраханских, служили Владимиру Святому, обитали после близ Киева и до самого нашествия татар составляли часть российского конного войска — сей народ мужественный, способствовав в Азии основанию и гибели разных держав (Гасневидской, Сельчукской, Харазской), наконец под именем *турков османских* основал сильнейшую монархию, ужасную для трех частей мира и еще доныне знаменитую. Осман, или Отоман, эмир султана иконийского, воспользовался падением его державы, разрушенной моголами: сделался независимым; захватил около 1292 года некоторые места в Вифинии, в Пафлагонии, в Архипелаге и дал наследникам своим пример

счастливого властолюбия, коим они столь удачно воспользовались, что в конце XIV века уже господствовали над всею Малою Азиею и Фракиею, обложив данию Константинополь. Тамерлан и междоусобие сыновей Баязетовых могли только на время удержать быстрое стремление османских завоеваний: оно возобновилось при Амурате и, наконец, при Магомете II увенчалось падением Византии, которое не было внезапностию: Европа долго ожидала его с беспокойством; но победы, одержанные турками над королями венгерскими, Сигизмундом и Владиславом, вселяли ужас в государей европейских, нечувствительных к воплю греков, над коими восходила туча разрушения. Самые греки — когда Магомет явно готовился осадить их столицу, распоряжал полки, строил крепости на берегах Воспора — в безумном отчаянии проклинали друг друга за богословские мнения! Славный кардинал Исидор, бывший митрополит российский, находился тогда в стенах Византии и предлагал царю Константину именем папы сильное вспоможение, с условием, чтобы духовенство греческое утвердило постановление Флорентийского Собора. Царь, вельможи, иерархи согласились: народ не хотел о том слышать; ревностные иноки, монахини восклицали на стогнах: «Горе латинской ереси! Образ Богоматери спасет нас!..» Но знамя султанское уже развевалось над вратами Св. Романа. Магомет с двумястами тысячами воинов и с тремястами судов приступил к Царюграду, где считалось 100 000 жителей, а вооружилось только пять тысяч, граждан и монахов, для его защиты: другие единственно плакали, молились в церквах и звонили в колокола, чтобы менее трепетать от грома Магометовых пушек! Сия гордость людей, усиленная двумя тысячами иноземцев под начальством храброго генуэзского витязя Джустиниани, представляла все могущество Восточной империи! Греки ожидали чуда для их спасения; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магомет, разрушив стены, по трупам янычаров вошел в город, и славная смерть великодушного царя Константина достойно завершила бытие империи: он пал среди неприятелей, сказав: «Для чего не могу умереть от руки христианина?» ...Вероятно, что некоторые из наших единоземцев были очевидными тому свидетелями: по крайней

мере летописец московский рассказывает весьма подробно о всех обстоятельствах осады и взятия константинопольского, с ужасом прибавляя, что храм Святой Софии, где послы Владимировы в десятом веке пленились величием и красотою истинного богослужения, обратился в мечеть Лжепророка. Греция была для нас как бы вторым отечеством: россияне всегда с благодарностию воспоминали, что она сообщила им христианство, и первые художества, и многие приятности общежития. В Москве говорили о Цареграде так, как в новейшей Европе со времен Людовика XIV говорили о Париже: не было иного образца для великолепия церковного и мирского, для вкуса, для понятия о вещах. Однако ж, соболезнуя о греках, летописцы наши беспристрастно судят их и турков, изъясняясь следующим образом. «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки греческие величались только цветною одеждою; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и Господь казнил властителей недостойных, умудрив царя Магомета, коего воины играют смертию в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого царства православного, кроме Русского. Так исполнилось предсказание Св. Мефодия и Льва Мудрого, что измаильтяне овладеют Византиею; исполнится, может быть, и другое, что россияне победят измаильтян и на седьми холмах ее воцарятся». О сем древнем пророчестве мы упоминали в истории Ярослава Великого: оно служило тогда утешением для россиян. Другие народы европейские, не имея тесных связей с Грециею, оставались почти равнодушными к ее бедствию; а папа, Николай V, хвалился, что он предсказал ей гибель за нарушение Флорентийского договора. Хотя кардинал Исидор, плененный в Цареграде турками, но ушедший из неволи, по возвращении в Италию, писал ко всем государям западным, что они должны восстать на Магомета, *предтечу Антихристова и чадо Сатаны:* однако ж сие красноречивое послание (внесенное в летописи латинской церкви) осталось без действия. Награжденный за свое усердие и страдание милостию папы, Исидор умер в Риме с именем констан-

тинопольского патриарха и был погребен в церкви Св. Петра, до конца жизни сетовав о падении Греческой империи, любезного ему отечества, коего спасению хотел он пожертвовать чистою Верою своих предков.

Впрочем, россияне, жалея о Греции, нимало не думали, чтобы могущество новой Турецкой империи было и для них опасно. Тогдашняя политика наша не славилась прозорливостию и за ближайшими опасностями не видала отдаленных: улусы и Литва ограничивали круг ее деятельности; ливонские немцы и шведы занимали единственно новогородцев и псковитян; все прочее составляло для нас предмет одного любопытства, а не государственного внимания.

С Василиева времени сделалось известною *Крымская Орда,* составленная Эдигеем из улусов черноморских. Повествуют, что сей знаменитый князь, готовясь умереть, заклинал многочисленных сыновей своих не делиться: но они разделились и все погибли в междоусобии. Тогда моголы черноморские избрали себе в ханы осьмнадцатилетнего юношу, одного из потомков Чингисовых (как уверяют), именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного каким-то земледельцем в тишине сельской. Сей юноша, из благодарности к своему благотворителю приняв *его* имя, назвался *Ази-Гирей:* в память чего и все ханы крымские до самых позднейших времен назывались *Гиреями.* Другие же историки пишут, что Ази-Гирей, сын или внук Тохтамышев, родился в литовском городе Троках и что Витовт доставил ему господство в Тавриде; по крайней мере сей хан был всегда усердным другом Литвы и не тревожил ее владений, которые простирались до самого устья рек Днепра и Днестра. Покорив многие улусы в окрестностях Черного моря, Ази-Гирей основал новую независимую Орду Крымскую, обложил данию города генуэзские в Тавриде, имел сношение с папою и, желая наказать татар волжских за частые их впадения в области Казимировы, разбил врага нашего, хана Седи-Ахмета, который, спасаясь от него бегством, искал пристанища в Литве и был там заключен в темницу: «Дело весьма несогласное с государственным благоразумием,— пишет историк польский,— способствуя уничтожению Волжской Орды, мы готовили себе опас-

ных неприятелей в россиянах, дотоле слабых под ее игом».— Сие новое гнездо хищников, славных под именем татар крымских, до самых позднейших времен беспокоило наше отечество.

Глава IV

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ТАТАР ДО ИОАННА III

Сравнение России с другими державами. Следствие нашего ига. Введение смертной казни и телесных наказаний. Благое действие Веры. Изменение гражданского порядка. Начало самодержавия. Медленные успехи единодержавия. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имеет и добрые следствия. Выгоды духовенства: характер нашего. Мы не приняли обычаев татарских. Правосудие. Искусство ратное. Происхождение козаков. Купечество. Изобретения. Художества. Словесность. Пословицы. Песни. Язык.

Наконец мы видим пред собою цель долговременных усилий Москвы: свержение ига, свободу отечества. Предложим читателю некоторые мысли о тогдашнем состоянии России, следствии ее двувекового порабощения.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам, основанным на развалинах Западной империи народами германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные нам варяжскими или немецкими князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодою быть под влиянием Греции, единственной державы, не испровергенной варварами. Правление Ярослава Великого есть без сомнения сие счастливое для России время: утвержденная и в христианстве и в порядке государственном, она имела наставников совести, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флот, единодержавие и свободу гражданскую. Что в начале XI века была Европа? Феатром поместного (феодального) тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, рабства народного, суеверия, невежества. Ум Альфреда и Карла Великого блеснул во мраке, но ненадолго; осталась их память: благодетельные учреждения и замыслы исчезли вместе с ними.

Но разделение нашего отечества и междоусобные войны, истощив его силы, задержали россиян и в успехах гражданского образования: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению. Крестовые походы сообщили ей сведения и художества Востока; оживили, распространили ее торговлю. Селения и города откупались от утеснительной власти баронов; государи по собственному движению давали гражданам права и выгоды, благоприятные для общей пользы, для промышленности и для самых нравов; лучшая исправа (полиция) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностию пути, жизнь и собственность. Обретение Иустинианова кодекса в Амальфи было счастливою эпохою для европейского правосудия: понятия людей о сем важном предмете гражданства сделались яснее, основательнее. Всеобщее употребление языка латинского доставляло способ и духовным и мирянам черпать мысли и познания в творениях древних, уцелевших в наводнение варварства. Одним словом, с половины XI века состояние Европы явно переменялось в лучшее; а Россия со времен Ярослава до самого Батыя орошалась кровию и слезами народа. Порядок, спокойствие, столь нужные для успехов гражданского общества, непрестанно нарушались мечом и пламенем княжеских междоусобий, так что в XIII веке мы уже отставали от держав западных в государственном образовании.

Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре: дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости.

Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; ремесленники, художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для высших наук; разум приучался к созерца-

нию, к правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирепость; дворянство уже стыдилось разбоев, и благородные витязи славились милосердием к слабым, великодушием, честию; обходительность, людскость, учтивость сделались известны и любимы. В сие же время Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!

Если бы моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии или что турки в Греции; если бы, оставив степь и кочевание переселились в наши города: то могли бы существовать и доныне в виде государства. К счастию, суровый климат России удалил от них сию мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от князей. Но так называемые *послы ординские* и баскаки, представляя в России лицо хана, делали, что хотели; самые купцы, самые бродяги могольские обходились с нами как с слугами презрительными. Что долженствовало быть следствием? Нравственное уничтожение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил; не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности. Когда же сия ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцепенение миновало и закон, душа гражданских обществ, воспрянул от мертвого сна: тогда надлежало прибегнуть к строгости, неизвестной древним россиянам. Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: «Не убивайте виновного; жизнь христианина священна»: не менее добросердечный победитель Мамаев, Димитрий, уставил торжественную смертную казнь, ибо не

видал иного способа устрашить преступников. Легкие денежные пени могли некогда удерживать наших предков от воровства; но в XIV столетии уже вешали татей. Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке: иго татарское ввело телесные наказания; за первую кражу клеймили, за вины государственные секли кнутом. Был ли действителен стыд гражданский там, где человек с клеймом вора оставался в обществе?— Мы видели злодеяния и в нашей древней истории: но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в исступлениях княжеской и народной злобы; чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обыкновенно производят мрачную суровость во нравах. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однако ж действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством моголов.

Некоторые думали, что суеверие обезоруживало нас против сих тиранов; что россияне видели в них бич гнева Небесного и не дерзали восстать на исполнителей Вышней мести, подобно как чернь доныне мыслит, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведенного молниею. История не доказывает того: россияне неоднократно изъявляли самую безрассудную дерзость в усилиях свергнуть иго; недоставало согласия и твердости. Но заметим, что вместе с иными благородными чувствами ослабела в нас тогда и храбрость, питаемая народным честолюбием. Прежде князья действовали мечом: в сие время низкими хитростями, жалобами в Орде. Древние полководцы наши, воспаляя мужество в воинах, говорили им о стыде и славе: Герой Донской битвы о венцах Мученических. Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действия Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили отечество как страну Православия.

Внутренний государственный порядок изменился:

все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелевали именем царя верховного. Совершилось при моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевой колокол, глас вышнего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяноросков. Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых: ни Москвы, ни Твери, коих знаменитость возникла при моголах. Только однажды упоминается в летописях о вече московском как о действии чрезвычайном, когда столица, угрожаемая свирепым неприятелем, оставленная государем, видела себя в крайности без начальства. Города лишились права избирать тысячских, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях.

Происхождение наших бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старее княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в славянских республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наследственным, а только личным; хотя в России давалось после государем: но каждый из древних городов имел своих особенных бояр, как знатнейших чиновников народных, и самые княжеские бояре пользовались каким-то правом независимости. Так, в договорных грамотах XIV и XV века обыкновенно подтверждалась законная свобода бояр переходить из службы одного князя к другому; недовольный в Чернигове, боярин с своею многочисленною дружиною ехал в Киев, в Галич, в Владимир, где находил новые поместья и знаки всеобщего уважения. Одним словом, сии государственные сановники издревле казались народу мужами верховными и, занимая везде первые места вокруг престолов, составляли у нас некоторую аристократию. Но когда южная Россия обратилась в Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число владетельных князей уменьшилось, а власть государева

сделалась неограниченнее в отношении к народу: тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Где боярин Василия Темного, им оскорбленный, мог искать иной службы в отечестве? Уже и слабая Тверь готовилась зависеть от Москвы.— Власть народная также благоприятствовала силе бояр, которые, действуя чрез князя на граждан, могли и чрез последних действовать на первого: сия опора исчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось средины и никакого законного способа противиться князю.— Одним словом, рождалось самодержавие.

Сия перемена, без сомнения неприятная для тогдашних граждан и бояр, оказалась величайшим благодеянием Судьбы для России. Удержав некоторые обыкновения свободы, естественной только в малых областях, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавного, каков был Владимир Святой или Ярослав Великий, но пользовались оными во время раздробления государства, и борение двух властей, княжеской с народною, еще более ослабляло силу его. Если Рим спасался диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли иным способом оживиться и воскреснуть в величии? Требовалось единой и тайной мысли для намерения, единой руки для исполнения: ни шумные сонмы народные, ни медленные думы аристократии не произвели бы сего действия. Народ и в самом уничижении ободряется и совершает великое, но служа только орудием, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у нас *боярские смуты*. Совет вельмож иногда внушает мудрость государю, но часто волнуется и страстями. Бояре нередко питали междоусобие князей российских; нередко даже судились с ними в Орде, обнося их пред ханами. Самодержавие, искоренив сии злоупотребления, устранило важные препятствия на пути России к независимости, и таким образом возникало вместе с единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

История свидетельствует, что есть время для заблуждений и для истины: сколько веков россияне не могли живо увериться в том, что соединение княжений

необходимо для их государственного благоденствия? Некоторые венценосцы начинали сие дело, но слабо, без ревности, достойной оного; а преемники их опять все разрушали. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, как медленно и недружно двигалась к государственной целости! Уставилось лучшее право наследственное; древние уделы возвращались к великому княжению: но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Иоанна Калиты, в истинном смысле все еще не было единым государством; даже судное право, пошлины, доходы московские принадлежали им совокупно. Так называемое *братское старейшинство* великого князя состояло в том, что удельные владетели, имея свои особенные гражданские уставы, законы, войска, монету, обязывались иметь с ним одну политическую систему, давать ему войско и серебро для ханов. Но сие обязательство было условное: если он нарушал договор, всегда обоюдный; если утеснял их, то они могли, возвратив крестные грамоты, законно искать управы мечом. Народ, граждане, бояре удельные знали только своего князя, не присягали государю московскому и в случае междоусобной войны лили кровь его подданных, не заслуживая имени бунтовщиков. Так было еще при Василии Темном. Однако ж великий князь имел уже столько перевеса в силах, что мог легко сделаться единовластным: все зависело от решительной воли и твердого характера; все изготовилось к счастливой перемене: теперь означим или напомним читателю, какими средствами?

Москва, будучи одним из беднейших уделов владимирских, ступила первый шаг к знаменитости при Данииле, которому внук Невского, Иоанн Димитриевич, отказал Переславль Залесский и который, победив рязанского князя, отнял у него многие земли. Сын Даниилов, Георгий, зять хана Узбека, присоединил к своей области Коломну, завоевал Можайск и выходил себе в Орде великое княжение Владимирское; а брат Георгиев, Иоанн Калита, погубив Александра Тверского, сделался истинным главою всех иных князей, обязанный тем не силе оружия, но единственно милости Узбековой, которую снискал он умною лестию и богатыми дарами.

Предложим замечание любопытное: *иго татар*

обогатило казну великокняжескую исчислением людей, установлением поголовной дани и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для хана, но хитростию князей обращенными в их собственный доход: баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах. Народ жаловался, однако ж платил; страх всего лишиться изыскивал новые способы приобретения, чтобы удовлетворять корыстолюбию варваров. Таким образом мы понимаем удивительный избыток Иоанна Данииловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные князья, подверженные наглости моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа. Сии так называемые *откупные князьки* оставались между тем в своих проданных владениях, пользуясь некоторыми доходами и выгодами. Углич, Белоозеро, Галич, Ростов, Ярославль сделались снова городами великокняжескими, как было при Всеволоде III.

Так возвеличил Москву Иоанн Калита, и внук его, Димитрий, дерзнул на битву с ханом... Сей Герой не приобрел почти ничего, кроме славы; но слава умножает силы — и наследник Димитриев, ласкаемый, честимый в Орде, возвратился оттуда с милостивым ярлыком, или с жалованною грамотою на Суздаль, Городец, Нижний; восстановил таким образом *древнее Суздальское великокняжение Боголюбского* во всей полноте оного, и мирным присвоением бывших уделов черниговских — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространил Московскую державу, которая, с прибавлением Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной России Ярослава Великого, будучи сверх того усилена внутри твердейшим началом самодержавия. Рюрик, Святослав, Владимир брали земли мечом: князья московские поклонами в Орде — действие, оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытия и могущества России! Ярослав обуздывал народ и бояр своим величием: смиренные тиранством ханов, они уже не спорили о правах с государем московским, требуя от него

единственно покоя и безопасности со стороны моголов; видели прежних владетельных князей слугами Донского, Василия Димитриевича, Темного и менее жалели о своей древней вольности.

История не терпит оптимизма и не должна в происшествиях искать доказательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыево, кучи пепла и трупов, неволя, рабство толь долговременное составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государств; однако ж и благотворные следствия оного несомнительны. Лучше, если бы кто-нибудь из потомков Ярославовых отвратил сие несчастие восстановлением единовластия в России и правилами самодержавия, ей свойственного, оградил ее внешнюю безопасность и внутреннюю тишину: но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою: Москва же обязана своим величием ханам.

Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церковь и ее служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Мы видели, как Св. Алексий митрополит успокоивал отечество своим ходатайством в Орде. Знатнейшие люди, отвращаемые от мира всеобщим государственным бедствием, искали мира душевного в святых обителях и, меняя одежду княжескую, боярскую на мантию инока, способствовали тем знаменитости духовного сана, в коем даже и государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Всякий, готовясь умереть, что-нибудь

отказывал церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россию. Владения церковные, свободные от налогов ординских и княжеских, благоденствовали; сверх украшения храмов и продовольствия епископов, монахов, оставалось еще немало доходов на покупку новых имуществ. Новогородские святители употребляли Софийскую казну в пользу государственную, но митрополиты наши не следовали сему достохвальному примеру. Народ жаловался на скудность: иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые от купеческих пошлин.— Кроме тогдашней набожности, соединенной с высоким понятием о достоинстве монашеской жизни, одни мирские преимущества влекли людей толпами из сел и городов в тихие, безопасные обители, где слава благочестия награждалась не только уважением, но и достоянием; где гражданин укрывался от насилия и бедности, не сеял и пожинал! Весьма немногие из нынешних монастырей российских были основаны прежде или после татар: все другие остались памятником сего времени.

Однако ж, несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, свойственного духовенству западной церкви, и, служа великим князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти. В раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского*, сей обыкновенной угрозы пап для ослушников их воли; отступая же иногда от правил христианской любви и кротости, действовали так в угодность государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые. Одним словом, церковь наша вообще не изменялась в своем главном, первобытном характере, смягчая жестокие нравы, умеряя неистовые страсти, проповедуя и христианские и государственные добродетели. Милости ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее пастырей: они в Батыево время благословляли россиян на смерть великодушную, при Димитрии Донском на битвы и победу. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец митрополит Иона взял на себя отстоять Кремль

или погибнуть с народом и, наконец, будем верить летописям, в восторге духа предвестил Василию близкую независимость России.— История подтверждает истину, предлагаемую всеми политиками-философами и только для одних легких умов сомнительную, что Вера есть особенная сила государственная. В западных странах европейских духовная власть присвоила себе мирскую оттого, что имела дело с народами полудикими — готфами, лонгобардами, франками,— которые, овладев ими и приняв христианство, долго не умели согласить оного с своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями: а греческая церковь воссияла в державе благоустроенной, и духовенство не могло столь легко захватить чуждых ему прав. К счастию, Святой Владимир предпочел Константинополь Риму.

Таким образом, имев вредные следствия для нравственности россиян, но благоприятствовав власти государей и выгодам духовенства, господство моголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных. Князья, бояре, купцы, ремесленники наши живали в улусах, а вельможи и купцы ординские в Москве и в других городах. Но татары были сперва идолопоклонники, после магометане: мы называли их обычаи *погаными;* и чем удобнее принимали византийские, освященные для нас христианством, тем более гнушались татарскими, соединяя их в нашем понятии с ненавистным зловерием. К тому же, несмотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было, что россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером. Европа нас не узнавала: но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были. Ее путешественники XIII века не находили даже никакого различия в одежде нашей и западных народов: то же без сомнения могли бы сказать и в рассуждении других обычаев. Как в Италии, Франции, Англии с падением Рима, так у нас с призвания князей варяжских все в главных чертах сделалось немецким, смешанным с остатками первобытных обычаев славянских: к чему

после присоединилось занятое нами от греков. Древний характер славян являл в себе нечто азиатское; являет и доныне: ибо они, вероятно, после других европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов. Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у славян и россиян гораздо прежде. В языке нашем довольно слов восточных: но их находим и в других славянских наречиях; а некоторые особенные могли быть заимствованы нами от козаров, печенегов, ясов, половцев, даже от сарматов и скифов: напрасно считают оные татарскими, коих едва ли отыщется 40 или 50 в словаре российском. Новые понятия, новые вещи требуют новых слов: что народ гражданский мог узнать от кочующего?

Татары не вступались в наши судные дела гражданские. Во всех московских владениях государь давал законы и судил чрез своих наместников и дворян: недовольные ими жаловались ему; ни в летописях, ни в грамотах сего времени не упоминается о приказах. От наместника зависели дворские и сотники: первые судили холопей, вторые поселян; так было и в уделах. Тяжбы между подданными двух разных княжений решились боярами, с обеих сторон избираемыми: в случае их несогласия назначался посредник, или *третейский суд*, коего решение уже всегда исполнялось. Правосудие тогдашнее не имело, по-видимому, твердого основания и большею частию зависело от произвола судящих. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общего народного уложения, вместо коего давали судьям наказы, или грамоты княжеские, весьма краткие, неопределительные. Кроме Двинской судной грамоты Василия Димитриевича мы имеем еще две пятого-надесять века: Псковскую и Новогородскую. В обеих говорится о *законных поединках* в случае доноса сомнительного. Такое странное обыкновение господствовало в целой Европе несколько веков, заступив место *искушений посредством огня и воды*. В *Русской Правде* нет еще ни слова о сих поединках; но в 1228 году они уже были в России способом доказывать свою невинность пред судиями и назывались *полем*. Искусство и сила казались дей-

ствием суда Небесного: одолеть в бою значило оправдаться. Тщетно духовенство противилось столь несогласному с христианскою верою уставу: митрополит Фотий (в 1410 году) писал к новогородскому архиепископу Иоанну, что поединщики не должны вкушать тела и крови Христовой; что всякий, кто умертвит человека в бою, отлучается от церкви на 18 лет и что иереи не могут отпевать убитых: но древний обычай был сильнее убеждений духовенства, церковной казни и рассудка. В грамоте Псковской определены некоторые судные пени; например, за вырывание бороды надлежало платить 2 рубля. Далее назначаются разные денежные взыскания: например, за барана хозяину 6 денег, за овцу десять, а судье три; объявляются недействительными купля, продажа и мена, совершаемые в пьянстве; запрещается княжеским людям держать корчмы и продавать мед, а женщинам нанимать за себя судных поединщиков, и проч. Сия грамота есть только отрывок или прибавление к иным уставам; Новогородская же именно ссылается на другие, нам неизвестные грамоты, и содержит в себе единственно особенные постановления, из коих явствует, что архиепископ в судах церковных руководствовался номоканоном, а посадник и наместники великокняжеские старыми уставами новогородскими; что они брали пошлину с дел; что тысячский имел свою особенную управу; что судьи ездили по городам, обязанные решить всякое дело в определенный срок или заплатить пеню; что вместе с судьями и *докладчиками* заседали присяжные, знаменитые граждане, бояре и житые люди; что дело предлагалось так называемыми *рассказщиками*, или стряпчими, а записывалось дьяком, или секретарем, с приложением их печатей; что мужья ответствовали в судах за жен, а за вдов сыновья; что жены боярские и людей житых присягали дома; что холопи могли свидетельствовать только за холопей, а *псковитяне* никогда; что прежде законного осуждения никто не мог быть лишаем свободы и всякому обвиняемому давался срок; что истец и ответчик подвергались тяжкому взысканию, если беззаконно обносили друг друга или судей; что уличенный в насильственном владении платил пеню великому князю и Новугороду, боярин 50 рублей, житый двадцать, а *младший* гражданин десять: следственно, нака-

зание умножалось по мере знатности или богатства преступников. К суду святительскому относились, кроме церковных преступлений, все дела иереев, иноков, людей монастырских и проч.; а буде они имели дело с мирянами, то наместники и судьи епископские решили оное вместе с княжескими или городскими чиновниками. В Новегороде святительские денежные пени были гораздо тягостнее иных; например, от судного рубля получал владыка, наместник или ключник его за печать гривну, а посадник, тысячские и судьи их только семь денег. Так ли было и в других княжениях российских, мы не знаем; но видим, что духовенство наше везде старалось умножать свои права судебные, доказывая их древность мнимыми церковными уставами Св. Владимира и Ярослава Великого. Последним решителем в судах церковных был митрополит: новогородцы в 1385 году отняли у него сие доходное право, уставив, чтобы архиепископ и главные их чиновники вершили все дела независимо или без отчета.

Вообще с XI века мы не подвинулись вперед в гражданском законодательстве; но, кажется, отступили назад к первобытному невежеству народов в сей важной части государственного благоустройства: чему виною были замешательства и непостоянство в правлении внутреннем. Князья, не уверенные в твердости своих престолов, судя народ по необходимости и для собственного прибытка, старались уменьшать для себя затруднения: совесть, присяга, здравый ум естественный казались самым простейшим способом решить тяжбы, согласно с древними обыкновениями и без всяких письменных, общих правил. Законодатель определял единственно род наказаний и денежные пени для главных преступлений: смертоубийства, воровства и проч. Суд духовный, основанный на Кормчей книге, или номоканоне, был не лучше гражданского: ибо сии законы греческие во многом не шли к России и долженствовали часто уступать место произволу судей. В таком состоянии находилось правосудие и в других землях европейских около десятого века; но в пятом-надесять, имея училища законоведения и римское право, Европа в сем отношении и уже далеко нас опередила.

Не менее отстали мы и в искусстве ратном: крестовые походы, дух рыцарства, долговременные войны

и наконец образование строевых, всегдашних войск произвели великие успехи оного во Франции и в других землях; а мы, кроме пороха, в течение сих веков не узнали и не приобрели ничего нового. Состав нашей рати мало изменился. Все главные чиновники государственные: бояре *старшие, большие, путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *окольничие* или ближние к государю люди, и дворяне были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска, и собственно именовались *двором великокняжеским.* Второй многочисленный род записных людей воинских назывался *детьми боярскими:* в них узнаем прежних боярских отроков; а княжеские обратились в дворян. Всякий древний областной город, имея своих бояр, имел и детей боярских, которые составляли воинскую дружину первых. Купцы и граждане без крайности не вооружались. Герой Донской умел вывести в поле 150 000 ратников; но для сего требовалось усилий необыкновенных. Часто войско не успевало собраться, когда неприятель уже стоял под Москвою. Древние обычаи не скоро уступают место лучшим. Чтобы иметь всегда полки готовые и не распускать их, надлежало бы определить им жалование: государи наши скупились или не могли сделать того без отягощения подданных налогами.

Иностранные писатели говорят, что россияне сего времени сражались подобно моголам: «не стоя на месте, а на скаку действуя стрелами и копьями, то нападая, то вдруг отступая». Но летописи наши доказывают противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда из конницы, однако ж мы имели и пехоту: становились в ряды сомкнутые; отделяли часть войска вперед, чтобы открыть или удерживать неприятеля, а другую скрывали в засаде; одни полки начинали битву, другие ждали времени и случая ударить на врага; в средине находились так называемые *большие,* или княжеские, знамена под защитою дворян. Мы умели пользоваться местом; располагались станом за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смелую решительность великого ума воинского, как Герой Донской, быстрым движением предупредив соединение Мамая с Ягайлом. Куликовская битва достопамятна не только храбростию, но и самым искусст-

вом. Александр Невский также показал оное в сражении со шведами и с ливонскими меченосцами. Летописцы отменно славят ратный ум Димитрия Волынского, победителя болгаров, Олегова и Мамаева: чем в государствование Темного отличались князь Василий Оболенский и московский дворянин Феодор Басенок. Однако ж россияне XIV и XV века вообще не могли равняться с предками своими в опытности воинской, когда частые битвы с неприятелями внешними и междоусобные не давали засыхать крови на их мечах и когда они, так сказать, жили на поле сражения. Кровь лилася и во время ига ханского, но редко в битвах: видим много убийств, но гораздо менее ратных подвигов.

Заметим, что летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о *козаках* рязанских, особенном легком войске, славном в новейшие времена. Итак, козаки были не в одной Украйне, гдя имя их сделалось известно по истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских козаков. Торки и берендеи назывались *черкасами:* козаки также. Вспомним *касогов*, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну *Казахию*, полагаемую императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что оссетинцы и ныне именуют черкесов *касахами:* столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, называясь *черкасами*, назывались и *козаками;* что некоторые из них, не хотев покориться ни моголам, ни литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними и под именем *козаков* составили один народ, который сделался совершенно русским тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, козаки образовали воинскую христианскую республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками литовских владений со стороны

крымцев, турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше днепровских порогов, где город *Черкасы* назван их именем. Они разделились на *сотни* и *полки*, коих глава, или гетман, в знак уважения получил от государя польского, Стефана Батори, знамя королевское, бунчук, булаву и печать. Сии-то природные воины, усердные к свободе и к Вере греческой, долженствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оного.— Собственно, так называемые козаки *запорожские* были частию малороссийских: сеча их, или земляная крепость ниже днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа.— Вероятно, что пример украинских козаков, всегда вооруженных и готовых встретить неприятеля, дал мысль и северным городам нашим составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболее подверженная нападению ординских хищников, имела и более нужды в таких защитниках. Люди молодые, бездомовные записывались в козаки, побуждаемые к тому или некоторыми особенными, гражданскими выгодами — может быть, освобождением от всяких податей,— или прелестию добычи воинской. В истории следующих времен увидим *козаков ординских, азовских, ногайских* и других: сие имя означало тогда *вольницу, наездников, удальцов*, но не *разбойников*, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий: оно без сомнения не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру добровольно так назвалися.

Россия, несмотря на все бедствия, нанесенные ей моголами, в XIV и в XV веке имела знатное купечество. Древний, славный *путь Греческий* для нас закрылся: открылись новые пути торговли, с Востоком чрез Орду, с Константинополем и с Западом чрез Азов посредством реки Дона. Купцы, торгующие шелковыми тканями, назывались в Москве *сурожанами*, по имени Сурожского, или Азовского моря: ибо они привозились к нам из Азова. Сии купцы были главными, вместе с *суконниками*, которые продавали немецкие

сукна, получая оные из Новагорода, где цвела торговля ганзейская. За сии иностранные произведения мы платили мехами. Россия была тогда привольем зверей, птиц и ловцов. Еще непроходимые, дремучие леса осеняли большую часть земли: тишина, царствуя в глубоком уединении пустынь, благоприятствовала размножению всякого рода животных. Как в XI столетии дикие кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли в лесах южной России, так в северной около пятого-надесять века бобры, козы, лоси витали на свободе: лебеди стаями плавали на реках и озерах. Россия, скудная людьми — от недавности своего населения, от меча, от пленения, от частых голодов и язвы — тем более изобиловала дикими сокровищами природы, коих источники всегда иссякают от возрастающего многолюдства.

Ординские купцы живали в Москве, в Твери, в Ростове; они доставляли нам товары ремесленной Азии и лошадей, а брали в обмен (сверх драгоценных мехов, наших собственных и пермских) множество ловчих птиц, соколов, кречетов, привозимых в великое княжение из Двинской земли. Вероятно, что россияне передавали моголам и немецкие сукна так же, как немцам плоды азиатского ремесла. Казань заступила место древнего царства Болгарского: купцы московские и другие торговали в ней с Востоком.— Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили ординскую дань. Славный венециянский путешественник, Марко Пауло, быв около 1270 года в Великой Татарии, в Персии и на берегах Каспийского моря, говорит о *хладной* России, сказывая, что ее жители белы, вообще хороши лицом, и что она богата *собственными серебряными рудниками:* мы не имели их, но действительно могли хвалиться знатным количеством серебра, получаемого нами от немецких купцов и через Югру из Сибири. Новогородцы обещали Михаилу Тверскому 6000 фунтов серебра, а Витовту действительно заплатили около шестидесяти пудов: что прежде открытия Америки было весьма много. Не знаем заподлинно, сколько мы ежегодно давали ханам; однако ж известно, что в 1384 году с каждой *деревни* собиралось для них около 12 золотников серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно из двух

или трех дворов. Города платили иногда и золотом. Кроме сего земледельцы вносили в казну великокняжескую по гривне с сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривне (что составляло более двух золотников серебра). Дань ханская отчасти возвращалась к нам из Орды торговлею. Наконец мы столько имели серебра, что могли отменить мордки, или *куны*, древние наши *ассигнации*, бывшие не менее пятисот лет в обращении и весьма полезные для успехов промышленности за недостатком в металлах. Казна, соблюдая умеренность в выпуске сих кожаных знаков, умела держать их в цене до самого нашествия Батыева; тогда упали куны, ибо моголы не брали их вместо серебра; они ходили еще несколько времени в Новегороде и Пскове, не имевших тесной связи с Ордою; но скоро и там исчезли от затруднения в торговых счетах с другими россиянами, которые уже не признавали достоинства *мордок:* что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами* — и древняя кожаная гривна, оцененная на серебро, обратилась в десятую часть рубля. Нет сомнения, что сия перемена имела вредные следствия для внутренней торговли, вдруг уменьшив в России количество денег. Города купеческие имели серебро; но другие, менее торговые, долженствовали нуждаться в знаках для оценки вещей: так, в земле Двинской, по уничтожении кожаных лоскутков, называемых кунами и векшами, опять ходили действительные шкуры куниц и белок вместо денег, как было у нас в самую глубокую древность; то есть возобновилась непосредственная мена вещей, обыкновенная в состоянии полудиких народов.

Касательно нашей внутренней торговли заметим, что ее свобода и выгоды обыкновенно входили в условия государственных постановлений. Владетельные князья, определяя легкие законные пошлины с купеческих возов и лодок, прибавляли в договорных грамотах: «а купцам торговать без *рубежа* или без *зацепок*». Кроме перевоза иностранных вещей из места в место, жители некоторых областей промышляли своими особенными произведениями; новогородские хмелем и льном, новоторжские кожами, галичане и двиняне солью. Соль галицкая уже славилась при Донском. Псковитяне в 1364 году также завели было соляные варницы, но скоро оставили. Хлеб и рыба составляли знатнейший из тор-

гов внутренних. Частые неурожаи, бедственные для народа, обогащали купцов прозорливых.

Хотя моголы как бы заградили нас от Европы; хотя уже венценосцы ее не вступали с нашими в брачные союзы и, кроме Иннокентиева посольства к Александру Невскому, кроме Исидорова путешествия в Италию, не было у нас никаких государственных сношений с Западом; хотя вообще иностранные летописи сего времени почти не упоминают о России: однако ж, через торговые связи Новагорода с Германиею, москвитяне довольно скоро узнавали важнейшие европейские открытия, как то изобретение бумаги и пороха. В XV веке мы уже перестали употреблять хартию, или пергамен, заменив его гораздо дешевейшею тряпичною бумагою, покупаемою у немцев, которые доставляли нам и снаряд огнестрельный. Москва и Галич оборонялись пушками; но в описании полевых битв говорится только о стрелах, мечах и копьях: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городов.— К художествам русским прибавилось еще одно новое: монетное; по крайней мере со времен Ярослава или со XII века мы, кажется, не имели оного. Монетчики назывались *денежниками*.— Памятниками тогдашнего зодчества остались некоторые довольно красивые церкви, в Москве и в других местах. По летописям известно, что Св. Ольга жила в каменном дворце: в Москве же, кроме церквей и городских стен, не было ни одного каменного здания до XV века: ибо князья и вельможи предпочитали деревянные домы как благоприятнейшие для здоровья. Сверх того частые мятежи и государственные неустройства отвращали самых богатых людей от мысли строить долговременно и прочно; где нет твердого порядка гражданского, там редко бывают и твердые здания. Новогородский архиепископ Евфимий в 1433 году поставил у себя на дворе *каменную с тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а митрополит Иона такую же в 1449 году, с домовым храмом Положения Риз; первую строили немецкие архитекторы.— Среди нынешней Москвы находилось еще немало рощей и лугов. Князья, бояре, имели свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множестве слуг, в богатой одежде, в высоком доме, в глубо-

ких погребах, наполненных бочками крепкого меда; а всего более в созидании храмов и в драгоценных окладах икон. Упомянув о слугах, заметим, что великие князья, умирая, обыкновенно давали своим холопам волю: так поступали и другие знатные люди.

Нет сомнения, что древний Киев, украшенный памятниками византийских художеств, оживляемый стечением купцов иностранных, греков, немцев, италиянцев, превосходил Москву пятого-надесять века во многих отношениях. Мы загрубели, однако ж не столько, чтобы ум лишился всей животворной силы своей и не оказывал ни в чем успехов. Греция до самого ее падения не преставала действовать на Россию: брала от нас серебро, но давала нам вместе с мощами и книги. Основанием московской патриаршей библиотеки, известной в ученой Европе, была митрополитская заведенная во время господства ханского над Россиею и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями греческой словесности. Знание еллинского языка составляло ученость, почти необходимую для знатнейшего духовенства, которое находилось в непрестанных сношениях с Царемградом. Таким образом, церковная наша зависимость, вредная в смысле политики, благоприятствовала у нас просвещению; то есть не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мере в духовенстве. Любопытные миряне искали сведений в монастырях: вопрошали иноков о предметах христианства и нравственности, о самых государственных деяниях времен минувших: ибо там жила история российская, как и прежде; там, усердным пером черноризцев, она изображала плачевную судьбу отечества, мешая повествование с наставлениями. Волынский летописец приводит места из Гомера: московский упоминает о Пифагоре и Платоне. Кроме церковных или душеспасительных книг, мы имели от греков всемирные летописи и разные исторические, нравственные, баснословные повести; например: *о храбрости Александра Македонского,* перевод Арриана — *о Синагрипе, царе адоров — о витязях древности — о богатствах Индии,* и проч. Вторая из сих повестей есть арабская (изданная на французском языке в продолжение *Тысячи одной ночи):* вероятно, что она в XIII или в XIV веке была переведена

на русский с греческого. Между тогдашними произведениями собственной нашей словесности достопамятны пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому. Первое, сочиненное рязанцем, иереем Софронием, многими чертами напоминает *Слово о полку Игореве*, хотя и менее стихотворно. Например: «Князь Владимир так говорит Димитрию: воеводы наши крепки, витязи русские славны, кони их борзы, доспехи тверды, щиты червленые, копья злаченые, сабли булатные, *курды* ляцкие, колчаны фряжские, сулицы немецкие; все пути знакомы им, берега Оки ведомы. Хотят витязи положить свои головы за веру христианскую и за обиду великого князя Димитрия... Великая княгиня Евдокия с женами воеводскими сидит печально в златоверхом тереме, под окнами южными, смотрит вслед супругу милому, льет слезы ручьями и, приложив руки к персям, так вещает: Боже великий! Умоляю Тебя смиренно: сподоби меня еще видеть моего друга, славного между людьми, князя Димитрия! Помоги ему на врагов рукою крепкою! Да не падут христиане от Мамая неверного, как пали некогда от злого Батыя! Да спасется остаток их и да славит имя Твое святое! Уныла земля Русская: только на Тебя уповаем, Око Всевидящее! Имею двух младенцев беззащитных: кому закрыть их от ветра бурного, от зноя палящего? Возврати им отца, да царствуют вовеки!..

Славный Волынец, муж, исполненный ратной мудрости, накануне битвы, в глубокую ночь, зовет великого князя в чистое поле, да узнает там судьбу отечества. Впереди стан Мамаев: за ними российский. *Внимай!* сказал Волынец... и Димитрий, обратяся к Мамаеву стану, слышит стук и клич, подобный шуму многолюдного торжища или созидаемого града, или звуку труб бесчисленных. Далее грозно воют звери и кричат вороны; гуси и лебеди плещут крылами по реке Непрядве и предвещают грозу необычайную. *Обратися к стану русскому!* — говорит Волынец, — *что слышишь?.. Все тихо*, — ответствует Димитрий: — *вижу только слияние огней небесных с блестящими зарями...* Волынец сходит с коня; ухом приникает к земле; слушает долго; встает и безмолвствует. Великий князь требует отповеди. *Добро и зло ожидает нас*, — говорит ему сей мудрый витязь: — *плачут обе страны*,

единая как вдовица, другая как дева жалобным гласом свирели. Ты победишь, Димитрий; но много, много падет наших! Димитрий пролил слезы...

Сходятся рати под густою мглою. Знамена христианские воспрянули; кони под всадниками присмирели; звучат трубы наши громко, татарские глухо. Стонет земля на восток до моря, на запад до реки Дуная. Поле от тягости перегибается; воды из берегов выступают... Час настал. Каждый воин, ударив по коню, воскликнул: *«Господи! помози христианам!* и быстро вперед устремился... Сразились, не только оружием, но и *сами о себя избивая друг друга;* умирали под ногами конскими; задыхались от тесноты на поле Куликовом. Зари кровавые блистают от сияния мечей; лес копий трещит и ломается. Удалые витязи наши как величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо над полками Димитрия; видим светлое облако, исполненное рук человеческих, которые держат лучезарные венцы для победителей... И се воины князя Владимира рвутся из засады на Мамая, как соколы на стадо гусиное, как гости на пир брачный; ударили, и враг бежит, восклицая: *Увы тебе, Мамай вознесся до небес, и в ад нисходишь?»* и проч.

В похвальном слове Димитрию есть сила и нежность. Описывая добродетели сего великого князя, сочинитель говорит: «Некоторые люди заслуживают похвалу в юношестве, другие в лета средние или в старости: Димитрий всю жизнь совершил во благе. Приняв власть от Бога, он с Богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою; был для отечества стеною и твердию, а для врагов огнем и мечом; кроткоповелителен с князьями, тих, *уветлив* с боярами; имел ум высокий, сердце смиренное, взор красный, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда философам заграждал уста; благотворя всем, мог назваться *оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности*... Когда же великий *царь* земли Русския, Димитрий, заснул сном вечным: тогда *аэр* возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. О день скорби и *туги*, день мрака и бедствия, вопля и захлипания! Народ вещал: *О горе нам, братие! Князь князей преставился; звезда, сияющая миру, склонилась к западу!»* — О супружеской взаимной любви Димитрия и великой княгини

Евдокии сказано так: «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ластовица с умилением смотряся в чистое зерцало совести... Видя же его мертвого на одре, княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненные;* глас ее как утреннее шептание ластовицы, как органы сладкозвучные. Так вещает горестная: Зашел свет очей моих; погибло сокровище моей жизни! Где ты, бесценный? Почто не ответствуешь супруге?.. Цвет прекрасный! для чего увядаешь столь рано? Виноград многоплодный! уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душе моей!.. Воззри, воззри на меня; обратися ко мне на одре своем; промолви слово! Неужели забыл меня? Се жена и дети твои!.. Кому супругу приказываешь? На кого сирот оставляешь?.. Царь мой милый! Как обниму тебя? Как послужу тебе?.. Где честь твоя и слава? Был государем всей земли Русской: ныне мертв и ничем не владеешь! Победитель народов побежден смертию! Изменилась твоя слава вместе с лицом твоим! О жизнь души моей! Не знаю, как ласкать, как миловать тебя!.. Багряницу многоценную променял ты на сии ризы бедные! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!.. Отвергнув княжеский венец, худым платом главу покрываешь! Из палаты красной в сей гроб переселяешься!.. Ах! если бы Господь услышал молитву мою!.. Молися и ты за свою княгиню, да умру с тобою, быв неразлучна с тобою в жизни!.. Еще юность нас не оставила; еще старость нас не постигла! Ах! недолго я радовалась моим другом! За веселие пришли слезы, за утехи скорбь несносная!.. Почто я родилася? Или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели!.. Не слышишь жалких речей моих; не умиляешься моими слезами горькими! Крепко уснул, царь мой; не могу разбудить тебя! С какой войны пришел ты, любезный? От чего столь утомился? Звери земные идут на ложе свое, а птицы небесные летят ко гнездам: ты же, любезный, отходишь навеки от своего дому!.. Кому уподоблю, как назову себя? Вдовою ли? ах! не знаю сего имени! Женою ли? но царь оставил меня!.. Вдовы старые! утешайте меня! Вдовы юные! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнее всех горестей... Боже великий, царь царей! Ты един буди мне истинным утешителем!» — Сии приведенные нами места суть, кажется,

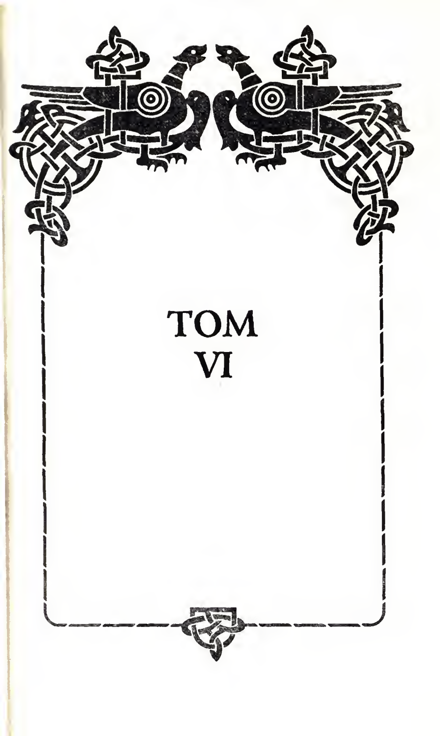
лучшие памятники тогдашнего красноречия. Люди всегда находили сильные черты для описания воинских ужасов и горестей любви: воображение и сердце действуют и в то время, когда ум дремлет.

Сверх церковного наставления и мудрых изречений Св. Писания, которые врезывались в память людей, Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах. Многие из оных несомнительно относятся к сему времени; например: *где царь, там и Орда;* или *такали, такали новогородцы, да и протакали.* Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах: тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею или сквозь камни сочится мелкими ручейками.— Вероятно, что и некоторые народные песни русские, в особенности исторические о благословенных временах Владимира Святого, были сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы отечества. Русский поет в веселии и в печали.— Вообще язык наш от XIII до XV века приобрел более чистоты и правильности. Оставляя употребление собственного русского, необразованного наречия, писатели тщательнее держались грамматики церковных книг или древнего сербского, коего памятник есть наша Библия[97] и коему следовали они не только в склонениях и в спряжениях, но и в выговоре или в изображении слов; однако ж, подобно летописцу Нестору, сшибались иногда и на употребление: отчего в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностию, так что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем *злато* и *золото, глад* и *голод, младость* и *молодость,*

пию и *пью*. Еще не время было для россиян дать языку ту силу, гибкость, приятность, тонкость, которые соединяются с выспренними успехами разума в мирном благоденствии гражданских обществ, с богатством мыслей и знаний, с образованием вкуса или чувства изящности: по крайней мере видим, что предки наши трудились над яснейшим выражением своих мыслей, смягчали грубые звуки слов, наблюдали в их течении какую-то плавность. Наконец, не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что россияне сих веков в сравнении с другими европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако ж не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно живуще под самыми сильными ударами варварства!

Человек, преодолев жестокую болезнь, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие: Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии так, что история едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря Провидению, можем ласкать себя мыслию, что Оно назначило России быть долговечно.

Конец V тома

ТОМ
VI

Глава I

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛИЕВИЧ Г. 1462—1472

Вступление. Князь рязанский отпущен в свою столицу. Договор с князьями тверским и верейским. Дела псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором преставлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата.

[1462—1465 гг.] Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народ еще коснеет в невежестве, в грубости; но правительство уже действует по законам ума просвещенного. Устрояются лучшие воинства, призываются искусства, нужнейшие для успехов ратных и гражданских; посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: император, папа, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха Российского, славного победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия: Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна

III, который имел редкое счастие властвовать сорок три года и был достоин оного, властвуя для величия и славы россиян.

Иоанн на двенадцатом году жизни сочетался браком с Мариею, тверскою княжною; на осьмнадцатом уже имел сына, именем также Иоанна, прозванием *Младого*, а на двадцать втором сделался государем. Но в лета пылкого юношества он изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный Судьбою восстановить единодержавие в России, он не вдруг предприял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными. Московские наместники управляли Рязанью; малолетний князь ее, Василий, воспитывался в нашей столице: Иоанн одним словом мог бы присоединить его землю к великому княжению, но не хотел того и послал шестнадцатилетнего Василия господствовать в Рязани, выдав за него меньшую сестру свою, Анну. Признал также независимость Твери, заключив договор с шурином, Михаилом Борисовичем, как с братом и *равным ему великим* князем; не требовал для себя никакого старейшинства; дал слово не вступаться в *Дом Святого Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина от хана, утвердил границы их владений, как они были при Михаиле Ярославиче. Зять и шурин условились действовать заодно против татар, Литвы, Польши и немцев; второй обязывался не иметь никакого сношения с врагами первого, с сыновьями Шемяки, Василия Ярославича Боровского и с можайскими; а великий князь обещал не покровительствовать врагов тверского. Михаил Андреевич Верейский по договорным грамотам уступил Иоанну некоторые места из своего удела и признал себя *младшим* в отношении к самым меньшим его братьям; в прочем удержал все старинные права князя владетельного.

Псковитяне оскорбили Иоанна. Василий Темный незадолго до кончины своей дал им в наместники, без их воли, князя Владимира Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули с крыльца на вече. Владимир поехал жаловаться

в Москву, куда вслед за ним прибыли и бояре псковские. Три дня великий князь не хотел их видеть; на четвертый выслушал извинения, простил и милостиво дозволил им выбрать себе князя. Псковитяне избрали князя звенигородского, Ивана Александровича: Иоанн утвердил его в сем достоинстве и сделал еще более: прислал к ним войско, чтобы наказать немцев за нарушение мира: ибо жители Дерпта посадили тогда наших купцов в темницу. Сия война, как обыкновенно, не имела важных следствий. Немцы с великим стыдом бежали от передового отряда российского; а псковитяне, имея у себя несколько пушек, осадили Нейгаузен и посредством магистра ливонского скоро заключили перемирие на девять лет, с условием, чтобы епископ дерптский, по древним грамотам, заплатил какую-то дань великому князю, не утесняя в сем городе ни жителей русской слободы, ни церквей наших. Воевода Иоаннов, князь Федор Юрьевич, возвратился в Москву, осыпанный благодарностию псковитян и дарами, которые состояли в тридцати рублях для него и в пятидесяти для всех бывших с ним бояр ратных.

Новогородцы не взяли участия в сей войне и даже явно доброжелательствовали ордену: в досаду им псковитяне отложились от их архиепископа, хотели иметь своего особенного святителя и просили о том великого князя. Еще Новгород находился в дружелюбных сношениях с Москвою и слушался ее государя: благоразумный Иоанн ответствовал псковитянам: «В деле столь важном я должен узнать мнение митрополита и всех русских епископов. Вы и старшие братья ваши, новогородцы, моя отчина, жалуетесь друг на друга; они требовали от меня воеводы, чтобы смирить вас оружием: я не велел им мыслить о сем междоусобии, ни задерживать ваших послов на пути ко мне; хочу тишины и мира; буду праведным судиею между вами». Сказав, совершил дело миротворца. Псковитяне возвратили церковные земли архиепископу Ионе и взаимными клятвами подтвердили древний союз братский с новогородцами. Чрез несколько лет духовенство псковское, будучи весьма недовольно правлением Ионы, обвиняемого в беспечности и корыстолюбии, хотело без его ведения решить все церковные дела по номоканону и с согласия гражданских чиновников написало судную для себя грамоту; но великий

князь вторично вступился за древние права архиепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, как было.

Три года Иоанн властвовал мирно и спокойно, не сложив с себя имени данника ординского, но уже не требуя милостивых ярлыков от хана на достоинство великокняжеское и, как вероятно, не платя дани, так что царь Ахмат, повелитель волжских улусов, решился прибегнуть к оружию; соединил все силы и хотел идти к Москве. Но счастие, благоприятствуя Иоанну, воздвигло орду на орду: хан крымский, Ази-Гирей, встретил Ахмата на берегах Дона: началася кровопролитная война между ими, и Россия осталась в тишине, готовясь к важным подвигам.

[1466—1467 гг.] Кроме внешних опасностей и неприятелей, юный Иоанн должен был внутри государства преодолеть общее уныние сердец, какое-то расслабление, дремоту сил душевных. Истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира по греческим хронологам: суеверие с концом ее ждало и конца миру. Сия несчастная мысль, владычествуя в умах, вселяла в людей равнодушие ко славе и благу отечества; менее стыдились государственного ига, менее пленялись мыслию независимости, думая, что все ненадолго. Но печальное тем сильнее действовало на сердца и воображение. Затмения, мнимые чудеса ужасали простолюдинов более, нежели когда-нибудь. Уверяли, что Ростовское озеро целые две недели страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестным жителям. Были и важные, действительные бедствия: от чрезвычайного холода и морозов пропадал хлеб в полях; два года сряду выпадал глубокий снег в мае месяце. Язва, называемая в летописях *железою,* еще искала жертв в России, особенно в новогородских и псковских владениях, где, если верить исчислению одного летописца, в два года умерло 250 652 человека; в одном Новегороде 48 402, в монастырях около 8000. В Москве, в других городах, в селах и на дорогах также погибло множество людей от сей заразы.

Огорчаясь вместе с народом, великий князь сверх того имел несчастие оплакать преждевременную смерть юной, нежной супруги, Марии. Она скончалась внезапно: Иоанн находился тогда в Коломне: мать его и митрополит погребли ее в кремлевской церкви Вознесения (где со времен Василия Димитриевича начали хоронить

княгинь). Сию неожидаемую кончину приписывали действию яда, единственно потому, что тело умершей вдруг отекло необыкновенным образом. Подозревали жену дворянина Алексея Полуевктова, Наталью, которая, служа Марии, однажды посылала ее пояс к какой-то ворожее. Доказательства столь неверные не убедили великого князя в истине предполагаемого злодейства; однако ж Алексей Полуевктов шесть лет не смел показываться ему на глаза.

К горестным случаям сего времени летописцы причисляют и то, что первосвятитель Феодосий, добродетельный, ревностный, оставил митрополию. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслию о скором преставлении света, способствовала неумеренному размножению храмов и священнослужителей: всякий богатый человек хотел иметь свою церковь. Празднолюбцы шли в диаконы и в попы, соблазняя народ не только грубым невежеством, но и развратною жизнию. Митрополит думал пресечь зло: еженедельно собирал их, учил, вдовых постригал в монахи, распутных лишал сана и наказывал без милосердия. Следствием было, что многие церкви опустели без священников. Сделался ропот на Феодосия, и сей пастырь строгий, но не весьма твердый в душе, с горести отказался от правления. Великий князь призвал в Москву своих братьев, всех епископов, духовных сановников, которые единодушно избрали суздальского святителя, Филиппа, в митрополиты; а Феодосий заключился в Чудове монастыре и, взяв в келию к себе одного прокаженного, ходил за ним до конца жизни, сам омывая его струпы. Россияне жалели о пастыре столь благочестивом и страшились, чтобы Небо не казнило их за оскорбление Святого мужа.

Наконец Иоанн предприял воинскими действиями рассеять свою печаль и возбудить в россиянах дух бодрости. Царевич Касим, быв верным слугою Василия Темного, получил от него в удел на берегу Оки мещерский городок, названный с того времени *Касимовым;* жил там в изобилии и спокойствии; имел сношения с вельможами казанскими и, тайно приглашенный ими свергнуть их нового царя, Ибрагима, его пасынка, требовал войска от Иоанна, который с удовольствием видел случай присвоить себе власть над опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточные границы, подверженные впа-

дениям ее хищного, воинственного народа. Князь Иван Юрьевич Патрикеев и Стрига-Оболенский выступили из Москвы с полками: Касим указывал им путь и думал внезапно явиться под стенами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать казанская, предводимая царем, уже стояла на берегу Волги и принудила московских воевод идти назад. В сем неудачном осеннем походе россияне весьма много претерпели от ненастья и дождей, тонули в грязи, бросали доспехи, уморили своих коней и сами, не имея хлеба, ели в пост мясо (что могло случиться тогда единственно в ужасной крайности). Однако ж возвратились все живы и здоровы. Царь не смел гнаться за ними, а послал отряд к Галичу, где татары не могли сделать важного вреда: ибо великий князь успел взять меры, заняв воинскими дружинами все города пограничные: Нижний, Муром, Кострому, Галич.

[1468 г.] Немедлённо другая рать московская с князем Симеоном Романовичем пошла из Галича в Черемисскую землю (в нынешнюю Вятскую и Казанскую губернию) сквозь дремучие леса, уже наполненные снегом, и в самые жестокие морозы. Повеление государя и надежда обогатиться добычею дали воинам силу преодолеть все трудности. Более месяца шли они по лесным пустыням, не видя ни селений, ни пути пред собою: не люди, но звери жили еще на диких берегах Ветлуги, Усты, Кумы. Вступив в землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом — управляемую собственными князьями, но подвластную царю казанскому,— россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодейство в неприятельской стране считалось законным.— Князь Симеон доходил почти до самой Казани и, без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя. Князь Иван Стрига-Оболенский выгнал казанских разбойников из Костромской области. Князь Даниил Холмский побил другую шайку их близ Мурома: только немногие спаслися бегством в дремучие леса, оставив своих коней. Муромцы, нижегородцы опустошили берега Волги в пределах Ибрагимова царства.

Иоанн еще хотел подвига важнейшего, чтобы загладить первую неудачу и смирить Ибрагима; собрал всех

князей, бояр и сам повел войско к границе, оставив в Москве меньшего брата, Андрея. По древнему обыкновению наших князей он взял с собою и десятилетнего сына своего, чтобы заблаговременно приучить его к ратному делу. Но сей поход не совершился. Узнав о прибытии литовского, Казимирова посла, Якова писаря, то есть секретаря государственного, Иоанн велел ему быть к себе в Переславль и ехать назад к королю с ответом; а сам, неизвестно для чего, возвратился в Москву, послав из Владимира только малый отряд на Кичменгу, где казанские татары жгли и грабили села. Оставив намерение лично предводительствовать ратию, Иоанн дал повеление воеводам идти к берегам Камы из Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги с детьми боярскими и козаками. Главными начальниками были Руно Московский и князь Иван Звенец Устюжский. Все соединились в земле Вятской, под Котельничем, и шли берегом реки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и перевоза татарского, откуда поворотили Камою к Белой Воложке, разрушая все огнем и мечом, убивая, пленяя беззащитных. Настигнув в одном месте 200 вооруженных казанцев, полководцы московские устыдились действовать против них всеми силами и выбрали охотников, которые истребили сию толпу, взяв в плен двух ее начальников. Иных битв не было: татары, привычные ко впадениям в чужие земли, не умели оборонять своих. Перехватив на Каме множество богатых купеческих судов, россияне с знатною добычею возвратились через великую Пермь к Устюгу и в Москву.— С другой стороны ходил на казанцев воевода нижегородский, князь Федор Хрипун-Ряполовский с московскою дружиною и, встретив на Волге отряд царских телохранителей, побил его наголову. В числе пленников, отосланных к Иоанну, в Москву, находился знаменитый князь татарский, Хозюм Бердей.

Но казанцы между тем присвоили себе господство над Вяткою: сильное войско их, вступив в ее пределы, так устрашило жителей, что они, не имея большого усердия к государям московским, без сопротивления объявили себя подданными царя Ибрагима. Сие легкое завоевание было непрочно: Казань не могла бороться с Москвою.

[1469 г.] В следующую весну Иоанн предприял нанести важнейший удар сему царству. Не только двор ве-

ликокняжеский с боярскими детьми всех городов и всех уделов, но и московские купцы вместе с другими жителями столицы вооружились под особенным начальством князя Петра Васильевича Оболенского-Нагого. Главным предводителем был назначен князь Константин Александрович Беззубцев, а местом соединения Нижний Новгород. Полки сели на суда в Москве, в Коломне, в Владимире, Суздале, Муроме. Дмитровцы, можайцы, угличане, ростовцы, ярославцы, костромичи плыли Волгою; другие Окою, и в одно время сошлися при устье сих двух величественных рек. Такое знаменитое судовое ополчение было зрелищем любопытным для северной России, которая еще не видала подобных.

Уже главный воевода, князь Константин, сделав общие распоряжения, готовился идти далее; но Иоанн, вдруг переменив мысли, написал к нему, чтобы он до времени остался в Нижнем Новегороде и только легкими отрядами, составленными из охотников, тревожил неприятельскую землю на обеих сторонах Волги. Летописцы не сказывают, что побудило к тому Иоанна; но причина кажется ясною. Царевич Касим, виновник сей войны, умер: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына к дружбе с Россиею, и великий князь надеялся без важных усилий воинских достигнуть своей цели и смирить Казань. Случилось не так.

Воевода объявил князьям и чиновникам волю государеву: они единогласно ответствовали: «мы все хотим казнить неверных» — и с его дозволения немедленно отправились, по тогдашнему выражению, *искать ратной чести,* имея более ревности, нежели благоразумия; подняли паруса, снялись с якоря, и пристань скоро опустела. Воевода остался в Нижнем почти без войска и даже не избрал для них главного начальника. Они сами увидели необходимость сего: приплыв к месту старого Нижнего Новагорода, отпели там молебен в церкви Преображения, роздали милостыню и в общем совете выбрали Ивана Руна в предводители. Им не велено было ходить к Казани; но Руно сделал по-своему: не теряя времени, спешил к царской столице и, перед рассветом вышедши из судов, стремительно ударил на ее посад с криком и трубным звуком. Утренняя заря едва осветила небо: казанцы еще спали. Россияне без сопротивления вошли в улицы: грабили, резали; освободили бывших там

пленников московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских и зажгли предместие со всех сторон. Татары с драгоценнейшим своим имением, с женами и детьми запираясь в домах, были жертвою пламени. Обратив в пепел все, что могло сгореть, россияне, усталые, обремененные добычею, отступили, сели на суда и пошли к Коровничьему острову, где стояли целую неделю без всякого дела: чем Руно навлек на себя подозрение в измене. Многие думали, что он, пользуясь ужасом татар, сквозь пламя и дым предместия мог бы войти в город, но силою отвел полки от приступа, чтобы тайно взять окуп с царя. По крайней мере никто не понимал, для чего сей воевода, имея славу разума необыкновенного, тратит время; для чего не действует или не удаляется с добычею и пленниками?

Легко было предвидеть, что царь не будет дремать в своей, кругом обожженной столице: наконец русский пленник, выбежав из Казани, принес весть к нашим, что Ибрагим соединил все полки камские, сыплинские, костяцкие, беловолжские, вотяцкие, башкирские и готовится в следующее утро наступить на россиян конною и судовою ратию. Воеводы московские спешили взять меры: отобрали молодых людей и послали их с большими судами к Ирихову острову, не велев им ходить на узкое место Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать неприятеля, который действительно вышел из города. Хотя молодые люди не послушались воевод и стали как бы нарочно в узком протоке, где неприятельская конница могла стрелять в них: однако ж мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имели бой с лодками казанскими и, прогнав оные к городу, соединились с своими большими судами у Ирихова острова, славя победу и государя.

Тут прибыл к ним главный воевода, князь Константин Беззубцев, из Нижнего Новагорода, сведав, что они, в противность Иоаннову намерению, подступили к Казани. Доселе успех служил им оправданием: Константин хотел еще важнейшего: отправил гонцов в Москву, с вестию о происшедшем, и в Вятку, с повелением, чтобы ее жители немедленно шли к нему под Казань. Он еще не знал их коварства. Иоанн, послав весною главную рать в Нижний, в то же время приказал князю Даниилу Ярославскому с отрядом детей боярских и с

полком устюжан, а другому воеводе, Сабурову, с вологжанами плыть на судах к Вятке, взять там всех людей, годных к ратному делу, и с ними идти на царя казанского. Но правители вятских городов, мечтая о своей древней независимости, ответствовали Даниилу Ярославскому: «Мы сказали царю, что не будем помогать ни великому князю против него, ни ему против великого князя; хотим сдержать слово и остаемся дома». У них был тогда посол Ибрагимов, который немедленно дал знать в Казань, что россияне из Устюга и Вологды идут к ее пределам с малыми силами. Отказав в помощи князю ярославскому, вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлог, говоря: «Когда братья великого князя пойдут на царя, тогда и мы пойдем». Около месяца тщетно ждав полков вятских, не имея вести от князя ярославского и начиная терпеть недостаток в съестных припасах, воевода Беззубцев пошел назад к Нижнему.

На пути встретилась ему вдовствующая царица казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что великий князь отпустил ее с честию и с милостию; что война прекратится и что Ибрагим удовлетворит всем требованиям Иоанновым. Успокоенные ее словами, воеводы наши расположились на берегу праздновать воскресный день, служить обедню и пировать. Но вдруг показалась рать казанская, судовая и конная. Россияне едва успели изготовиться. Сражались до самой ночи: казанские суда отступили к противному берегу, где стояла конница, пуская стрелы в наших, которые не захотели биться на сухом пути, и ночевали на другой стороне Волги. В следующее утро ни те, ни другие не думали возобновить битвы; и князь Беззубцев благополучно доплыл до Нижнего.

Не столь счастлив был князь ярославский. Видя непослушание вятчан, он решился идти без них, чтобы в окрестностях Казани соединиться с московскою ратию. Уведомленный о походе его, Ибрагим заградил Волгу судами и поставил на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужеством обоюдным: хватались за руки, секлись мечами. Главные из вождей московских пали мертвые; другие были ранены или взяты в плен; но князь Василий Ухтомский одолевал многочисленность храбростию: сцеплялся с Ибрагимовыми судами,

разил неприятелей ослопом и топил их в реке. Устюжане, вместе с ним оказав редкую неустрашимость, пробились сквозь казанцев, достигли Новагорода Нижнего и дали знать о том Иоанну, который, в знак особенного благоволения, прислал им *две золотые деньги* и несколько кафтанов. Устюжане отдали *деньги* своему иерею, сказав ему: «Молись Богу за государя и Православное воинство; а мы готовы и впредь так сражаться».

[1469 г.] Обманутый льстивыми обещаниями Ибрагимовой матери, недовольный и нашими воеводами, Иоанн предприял новый поход в ту же осень, вручив предводительство своим братьям, Юрию и Андрею. Весь двор великокняжеский и все князья *служивые* находились с ними. В числе знатнейших воевод летописцы именуют князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Даниил Холмский вел передовой полк; многочисленная рать шла сухим путем, другая плыла Волгою; обе подступили к Казани, разбили татар в вылазке, отняли воду у города и принудили Ибрагима заключить мир *на всей воле* государя Московского: то есть исполнить все его требования. Он возвратил свободу нашим пленникам, взятым в течение сорока лет.

Сей подвиг был первым из знаменитых успехов государствования Иоаннова: второй имел еще благоприятнейшие следствия для могущества великокняжеского внутри России. Василий Темный возвратил новогородцам Торжок; но другие земли, отнятые у них сыном Донского, Василием Димитриевичем, оставались за Москвою: еще не уверенные в твердости Иоаннова характера и даже сомневаясь в ней по первым действиям сего князя, ознаменованным умеренностию, миролюбием, они вздумали быть смелыми, в надежде показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, восстановить древние права своей вольности, утраченные излишнею уступчивостию их отцов и дедов. С сим намерением приступили к делу: захватили многие доходы, земли и воды княжеские; взяли с жителей присягу только именем Новагорода; презирали Иоанновых наместников и послов; властию веча брали знатных людей под стражу на Городище, месте, не подлежащем народной управе; делали обиды москвитянам. Государь несколько раз требовал от них удовлетворения: они молчали. Наконец приехал в Москву новогородский посадник, Васи-

лий Ананьин, с обыкновенными делами земскими; но не было слова в ответ на жалобы Иоанновы. «Я ничего не знаю,— говорил посадник боярам московским,— Великий Новгород не дал мне никаких о том повелений». Иоанн отпустил сего чиновника с такими словами: «Скажи новогородцам, моей отчине, чтобы они, признав вину свою, исправились; в земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старине*, исполняя обет крестный, если хотят от меня покровительства и милости; скажи, что терпению бывает конец и что мое не продолжится».

Великий князь в то же время написал к верным ему псковитянам, чтобы они, в случае дальнейшей строптивости новогородцев, готовились вместе с ним действовать против сих ослушников. Наместником его во Пскове был тогда князь Феодор Юрьевич, знаменитый воевода, который с московскою дружиною защитил сию область в последнюю войну с немцами: из отменного уважения к его особе псковитяне дали ему судное право во всех *двенадцати* своих пригородах; а дотоле князья судили и рядили только в *семи*: прочие зависели от народной власти. Боярин московский, Селиван, вручил псковитянам грамоту Иоаннову. Они сами имели разные досады от новогородцев; однако же, следуя внушениям благоразумия, отправили к ним посольство с предложением быть миротворцами между ими и великим князем. «Не хотим кланяться Иоанну и не просим вашего ходатайства,— ответствовали тамошние правители: — но если вы добросовестны и нам друзья, то вооружитесь за нас против самовластия московского». Псковитяне сказали: «увидим» — и дали знать великому князю, что они готовы помогать ему всеми силами.

[1470 г.] Между тем, по сказанию летописцев, были страшные знамения в Новегороде: сильная буря сломила крест Софийской церкви; древние херсонские колокола в монастыре на Хутыне сами собою издавали печальный звук; кровь являлась на гробах, и проч. Люди тихие, миролюбивые трепетали и молились богу: другие смеялись над ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народ более нежели когда-нибудь мечтал о прелестях свободы; хотел тесного союза с Казимиром и принял от него воеводу, князя Михаила Олельковича, коего брат, Симеон, господствовал тогда в Киеве с честию и

славою, *подобно древним князьям Владимирова племени*, как говорят летописцы. Множество панов и витязей литовских приехало с Михаилом в Новгород.

В сие время скончался новогородский владыка Иона: народ избрал в архиепископы протодиакона Феофила, коему нельзя было ехать в Москву для поставления без согласия Иоаннова: новогородцы чрез боярина своего, Никиту, просили о том великого князя, мать его и митрополита. Иоанн дал *опасную грамоту* для приезда Феофилова в столицу и, мирно отпуская посла, сказал ему: «Феофил, вами избранный, будет принят с честию и поставлен в архиепископы; не нарушу ни в чем древних обыкновений и готов вас жаловать, как мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались великими князьями владимирскими, *Новагорода и всея Руси*» [1471 г.] Посол, возвратясь в Новгород, объявил народу о милостивом расположении Иоанновом. Многие граждане, знатнейшие чиновники и нареченный архиепископ Феофил хотели воспользоваться сим случаем, чтобы прекратить опасную распрю с великим князем; но скоро открылся мятеж, какого давно не бывало в сей народной державе.

Вопреки древним обыкновениям и нравам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшего посадника Исаака Борецкого, мать двух сынов уже взрослых, именем Марфа, предприняла решить судьбу отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство. Народные чиновники сходились в ее великолепном или, по-тогдашнему, *чудном* доме пировать и советоваться о делах важнейших. Так, Св. Зосима, игумен монастыря Соловецкого, жалуясь в Новегороде на обиды двинских жителей, в особенности тамошних приказчиков боярских, должен был искать покровительства Марфы, которая имела в Двинской земле богатые села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотела видеть его; но после, узнав истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила к себе на обед вместе с людьми знатнейшими и дала Соловецкому монастырю земли. Еще не довольная всеобщим уважением и тем, что великий князь, в знак особенной милости, пожаловал ее сына, Димитрия, в знатный чин боярина московского, сия

гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой и, по уверению летописцев, выйти замуж за кого-то вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать, именем Казимировым, над своим отечеством. Князь Михаил Олелькович, служив ей несколько времени орудием, утратил ее благосклонность и с досадою уехал назад в Киев, ограбив Русу. Сей случай доказывал, что Новгород не мог ожидать ни усердия, ни верности от князей литовских; но Борецкая, открыв дом свой для шумных сонмищ, с утра до вечера славила Казимира, убеждая граждан в необходимости искать его защиты против утеснений Иоанновых. В числе ревностных друзей посадницы был монах Пимен, архиепископский ключник: он надеялся заступить место Ионы и сыпал в народ деньги из казны святительской, им расхищенной. Правительство сведало о том и, заключив сего коварного инока в темницу, взыскало с него 1000 рублей пени. Волнуемый честолюбием и злобою, Пимен клеветал на избранного владыку Феофила, на митрополита Филиппа; желал присоединения новогородской епархии к Литве и, лаская себя мыслию получить сан архиепископа от Григория Киевского, Исидорова ученика, помогал Марфе советом, кознями, деньгами.

Видя, что посольство боярина Никиты сделало в народе впечатление, противное ее намерению, и расположило многих граждан к дружелюбному сближению с государем Московским, Марфа предприяла действовать решительно. Ее сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленным сонмом людей подкупленных, явились на вече и торжественно сказали, что настало время управиться с Иоанном; что он не государь, а злодей их; что Великий Новгород есть сам себе властелин: что жители его суть вольные люди и не *отчина* князей московских; что им нужен только покровитель; что сим покровителем будет Казимир и что не московский, а киевский митрополит должен дать архиепископа Святой Софии. Громогласное восклицание: «Не хотим Иоанна! да здравствует Казимир!» — служило заключением их речи. Народ восколебался. Многие взяли сторону Борецких и кричали: «Да исчезнет Москва!». Благоразумнейшие сановники, старые посадники, тысячские, житые люди хотели образумить легкомысленных сограждан и говорили: «Братья! что

замышляете? изменить Руси и православию? поддаться королю иноплеменному и требовать святителя от еретика латинского? Вспомните, что предки наши, славяне, добровольно вызвали Рюрика из земли варяжской; что более шестисот лет его потомки законно княжили на престоле новогородском; что мы обязаны истинною Верою Святому Владимиру, от коего происходит великий князь Иоанн, и что латинство доныне было для нас ненавистно». Единомышленники Марфины не давали им говорить; а слуги и наемники ее бросали в них каменьями, звонили в вечевые колокола, бегали по улицам и кричали: «Хотим за короля!» Другие: «Хотим к Москве православной, к великому князю Иоанну и к отцу его, митрополиту Филиппу!» Нескольке дней город представлял картину ужасного волнения. Нареченный владыка Феофил ревностно противоборствовал усилиям Марфиных друзей и говорил им: «Или не изменяйте православию, или не буду никогда пастырем отступников: иду назад в смиренную келию, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа». Но Борецкие превозмогли, овладели правлением и погубили отечество, как жертву их страстей личных. Совершилось, чего издавна желали завоеватели литовские и чем Новгород стращал иногда государей московских: он поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Действие беззаконное: хотя сия область имела особенные уставы и вольности, данные ей, как известно, Ярославом Великим; однако же составляла всегда часть России и не могла перейти к иноплеменникам без измены или без нарушения коренных государственных законов, основанных на естественном праве. Многочисленное посольство отправилось в Литву с богатыми дарами и с предложением, чтобы Казимир был главою Новогородской державы на основании древних уставов ее гражданской свободы. Он принял все условия, и написали грамоту следующего содержания:

«*Честный* король польский и князь великий литовский заключил дружественный союз с нареченным владыкою Феофилом, с посадниками, тысяцкими новогородскими, с боярами, людьми житыми, купцами и со всем Великим Новымгородом; а для договора были в Литве посадник Афанасий Евстафиевич, посадник Димитрий Исакович (Борецкий)... от людей житых Панфил Селифонтович, Кирилл Иванович... Ведать тебе, чест-

ному королю, Великий Новгород по сей крестной грамоте и держать на Городище своего наместника греческой Веры, вместе с дворецким и тиуном, коим иметь при себе не более пятидесяти человек. Наместнику судить с посадником на дворе архиепископском как бояр, житых людей, младших граждан, так и сельских жителей, согласно с правдою, и не требовать ничего, кроме судной законной пошлины; но в суд тысячского, владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городище во дворце и собирать доходы твои вместе с посадником; а тиуну вершить дела с нашими приставами. Если государь Московский пойдет войной на Великий Новгород, то тебе, господину, честному королю, или в твое отсутствие Раде Литовской дать нам скорую помощь.— Ржева, Великие Луки и Холмовский погост остаются землями новогородскими; но платят дань тебе, честному королю.— Новогородец судится в Литве по вашим, литвин в Новегороде по нашим законам без всякого притеснения... В Русе будешь иметь десять соляных варниц; а за суд получаешь там и в других местах, что издревле установлено. Тебе, честному королю, не выводить от нас людей, не купить ни сел, ни рабов и не принимать их в дар, ни королеве, ни панам литовским; а нам не таить законных пошлин. Послам, наместникам и людям твоим не брать подвод в земле Новогородской, и волости ее могут быть управляемы только нашими собственными чиновниками.— В Луках будет твой и наш тиун: торопецкому не судить в новогородских владениях. В Торжке и Волоке имей тиуна; с нашей стороны будет там посадник.— Купцы литовские торгуют с немцами единственно чрез новогородских. Двор немецкий тебе не подвластен: не можешь затворить его.— Ты, честный король, не должен касаться нашей православной Веры: где захотим, там и посвятим нашего владыку (в Москве или в Киеве); а римских церквей не ставить нигде в земле Новогородской.— Если примиришь нас с великим князем московским, то из благодарности уступим тебе всю народную дань, собираемую ежегодно в новогородских областях; но в другие годы не требуй оной.— В утверждение договора целуй крест к Великому Новугороду за все свое княжество и за всю Раду Литовскую *вправду, без извета;* а послы наши целовали крест *новогородскою душою* к честному королю за Великий Новгород».

И так сей народ легкомысленный еще желал мира с Москвою, думая, что Иоанн устрашится Литвы, не захочет кровопролития и малодушно отступится от древнейшего княжества российского. Хотя наместники московские, быв свидетелями торжества Марфиных поборников, уже не имели никакого участия в тамошнем правлении, однако ж спокойно жили на городище, уведомляя великого князя о всех происшествиях. Несмотря на свое явное отступление от России, новогородцы хотели казаться умеренными и справедливыми; твердили, что от Иоанна зависит остаться другом Святой Софии; изъявляли учтивость его боярам, но послали суздальского князя, Василья Шуйского-Гребенку, начальствовать в Двинской земле, опасаясь, чтобы рать московская не овладела сею важною для них страною.

Еще желая употребить последнее миролюбивое средство, великий князь отправил в Новгород благоразумного чиновника, Ивана Федоровича Товаркова, с таким увещанием: «Люди новогородские! Рюрик, Св. Владимир и великий Всеволод Юрьевич, мои предки, повелевали вами; я наследовал сие право: жалую вас, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушание. Когда вы бывали подданными Литвы? Ныне же раболепствуете иноверным, преступая священные обеты. Я ничем не отяготил вас и требовал единственно древней законной дани. Вы изменили мне: князь Божия над вами! Но еще медлю, не любя кровопролития, и готов миловать, если с раскаянием возвратитесь под сень отечества». В то же время митрополит Филипп писал к ним: «Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклониться от пути правого: еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный пророком Захариею, не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: *беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина.* Сия *прелесть* есть латинская: она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного действия? Греки царствовали, греки славились во благочестии: соединились с Римом и служат ныне туркам. Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна: не уклоняйтеся от *Святой, великой старины* и не забывайте слов апостола: *Бога бойтеся, а князя чтите.*— Смиритеся, и Бог мира да будет с вами!» — Сии увещания остались бесполезны:

Марфа с друзьями своими делала что хотела в Новегороде. Устрашаемые их дерзостию, люди благоразумные тужили в домах и безмолвствовали на вече, где клевреты или наемники Борецких вопили: «Новгород государь нам, а король покровитель!» Одним словом, летописцы сравнивают тогдашнее состояние сей народной державы с древним Иерусалимом, когда Бог готовился предать его в руки Титовы. Страсти господствовали над умом, и совет правителей казался сонмом заговорщиков.

Посол московский возвратился к государю с уверением, что не слова и не письма, но один меч может смирить новогородцев. Великий князь изъявил горесть: еще размышлял, советовался с матерью, с митрополитом и призвал в столицу братьев, всех епископов, князей, бояр и воевод. В назначенный день и час они собралися во дворце. Иоанн вышел к ним с лицом печальным: открыл Государственную думу и предложил ей на суд измену новогородцев. Не только бояре и воеводы, но и святители ответствовали единогласно: «Государь! возьми оружие в руки!» Тогда Иоанн произнес решительное слово: «Да будет война!» — и еще хотел слышать мнение Совета о времени, благоприятнейшем для ее начала, сказав: «Весна уже наступила: Новгород окружен водою, реками, озерами и болотами непроходимыми. Великие князья, мои предки, страшились ходить туда с войском в летнее время, и когда ходили, то теряли множество людей». С другой стороны поспешность обещала выгоды: новогородцы не изготовились к войне, и Казимир не мог скоро дать им помощи. Решились не медлить, в надежде на милость Божию, на счастие и мудрость Иоаннову. Уже сей государь пользовался общею доверенностию: москвитяне гордились им, хвалили его правосудие, твердость, прозорливость; называли любимцем Неба, властителем богоизбранным; и какое-то новое чувство государственного величия вселилось в их душу.

Иоанн послал *складную грамоту* к новогородцам, объявляя им войну [23 мая 1471 г.] с исчислением всех их дерзостей, и в несколько дней устроил ополчение: убедил Михаила Тверского действовать с ним заодно и велел псковитянам идти к Новугороду с московским воеводою, князем Феодором Юрьевичем Шуйским; устюжанам и вятчанам в Двинскую землю под начальством двух воевод, Василья Федоровича Образца и Бориса

Слепого-Тютчева; князю Даниилу Холмскому с детьми боярскими из Москвы к Русе, а князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стриге с татарскою конницею к берегам Мсты.

Сии отряды были только передовыми. Иоанн, следуя обыкновению, раздавал милостыню и молился над гробами Святых Угодников и предков своих; наконец, приняв благословение от митрополита и епископов, сел на коня и повел главное войско из столицы. С ним находились все князья, бояре, дворяне московские и татарский царевич Данияр, сын Касимов. Сын и брат великого князя, Андрей Меньший, остались в Москве: другие братья, князья Юрий, Андрей, Борис Васильевичи и Михаил Верейский, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями к новогородским границам; а воеводы тверские, князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Жито, соединились с Иоанном в Торжке. Началося страшное опустошение. С одной стороны воевода Холмский и рать великокняжеская, с другой псковитяне, вступив в землю Новогородскую, истребляли все огнем и мечом. Дым, пламя, кровавые реки, стон и вопль от востока и запада неслися к берегам Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенение неописанное: новогородцы-изменники казались им хуже татар. Не было пощады ни бедным земледельцам, ни женщинам. Летописцы замечают, что небо, благоприятствуя Иоанну, иссушило тогда все болота; что от маия до сентября месяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердели; войско с обозами везде имело путь свободный и гнало скот по лесам, дотоле непроходимым.

Псковитяне взяли Вышегород. Холмский обратил в пепел Русу. Не ожидав войны летом и нападения столь дружного, сильного, новогородцы послали сказать великому князю, что они желают вступить с ним в переговоры и требуют от него о*пасной грамоты* для своих чиновников, которые готовы ехать к нему в стан. Но в то же время Марфа и единомышленники ее старались уверить сограждан, что одна счастливая битва может спасти их свободу. Спешили вооружить всех людей, волею и неволею; ремесленников, гончаров, плотников одели в доспехи и посадили на коней: других на суда. Пехоте велели плыть озером Ильменем к Русе, а коннице, гораздо многочисленнейшей, идти туда берегом. Холмский стоял

между Ильменем и Русою, на Коростыне: пехота новогородская приближилась тайно к его стану, вышла из судов и, не дожидаясь конного войска, стремительно ударила на оплошных москвитян. Но Холмский и товарищ его, боярин Феодор Давидович, храбростию загладили свою неосторожность: положили на месте 500 неприятелей, рассеяли остальных и с жестокосердием, свойственным тогдашнему веку, приказав отрезать пленникам носы, губы, послали их искаженных в Новгород. Москвитяне бросили в воду все латы, шлемы, щиты неприятельские, взятые в добычу ими, говоря, что войско великого князя богато собственными доспехами и не имеет нужды в изменнических.

Новогородцы приписали сие несчастие тому, что конное их войско не соединилось с пехотным и что особенный полк *архиепископский* отрекся от битвы, сказав: «Владыка Феофил запретил нам поднимать руку на великого князя, а велел сражаться только с неверными псковитянами». Желая обмануть Иоанна, новогородские чиновники отправили к нему второго посла, с уверением, что они готовы на мир и что войско их еще не действовало против московского. Но великий князь уже имел известие о победе Холмского и, став на берегу озера Коломны, приказал сему воеводе идти за Шелонь навстречу к псковитянам и вместе с ними к Новугороду: Михаилу же Верейскому осадить городок Демон. В самое то время, когда Холмский думал переправляться на другую сторону реки, он увидел неприятеля столь многочисленного, что москвитяне изумились. Их было 5000, а новогородцев от 30 000 до 40 000: ибо друзья Борецких еще успели набрать и выслать несколько полков, чтобы усилить свою конную рать. Но воеводы Иоанновы, сказав дружине: «Настало время послужить государю; не убоимся ни трехсот тысяч мятежников; за нас правда и Господь Вседержитель», бросились на конях в Шелонь, с крутого берега и в глубоком месте; однако ж никто из москвитян не усомнился следовать их примеру; никто не утонул; и все, благополучно переехав на другую сторону, устремились [14 июля] в бой с восклицанием: *Москва!* Новогородский летописец говорит, что соотечественники его бились мужественно и принудили москвитян отступить, но что конница татарская, быв в засаде, нечаянным нападением расстроила первых и решила

дело. Но по другим известиям новогородцы не стояли ни часу: лошади их, язвимые стрелами, начали сбивать с себя всадников; ужас объял воевод малодушных и войско неопытное; обратили тыл; скакали без памяти и топтали друг друга, гонимые, истребляемые победителем; утомив коней, бросались в воду, в тину болотную; не находили пути в лесах своих, тонули или умирали от ран; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что он уже взят Иоанном. В безумии страха им везде казался неприятель, везде слышался крик: *Москва! Москва!* На пространстве двенадцати верст полки великокняжеские гнали их, убили 12 000 человек, взяли 1700 пленников, и в том числе двух знатнейших посадников, Василия-Казимира с Димитрием Исаковым Борецким; наконец, утомленные, возвратились на место битвы. Холмский и боярин Феодор Давидович, трубным звуком возвестив победу, сошли с коней, приложились к образам под знаменами и прославили милость Неба. Боярский сын, Иван Замятня, спешил известить государя, бывшего тогда в Яжелбицах, что один передовой отряд его войска решил судьбу Новагорода; что неприятель истреблен, а рать московская цела. Сей вестник вручил Иоанну договорную грамоту новогородцев с Казимиром, найденную в их обозе между другими бумагами, и даже представил ему человека, который писал оную. С какой радостию великий князь слушал весть о победе, с таким негодованием читал сию законопреступную хартию, памятник новогородской измены.

Холмский уже нигде не видал неприятельской рати и мог свободно опустошать села до самой Наровы или немецких пределов. Городок Демон сдался Михаилу Верейскому. Тогда великий князь послал *опасную грамоту* к новогородцам с боярином их, Лукою, соглашаясь вступить с ними в договоры, прибыл в Русу и явил пример строгости: велел отрубить голову знатнейшим пленникам, боярам Дмитрию Исакову, Марфину сыну, Василью Селезеневу-Губе, Киприяну Арбузееву и Иеремию Сухощоку, архиепископскому чашнику, ревностным благоприятелям Литвы; Василия-Казимера, Матвея Селезенева и других послал в Коломну, окованных цепями; некоторых в темницы московские; а прочих без всякого наказания отпустил в Новгород, соединяя милосердие с грозою мести, отличая главных деятельных врагов

Москвы от людей слабых, которые служили им только орудием. Решив таким образом участь пленников, он расположился станом на устье Шелони [27 июля].

В сей самый день новая победа увенчала оружие великокняжеское в отдаленных пределах Заволочья. Московские воеводы, Образец и Борис Слепой, предводительствуя устюжанами и вятчанами, на берегах Двины сразились с князем Василием, Шуйским, верным слугою новогородской свободы. Рать его состояла из двенадцати тысяч двинских и печерских жителей: Иоаннова только из четырех. Битва продолжалась целый день с великим остервенением. Убив трех двинских знаменосцев, москвитяне взяли хоругвь новогородскую и к вечеру одолели врага. Князь Шуйский раненый едва мог спастися в лодке, бежал в Колмогоры, оттуда в Новгород; а воеводы Иоанновы, овладев всею Двинскою землею, привели жителей в подданство Москвы.

Миновало около двух недель после Шелонской битвы, которая произвела в новогородцах неописанный ужас. Они надеялись на Казимира и с нетерпением ждали вестей от своего посла, отправленного к нему через Ливонию, с усильным требованием, чтобы король спешил защитить их; но сей посол возвратился и с горестию объявил, что магистр ордена не пустил его в Литву. Уже не было времени иметь помощи, ни сил противиться Иоанну. Открылась еще внутренняя измена. Некто, именем Упадыш, тайно доброхотствуя великому князю, с единомышленниками своими в одну ночь заколотил железом 55 пушек в Новегороде: правители казнили сего человека; несмотря на все несчастия, хотели обороняться: выжгли посады, не жалея ни церквей, ни монастырей; учредили бессменную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народ; другие стояли на стенах и башнях, готовые к бою с москвитянами. Однако ж миролюбивые начали изъявлять более смелости, доказывая, что упорство бесполезно; явно обвиняли друзей Марфы в приверженности к Литве и говорили: «Иоанн перед нами; а где ваш Казимир?» Город, стесненный великокняжескими отрядами и наполненный множеством пришельцев, которые искали там убежища от москвитян, терпел недостаток в съестных припасах; дороговизна возрастала; ржи совсем не было на торгу: богатые питались пшеницею; а

бедные вопили, что правители их безумно раздражили Иоанна и начали войну, не подумав о следствиях. Весть о казни Димитрия Борецкого и товарищей его сделала глубокое впечатление как в народе, так и в чиновниках: доселе никто из великих князей не дерзал торжественно казнить первостепенных гордых бояр новогородских. Народ рассуждал, что времена переменились; что Небо покровительствует Иоанна и дает ему смелость вместе со счастием; что сей государь правосуден: карает и милует; что лучше спастися смирением, нежели погибнуть от упрямства. Знатные сановники видели меч над своею головою: в таком случае редкие жертвуют личною безопасностию правилу или образу мыслей. Самые усердные из друзей Марфиных, те, которые ненавидели Москву по ревностной любви к вольности отечества, молчанием или языком умеренности хотели заслужить прощение Иоанново. Еще Марфа силилась действовать на умы и сердца, возбуждая их против великого князя: народ видел в ней главную виновницу сей бедственной войны; он требовал хлеба и мира.

Холмский, псковитяне и сам Иоанн готовились с разных сторон обступить Новгород, чтобы совершить последний удар: не много времени оставалось для размышления. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному архиепископу Феофилу быть ходатаем мира. Сей разумный инок со многими посадниками, тысячскими и людьми житыми всех пяти концов отправился на судах озером Ильменем к устью, Шелони, в стан московский. Не смея вдруг явиться государю, они пошли к его вельможам и просили их заступления: вельможи просили Иоанновых братьев, а братья самого Иоанна. Чрез несколько дней он дозволил послам стать пред лицом своим. Феофил вместе со многими духовными особами и знатнейшие чиновники новогородские, вступив в шатер великокняжеский, пали ниц, безмолвствовали, проливали слезы. Иоанн, окруженный сонмом бояр, имел вид грозный и суровый. «Господин, князь великий! — сказал Феофил: — утоли гнев свой, утиши ярость; пощади нас, преступников, не для моления нашего, но для своего милосердия! Угаси огнь, палящий страну новогородскую; удержи меч, лиющий кровь ее жителей!» Иоанн взял с собою из Москвы одного ученого в летописях дьяка, именем Стефана Бородатого, кое-

му надлежало исчислить перед новогородскими послами все древние их измены; но послы не хотели оправдываться и требовали единственно милосердия. Тут братья и воеводы Иоанновы ударили челом за народ виновный; молили долго, неотступно [11 августа]. Наконец государь изрек слово великодушного прощения, следуя, как уверяют летописцы, внушениям христианского человеколюбия и совету митрополита Филиппа помиловать новогородцев, если они раскаются; но мы видим здесь действие личного характера, осторожной политики, умеренности сего властителя, коего правилом было: *не отвергать хорошего для лучшего,* не совсем верного.

Новогородцы за вину свою обещали внести в казну великокняжескую 15 500 рублей или около осьмидесяти пуд серебра, в разные сроки, от 8 сентября до Пасхи: возвратили Иоанну прилежащие к Вологде земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, места, уступленные Василию Темному, но после отнятые ими; обязались в назначенные времена платить государям московским *черную,* или народную, дань, также и митрополиту судную пошлину; клялися ставить своих архиепископов только в Москве, у гроба Св. Петра Чудотворца, в Дому Богоматери; не иметь никакого сношения с королем польским, ни с Литвою; не принимать к себе тамошних князей и врагов Иоанновых: князя можайского, сыновей Шемяки и Василия Ярославича Боровского; отменили так называемые вечевые грамоты; признали верховную судебную власть государя московского, в случае несогласия его наместников с новогородскими сановниками; обещались не издавать впредь судных грамот без утверждения и печати великого князя, и проч. Возвращая им Торжок и новые свои завоевания в Двинской земле, Иоанн по обычаю целовал крест, в уверение, что будет править Новымгородом согласно с древними уставами оного, без всякого насилия. Сии взаимные условия или обязательства изображены в шести тогда написанных грамотах, от 9 и 11 августа, в коих юный сын Иоаннов именуется также, подобно отцу, великим князем всей России. Помирив еще Новгород с псковитянами, Иоанн уведомил своих полководцев, что война прекратилась; ласково угостил Феофила и всех послов; отпустил их с милостию и вслед за ними велел ехать боярину Феодору Давидови-

чу, взять присягу с новогородцев на вече. Дав слово забыть прошедшее, великий князь оставил в покое и самую Марфу Борецкую и не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене. Исполнив свое намерение, наказав мятежников, свергнув тень Казимирову с древнего престола Рюрикова, он с честию, славою и богатою добычей [1 сентября] возвратился в Москву. Сын, брат, вельможи, воины и купцы встретили его за 20 верст от столицы, народ за семь, митрополит с духовенством перед Кремлем на площади. Все приветствовали государя как победителя, изъявляя радость.

Еще Новгород остался державою народною; но свобода его была уже единственно милостию Иоанна и долженствовала исчезнуть по мановению самодержца. Нет свободы, когда нет силы защитить ее. Все области новогородские, кроме столицы, являли от пределов восточных до моря зрелище опустошения, произведенного не только ратию великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельские в течение двух месяцев ходили туда вооруженными толпами из московских владений грабить и наживаться. Погибло множество людей. К довершению бедствия, 9000 человек, призванных в Новгород из уездов для защиты оного, возвращаясь осенью в свои домы на 180 судах, утонули в бурном Ильмене. Зимою священноинок Феофил с духовными и мирскими сановниками приехал в Москву и был поставлен в архиепископы. Когда сей торжественный обряд совершился, Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными новогородскими пленниками, Василием-Казимером и другими, которые еще сидели в московских темницах: великий князь даровал им свободу, и Новгород принял их с дружелюбием, а владыку своего с благодарностию, легкомысленно надеясь, что время, торговля, мудрость веча и правила благоразумнейшей политики исцелят глубокие язвы отечества.

В исходе сего года явилась комета, в начале следующего другая; народ трепетал, ожидая чего-нибудь ужасного. Иоанн же, не участвуя в страхе суеверных, спокойно мыслил о важном завоевании. Древняя славная Биармия, или Пермь уже в XI веке платила дань россиянам, в гражданских отношениях зависела от Новагорода, в церковных от нашего митрополита, но всегда имела

собственных властителей и торговала с москвитянами как держава свободная. Присвоив себе Вологду, великие князья желали овладеть и Пермию, однако ж дотоле не могли: ибо новогородцы крепко стояли за оную, обогащаясь там меною немецких сукон на меха драгоценные и на серебро, которое именовалось *закамским* и столь прельщало хитрого Иоанна Калиту. В самом Шелонском договоре новогородцы включили Пермь в число их законных владений; но Иоанн III, подобно Калите дальновидный и гораздо его сильнейший, воспользовался первым случаем исполнить намерение своего пращура без явной несправедливости. В Перми обидели некоторых москвитян: сего было довольно для Иоанна: он послал туда князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу.

[1472 г.] Полки выступили из Москвы зимою, на Фоминой неделе пришли к реке Черной, спустились на плотах до местечка Айфаловского, сели на коней и близ городка Искора встретились с пермскою ратию. Победа не могла быть сомнительною: князь Феодор рассеял неприятелей; пленил их воевод, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взял Искор с иными городками, сжег их и на устье Почки, впадающей в Колву, заложил крепость; а другой воевода, Гаврило Нелидов, им отряженный, овладел Уросом и Чердынью, схватив тамошнего князя христианской Веры, именем Михаила. Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и князь Феодор прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов* немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные. Сие завоевание, коим владения московские прислонились к хребту гор Уральских, обрадовало государя и народ, обещая важные торговые выгоды и напомнив России счастливую старину, когда Олег, Святослав, Владимир брали мечом чуждые земли, не теряя собственных.— Вероятно, что пермский князь Михаил возвратился в свое отечество, где после господствовал и сын его, Матфей, как присяжник Иоаннов. Первым *российским* наместником великой Перми был в 1505 году князь Василий Андреевич Ковер.

Доселе великий князь еще не имел дела с главным врагом нашей независимости, с царем Большой, или Золотой Орды, Ахматом, коего толпы в 1468 году, нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнув идти

далее: ибо в упорной битве с тамошними воеводами потеряли много людей. Благоразумный Иоанн, готовый к войне, хотел удалить ее: время усиливало Россию, ослабляя могущество ханов. Но другой естественный враг Москвы, Казимир Литовский, употреблял все способы подвигнуть Ахмата на великого князя. Дед Иоаннов, Василий Димитриевич, купил в Литве одного татарина, именем Мисюря, Витовтова пленника, которого внук, Кирей, рожденный в холопстве, бежал от Иоанна в Польшу и снискал особенную милость Казимирову. Сей государь хотел употребить его в орудие своей ненависти к России, послал в Золотую Орду с ласковыми грамотами, с богатыми дарами, и предлагал Ахмату тесный союз, чтобы вместе воевать наше отечество. Кирей имел ум хитрый, знал хоро́шо и татар и Москву: доказывал хану необходимость предупредить Иоанна, замышляющего быть самовластителем независимым; подкупал вельмож ординских и легко склонил их на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали великому князю за его к ним презрение или скупость. Уже Москва не удовлетворяла их алчному корыстолюбию; уже послы наши не пресмыкались в улусах с мешками серебра и золота. Главный из вельмож ханских, именем Темир, всех ревностнее помогал Кирею; но целый год миновал в одних переговорах. Междоусобия татар не дозволяли Ахмату удалиться от берегов Волги, и в то время, когда посол литовский твердил ему о древнем величии ханов, знаменитая их столица, город Сарай, основанный Батыем, не мог защитить себя от набега смелых вятчан: приплыв Волгою и слыша, что хан кочует верстах в пятидесяти оттуда, они врасплох взяли сей город, захватили все товары, несколько пленников и с добычею ушли назад, сквозь множество татарских судов, которые хотели преградить им путь. Наконец Ахмат, взяв меры для безопасности улусов, отправил с Киреем собственного посла к Казимиру, обещал немедленно начать войну и чрез несколько месяцев действительно вступил в Россию с знатными силами, удержав при себе московского чиновника, который был послан к нему от государя с мирными предложениями.

Великий князь, узнав о том, отрядил боярина Феодора Давидовича с коломенскою дружиною к берегам Оки; за ним Даниила Холмского, князя Оболенского-Стригу

и братьев своих с иными полками; услышал о приближении хана к Алексину и сам немедленно выехал из столицы в Коломну, чтобы оттуда управлять движениями войска. При нем находился и сын Касимов, царевич Данияр, с своею дружиною: таким образом политика великих князей вооружала моголов против моголов. Но еще сильно действовал ужас ханского имени: несмотря на 180 000 воинов, которые стали между неприятелем и Москвою, заняв пространство стапятидесяти верст; несмотря на общую доверенность к мудрости и счастию государя, Москва страшилась, и мать великого князя с его сыном для безопасности уехала в Ростов.

Ахмат приступил к Алексину, где не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов; однако ж граждане побили множество неприятелей. На другой день татары сожгли город вместе с жителями; бегущих взяли в плен и бросились целыми полками в Оку, чтобы ударить на малочисленный отряд москвитян, которые стояли на другом берегу реки. Начальники сего отряда, Петр Федорович и Семен Беклемишев, долго имев перестрелку, хотели уже отступить, когда сын Михаила Верейского, князь Василий, прозванием Удалый, подоспел к ним с своею дружиною, а скоро и брат Иоаннов, Юрий. Москвитяне прогнали татар за Оку и стали рядами на левой стороне ее, готовые к битве решительной: новые полки непрестанно к ним подходили с трубным звуком, с распущенными знаменами. Хан Ахмат внимательно смотрел на них с другого берега, удивляясь многочисленности, стройности оных, блеску оружия и доспехов. «Ополчение наше (говорят летописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освещенному солнцем». Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побежали гонимые одним страхом: ибо никого из москвитян не было за Окою. Сие нечаянное бегство произошло, как сказывали, от жестокой заразительной болезни, которая открылась тогда в Ахматовом войске.— Великий князь послал воевод своих вслед за неприятелем; но татары в шесть дней достигли до своих *катунов,* или улусов, откуда прежде шли к Алексину шесть недель; россияне не могли или не хотели нагнать их, взяв несколько пленников и часть обоза неприятельского; а великий князь распустил войско, удостоверенный, что хан не скоро осмелится предприять новое впадение в Россию. Между

тем Казимир, союзник моголов, не сделал ни малейшего движения в их пользу: имея важную распрю с государем венгерским и занятый делами Богемии, сей слабодушный король предал Ахмата так же, как и новогородцев. Иоанн возвратился в Москву с торжеством победителя.

Скоро после того он и все москвитяне были огорчены преждевременною кончиною князя Юрия Васильевича. Меньшие братья его и сам великий князь находились в Ростове, у матери, тогда нездоровой. Митрополит Филипп не смел без повеления Иоаннова хоронить тела Юриева, которое, в противность обыкновению, четыре дня стояло в церкви Архангела Михаила. Великий князь приехал оросить слезами гроб достойного брата, не только им, но и всеми искренно любимого за его добрые свойства и за ратное мужество, коим он славился.— Юрий скончался холостым на тридцать втором году жизни и в духовном завещании отказал свое имение матери, братьям, сестре, княгине рязанской, поручив им выкупить разные заложенные им вещи, серебряные, золотые, и даже сукна немецкие: ибо на нем осталось более семисот рублей долгу. О городах своих — Дмитрове, Можайске, Серпухове — он не упоминает в духовной. Иоанн, присоединив их к великому княжению, досадил завистливым братьям; но мать благоразумными увещаниями прекратила ссору, отдав Андрею Васильевичу местечко Романов: великий князь уступил Борису Вышегород, а меньшему Андрею Торусу, утвердив грамотами наследственные уделы за ними и за детьми их.

Глава II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА Г. 1472—1477

Брак Иоаннов с греческою царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, посла венецианского. Прение легата папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выезжие греки. Братья Софиины. Посольства в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения. Строение других церквей, палат и стен кремлевских. Льют пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею, с Литвою, с Крымом, с Большою Ордою, с Персиею. Посол венециянский Контарини в Москве.

В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России: ибо следствием оного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что государи и народы просвещенные захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия.

Последний император греческий, Константин Палеолог, имел двух братьев, Димитрия и Фому, которые, под именем деспотов господствуя в Пелопоннесе, или в Морее, ненавидели друг друга, воевали между собою и тем довершили торжество Магомета II: турки овладели Пелопоннесом. Димитрий искал милости в султане, отдал ему дочь в сераль и получил от него в удел город Эн во Фракии; но Фома, гнушаясь неверными, с женою, с детьми, с знатнейшими греками ушел из Корфу в Рим, где папа, Пий II, и кардиналы, уважая в нем остаток древнейших государей христианских и в благодарность за сокровище, им привезенное: за главу апостола Андрея (с того времени хранимую в церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотых ефимков ежемесячного жалованья. Фома умер в Риме. Сыновья его, Андрей и Мануил, жили благодеяниями нового папы, Павла II, не заслуживая оных своим поведением,

весьма легкомысленным и соблазнительным; но юная сестра их, девица, именем София, одаренная красотою и разумом, была предметом общего доброжелательства. Папа искал ей достойного жениха и, замышляя тогда воздвигнуть всех государей европейских на опасного для самой Италии Магомета II, хотел сим браком содействовать видам своей политики. К удивлению многих, Павел обратил взор на великого князя Иоанна, по совету, может быть, славного кардинала Виссариона: сей ученый грек издавна знал единоверную Москву и возрастающую силу ее государей, известных и Риму по делам их с Литвою, с Немецким орденом и в особенности по Флорентийскому Собору, где митрополит наш, Исидор, представлял столь важное лицо в церковных прениях. Отдаленность, благоприятствуя баснословию, рождала слухи о несметном богатстве и многочисленности россиян. Папа надеялся, во-первых, чрез царевну Софию, воспитанную в правилах Флорентийского Соединения, убедить Иоанна к принятию оных и тем подчинить себе нашу церковь; во-вторых, лестным для его честолюбия свойствóм с Палеологами возбудить в нем ревность к освобождению Греции от ига Магометова. Вследствие сего намерения кардинал Виссарион, в качестве нашего единоверца, отправил грека, именем Юрия, с письмом к великому князю (в 1469 году), предлагая ему руку Софии, знаменитой дочери деспота морейского, которая будто бы отказала двум женихам, королю французскому и герцогу медиоланскому, не желая быть супругою государя латинской Веры. Вместе с Юрием приехали в Москву два венециянина, Карл и Антон, брат и племянник Ивана Фрязина, денежника, или монетчика, который уже давно находился в службе великого князя, переселясь к нам, как вероятно, из Тавриды и приняв Веру греческую.

Сие важное посольство весьма обрадовало Иоанна; но, следуя правилам своего обыкновенного хладнокровного благоразумия, он требовал совета от матери, митрополита Филиппа, знатнейших бояр: все думали согласно с ним, что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила* некогда *все христианство* православное, неразделенное; что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новою Византиею и даст мо-

нархам нашим права императоров греческих.— Великий князь желал чрез собственного посла удостовериться в личных достоинствах Софии и велел для того Ивану Фрязину ехать в Рим, имея доверенность к сему венециянскому уроженцу, знакомому с обычаями Италии. Посол возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссариона; уверил Иоанна в красоте Софии и вручил ему живописный образ ее вместе с листами от папы для свободного проезда наших послов в Италию за невестою: о чем Павел особенно писал к королю польскому, именуя Иоанна любезнейшим сыном, государем *Московии,* Новагорода, Пскова и других земель.— Между тем сей папа умер, и слух пришел в Москву, что место его заступил Калист: великий князь в 1472 году, генваря 17, отправил того же Ивана Фрязина со многими людьми в Рим, чтобы привезти оттуда царевну Софию, и дал ему письмо к новому папе. Но дорогою узнали послы, что преемник Павлов называется Сикстом: они не хотели возвратиться для переписывания грамоты; вычистив в ней имя Калиста, написали Сикстово и в мае прибыли в Рим.

Папа, Виссарион и братья Софиины приняли их с отменными почестями. 22 мая, в торжественном собрании кардиналов, Сикст IV объявил им о посольстве и сватовстве Иоанна, великого князя *Белой России.* Некоторые из них сомневались в православии сего монарха и народа его; но папа ответствовал, что россияне участвовали в Флорентийском Соборе и приняли архиепископа или митрополита от латинской церкви; что *они желают ныне иметь у себя легата римского, который мог бы исследовать на месте обряды Веры их и заблуждающимся указать путь истинный;* что ласкою, кротостию, снисхождением надобно обращать сынов ослепленных к нежной матери, т. е. к Церкви; что Закон не противится бракосочетанию царевны Софии с Иоанном.

25 мая послы Иоанновы были введены в тайный Совет папский, вручили Сиксту великокняжескую, писанную на русском языке грамоту с золотою печатию и поднесли в дар шестьдесят соболей. В грамоте сказано было единственно так: «Сиксту, первосвятителю римскому, Иоанн, великий князь Белой Руси, кланяется и просит верить его послам». Именем государя они приветствовали папу, который в ответе своем хвалил Иоанна за то,

что он, как добрый христианин, *не отвергает Собора Флорентийского* и не принимает митрополитов от патриархов константинопольских, избираемых турками; что хочет совокупиться браком с христианкою, воспитанною в столице апостольской, и что *изъявляет приверженность к главе церкви*. В заключение святой отец благодарил великого князя за дары.— Тут находились послы неаполитанские, венециянские, медиоланские, флорентийские и феррарские. Июня 1 София в церкви Св. Петра была обручена государю Московскому, коего лицо представлял главный из его поверенных, Иван Фрязин.

Июня 12 собралися кардиналы для дальнейших переговоров с российскими послами, *которые уверяли папу о ревности их монарха к благословенному соединению церквей*. Сикст IV, так же как и Павел II, имея надежду изгнать Магомета из Царяграда, хотел, чтобы государь Московский склонил хана Золотой Орды воевать Турцию. Послы Иоанновы ответствовали, что России легко воздвигнуть татар на султана; что они своим несметным числом могут еще подавить Европу и Азию; что для сего нужно только послать в Орду тысяч десять золотых ефимков и богатые, особенные дары хану, коему удобно сделать впадение в султанские области чрез Паннонию; но что король венгерский едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрез свою державу; что сии вероломные наемники, в случае неисправного платежа, бывают злейшими врагами того, кто их нанял; что победа татар оказалась бы равно бедственною и для турков и для христиан. Одним словом, послы московские старались доказать, что неблагоразумно искать помощи в Орде, и папа удовольствовался надеждою на собственные силы Иоанна, единоверца греков и естественного неприятеля их утеснителей.

Так говорят церковные летописи римские о посольстве московском. Действительно ли великий князь манил папу обещаниями принять устав Флорентийского Собора или Иван Фрязин клеветал на государя, употребляя во зло его доверенность? Или католики, обманывая самих себя, не то слышали и писали, что говорил посол наш? Сие остается неясным.— Папа дал Софии богатое вено и послал с нею в Россию легата, именем Антония, провождаемого многими римлянами; а царевичи

Андрей и Мануил отправили послом к Иоанну грека Димитрия. Невеста имела свой особенный двор, чиновников и служителей: к ним присоединились и другие греки, которые надеялись обрести в единоверной Москве второе для себя отечество. Папа взял нужные меры для безопасности Софии на пути и велел, чтобы во всех городах встречали царевну с надлежащею честию, давали ей съестные припасы, лошадей, проводников, в Италии и в Германии, до самых областей московских. 24 июня она выехала из Рима, сентября 1 прибыла в Любек, откуда 10 числа отправилась на лучшем корабле в Ревель; 21 сентября вышла там на берег и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивение ордена. Гонец Ивана Фрязина спешил из Ревеля через Псков и Новгород в Москву с известием, что София благополучно переехала море. Посол московский встретил ее в Дерпте, приветствуя именем государя и России.

Между тем вся область Псковская была в движении: правители готовили дары, запас, мед и вина для царевны; рассылали всюду гонцов; украшали суда, лодки и 11 октября выехали на Чудское озеро, к устью Эмбаха, встретить Софию, которая со всеми ее многочисленными спутниками тихо подъезжала к берегу. Посадники, бояре, вышедши из судов и налив вином кубки, ударили челом своей будущей великой княгине. Достигнув наконец земли Русской, где провидение судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердные приветствия россиян, она не хотела медлить ни часу на берегу ливонском: степенный посадник принял ее и всех бывших с нею на суда. Два дня плыли озером; ночевали у Св. Николая в Устьях и 13 октября остановились в монастыре Богоматери: там игумен с братиею отпел за Софию молебен; она оделась в *царские ризы* и, встреченная псковским духовенством у ворот, пошла в Соборную церковь, где народ с любопытством смотрел на папского легата, Антония, на его червленную одежду, высокую епископскую шапку, перчатки и на серебряное литое распятие, которое несли перед ним. К соблазну наших христиан правоверных, сей легат, вступив в церковь, не поклонился Святым иконам; но София велела ему приложиться к образу Богоматери, заметив общее негодование. Тем более народ пленился царевною, которая с живейшим усердием молилась Богу, наблюдая все об-

ряды греческого Закона. Из церкви повели ее в великокняжеский дворец. По тогдашнему обыкновению гостеприимство изъявлялось дарами: бояре и купцы поднесли Софии пятьдесят рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная к усердию псковитян, она, чрез пять дней выезжая оттуда, сказала им с ласкою: «Спешу к моему и вашему государю; благодарю чиновников, бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае ходатайствовать в Москве по делам вашим».— В Новегороде была ей такая же встреча от архиепископа, посадников, тысячских, бояр и купцов; но царевна спешила в Москву, где Иоанн ожидал ее с нетерпением.

Уже София находилась в пятнадцати верстах от столицы, когда великий князь призвал бояр на совет, чтобы решить свое недоумение. Легат папский, желая иметь более важности в глазах россиян, во всю дорогу ехал с латинским *крыжем:* то есть пред ним в особенных санях везли серебряное распятие, о коем мы выше упоминали. Великий князь не хотел оскорбить легата, но опасался, чтобы москвитяне, увидев сей торжественный обряд иноверия, не соблазнились, и желал знать мнение бояр. Некоторые думали, согласно с нашим послом, Иваном Фрязином, что не должно запрещать того из уважения к папе; другие, что доселе в земле Русской не оказывалось почестей латинской Вере; что пример и гибель Исидора еще в свежей памяти. Иоанн отнесся к митрополиту Филиппу, и сей старец с жаром ответствовал: «Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить Веру чуждую есть унижать собственную». Великий князь немедленно послал боярина, Феодора Давидовича, взять крест у легата и спрятать в сани. Легат повиновался, хотя и с неудовольствием: тем более спорил Иван Фрязин, осуждая митрополита. «В Италии (говорил он) честили послов великокняжеских: следственно, в Москве надо честить папского». Сей Фрязин, будучи в Риме, таил перемену Веры своей, сказывался католиком и, в самом деле приняв греческий Закон в России только для мирских выгод, внутренно исповедывал латинский, считая нас суеверами. Но боярин Феодор Давидович исполнил повеление государя.

Царевна въехала в Москву 12 ноября, рано поутру, при стечении любопытного народа. Митрополит встретил ее в церкви: приняв его благословение, она пошла к матери Иоанновой, где увиделась с женихом. Тут совершилось обручение: после чего слушали Обедню в деревянной Соборной церкви Успения (ибо старая каменная была разрушена, а новая не достроена). Митрополит служил со всем знатнейшим духовенством и великолепием греческих обрядов; наконец обвенчал Иоанна с Софиею, в присутствии его матери, сына, братьев, множества князей и бояр, легата Антония, греков и римлян. На другой день легат и посол Софииных братьев, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

В то время, когда двор и народ в Москве праздновали свадьбу государя, главный пособник сего счастливого брака, Иван Фрязин, вместо чаемой награды заслужил оковы. Возвращаясь в первый раз из Рима чрез Венецию и называясь великим боярином московским, он был обласкан дожем, Николаем Троно, который, узнав от него о тесных связях россиян с моголами Золотой Орды, вздумал отправить туда посла чрез Москву, чтобы склонить хана к нападению на Турцию. Сей посол, именем Иван Батист Тревизан, действительно приехал в нашу столицу с грамотою от дожа к великому князю и с просьбою, чтобы он велел проводить его к хану Ахмату; но Иван Фрязин уговорил Тревизана не отдавать государю ни письма, ни обыкновенных даров; обещал и без того доставить ему все нужное для путешествия в Орду и, пришедши с ним к великому князю, назвал сего посла купцом венецианским, своим племянником. Ложь их открылась прибытием Софии: легат папский и другие из ее спутников, зная лично Тревизана — зная также, с чем он послан в Москву,— сказали о том государю. Иоанн, взыскательный, строгий до суровости, в гневе своем за дерзкий обман велел Фрязина оковать цепями, сослать в Коломну, дом разорить, жену и детей взять под стражу, а Тревизана казнить смертию. Едва легат папский и греки могли спасти жизнь сего последнего усердным за него ходатайством, умолив государя, чтобы он прежде обослался с сенатом и дожем венецианским.

Ласкаемый в Москве, посол римский, согласно с данным ему от папы наставлением, домогался, чтобы Рос-

сия приняла устав Флорентийского Собора. Может быть, Иоанн, во время сватовства искав благосклонности папы, давал сию надежду словами двусмыленными; но будучи уже супругом Софии, не хотел о том слышать. Летописец говорит, что легат Антоний имел прения с нашим митрополитом Филиппом, но без малейшего успеха; что митрополит, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты, московского книжника, ясно доказал истину греческого исповедания, и что Антоний, не находя сильных возражений, сам прекратил спор, сказав: «нет книг со мною».— Пробыв одиннадцать недель в Москве, легат и посол Софииных братьев отправились назад в Италию с богатыми дарами для папы и царевичей от великого князя, сына его и Софии, которая, по известию немецких историков, обещав Сиксту IV наблюдать внушенные ей правила западной церкви, обманула его и сделалась в Москве ревностною христианкою Веры греческой.

Главным действием сего брака (как мы уже заметили) было то, что Россия стала известнее в Европе, которая чтила в Софии племя древних императоров византийских и, так сказать, провождала ее глазами до пределов нашего отечества; начались государственные сношения, пересылки; увидели москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях, но угадывали и могущество. Сверх того многие греки, приехавшие к нам с царевною, сделались полезны в России своими знаниями в художествах и в языках, особенно в латинском, необходимом тогда для внешних дел государственных; обогатили спасенными от турецкого варварства книгами московские церковные библиотеки и способствовали велелепию нашего двора сообщением ему пышных обрядов византийского, так что с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву. Следственно, падение Греции, содействовав возрождению наук в Италии, имело счастливое влияние и на Россию.— Некоторые знатные греки выехали к нам после из самого Константинополя: например, в 1485 году Иоанн Палеолог Рало, с женою и с детьми, а в 1495 *боярин* Феодор Ласкир с сыном Димитрием. София звала к себе и братьев; но Мануил предпочел двор Магомета II, уехал в Царьград и там, осыпанный благодеяниями султана, провел остаток

жизни в изобилии: Андрей же, совокупившись браком с одною распутною гречанкою, два раза (в 1480 и 1490 году) приезжал в Москву и выдал дочь свою, Марию, за князя Василия Михайловича Верейского; однако ж возвратился в Рим (где лежат кости его подле отцовских в храме Св. Петра). Кажется, что он был не доволен великим князем: ибо в духовном завещании отказал свои права на Восточную империю не ему, а иноверным государям Кастиллии, Фердинанду и Елисавете, хотя Иоанн, по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона, с надписью: *«Великий Князь, Божиею милостию Господарь всея Руси»*.

Вслед за легатом римским великий князь послал в Венецию Антона Фрязина с жалобою на Тревизана, велев сказать дожу: «Кто шлет посла чрез мою землю тайно, обманом, не испросив дозволения, тот нарушает уставы чести». Дож и сенат, услышав, что бедный Тревизан сидит в Москве под стражею окованный цепями, прибегнули к ласковым убеждениям, прося, чтобы великий князь освободил его для общего блага христиан и отправил к хану, снабдив всем нужным для сего путешествия, из дружбы к республике, которая с благодарностию заплатит сей долг. Иоанн умилостивился, освободил Тревизана, дал ему семьдесят рублей и, вместе с ним послав в Орду дьяка своего возбуждать хана против Магомета II, уведомил о том венецианского дожа. Сие новое посольство в Италию особенно любопытно тем, что главою оного был уже не иноземец, но россиянин, именем Семен Толбузин, который взял с собою Антона Фрязина в качестве переводчика и сверх государственного дела имел поручение вывезти оттуда искусного зодчего.

Здесь в первый раз видим Иоанна пекущегося о введении художеств в Россию: ознаменованный величием духа, истинно царским, он хотел не только ее свободы, могущества, внутреннего благоустройства, но и внешнего велелепия, которое сильно действует на воображение людей и принадлежит к успехам их гражданского состояния. Владимир Святой и Ярослав Великий украсили древний Киев памятниками византийских искусств: Андрей Боголюбский призывал оные и на берега Клязьмы, где владимирская церковь Богоматери еще

служила предметом удивления для северных россиян; но Москва, возникшая в веки слез и бедствий, не могла еще похвалиться ни одним истинно величественным зданием. Соборный храм Успения, основанный Св. митрополитом Петром, уже несколько лет грозил падением, и митрополит Филипп желал воздвигнуть новый по образцу владимирского. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном, в присутствии всего двора; перенесли в оную из старой гробы князя Георгия Данииловича и всех митрополитов (сам государь, сын его, братья, знатнейшие люди несли мощи Св. чудотворца Петра, особенного покровителя Москвы). Сей храм еще не был достроен, когда Филипп митрополит, скоро после Иоаннова бракосочетания преставился, испуганный пожаром, который обратил в пепел его кремлевский дом; обливаясь слезами над гробом Св. Петра и с любовию утешаемый великим князем, Филипп почувствовал слабость в руке от паралича; велел отвезти себя в монастырь Богоявленский и жил только один день, до последней минуты говорив Иоанну о совершении новой церкви. Преемник его, Геронтий (бывший коломенский епископ, избранный в митрополиты Собором наших святителей) также ревностно пекся об ее строении; но едва складенная до сводов, она с ужасным треском упала, к великому огорчению государя и народа. Видя необходимость иметь лучших художников, чтобы воздвигнуть храм, достойный быть первым в Российской державе, Иоанн послал во Псков за тамошними каменщиками, учениками немцев, и велел Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать в Италии архитектора опытного для сооружения Успенской кафедральной церкви. Вероятно даже, что сие дело было главною виною его посольства. Уже Италия, пробужденная зарею наук, умела ценить памятники древней римской изящной архитектуры, презирая готическую, столь несоразмерную, неправильную, тяжелую, и арабскую, расточительную в мелочных украшениях. Образовался новый, лучший вкус в зданиях, хотя еще и несовершенный, но италиянские архитекторы уже могли назваться превосходнейшими в Европе.

Принятый в Венеции благосклонно от нового дожа, Марчелла, и взяв с республики семьсот рублей за все, чем снабдили Тревизана, в Москве из казны великокня-

жеской, Толбузин нашел там зодчего, болонского уроженца, именем Фиоравенти Аристотеля, которого Магомет II звал тогда в Царьград для строения султанских палат, но который захотел лучше ехать в Россию, с условием, чтобы ему давали ежемесячно по десяти рублей жалованья, или около двух фунтов серебра. Он уже славился своим искусством, построив в Венеции большую церковь и ворота, отменно красивые, так что правительство с трудом отпустило его, в угождение государю московскому. Прибыв в столицу нашу, сей художник осмотрел развалины новой Кремлевской церкви: хвалил гладкость работы, но сказал, что известь наша не имеет достаточной вязкости, а камень не тверд, и что лучше делать своды из плит. Он ездил в Владимир, видел там древнюю Соборную церковь и дивился в ней произведению великого искусства; дал меру кирпича; указал, как надобно обжигать его, как растворять известь; нашел лучшую глину за Андроньевым монастырем; махиною, неизвестною тогдашним москвитянам и называемою *бараном*, разрушил до основания стены Кремлевской церкви, которые уцелели в ее падении; выкопал новые рвы и наконец заложил великолепный храм Успения, доныне стоящий пред нами как знаменитый памятник греко-италиянской архитектуры XV века, чудесный для современников, достойный хвалы и самых новейших знатоков искусства своим твердым основанием, расположением, соразмерностию, величием. Построенная в четыре года, сия церковь была освящена в 1479 году, августа 12, митрополитом Геронтием с епископами.

Чтобы представить читателям в одном месте все сделанное Иоанном для украшения столицы, опишем здесь и другие здания его времени. Довольный столь счастливым опытом Аристотелева искусства, он разными посольствами старался призывать к себе художников из Италии: создал новую церковь Благовещения на своем дворе, а за нею — на площади, где стоял терем — огромную палату, основанную Марком Фрязином в 1487 году и совершенную им в 1491 с помощию другого италиянского архитектора, Петра Антония. Она долженствовала быть местом торжественных собраний двора, особенно в случае посольств иноземных, когда государь хотел являться в величии и блеске, следуя обычаю монархов византийских. Сия палата есть так называемая *Грано-*

витая, которая в течение трехсот двадцати лет сохранила всю целость и красоту свою: там видим и ныне трон венценосцев российских, с коего они в первые дни их царствования изливают милости на вельмож и народ.— Дотоле великие князья обитали в деревянных зданиях: Иоанн (в 1492 году) велел разобрать ветхий дворец и поставить новый на Ярославском месте, за церковию Архангела Михаила; но недолго жил в оном: сильный пожар (в 1493 году) обратил весь город в пепел, от Св. Николая на Песках до поля за Москвою-рекою и за Сретенскою улицею: Арбат, Неглинную, Кремль, где сгорели дворы великого князя и митрополитов со всеми житницами на Подоле, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот (под коею хранилась казна великой княгини Софии), и вообще не осталось ни одного целого здания, кроме новой палаты и соборов (в Успенском обгорел алтарь, крытый немецким железом). Государь переехал в какой-то большой дом на Яузу, к церкви Св. Николая Подкопаева, и решился соорудить дворец каменный, заложенный в мае 1499 года медиоланским архитектором, Алевизом, на старом месте, у Благовещения; глубокие погребы и ледники служили основанием сего великолепного здания, совершенного через девять лет и ныне именуемого *дворцом теремным.* Между тем Иоанн жил на своем Кремлевском дворе в деревянных хоромах, а иногда на Воронцовом поле. Угождая государю, знатные люди также начали строить себе каменные домы: в летописях упоминается о палатах митрополита, Василия Федоровича Образца, и головы московского, Дмитрия Владимировича Ховрина.

Величественные кремлевские стены и башни равномерно воздвигнуты Иоанном: ибо древнейшие, сделанные в княжение Димитрия Донского, разрушились, и столица наша уже не имела каменной ограды. Антон Фрязин в 1485 году, июля 19, заложил на Москве-реке стрельницу, а в 1488 другую, Свибловскую, с тайниками, или подземельным ходом; италиянец Марко построил Беклемишевскую; Петр Антоний Фрязин две, над Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третию Фроловскую; башня над речкою Неглинною совершена в 1492 году неизвестным архитектором. Окружили всю крепость высокою, твердою, широкою стеною, и великий князь приказал сломать вокруг не только все дворы, но и

церкви, уставив, чтобы между ею и городским строением было не менее ста девяти сажeней. Таким образом Иоанн украсил, укрепил Москву, оставив Кремль долговечным памятником своего царствования, едва ли не превосходнейшим в сравнении со всеми иными европейскими зданиями пятого-надесять века.— Последним делом италиянского зодчества при сем государе было основание нового Архангельского собора, куда перенесли гробы древних князей московских из ветхой церкви Св. Михаила, построенной Иоанном Калитою и тогда разобранной.— Кроме зодчих, великий князь выписывал из Италии мастеров пушечных и серебреников. Фрязин, Павел Дебосис, в 1488 году слил в Москве огромную Царь-пушку. В 1494 году выехал к нам из Медиолана другой художник огнестрельного дела, именем Петр. Италиянские серебреники начали искусно чеканить русскую монету, вырезывая на оной свое имя: так, на многих деньгах Иоанна Васильевича видим надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый архитектор славился и монетным художеством (сверх того лил пушки и колокола).— Одним словом, Иоанн, чувствуя превосходство других европейцев в гражданских искусствах, ревностно желал заимствовать от них все полезное, кроме обычаев, усердно держась русских; оставлял Вере и духовенству образовать ум и нравственность людей; не думал в философическом смысле просвещать народа, но хотел доставить ему плоды наук, нужнейшие для величия России.— Теперь обратимся к государственным происшествиям.

Запад России, немцы и литва были предметом Иоаннова внимания. Князь Феодор Юрьевич Шуйский, несколько лет властвовав во Пскове как государев наместник и сведав, что тамошние граждане, не любя его, послали к великому князю требовать себе иного правителя, уехал в Москву. Псковитяне желали вторично иметь своим князем Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата князя Ярослава: государь дал им последнего, сказав, что первые нужны ему самому для ратного дела. В то же время псковитяне известили Иоанна о неприятельском расположении Ливонского ордена. Еще не минул срок перемирия, заключенного ими с магистром в 1463 году на девять лет, когда немцы, подведенные русскими лазутчиками, сожгли несколько деревень на берегах Синего озера: псковитяне, казнив своих изменников, удо-

вольствовались жалобами на вероломство ордена. В 1471 году магистр прислал брата своего сказать им, что он намерен переселиться из Риги в Феллин и желает соблюсти дружбу с ними, требуя, чтобы они не вступались в землю и воды за Красным городком. Псковитяне ответствовали, что магистр волен жить, где ему угодно; что мир с их стороны не будет нарушен, но что упомянутые места издревле суть достояние великих князей. Условились решить спор на общем съезде и назначили время. Уже Иоанн, замышляя быть истинным государем всей России, не считал дел псковских или новогородских как бы чуждыми для Москвы: он послал своего боярина выслушать требования ордена; но переговоры, бывшие в Нарве и в Новегороде, не имели успеха: немецкие послы уехали назад с досадою, и великий князь, исполняя желание псковитян, отправил к ним войско, составленное из городских полков и детей боярских, коими предводительствовал славный муж, князь Даниил Холмский, имея под своим начальством более двадцати князей. Чиновники псковские, встретив сию знатную рать с хлебом и с медом, удивились ее многочисленности, так, что она едва могла поместиться в городе, за рекою Великою. Холмский нетерпеливо желал вступить в Ливонию: к несчастию, сделалась оттепель в декабре месяце; реки вскрылись; не было ни зимнего, ни летнего пути; воины скучали праздностию, а граждане убытком, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. С москвитянами пришло несколько сот татар: сии наемники силою отнимали у жителей скот и разные запасы, пока Холмский строгостию не унял их, определив, что город обязан ежедневно давать на содержание полков.

Но сей убыток был вознагражден счастливыми следствиями. Слух о прибытии московской рати столь испугал магистра и епископа дерптского, что они немедленно прислали своих чиновников для возобновления мира: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лет, с условием, чтобы немцам не вступаться в земли псковитян, давать везде свободный путь их купцам и не пропускать в Россию из Ливонии ни меда, ни пива. В сем договоре участвовали и новогородцы, коих войско также готовилось действовать против ордена вместе с великокняжеским. Так Иоанн вводил единство в систему внешней политики российской, к крайнему беспокойству на-

ших западных соседей, видевших, что Новгород, Псков и Москва делаются одною державою, управляемою государем благоразумным, миролюбивым, но решительным в намерениях и сильным в исполнении. Получив известие, что магистр и правительство дерптское клятвою утвердили мирные условия, князь Холмский возвратился в Москву с честию и с даром двухсот рублей от признательных псковитян, которые особенною грамотою, отправленною с гонцом, изъявили благодарность Иоанну за его милостивое вспоможение.

Но великий князь не был доволен ни ими, ни Холмским: ими за то, что они дерзнули, вместо знатных людей, прислать к нему гонца; а князь Холмский заслужил гнев Иоаннов какою-то виною, вероятно, не умышленною: ибо сей государь, строгий по нраву и правилам, скоро простил ему оную, взяв с него *клятвенную грамоту* следующего содержания: «Я, князь Данило Дмитриевич Холмский, бил челом государю за мою вину посредством господина Геронтия митрополита и епископов: во уважение чего он простил меня, слугу своего; а мне, князю Данилу, быть ему верным до конца жизни и не искать службы в иных землях. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божией и благословения пастырского в сей век и в будущий: государь же и дети его вольны казнить меня», и проч. Сверх того вельможи дали восемь *поручных грамот* за Холмского, обязываясь, в случае его измены, внести в казну две тысячи рублей. Иоанн же, в знак искреннего прощения, пожаловал князя Даниила боярином.

Псковитяне, услышав о гневе государя, немедленно отправили к нему князя Ярослава Васильевича с тремя посадниками и многими боярами: Иоанн не пустил их к себе на глаза, даже в город, так что они, простояв пять дней в шатрах на поле, должны были ехать обратно; наконец, смягченный их скорбию и новым торжественным посольством, сей хитрый государь принял от них в дар сто пятьдесят рублей и милостиво объявил, что будет править своею псковскою отчиною согласно с древними грамотами великих князей: то есть он хотел, наблюдая во всем достоинство монарха, приучить и вельмож и граждан к благоговению пред его священным саном и, грозя внешним неприятелям, умножал внутреннюю силу России строгим действием самодержавной власти.

Доселе Иоанн не имел никаких известных дел, ни сношений с Литвою, сильным ударом меча исхитив из ее рук Новгород и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россию. Одни псковитяне пересылались с сим королем, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владениями. С обеих сторон честили и дарили послов, съезжались сановники на рубеже и не могли согласиться в прениях. Сам Казимир был в Полоцке, обещался собственными глазами осмотреть все спорные места, но не сдержал слова. Лаская псковитян, он давал им чувствовать, что признает их народом вольным, независимым от Москвы и готов всегда жить в дружбе с ними. Осенью в 1473 году открылись неприятельские действия между москвитянами и литвою. Первые, ограбив город Любутск, ушли назад с добычею и с пленниками; а любчане напали на князя Симеона Одоевского, российского подданного, убили его в сражении, но не могли ничего завоевать в наших пределах. Вероятно, что сей случай заставил Казимира отправить в Москву посла, именем Богдана, или с жалобами, или с дружественными предложениями, на которые Иоанн ответствовал ему чрез своего посла, Василия Китая: следствием было то, что сии государи остались только внутренне неприятелями, не объявляя войны друг другу.

Хитрая политика Иоаннова еще яснее видна в делах ординских сего времени. Царь казанский жил тогда спокойно и не тревожил России, однако ж был опасным для нас соседом: чтобы иметь в руках своих орудие против Казани, великий князь подговорил одного из ее царевичей, Муртозу, сына Мустафы, к себе в службу и дал ему Новгородок Рязанский с волостями.

Хан таврический, или крымский, знаменитый Ази-Гирей, умер около 1467 года, оставив шесть сыновей: Нордоулата, Айдара, Усмемаря, Менгли-Гирея, Ямгурчея и Милкомана, из коих старший, Нордоулат, заступил место отца, но, сверженный братом, Менгли-Гиреем, искал убежища в Польше. Сие обстоятельство и союз Казимиров с неприятелем Таврической Орды, ханом волжским, Ахматом, возбудив в Менгли-Гирее недоверие к королю польскому, дали мысль прозорливому Иоанну искать дружбы нового царя крымского, посредством одного богатого жида, именем Хози Кокоса, живше-

го в Кафе, где купцы наши часто бывали для торговли с генуэзцами. Зная по слуху новое могущество России и личные достоинства государя ее, Менгли-Гирей столь обрадовался предложению Иоаннову, что немедленно написал к нему ласковую грамоту, привезенную в Москву Исупом, шурином Хози Кокоса. Так началася дружелюбная связь между сими двумя государями, непрерывная до конца их жизни, выгодная для обоих и еще полезнейшая для нас: ибо она, ускорив гибель Большой, или Золотой, Орды и развлекая силы Польши, явно способствовала величию России.

Иоанн послал в Крым толмача своего Иванчу, желая заключить с ханом торжественный союз; а Менгли-Гирей в 1473 году прислал в Москву чиновника Ази-Бабу, который именем его клятвенно утвердил предварительный мирный договор между Крымом и Россиею, состоящий в том, что царю Менгли-Гирею, *уланам* и князьям его быть с Иоанном в братской дружбе и любви, против недругов стоять заодно, не воевать государства Московского, разбойников же и хищников казнить, пленных выдавать без окупа, все насилием отнятое возвращать сполна и с обеих сторон ездить послам свободно без платежа купеческих пошлин.— Вместе с Ази-Бабою отправился в Крым послом боярин Никита Беклемишев, коему, сверх упомянутого мирного договора, даны были еще прибавления: первое в таких словах: «Ты, великий князь, обязан слать ко мне, царю, *поминки*, или дары ежегодные». Государь велел Беклемишеву согласиться на сие единственно в случае неотступного ханского требования. Во втором прибавлении Иоанн обещался действовать с Менгли-Гиреем совокупно против хана Золотой Орды, Ахмата, если он (Менгли-Гирей) сам будет помогать России против короля польского.— Никита Беклемишев должен был увериться в приязни ближних князей царевых, одарить их соболями, заехать в Кафу, изъявить благодарность Хозе Кокосу за оказанную им услугу в сношениях с крымским царем и требовать от тамошнего консула, чтобы генуэзцы выдали российским купцам отнятые у них товары на две тысячи рублей и впредь не делали подобного насилия, вредного для успехов взаимной торговли.

Беклемишев возвратился [15 ноября 1474 г.] в Москву с крымским послом, Довлетеком мурзою, и с клятвен-

ною ханскою грамотою, на коей Иоанн в присутствии сего мурзы целовал крест в уверение, что будет точно исполнять все условия союза.— Довлетек жил в Москве четыре месяца и поехал назад в Тавриду с великокняжеским чиновником, Алексеем Ивановичем Старковым, коего наказ состоял в следующем: «*Сказать хану:* князь великий Иоанн *челом бьет*. Ты пожаловал меня себе братом и другом, чтобы нам иметь общих приятелей и врагов: благодарствую за твое жалованье.— Ты хочешь, чтобы я принял к себе Зенебека царевича: в минувшее лето он просился в мою службу; но я отказал ему, считая его твоим недругом: ныне послал за ним в Орду, чтобы сделать тебе угодное.— Мы взаимно обязались крепким словом любви по нашей Вере: не преступай клятвы; я исполню свою». Но в сем заключенном между Россиею и Крымом договоре не упоминалось именно ни об Ахмате, ни о Казимире: Иоанн не обязывался воевать с первым, ибо Менгли-Гирей не дал клятвы действовать вместе с Россиею против последнего. Старков долженствовал объявить хану, что одно не может быть без другого. Сверх того ему велено было жаловаться на кафинских генуэзцев, ограбивших какого-то российского посла и наших купцов: в случае неудовлетворения Иоанн грозил силою управиться с сими разбойниками.— Наконец посол московский имел приказание вручить дары манкупскому князю *Исайку* (из благодарности за дружелюбное принятие Никиты Беклемишева) и разведать чрез Хозю Кокоса, сколько тысяч золотых готовит сей владетель в приданое за своею дочерью, которую он предлагал в невесты сыну великого князя, Иоанну Иоанновичу. Известно, что Манкуп (ныне местечко в Тавриде, на высокой неприступной горе), был прежде знаменитою крепостию и назывался *городом готфским:* ибо там с третьего века обитали готфы тетракситы, христиане греческой веры, данники козаров, половцев, моголов, генуэзцев, но управляемые собственными властителями, из коих последний был сей Исайко, приятель Иоаннов по единоверию.

Старков не мог исполнить данных ему повелений: ибо все переменилось в Тавриде. Брат ханский Айдар, собрав многочисленную толпу преданных ему людей, изгнал неосторожного Менгли-Гирея, бежавшего в Кафу к генуэзцам. Скоро явился на Черном море сильный ту-

рецкий флот под начальством визиря Магометова, Ахмета паши; сей искусный вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый раз кровь русская пролилася от меча оттоманов: там находилось множество наших купцов; некоторые из них лишились жизни, другие имения и вольности. Генуэзцы ушли в Манкуп, как в неприступное место; но визирь осадил и сию крепость. Пишут, что ее начальник, выехав на охоту, был взят в плен турками и что осажденные, потеряв бодрость, искали спасения в бегстве, гонимые, убиваемые неприятелем. Истребив до основания державу генуэзскую в Тавриде, более двух веков существовавшую, и покорив весь Крым султану, Ахмет паша возвратился в Константинополь с великим богатством и с пленниками, в числе коих был и Менгли-Гирей с двумя братьями. Султан обласкал сего хана, назвал законным властителем Крыма и, велев изобразить его имя на монете, отправил господствовать над сим полуостровом в качестве своего присяжника.— Но Менгли-Гирей, еще не успев восстановить в Тавриде порядка, разрушенного турецким завоеванием, был вторично изгнан оттуда Ахматом, царем Золотой Орды, которого сын, предводительствуя сильным войском, овладел всеми городами крымскими.

Иоанн, огорченный новым бедствием Менгли-Гирея, в то же время сведал, что Ахмат, добровольно или принужденно, уступил Тавриду царевичу Зенебеку, который прежде искал службы в России. Зенебек, став ханом крымским, не ослепился своим временным счастием, предвидел опасности и прислал в Москву чиновника, именем Яфара Бердея, узнать, может ли он, в случае изгнания, найти у нас безопасное убежище. Великий князь ответствовал ему чрез гонца: «Еще не имея ни силы, ни власти и будучи единственно *козаком,* ты спрашивал у меня, найдешь ли отдохновение в земле моей, если конь твой утрудится в поле? Я обещал тебе безопасность и спокойствие. Ныне радуюсь твоему благополучию; но если обстоятельства переменятся, то считай мою землю верным для себя пристанищем». Сей гонец должен был изъясниться с Зенебеком наедине и предложить ему возобновление союза, заключенного между Россией и Менгли-Гиреем.

В сем сношении не было слова о царе Большой Орды, Ахмате, который, несмотря на свое неудачное покуше-

ние смирить Иоанна оружием, еще именовался нашим верховным властителем и требовал дани. Пишут, что великая княгиня София, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга к свержению ига, говоря ему ежедневно: «Долго ли быть мне рабынею ханскою?» В Кремле находился особенный для татар дом, где жили послы, чиновники и купцы их, наблюдая за всеми поступками великих князей, чтобы извещать о том хана: София не хотела терпеть столь опасных лазутчиков; послала дары жене Ахматовой и писала к ней, что она, имев какое-то видение, желает создать храм на Ординском подворье (где ныне церковь Николы Гостунского): просит его себе и дает вместо оного другое. Царица согласилась: дом разломали, и татары, выехав из него, остались без пристанища: их уже не впускали в Кремль. Пишут еще, что София убедила Иоанна не встречать послов ординских, которые обыкновенно привозили с собою *басму*, образ или *болван* хана, что древние князья московские всегда выходили пешие из города, кланялись им, подносили кубок с молоком кобыльим и, для слушания царских грамот подстилая мех соболий под ноги чтецу, преклоняли колена. На месте, где бывала сия встреча, создали в Иоанново время церковь, именуемую доныне Спасом *на Болвановке*. Однако ж, в надежде скоро видеть гибель Орды как необходимое следствие внутренних ее междоусобий, великий князь уклонялся от войны с Ахматом и манил его обещаниями; платил ему, кажется, и некоторую дань: ибо в грамотах, тогда писанных, все еще упоминается о *выходе Ординском*. В 1474 году был в улусах наш посол Никифор Басенков, а в Москве ханский, именем Карачук: с последним находилось 600 служителей и 3200 торговых людей, которые привели 40 000 азиатских лошадей для продажи в России. В 1475 году дьяк Иоаннов, Лазарев, возвратился из Большой Орды с известием, что хан отпустил венециянского посла, Тревизана, в Италию морем, не изъявив желания воевать с турками. Изгнав Менгли-Гирея из Крыма, Ахмат, ободренный сим успехом, велел гордо сказать Иоанну чрез мурзу, именем Бочюка, чтобы он вспомнил древнюю обязанность российских князей и немедленно сам ехал в Орду поклониться царю своему: великий князь дружелюбно угостил Бочюка, послал с ним в улусы Тимофея Бестужева, вероятно, и да-

ры, но не думал исполнять требования Ахматова.

В сие время мы имели сношение и с Персиею, где царствовал славный Узун-Гассан, князь племени туркоманского, овладевший всеми странами Азии от Инда и Окса до Евфрата. Слыша о знаменитых успехах его оружия, деятельная республика Венециянская отправила к нему посла, именем Контарини, с предложением действовать общими силами против Магомета II. Контарини ехал туда через Польшу, Киев, Кафу, Мингрелию, Грузию и встретил в Экбатане чиновника великокняжеского, Марка Руфа, италиянского или греческого уроженца, который имел переговоры с царем Узуном. Великий князь без сомнения искал дружбы персидского завоевателя, с намерением угрожать ею хану Большой Орды, Ахмату: сие тем вероятнее, что Узун-Гассан, семидесятилетний, но бодрый старец, вообще ненавидел моголов, зависев некогда от Тамерлановых слабых наследников и владея южными берегами Каспийского моря, был в соседстве с Ахматовыми улусами. Посол московский отправился назад в Россию вместе с персидским; в числе их спутников находился и Контарини: ибо — сведав, что Кафа завоевана турками — он уже не хотел прежним путем возвратиться в Италию и вверил судьбу свою Марку Руфу, который взял с собою его и монаха французского, Людовика, называвшегося патриархом антиохийским и послом герцога бургундского. Мы имеем описание их любопытного путешествия. Они ехали из Тифлиса через *Кирополь*, или Шамаху, *богатую шелком*, Дербент и Астрахань, где господствовали три брата, племянники Ахматовы. Город сей состоял из землянок, обнесенных худою стеною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостию оного, сказывая, что ароматы, привозимые некогда в Венецию, шли от них Волгою и Доном. Тамошние купцы доставляли в Москву шелковые ткани, покупая в России меха и седла. Имя великого князя было особенно уважаемо в Астрахани за его щедрость и приязнь к ее ханам, которые ежегодно отправляли к нему посольства. Марко Руф и Контарини с величайшею осторожностию ехали по степям донским и воронежским, боясь хищных татар; не видали ничего, кроме неба и земли; часто имели недостаток в воде; не находили ни верных дорог, ни мостов; сами делали плоты, где надлежало переправляться через реки, и вос-

хвалили милость Божию, когда достигли благополучно до Рязанской области, лесной, малонаселенной, но обильной хлебом, мясом, медом и совершенно безопасной для путешественников. Выехав из Астрахани 10 августа, они прибыли в Москву 26 сентября в 1476 году, видев только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный государю и три раза обедав за его столом вместе со многими боярами, Контарини хвалит величественную Иоаннову наружность, осанку, приветливость, умное любопытство. «Когда я,— пишет он,— говоря с ним, из почтения отступал назад, сей монарх всегда сам приближался ко мне, с отменным вниманием слушал мои слова; весьма строго осуждал поступок нашего единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но уверял меня в своем особенном дружестве к Венециянской республике; дозволил мне видеть и великую княгиню Софию, которая обошлась со мною весьма ласково, приказав, чтобы я кланялся от нее нашему дожу и сенату». Контарини жил в доме италиянского зодчего, Аристотеля, но ему велено было переехать в другой. Не имея денег для пути, он ждал их с нетерпением из Венеции. Между тем великий князь ездил осматривать границы юго-восточных областей своих, подверженных набегам степных татар: когда же возвратился, то немедленно приказал, из уважения к Венециянской республике, ссудить его из казны нужною суммою денег. Сверх того Контарини получил в дар тысячу червонцев и шубу. Перед отъездом обедая во дворце, он должен был выпить серебряную стопу крепкого меда и взять ее себе в знак особенной государевой благосклонности. Иоанн дозволил ему не пить, сказав, что иноземцы могут не следовать русским обычаям, и, прощаясь с ним (в генваре 1477 года) весьма милостиво, желал, чтобы республика Венециянская осталась навсегда другом Москвы. В то же время великий князь отпустил и монаха французского, Людовика, который, называя себя патриархом антиохийским, но исповедуя Веру латинскую, был задержан в Москве как обманщик: ходатайство Контариниево и Марка Руфа возвратило ему свободу.— Одним словом, Контарини, строго осуждая тогдашние нравы россиян, их нетрезвость, грубость, любовь к праздности, говорит о личных свойствах и разуме Иоанна с великою похвалою.

ГЛАВА III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА Г. 1475—1481

Совершенное покорение Новагорода. Обозрение истории его от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига ханского. Ссора великого князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание архиепископа Вассиана к великому князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшего, брата Иоаннова. Посольство в Крым.

Таким образом до Тибра, моря Адриатического, Черного и пределов Индии обнимая умом государственную систему держав, сей монарх готовил знаменитость внешней своей политики утверждением внутреннего состава России.— Ударил последний час новогородской вольности! Сие важное происшествие в нашей истории достойно описания подробного. Нет сомнения, что Иоанн воссел на престол с мыслию оправдать титул великих князей, которые со времен Симеона Гордого именовались *государями всея Руси*; желал ввести совершенное единовластие, истребить уделы, отнять у князей и граждан права, несогласные с оным, но только в удобное время, пристойным образом, без явного нарушения торжественных условий, без насилия дерзкого и опасного, верно и прочно: одним словом, с наблюдением всей свойственной ему осторожности. Новгород изменял России, пристав к Литве; войско его было рассеяно, гражданство в ужасе: великий князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний; что внутренние бунты и мятежи — развлекли бы силы государства Московского, нужные для внешней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стеснять вольность прежде уничтожения оной, дабы граждане, уступая право за правом, ознакомились с чувством своего бессилия, слишком дорого платили за остатки свободы и наконец,

утомляемые страхом будущих утеснений, склонились предпочесть ей мирное спокойствие неограниченной государевой власти. Иоанн простил новогородцев, обогатив казну свою их серебром, утвердив верховную власть княжескую в делах судных и в политике; но, так сказать, не спускал глаз с сей народной державы, старался умножать в ней число преданных ему людей, питал несогласие между боярами и народом, являлся в правосудии защитником невинности, делал много добра и обещал более. Если наместники его не удовлетворяли всем справедливым жалобам истцов, то он винил недостаток древних законов новогородских, хотел сам быть там, исследовать на месте причину главных неудовольствий народных, обуздать утеснителей, и (в 1475 году) действительно, призываемый младшими гражданами, отправился к берегам Волхова, поручив Москву сыну. Сие путешествие Иоанново — без войска, с одною избранною, благородною дружиною — имело вид мирного, но торжественного величия: государь объявил, что идет утвердить спокойствие Новагорода, коего знатнейшие сановники и граждане ежедневно выезжали к нему, от реки Цны до Ильменя, навстречу с приветствиями и с дарами, с жалобами и с оправданием: старые посадники, тысячские, люди житые, наместник и дворецкий великокняжеские, игумены, чиновники архиепископские. За 90 верст от города ожидали Иоанна владыка Феофил, князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, посадник и тысячский, степенные, архимандрит Юриева монастыря и другие первостепенные люди, коих дары состояли в бочках вина, белого и красного. Они имели честь обедать с государем. За ними явились старосты улиц новогородских; после бояре и все жители Городища, с вином, с яблоками, винными ягодами. Бесчисленные толпы народные встретили Иоанна перед Городищем, где он слушал литургию и ночевал; а на другой день угостил обедом владыку, князя Шуйского, посадников, бояр и 23 ноября [1475 г.] въехал в Новгород. Там, у врат Московских, архиепископ Феофил, исполняя государево повеление, со всем клиросом, с иконами, крестами и в богатом святительском облачении принял его, благословил и ввел в храм Софии, в коем Иоанн поклонился гробам древних князей: Владимира Ярославича, Мстислава

Храброго — и приветствуемый всем народом, изъявил ему за любовь благодарность; обедал у Феофила, веселился, говорил только слова милостивые и, взяв от хозяина в дар 3 постава ипрских сукон, сто корабельников (нобилей, или двойных червонцев), рыбий зуб и две бочки вина, возвратился в свой дворец на Городище.

За днем пиршества следовали дни суда. С утра до вечера дворец великокняжеский не затворялся для народа. Одни желали только видеть лицо сего монарха и в знак усердия поднести ему дары; другие искали правосудия. Падение держав народных обыкновенно предвещается наглыми злоупотреблениями силы, неисполнением законов: так было и в Новегороде. Правители не имели ни любви, ни доверенности граждан; пеклися только о собственных выгодах; торговали властию, теснили неприятелей личных, похлебствовали родным и друзьям; окружали себя толпами прислужников, чтобы их воплем заглушать на вече жалобы утесняемых. Целые улицы, чрез своих поверенных, требовали государевой защиты, обвиняя первейших сановников. «Они не судьи, а хищники»,— говорили челобитчики и доносили, что степенный посадник, Василий Ананьин, с товарищами приезжал разбоем в улицу Славкову и Никитину, отнял у жителей на тысячу рублей товара, многих убил до смерти. Другие жаловались на грабеж старост. Иоанн, еще следуя древнему обычаю новогородскому, дал знать вечу, чтобы оно приставило стражу к обвиняемым; велел им явиться на суд и, сам выслушав их оправдания, решил — в присутствии архиепископа, знатнейших чиновников, бояр — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будет им возмездием, а для других примером. Обратив в ту же минуту глаза на двух бояр новогородских, Ивана Афанасьева и сына его, Елевферия, он сказал гневно: «Изыдите! вы хотели предать отечество Литве». Воины Иоанновы оковали их цепями, также посадника Ананьина и бояр, Федора Исакова (Марфина сына), Ивана Лошинского и Богдана. Сие действие самовластия поразило новогородцев; но все, потупив взор, молчали.

На другой день владыка Феофил и многие посадни-

ки явились в великокняжеском дворце, с видом глубокой скорби моля Иоанна, чтобы он приказал отдать заключенных бояр на поруки, возвратив им свободу. «Нет,— ответствовал государь Феофилу: — тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду известно, что сии люди сделали много зла отечеству и ныне волнуют его своими кознями». [1476 г.] Он послал главных преступников окованных в Москву; но, из уважения к ходатайству архиепископа и веча, освободил некоторых, менее виновных, приказав взыскать с них денежную пеню: чем и заключился грозный суд великокняжеский. Снова начались пиры для государя и продолжались около шести недель. Все знатнейшие люди угощали его роскошными обедами: архиепископ трижды, другие по одному разу, и дарили деньгами, драгоценными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами и проч. Например, князь Василий Шуйский подарил три половинки сукна, три камки, тридцать корабельников, два кречета и сокола; владыка — двести корабельников, пять поставов сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и две меда; в другой же раз — триста корабельников, золотой ковш с жемчугом (весом в фунт), два рога, окованные серебром, серебряную мису (весом в шесть фунтов), пять сороков соболей и десять поставов сукна; Василий Казимер — золотой ковш (весом в фунт), сто корабельников и два кречета; Яков Короб — двести корабельников, два кречета, рыбий зуб и постав *рудожелтого* сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельников, десять поставов сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверх того степенный посадник, Фома, избранный на место сверженного Василия Ананьина, и тысячский Есипов поднесли великому князю от имени всего Новагорода тысячу рублей. В день Рождества Иоанн дал у себя обед архиепископу и первым чиновникам, которые пировали во дворце до глубокой ночи. Еще многие знатные чиновники готовили пиршества; но великий князь объявил, что ему время ехать в Москву, и только принял от них назначенные для него дары. Летописец говорит, что не осталось в городе ни одного зажиточного человека, который бы не поднес чего-нибудь Иоанну и сам не был одарен милостиво, или одеждою драгоценною, или камкою, или

серебряным кубком, соболями, конем и проч.— Никогда новогородцы не изъявляли такого усердия к великим князьям, хотя оно происходило не от любви, но от страха: Иоанн ласкал их, как государь может ласкать подданных, с видом милости и приветливого снисхождения.

Великий князь, пируя, занимался и делами государственными. Правитель Швеции, Стен Стур, прислал к нему своего племянника, Орбана, с предложением возобновить мир, нарушенный впадением россиян в Финляндию. Иоанн угостил Орбана, принял от него в дар статного жеребца и велел архиепископу именем Новагорода утвердить на несколько лет перемирие с Швециею по древнему обыкновению.— Послы псковские, вручив Иоанну дары, молили его, чтобы он не делал никаких перемен в древних уставах их отечества; а князь Ярослав, тамошний наместник, приехав сам в Новгород, жаловался, что посадники и граждане не дают ему всех законных доходов. Великий князь отправил туда бояр, Василия Китая и Морозова, сказать псковитянам, чтобы они в пять дней удовлетворили требованиям наместника, или будут иметь дело с государем раздраженным. Ярослав получил все желаемое.— Быв девять недель в Новегороде, Иоанн выехал оттуда со множеством серебра и золота, как сказано в летописи. Воинская дружина его стояла по монастырям вокруг города и плавала в изобилии; брала, что хотела: никто не смел жаловаться. Архиепископ Феофил и знатнейшие чиновники проводили государя до первого стана, где он с ними обедал, казался весел, доволен. Но судьба сей народной державы уже была решена в уме его.

Заточение шести бояр новогородских, сосланных в Муром и в Коломну, оставило горестное впечатление в их многочисленных друзьях: они жаловались на самовластие великокняжеское, противное древнему уставу, по коему новогородец мог быть наказываем только в своем отечестве. Народ молчал, изъявляя равнодушие; но знатнейшие граждане взяли их сторону и нарядили посольство к великому князю: сам архиепископ, три посадника и несколько житых людей приехали в Москву бить челом за своих несчастных бояр. Два раза владыка Феофил обедал во дворце, однако ж не мог

умолить Иоанна и с горестию уехал на Страстной неделе, не хотев праздновать Пасхи с государем и с митрополитом.

[1477 г.] Между тем решительный суд великокняжеский полюбился многим новогородцам так, что в следующий год некоторые из них отправились с жалобами в Москву; вслед за ними и ответчики, знатные и простые граждане, от посадников до земледельцев: вдовы, сироты, монахини. Других же позвал сам государь: никто не дерзнул ослушаться. «От времен Рюрика (говорят летописцы) не бывало подобного случая: ни в Киев, ни в Владимир не ездили судиться новогородцы: Иоанн умел довести их до сего уничижения». Еще он не сделал всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудие Иоанново пленяло сердца тех, которые искали правды и любили оную: утесненная слабость, оклеветанная невинность находили в нем защитника, спасителя, то есть истинного монарха, или судию, не причастного низким побуждениям личности: они желали видеть судную власть в одних руках его. Другие, или завидуя силе первостепенных сограждан, или ласкаемые Иоанном, внутренно благоприятствовали самодержавию. Сии многочисленные друзья великого князя, может быть, *сами собою*, а может быть, и по согласию с ним замыслили следующую хитрость. Двое из оных, чиновник Назарий и дьяк веча, Захария, в виде послов от архиепископа и всех соотечественников, явились пред Иоанном (в 1477 году) и торжественно наименовали его *государем* Новагорода, вместо *господина*, как прежде именовались великие князья в отношении к сей народной державе. Вследствие того Иоанн отправил к новогородцам боярина, Феодора Давидовича, спросить, что они разумеют под названием *государя*? хотят ли присягнуть ему как *полному властителю*, единственному законодателю и судии? соглашаются ли не иметь у себя тиунов, кроме княжеских, и отдать ему двор Ярославов, древнее место веча? Изумленные граждане ответствовали: «Мы не посылали с тем к великому князю; это ложь». Сделалось общее волнение. Они терпели оказанное Иоанном самовластие в делах судных как *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сия чрезвычайность будет уже *законом*; что древняя пословица: *Новгород судится своим судом*, утратит навсегда смысл

и что московские тиуны будут решать судьбу их. Древнее вече уже не могло ставить себя выше князя, но по крайней мере существовало именем и видом: двор Ярославов был святилищем народных прав: отдать его Иоанну значило торжественно и навеки отвергнуться оных. Сии мысли возмутили даже и самых мирных граждан, расположенных повиноваться великому князю, но в угодность собственному внутреннему чувству блага, не слепо, не под острием меча, готового казнить всякого по мановению самовластителя. Забвенные единомышленники Марфины воспрянули как бы от глубокого сна и говорили народу, что они лучше его предвидели будущее; что друзья или слуги московского князя суть изменники, коих торжество есть гроб отечества. Народ остервенился, искал предателей, требовал мести. Схватили одного знаменитого мужа, Василия Никифорова, и привели на вече, обвиняя его в том, что он был у великого князя и дал клятву служить ему против отечества. «Нет,— ответствовал Василий: — я клялся Иоанну единственно в верности, в доброжелательстве, но без измены моему истинному государю, Великому Новугороду; без измены вам, моим господам и братьям». Сего несчастного изрубили в куски топорами; умертвили еще посадника, Захарию Овина, который ездил судиться в Москву и сам доносил гражданам на Василия Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворе архиепископском; многих иных ограбили, посадили в темницу, называя их советниками Иоанновыми: другие разбежались. Между тем народ не сделал ни малейшего зла послу московскому и многочисленной дружине его: сановники честили их, держали около шести недель и наконец отпустили именем веча с такою грамотою к Иоанну: «Кланяемся тебе, *господину нашему*, великому князю; а *государем* не зовем. Суд твоим наместникам будет на Городище по старине; но твоего суда, ни твоих тиунов у нас не будет. *Дворища Ярославля* не даем. Хотим жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростыне тобою и нами (в 1471 году). Кто же предлагал тебе быть *государем* новогородским, тех сам знаешь и казни за обман; мы здесь также казним сих лживых предателей. А тебе, господин, челом бьем, чтобы ты держал нас в старине, по крестному целованию». Так писали они и еще сильнее говорили на

вече, не скрывая мысли снова поддаться Литве, буде великий князь не откажется от своих требований.

Но Иоанн не любил уступать и без сомнения предвидел отказ новогородцев, желая только иметь вид справедливости в сем раздоре. Получив их смелый ответ, он с печалию объявил митрополиту Геронтию, матери, боярам, что Новгород, произвольно дав ему имя государя, запирается в том, делает его лжецом пред глазами всей земли Русской, казнит людей, верных своему законному монарху, как злодеев, и грозится вторично изменить святейшим клятвам, православию, отечеству. Митрополит, двор и вся Москва думала согласно, что сии мятежники должны почувствовать всю тягость государева гнева. Началось молебствие в церквах; раздавали милостыню по монастырям и богадельням; отправили гонца в Новгород с *грамотою складною*, или с объявлением войны, и полки собралися под стенами Москвы. Медленный в замыслах важных, но скорый в исполнении, Иоанн или не действовал, или действовал решительно, всеми силами: не осталось ни одного местечка, которое не прислало бы ратников на службу великокняжескую. В числе их находились и жители областей Кашинской, Бежецкой, Новоторжской: ибо Иоанн присоединил к Москве часть сих тверских и новогородских земель.

Поручив столицу юному великому князю, сыну своему, он сам выступил с войском 9 октября, презирая трудности и неудобства осеннего похода в местах болотистых. Хотя новогородцы и взяли некоторые меры для обороны, но знали слабость свою и прислали требовать *опасных грамот* от великого князя для архиепископа Феофила и посадников, коим надлежало ехать к нему для мирных переговоров. Иоанн велел остановить сего посланного в Торжке, также и другого; обедал в Волоке у брата, Бориса Васильевича, и был встречен именитым тверским вельможею, князем Микулинским, с учтивым приглашением заехать в Тверь, отведать хлеба-соли у государя его, Михаила. Иоанн вместо угощения требовал полков, и Михаил не смел ослушаться, заготовив, сверх того, все нужные съестные припасы для войска московского. Сам великий князь шел с отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; царевич Данияр и Василий Образец по Замсте; Даниил

Холмский пред Иоанном с детьми боярскими, владимирцами, переславцами и костромитянами; за ним два боярина с дмитровцами и кашинцами; на правой стороне князь Симеон Ряполовский с суздальцами и юрьевцами; на левой — брат великого князя, Андрей Меньший, и Василий Сабуров с ростовцами, ярославцами, угличанами и бежичанами; с ними также воевода матери Иоанновой, Семен Пешек, с ее двором; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою — князья Александр Васильевич и Борис Михайлович Оболенские; первый с колужанами, алексинцами, серпуховцами, хотуничами, москвитянами, радонежцами, новоторжцами; второй с можайцами, волочанами, звенигородцами и ружанами; по дороге Яжелбицкой — боярин Феодор Давидович с детьми боярскими двора великокняжеского и коломенцами, также князь Иван Васильевич Оболенский со всеми его братьями и многими детьми боярскими. 4 ноября присоединились к войску Иоаннову полки тверские, предводимые князем Михайлом Феодоровичем Микулинским.

В Еглине, ноября 8, великий князь потребовал к себе задержанных новогородских *опасчиков* (то есть присланных за *опасными грамотами):* старосту Даниславской улицы, Федора Калитина, и гражданина житого, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челом, именуя его *государем.* Иоанн велел им дать пропуск для послов новогородских.— Между тем многие знатные новогородцы прибыли в московский стан и вступили в службу к великому князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь от злобы тамошнего народа, который гнал всех бояр, подозреваемых в тайных связях с Москвою.

Ноября 19, в Палине, Иоанн вновь устроил войско для начатия неприятельских действий: вверил передовой отряд брату своему, Андрею Меньшему, и трем храбрейшим воеводам: Холмскому с костромитянами, Феодору Давидовичу с коломенцами, князю Ивану Оболенскому-Стриге с владимирцами; *в правой руке* велел быть брату, Андрею Большему, с тверским воеводою, князем Микулинским, с Григорием Никитичем, с Иваном Житом, с дмитровцами и кашинцами; в *левой* брату, князю Борису Васильевичу, с князем Васильем Михайловичем Верейским и с воеводою мате-

ри своей, Семеном Пешком; а в собственном полку великокняжеском — знатнейшему боярину, Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василию Образцу с боровичами, Симеону Ряполовскому, князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову с их дружинами, также всем переславцам и муромцам. Передовой отряд должен был занять Бронницы.

Еще не довольный многочисленностию своей рати, государь ждал псковитян. Тамошний князь Ярослав, ненавидимый народом, но долго покровительствуемый Иоанном — был даже в явной войне с гражданами, не смевшими выгнать его, и пьяный имев с ними битву среди города — наконец по указу государеву выехал оттуда. Псковитяне желали себе в наместники князя Василья Васильевича Шуйского: Иоанн отправил его к ним из Торжка и велел, чтобы они немедленно вооружились против Новагорода. Обыкновенное их благоразумие не изменилось и в сем случае: псковитяне предложили новогородцам быть за них ходатаями у великого князя; но получили в ответ: «Или заключите с нами особенный тесный союз как люди вольные, или обойдемся без вашего ходатайства». Когда же псковитяне, исполняя Иоанново приказание, грамотою объявили им войну, новогородцы одумались и хотели, чтобы они вместе с ними послали чиновников к великому князю; но дьяк московский, Григорий Волнин, приехав во Псков от государя, нудил их немедленно сесть на коней и выступить в поле. Между тем сделался там пожар: граждане письменно известили Иоанна о своей беде, называли его *царем Русским* и давали ему разуметь, что не время воевать людям, которые льют слезы на пепле своих жилищ; одним словом, всячески уклонялись от похода, предвидя, что в падении Новагорода может не устоять и Псков. Отговорки были тщетны: Иоанн велел, и князь Шуйский, взяв осадные орудия — пушки, пищали, самострелы,— с семью посадниками вывел рать псковскую, которой надлежало стать на берегах Ильменя, при устье Шелони.

Ноября 23 великий князь находился в Сытине, когда донесли ему о прибытии архиепископа Феофила и знатнейших сановников новогородских. Они явились. Феофил сказал: «*Государь* князь великий! Я, богомолец твой, архимандриты, игумены и священники всех семи

соборов бьем тебе челом. Ты возложил гнев *на свою отчину*, на Великий Новгород; огнь и меч твой ходят по земле нашей; кровь христианская льется. Государь! смилуйся: молим тебя со слезами: дай нам мир и освободи бояр новогородских, заточенных в Москве!» А посадники и житые люди говорили так: «*Государь* князь великий! Степенный посадник Фома Андреев и старые посадники, степенный тысячский Василий Максимов и старые тысячские, бояре, житые, купцы, черные люди и весь Великий Новгород, твоя отчина, мужи вольные, бьют тебе челом и молят о мире и свободе наших бояр заключенных». Посадник Лука Федоров примолвил: «Государь! челобитье Великого Новагорода пред тобою: повели нам говорить с твоими боярами». Иоанн не ответствовал ни слова, но пригласил их обедать за столом своим.

На другой день послы новогородские были с дарами у брата Иоаннова, Андрея Меньшего, требуя его заступления. Иоанн приказал говорить с ними боярину, князю Ивану Юрьевичу. Посадник Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы государь принял в милость Великий Новгород, мужей вольных, и меч свой унял».— Феофилакт посадник: «Желаем освобождения бояр новогородских».— Лука посадник: «Желаем, чтобы государь всякие четыре года ездил в свою отчину, Великий Новгород, и брал с нас по тысяче рублей; чтобы наместник его судил с посадником в городе; а чего они не управят, то решит сам великий князь, приехав к нам на четвертый год; но в Москву да не зовет судящихся!» — Яков Федоров: «Да не велит государь вступаться своему наместнику в особенные суды архиепископа и посадника!» — Житые люди сказали, что подданные великокняжеские зовут их на суд к наместнику и посаднику в Новегороде, а сами хотят судиться единственно на Городище; что сие несправедливо и что они просят великого князя подчинить тех и других суду новогородскому.— Посадник Яков Короб заключил сими словами: «Челобитье наше пред государем: да сделает, что ему Бог положит на сердце!»

Иоанн в тот же день велел Холмскому, боярину Феодору Давидовичу, князю Оболенскому-Стриге и другим воеводам под главным начальством брата его, Андрея Меньшего, идти из Бронниц к Городищу и за-

нять монастыри, чтобы новогородцы не выжгли оных. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду и в одну ночь заняли все окрестности новогородские.

25 ноября бояре великокняжеские, Иван Юрьевич, Василий и Иван Борисовичи, дали ответ послам. Первый сказал: «Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси тебе, своему богомольцу владыке, посадникам и житым людям так ответствует на ваше челобитье».— Боярин Василий Борисович продолжал: «Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, чрез сановника Назария и дьяка вечевого, Захарию, быть вашими государями; а мы послали бояр своих в Новгород узнать, что разумеется под сим именем? Но вы заперлися, укоряя нас, великих князей, насилием и ложью; сверх того делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления: но вы более и более лукавствовали, и мы обнажили меч, по слову Господню: *аще согрешит к тебе брат твой, обличи его наедине; аще не послушает, поими с собою два или три свидетеля: аще ли и тех не послушает, повеждь церкви; аще ли и о церкви нерадети начнет, будете яко же язычник и мытарь.* Мы посылали к вам и говорили: *уймитесь, и будем вас жаловать:* но вы не захотели того и сделались нам как бы чужды. И так, возложив упование на Бога и на молитву наших предков, великих князей русских, идем наказать дерзость».— Боярин Иван Борисович говорил далее именем великого князя: «Вы хотите свободы бояр ваших, мною осужденных; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства: ты сам, Лука Исаков, находился в числе истцов; и ты, Григорий Киприанов, от имени Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?» — Князь Иван Юрьевич заключил сими словами ответ государев: «Буде Новгород действительно желает нашей милости, то ему известны условия».

Архиепископ и посадники отправились назад с великокняжеским приставом для их безопасности.— 27 ноября Иоанн, подступив к Новугороду с братом Андреем Меньшим и с юным верейским князем, Василием Михайловичем, расположился у Троицы Пао-

зерской на берегу Волхова, в трех верстах от города, в селе Лошинского, где был некогда дом Ярослава Великого, именуемый Ракомлею; велел брату стать в монастыре Благовещения, князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве, Холмскому в Аркадьевском, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищах, Борису Оболенскому на Сокове у Богоявления, Ряполовскому на Пидьбе, князю Василию Верейскому на Лисьей Горке, а боярину Феодору Давидовичу и князю Ивану Стриге на Городище. 29 ноября пришел с полком брат Иоаннов, князь Борис Васильевич, и стал на берегу Волхова в Кречневе, селе архиепископа.— 30 ноября государь велел воеводам отпускать половину людей для собрания съестных припасов до 10 декабря, а 11 число быть всем налицо, каждому на своем месте; и в тот же день послал гонца сказать наместнику псковскому, князю Василию Шуйскому, чтобы он спешил к Новугороду с огнестрельным снарядом.

Новогородцы хотели сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всем купцам иноземным выехать во Псков с товарами: укрепились деревянною стеною по обеим сторонам Волхова; заградили сию реку судами; избрали князя Василия Шуйского-Гребенку в военачальники и, не имея друзей, ни союзников, не ожидая ниоткуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надеются в крайности на самое отчаяние и готовы отразить приступ, как некогда предки их отразили сильную рать Андрея Боголюбского. Но Иоанн не хотел кровопролития, в надежде, что они покорятся, и взял меры для доставления всего нужного многочисленной рати своей. Исполняя его повеление, богатые псковитяне отправили к нему обоз с хлебом, пшеничною мукою, калачами, рыбою, медом и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостников. Великокняжеский стан имел вид шумного торжища, изобилия; а Новгород, окруженный полками московскими, был лишен всякого сообщения. Окрестности также представляли жалкое зрелище: воины Иоанновы не щадили бедных жителей, которые в 1471 году безопасно скрывались от них в лесах и болотах, но в сие время умирали там от морозов и голода.

Декабря 4 вторично прибыл к государю архиепис-

коп Феофил с теми же чиновниками и молил его только о мире, не упоминая ни о чем ином. Бояре московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и князь Иван Стрига отпустили их с прежним ответом, что новогородцы знают, как надобно бить челом великому князю.— В сей день пришли к городу царевич Данияр с воеводою, Василием Образцом, и брат великого князя, Андрей Старший, с тверским воеводою: они расположились в монастырях Кириллове, Андрееве, Ковалевском, Волотове, на Деревенице и у Св. Николы на Островке.

Видя умножение сил и непреклонность великого князя — не имея ни смелости отважиться на решительную битву, ни запасов для выдержания осады долговременной — угрожаемые и мечом и голодом, новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время и без надежды спасти вольность надеялись переговорами сохранить хотя некоторые из ее прав. Декабря 5 владыка Феофил с посадниками и с людьми житыми, ударив челом великому князю в присутствии его трех братьев, именем Новагорода сказал: «Государь! Мы, виновные, ожидаем твоей милости: *признаем* истину посольства Назариева и дьяка Захарии; но какую власть желаешь иметь над нами?» Иоанн ответствовал им чрез бояр: «Я доволен, что вы признаете вину свою и сами на себе свидетельствуете. Хочу властвовать в Новегороде, как властвую в Москве» — Архиепископ и посадники требовали времени для размышления. Он отпустил их с повелением дать решительный ответ в третий день.— Между тем пришло войско псковское, и великий князь, расположив его в Бискупицах, в селе Федотине, в монастыре Троицком на Варяжи, приказал знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мост под Городищем, как бы для приступа. Сей мост, с удивительною скоростию сделанный на судах через реку Волхов, своею твердостию и красою заслужил похвалу Иоаннову.

7 декабря Феофил возвратился в стан великокняжеский с посадниками и с выборными от пяти концов новогородских. Иоанн выслал к ним бояр. Архиепископ молчал: говорили только посадники. Яков Короб сказал: «Желаем, чтобы государь велел наместнику своему судить вместе с нашими степенным посадни-

ком».— Феофилакт: «Предлагаем государю ежегодную дань со всех волостей новогородских, с двух сох гривну».— Лука: «Пусть государь держит наместников наших пригородах; но суд да будет по старине» — Яков Федоров бил челом, чтобы великий князь не выводил людей из владений новогородских, не вступался в отчины и земли боярские, не звал никого на суд в Москву. Наконец все просили, чтобы государь не требовал новогородцев к себе на службу и поручил им единственно оберегать северо-западные пределы России.

Бояре донесли о том великому князю и вышли от него с следующим ответом: «Ты, богомолец наш, и весь Новгород признали меня государем; а теперь хотите мне указывать, как править вами?» — Феофил и посадники били челом и сказали: «Не смеем *указывать*; но только желаем ведать, как государь намерен властвовать в своей новогородской отчине: ибо московских обыкновений не знаем». Великий князь велел своему боярину, Ивану Юрьевичу, ответствовать так: «Знайте же, что в Новегороде не быть ни вечевому колоколу, ни посаднику, а будет одна власть государева; что как в стране Московской, так и здесь хочу иметь волости и села; что древние земли великокняжеские, вами отнятые, суть отныне моя собственность. Но снисходя на ваше моление, обещаю не выводить людей из Новагорода, не вступаться в отчины бояр и суд оставить по старине».

Прошла целая неделя. Новгород не присылал ответа Иоанну. Декабря 14 явился Феофил с чиновниками и сказал боярам великокняжеским: «Соглашаемся не иметь ни веча, ни посадника; молим только, чтобы государь утолил навеки гнев свой и простил нас искренно, но с условием не выводить новогородцев в Низовскую землю, не касаться собственности боярской, не судить нас в Москве и не звать туда на службу». Великий князь дал слово. Они требовали присяги. Иоанн ответствовал, что государь не присягает. «Удовольствуемся клятвою бояр великокняжеских или его будущего наместника новогородского»,— сказал Феофил и посадники: но и в том получили отказ; просили *опасной грамоты*: и той им не дали. Бояре московские объявили, что переговоры кончились.

Тут любовь к древней свободе в последний раз сильно обнаружилась на вече. Новогородцы думали, что вели-

кий князь хочет обмануть их и для того не дает клятвы в верном исполнении его слова. Сия мысль поколебала в особенности бояр, которые не стояли ни за вечевой колокол, ни за посадника, но стояли за свои отчины. «Требуем битвы! — восклицали тысячи: — умрем за вольность и Святую Софию!» Но сей порыв великодушия не произвел ничего, кроме шума, и должен был уступить хладнокровию рассудка. Несколько дней народ слушал прение между друзьями свободы и мирного подданства: первые могли обещать ему одну славную гибель среди ужасов голода и тщетного кровопролития; другие жизнь, безопасность, спокойствие, целость имения: и сии наконец превозмогли. Тогда князь Василий Васильевич Шуйский-Гребенка, доселе верный защитник свободных новогородцев, торжественно сложил с себя чин их воеводы и перешел в службу к великому князю, который принял его с особенною милостию.

29 декабря послы веча, архиепископ Феофил и знатнейшие граждане, снова прибыли в великокняжеский стан, хотя и не имели *опаса*; изъявили смирение и молили, чтобы государь, отложив гнев, сказал им изустно, чем жалует свою новогородскую отчину. Иоанн приказал впустить их и говорил так: «Милость моя не изменилась; что обещал, то обещаю и ныне: забвение прошедшего, суд по старине, целость собственности частной, увольнение от низовской службы; не буду звать вас в Москву; не буду выводить людей из страны новогородской». Послы ударили челом и вышли; а бояре великокняжеские напомнили им, что государь требует волостей и сел в земле их. Новогородцы предложили ему Луки Великие и Ржеву Пустую: он не взял. Предложили еще десять волостей архиепископских и монастырских: не взял и тех. «Избери же, что тебе самому угодно,— сказали они: — полагаемся во всем на Бога и на тебя». Великий князь хотел половины всех волостей архиепископских и монастырских: новогородцы согласились, но убедили его не отнимать земель у некоторых бедных монастырей. Иоанн требовал верной описи волостей и в знак милости взял из Феофиловых только десять: что вместе с монастырскими составляло около 2700 *обеж*, или тягол, кроме земель новоторжских, также ему отданных.— Прошло шесть дней в переговорах.

[1478 г.] Января 8 владыка Феофил, посадники и житые люди молили великого князя снять осаду: ибо теснота и недостаток в хлебе произвели болезни в городе так, что многие умирали. Иоанн велел боярам своим условиться с ними о дани и хотел брать по семи денег с каждого земледельца; но согласился уменьшить сию дань втрое. «Желаем еще другой милости,— сказал Феофил: — молим, чтобы великий князь не посылал к нам своих писцов и даньщиков, которые обыкновенно теснят народ; но да верит он совести новогородской: сами исчислим людей и вручим деньги, кому прикажет; а кто утаит хотя единую душу, да будет казнен». Иоанн обещал.

Января 10 бояре московские требовали от Феофила и посадников, чтобы двор Ярославов был немедленно очищен для великого князя и чтобы народ дал ему клятву в верности. Новогородцы хотели слышать присягу: государь послал ее к ним в архиепископскую палату с своим подьячим. На третий день владыка и сановники их сказали боярам Иоанновым: «Двор Ярославов есть наследие государей, великих князей: когда им угодно взять его, и с площадью, да будет их воля. Народ слышал присягу и готов целовать крест, ожидая всего от государей, как Бог положит им на сердце и не имея уже иного упования». Дьяк новогородский списал сию клятвенную грамоту, а владыка и пять концов утвердили оную своими печатями. Января 13 многие бояре новогородские, житые люди и купцы присягнули в стане Иоанновом. Тут государь велел сказать им, что пригороды их, заволочане и двиняне будут оттоле целовать крест на имя великих князей, не упоминая о Новегороде; чтобы они не дерзали мстить своим единоземцам, находящимся у него в службе, ни псковитянам, и в случае споров о землях ждали решения от наместников, не присвоивая себе никакой своевольной управы. Новогородцы обещались и вместе с Феофилом просили, чтобы государь благоволил изустно и громко объявить им свое милосердие. Иоанн, возвысив голос, сказал: «Прощаю и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великий Новгород».

Января 15 рушилось древнее вече, которое до сего дня еще собиралось на дворе Ярослава. Вельможи московские, князь Иван Юрьевич, Феодор Давидович и

Стрига-Оболенский, вступив в палату архиепископскую, сказали, что государь, вняв молению Феофила, всего священного Собора, бояр и граждан, навеки забывает вины их, в особенности из уважения к ходатайству своих братьев, с условием, чтобы Новгород, дав искренний обет верности, не изменял ему ни делом, ни мыслию. Все знатнейшие граждане, бояре, житые люди, купцы целовали крест в архиепископском доме, а дьяки и воинские чиновники Иоанновы взяли присягу с народа, с боярских слуг и жен в пяти концах. Новогородцы выдали Иоанну ту грамоту, коею они условились стоять против него единодушно и которая скреплена была пятидесятью осмью печатями.

Января 18 все бояре новогородские, дети боярские и житые люди били челом Иоанну, чтобы он принял их в свою службу. Им объявили, что сия служба, сверх иных обязанностей, повелевает каждому из них извещать великого князя о всяких злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга, и требует скромности в тайнах государевых. Они обещали то и другое.— В сей день Иоанн позволил городу иметь свободное сообщение с окрестностями; января 20 отправил гонца в Москву к матери своей (которая без него постриглась в инокини), к митрополиту и к сыну с известием, что он *привел Великий Новгород во всю волю свою;* на другой день допустил к себе тамошних бояр, житых людей и купцов с дарами и послал своих наместников, князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять двор Ярославов; а сам не ехал в город, ибо там свирепствовали болезни.

Наконец, 29 января, в Четверток Масляной недели, он с тремя братьями и с князем Василием Верейским прибыл в церковь Софийскую, отслушал Литургию, возвратился на Паозерье и пригласил к себе на обед всех знатнейших новогородцев. Архиепископ пред столом поднес ему в дар панагию, обложенную золотом и жемчугами, струфово яйцо, окованное серебром в виде кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису в 6 фунтов и 200 корабельников, или 400 червонцев. Гости пили, ели и беседовали с Иоанном.

Февраля 1 он велел взять под стражу купеческого старосту, Марка Памфилиева, февраля 2 славную Марфу Борецкую с ее внуком Василием Феодоровым (коего

отец умер в муромской темнице), а после из житых людей — Григория Киприанова, Иваиа Кузмина, Акиифа с сыном Романом и Юрия Репехова, отвезти в Москву и все их имение описать в казну. Сии люди были единственною жертвою грозиого московского самодержавия, или как явные, непримиримые враги его, или как известиые друзья Литвы. Никто не смел за иих вступиться. Февраля 3 наместиик великокняжеский, Иван Оболеиский-Стрига, отыскал все письменные договоры, заключенные иовогородцами с Литвою, и вручил их Иоанну.— Все было спокойно; но великий князь прислал в город еще двух иных наместников, Василия Китая и боярина Ивана Зиновьевича, для соблюдения тишины, велев им заиять дом архиепископский.

Февраля 8 Иоанн вторичио слушал Литургию в Софийской церкви и обедал у себя в стане с братом Андреем Меньшим, с архиепископом и знатнейшими новогородцами. Февраля 12 владыка Феофил пред обеднею вручил государю дары: цепь, две чары и ковш золотые, весом около девяти фуитов; вызолоченную кружку, два кубка, мису и пояс серебряные, весом в тридцать одии фунт с половиною, и 200 корабельников.— Февраля 17, рано поутру, великий князь отправился в Москву; иа первом стаие, в Ямнах, угостил обедом архиепископа, бояр и житых людей новогородских; принял от них иесколько бочек вина и меда; сам отдарил всех, опустил с милостию в Новгород и приехал в столицу 5 марта. Вслед за иим привезли в Москву славный вечевой колокол иовогородский и повесили его на колокольне Успенского собора, на площади.— Если верить сказаиию совремеиного историка, Длугоша, то Иоанн приобрел несметное богатство в Новегороде и нагрузил 300 возов серебром, золотом, каменьями драгоценными, найдеииыми им в древней казне епископской или у бояр, коих имеиие было описаио, сверх бесчислеииого множества шелковых тканей, сукои, мехов и проч. Другие цеият сию добычу в 14 000 000 флоринов: что без сомнения увеличеио.

Так Новгород покорился Иоанну, более шести веков слыв в России и в Европе державою народною, или республикою, и действительио имев образ демократии: ибо вече гражданское присвоивало себе ие только закоио-

дательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, сменяло не только посадников, тысячских, но и князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великого; давало им власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало в случаях важных; даже с московскими государями, даже и с Иоанном заключало условия, *взаимною* клятвою утверждаемые, и в нарушении оных имея право мести или войны; одним словом, владычествовало как собрание народа афинского или франков на поле Марсовом, представляя лицо Новагорода, который именовался *Государем.* Не в правлении вольных городов немецких — как думали некоторые писатели,— но в первобытном составе всех держав народных, от Афин и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежит искать образцов новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народов, когда они, избирая сановников вместе для войны и суда, оставляли себе право наблюдать за ними, свергать в случае неспособности, казнить в случае измены или несправедливости и решить все важное или чрезвычайное в общих советах. Мы видели, что князья, посадники, тысячские в Новегороде судили тяжбы и предводительствовали войском: так древние славяне, так некогда и все иные народы не знали различия между воинскою и судебною властию. Сердцем или главным составом сей державы были огнищане, или житые люди, то есть домовитые, или владельцы: они же и первые воины, как естественные защитники отечества; из них выходили *бояре* или граждане, знаменитые заслугами. Торговля произвела купцов: они, как менее способные к ратному делу, занимали вторую степень; а третью — свободные, но беднейшие люди, названные черными. Граждане *младшие* явились в новейшие времена и стали между купцами и черными людьми. Каждая степень без сомнения имела свои права: вероятно, что посадники и тысячские избирались только из бояр; а другие сановники из житых, купцов и младших граждан, но не из черных людей, хотя и последние участвовали в приговорах веча. Бывшие посадники, в отличие от степенных или настоящих именуясь *старыми,* преимущественно уважались до конца жизни.— Ум, сила и властолюбие некоторых князей, Мономаха, Всеволода III, Александ-

ра Невского, Калиты, Донского, сына и внука его, обуздывали свободу новогородскую, однако ж не переменили ее главных уставов, коими она столько веков держалась, стесняемая временно, но никогда не отказываясь от своих прав.

История Новагорода составляет любопытнейшую часть древней российской. В самых диких местах, в климате суровом основанный, может быть, толпою славянских рыбарей, которые в водах Ильменя наполняли свои мрежи изобильным ловом, он умел возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать в соседстве; покоренный смелыми варягами, заимствовал от них дух купечества, предприимчивость и мореплавание; изгнал сих завоевателей и, будучи жертвою внутреннего беспорядка, замыслил монархию, в надежде доставить себе тишину для успехов гражданского общежития и силу для отражения внешних неприятелей; решил тем судьбу целой Европы Северной и, дав бытие, дав государей нашему отечеству, успокоенный их властию, усиленный толпами мужественных пришельцев варяжских, захотел опять древней вольности: сделался собственным законодателем и судиею, ограничив власть княжескую: воевал и купечествовал; еще в X веке торговал с Царемградом, еще во XII посылал корабли в Любек; сквозь дремучие леса открыл себе путь до Сибири и, горстию людей покорив обширные земли между Ладогою, морями Белым и Карским, рекою Обию и нынешнею Уфою, насадил там первые семена гражданственности и Веры христианской; передавал Европе товары азиатские и византийские, сверх драгоценных произведений дикой натуры; сообщал России первые плоды ремесла европейского, первые открытия искусств благодетельных; славясь хитростию в торговле, славился и мужеством в битвах, с гордостию указывая на свои стены, под коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбского; на Альту, где Ярослав Великий с верными новогородцами победил злочестивого Святополка; на Липицу, где Мстислав Храбрый с их дружиною сокрушил ополчение князей суздальских; на берега Невы, где Александр смирил надменность Биргера, и на поля ливонские, где орден меченосцев столь часто уклонял

знамена пред Святою Софиею, обращаясь в бегство. Такие воспоминания, питая народное честолюбие, произвели известную пословицу: *кто против Бога и Великого Новагорода?* Жители его хвалились и тем, что они не были рабами моголов, как иные россияне: хотя и платили дань ординскую, но великим князьям, не зная баскаков и не быв никогда подвержены их тиранству.

Летописи республик обыкновенно представляют нам сильное действие страстей человеческих, порывы великодушия и нередко умилительное торжество добродетели среди мятежей и беспорядка, свойственных народному правлению: так и летописи Новагорода в неискусственной простоте своей являют черты, пленительные для воображения. Там народ, подвигнутый омерзением к злодействам Святополка, забывает жестокость Ярослава I, хотящего удалиться к варягам, рассекает ладии, приготовленные для его бегства, и говорит ему: «Ты умертвил наших братьев, но мы идем с тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нет казны: возьми все, что имеем». Здесь посадник Твердислав, несправедливо гонимый, слышит вопль убийц, посланных вонзить ему меч в сердце, и велит нести себя больного на градскую площадь, да умрет пред глазами народа, если виновен, или будет спасен его защитою, если невинен; торжествует и навеки заключается в монастырь, жертвуя спокойствию сограждан всеми приятностями честолюбия и самой жизни. Тут достойныи архиепископ, держа в руке крест, является среди ужасов междоусобной брани; возносит руку благословляющих, именует новогородцев детьми своими, и стук оружия умолкает: они смиряются и братски обнимают друг друга. В битвах с врагами иноплеменными посадники, тысячские умирали впереди за Святую Софию. Святители новогородские, избираемые гласом народа, по всеобщему уважению к их личным свойствам, превосходили иных достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общего блага; строили стены, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полк, который назывался *владычным;* будучи главными блюстителями правосудия, внутреннего благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгород и не боялись ни гнева митрополитов, ни мести государей московских. Видим также некоторые постоянные правила велико-

душия в действиях сего часто легкомысленного народа: таковыми было не превозноситься в успехах, изъявлять умеренность в счастии, твердость в бедствиях, давать пристанище изгнанникам, верно исполнять договоры, и слово: *новогородская честь, новогородская душа* служило иногда вместо клятвы.— Республика держится добродетелию и без нее упадает.

Падение Новагорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным. Сей народ считался некогда самым воинственным в России и где сражался, там побеждал, в войнах междоусобных и внешних: так было до XIV столетия. Счастием спасенный от Батыя и почти свободный от ига моголов, он более и более успевал в купечестве, но слабел доблестию: сия вторая эпоха, цветущая для торговли, бедственная для гражданской свободы, начинается со времен Иоанна Калиты. Богатые новогородцы стали откупаться серебром от князей московских и Литвы; но вольность спасается не серебром, а готовностию умереть за нее: кто откупается, тот признает свое бессилие и манит к себе властелина. Ополчения новогородские в XV веке уже не представляют нам ни пылкого духа, ни искусства, ни успехов блестящих. Что кроме неустройства и малодушного бегства видим в последних решительных битвах за свободу? Она принадлежит льву, не агнцу, и Новгород мог только избирать одного из двух государей, литовского или московского: к счастию, наследники Витовтовы не наследовали его души, и Бог даровал России Иоанна.

Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать республикам, основанным на коренных правах вольности, ему любезной; хотя самые опасности и беспокойства ее, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, малоопытный; хотя новогородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими немцами, без сомнения отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством моголов: однако ж история должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она

достигла независимости и величия, то есть чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта; тогда не уцелел бы и Новгород: взяв его владения, государь московский поставил одну грань своего царства на берегу Наровы, в угрозу немцам и шведам, а другую за Каменным Поясом, или хребтом Уральским, где баснословная древность воображала источники богатства и где они действительно находились в глубине земли, обильной металлами, и во тьме лесов, наполненных соболями.— Император Гальба сказал: «Я был бы достоин восстановить свободу Рима, если бы Рим мог пользоваться ею». Историк русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: «Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотел твердого блага всей России».

Здесь умолкает *особенная* история Новагорода. Прибавим к ней остальные известия о судьбе его в государствование Иоанна. В 1479 году великий князь ездил туда, сменил архиепископа Феофила, будто бы за тайную связь с Литвою, и прислал в Москву, где он через шесть лет умер в обители Чудовской как последний из знаменитых народных владык; преемником его был иеромонах Троицкий, именем Сергий, избранный *по жребию* из трех духовных особ: чем великий князь хотел изъявить уважение к древнему обычаю новогородцев, отняв у них право иметь *собственных* святителей. Сей архиепископ, не любимый гражданами, через несколько месяцев возвратился в Троицкую обитель за болезнию. Место его заступил чудовский архимандрит Геннадий.— Не мог вдруг исчезнуть дух свободы в народе, который пользовался ею столько веков, и хотя не было общего мятежа, однако ж Иоанн видел неудовольствие и слышал тайные жалобы новогородцев: надежда, что вольность может воскреснуть, еще жила в их сердце; нередко обнаруживалась природная их строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный дух, он прибегнул к средству решительному: в 1481 году велел взять там под стражу знатных людей: Василия Казимера с братом Яковом Коробом, Михаила Берденева и Луку Федорова, а скоро и всех главных бояр, коих имущество, движимое и недвижимое, описали на государя. Некоторых, обвиняемых в измене, пытали: они сами доносили друг на

друга; но, приговоренные к смерти, объявили, что взаимные их доносы были клеветою, вынужденною муками: Иоанн велел разослать их по темницам; другим, явно невинным, дал поместья в областях московских. В числе богатейших граждан, тогда заточенных, летописец именует *славную* жену Анастасию и боярина Ивана Козмина: у первой в 1476 году пировал великий князь с двором своим; а второй уходил в Литву с тридцатью слугами, но, будучи недоволен Казимиром, возвратился в отчизну и думал по крайней мере умереть там спокойно.— В 1487 году перевели из Новагорода в Владимир 50 лучших семейств купеческих. В 1488 году наместник новогородский, Яков Захарьевич, казнил и повесил многих житых людей, которые хотели убить его, и прислал в Москву более осьми тысяч бояр, именитых граждан и купцов, получивших земли в Владимире, Муроме, Нижнем, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме; а на их земли, в Новгород, послали москвитян, людей служивых и гостей. Сим переселением был навеки усмирен Новгород. Остался труп: душа исчезла: иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные самодержавию. Иоанн в 1500 году, с согласия митрополитова, роздал все новогородские церковные имения в поместье детям боярским.

Один Псков еще сохранил древнее гражданское образование, вече и народных сановников, обязанный тем своему послушанию. Великий князь, довольный его содействием в походе новогородском, прислал ему в дар кубок и милостиво обещал *не пременять старины;* а сведав, что послы великокняжеские делают там наглые обиды жителям, с гордостию отвергают дары веча, но своевольно берут у граждан и поселян что им вздумается, он строго запретил такие насилия. В сем случае, как и в других, видим Иоанново правило соглашать вводимое им единовластие с уставом естественной справедливости и не отнимать ничего без вины. Псков удержал до времени свои законы гражданские, ибо не оспоривал государевой власти отменить их.

Довольный славным успехом новогородского похода, Иоанн скоро насладился и живейшею семейственною радостию. София была уже материю трех дочерей: Елены, Феодосии и второй Елены; хотела сына и вместе с супругом печалилась, что Бог не исполняет их жела-

ния. Для сего ходила она пешком молиться в обитель Троицкую, где, как пишут, явился ей Св. Сергий, держа на руках своих благовидного младенца, приближился к великой княгине и *ввергнул его в ее недра;* София затрепетала от видения столь удивительного; с усердием облобызала мощи Святого и чрез девять месяцев родила сына, Василия-Гавриила. Сию повесть рассказывал сам Василий (уже будучи государем) митрополиту Иоасафу. После того София имела четырех сыновей: Георгия, Димитрия, Симеона, Андрея, дочерей Феодосию и Евдокию.

Покорение Новагорода есть важная эпоха сего славного княжения: следует другая, еще важнейшая: торжественное восстановление нашей государственной независимости, соединенное с конечным падением Большой, или Золотой Орды. Тут ясно открылась мудрость Иоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы ханов таврических, чтобы силою их обуздывать Ахмата и Литву. Недолго Зенебек господствовал в Тавриде: Менгли-Гирей изгнал его, воцарился снова и прислал известить о том Иоанна, который немедленно отправил к нему гонца с поздравлением, а скоро (в 1480 году) и боярина, князя Ивана Звенца. Сей посол должен был сказать хану, что великий князь, из особенной к нему дружбы, принял к себе не только изгнанного царя Зенебека, но и двух братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, живших прежде в Литве, дабы отнять у них способ вредить ему; что государь согласен действовать с Менгли-Гиреем против Ахмата, если он будет ему поборником против Казимира Литовского. На сих условиях надлежало после заключить союз с ханом: для чего и дали ему *шертную,* или клятвенную грамоту с повелением изъяснить вельможам крымским, сколь усердно государь доброжелательствует их царю. Сверх того боярин Звенец имел поручение отдать хану наедине тайную грамоту, утвержденную крестным целованием и золотою печатию: сею грамотою, по желанию Менгли-Гирея написанною, великий князь обязывался дружески принять его в России, буде он в третий раз лишится престола; не только обходиться с ним как с государем вольным, независимым, но и способствовать ему всеми силами к возвращению царства. Испытав непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотел взять

меры на случай ее новых превратностей и заблаговременно изготовить себе убежище: сия печальная мысль расположила его к самому верному дружеству с Иоанном. Боярин Звенец успел совершенно в деле своем: заключили союз, искренностию и политикою утвержденный; условились вместе воевать или мириться; наблюдать все движения Ахмата и Литвы; тайно или явно мешать их замыслам, вредным для той или другой стороны; наконец обеим державам, Москве и Крыму, действовать как единой во всех случаях.

Уверенный в дружбе Менгли-Гирея и в собственных силах, Иоанн, по известию некоторых летописцев, решился вывести Ахмата из заблуждения и торжественно объявить свободу России следующим образом. Сей хан отправил в Москву новых послов требовать дани. Их представили к Иоанну: он взял *басму* (или образ царя), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами; велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «Спеши объявить царю виденное тобою; что сделалось, с его *басмою* и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое». Ахмат воскипел яростию. «Так поступает раб наш, князь московский!» — говорил он своим вельможам и начал собирать войско. Другие летописцы, согласнее с характером Иоанновой осторожности и с последствиями, приписывают ополчение ханское единственно научениям Казимировым. С ужасом видя возрастающее величие России, сей государь послал одного служащего ему князя татарского, именем Акирея Муратовича, в Золотую Орду склонять Ахмата к сильному впадению в Россию, обещая с своей стороны сделать то же. Время казалось благоприятным: Орда была спокойна; племянник Ахматов, именем Касыда, долго спорив с дядею о царстве, наконец с ним примирился. Злобствуя на великого князя за его ослушание и недовольный умеренностью даров его, хан условился с королем, чтобы татарам идти из волжских улусов к Оке, а литовцам к берегам Угры, и с двух сторон в одно время вступить в Россию. Первый сдержал слово, и летом (в 1480 году) двинулся к пределам московским со всею Ордою, с племянником Касыдою, с шестью сыновьями и множеством князей татарских.— К ободрению врагов наших служила тогда и несчастная распря Иоаннова с братьями: обстоятельства ее достойны замечания.

Государь, сменив наместника, бывшего в Великих Луках, князя Ивана Оболенского-Лыка, велел ему заплатить большое количество серебра тамошним гражданам, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливые. Князь Лыко в досаде уехал к брату Иоаннову, Борису, в Волок Ламский, пользуясь древним правом боярским переходить из службы государя московского к князьям удельным. Иоанн требовал сего беглеца от брата; но Борис ответствовал: «не выдаю; а если он виновен, то нарядим суд». Вместо суда великий князь приказал наместнику боровскому тайно схватить Лыка, где бы то ни было, и скованного представить в Москву: что он и сделал. Князь Борис Васильевич оскорбился; писал к брату, Андрею Суздальскому, о сем беззаконном насилии и говорил, что Иоанн тиранствует, презирает святые древние уставы и единоутробных, не дал им части ни из удела Юриева, ни из областей новогородских, завоевав их вместе с ними; что терпению должен быть конец и что они не могут после того жить в государстве Московском. Андрей был такого же мнения: собрав многочисленную дружину, оба с женами и детьми выехали из своих уделов; не хотели слушать боярина Иоаннова, посланного уговорить их; спешили к литовской границе, злодействуя на пути огнем и мечом как в земле неприятельской; остановились в Великих Луках и требовали от Казимира, чтобы он за них вступился. Король, обрадованный сим случаем, дал город Витебск на содержание их семейств, к крайнему беспокойству всех россиян, устрашенных вероятностию междоусобной войны. Между тем великий князь подозревал мать свою в тайном согласии с его братьями, зная отменную любовь ее к Андрею, и хотел быть великодушным: послал к ним ростовского святителя, Вассиана, с боярином Василием Федоровичем Образцом, и предлагал мир искренний, обещая Андрею, сверх наследственного удела, Алексин и Калугу. Но братья с гордостию отвергнули все убеждения Вассиановы и милость Иоаннову.

Тогда услышали в Москве о походе Ахмата, который шел медленно, ожидая вестей от Казимира. Иоанн все предвидел: как скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, верный его союзник, по условию с ним напал на Литовскую Подолию и тем отвлек Казимира от содей-

ствия с Ахматом. Зная же, что сей последний оставил в своих улусах только жен, детей и старцев, Иоанн велел крымскому царевичу Нордоулату и воеводе звенигородскому, князю Василью Ноздроватому, с небольшим отрядом сесть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мере устрашить хана. Москва в несколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сын великого князя, младой Иоанн, выступил со всеми полками из столицы в Серпухов 8 июня [1480 г.]; а дядя его, Андрей Меньший, из своего удела. Сам государь еще оставался в Москве недель шесть; наконец, сведав о приближении Ахмата к Дону, 23 июля отправился в Коломну, поручив хранение столицы дяде своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и боярину князю Ивану Юрьевичу, духовенству, купцам и народу. Кроме митрополита, находился там архиепископ ростовский, Вассиан, старец ревностный ко славе отечества. Супруга Иоаннова выехала с двором своим в Дмитров, откуда на судах удалилась к пределам Белаозера; а мать его, инокиня Марфа, вняв убеждениям духовенства, к утешению народа осталась в Москве.

Великий князь принял сам начальство над войском, прекрасным и многочисленным, которое стояло на берегах Оки реки, готовое к битве. Вся Россия с надеждою и страхом ожидала следствий. Иоанн был в положении Димитрия Донского, шедшего сразиться с Мамаем: имел полки лучше устроенные, воевод опытнейших, более славы и величия; но зрелостию лет, природным хладнокровием, осторожностию располагаемый не верить слепому счастию, которое иногда бывает сильнее доблести в битвах, он не мог спокойно думать, что один час решит судьбу России; что все его великодушные замыслы, все успехи медленные, постепенные, могут кончиться гибелию нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею нашего отечества, и единственно *от нетерпения:* ибо Золотая Орда ныне или завтра долженствовала исчезнуть по ее собственным, внутренним причинам разрушения. Димитрий победил Мамая, чтобы видеть пепел Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовт, презирая остатки Капчакского ханства, хотел одним ударом сокрушить их и погубил рать свою на берегах Ворсклы. Иоанн

имел славолюбие не воина, но государя; а слава последнего состоит в целости государства, не в личном мужестве: целость, сохраненная осмотрительною уклончивостию, славнее гордой отважности, которая подвергает народ бедствию. Сии мысли казались благоразумием великому князю и некоторым из бояр, так что он желал, если можно, удалить решительную битву.

Ахмат, слыша, что берега Оки к рязанским пределам везде заняты Иоанновым войском, пошел от Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска к Угре, в надежде соединиться там с королевскими полками или вступить в Россию с той стороны, откуда его не ожидали. Великий князь, дав повеление сыну и брату идти к Калуге и стать на левом берегу Угры, сам приехал в Москву, где жители посадов перебиралися в Кремль с своим драгоценнейшим имением и, видя Иоанна, вообразили, что он бежит от хана. Многие кричали в ужасе: «Государь выдает нас татарам! Отягощал землю налогами и не платил дани ординской! Разгневил царя и не стоит за отечество!» Сие неудовольствие народное, по словам одного летописца, столь огорчило великого князя, что он не въехал в Кремль, но остановился в Красном селе, объявив, что прибыл в Москву для совета с материю, духовенством и боярами. «Иди же смело на врага!» — сказали ему единодушно все духовные и мирские сановники. Архиепископ Вассиан, седой, ветхий старец, в великодушном порыве ревностной любви к отечеству воскликнул: «Смертным ли бояться смерти? Рок неизбежен. Я стар и слаб; но не убоюся меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска».— Иоанн желал видеть сына и велел ему быть в столицу с Даниилом Холмским: сей пылкий юноша не поехал, ответствуя родителю: «Ждем татар»; а Холмскому: «Лучше мне умереть здесь, нежели удалиться от войска». Великий князь уступил общему мнению и дал слово крепко противоборствовать хану. В сие время он помирился с братьями, коих послы находились в Москве; обещал жить с ними дружно, наделить их новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спешили к нему с своею воинскою дружиною для спасения отечества. Мать, митрополит, архиепископ Вассиан, добрые советники, а всего более опасность России, к чести обеих сторон, прекратили вражду единокровных.— Иоанн взял меры

для защиты городов; отрядил дмитровцев в Переславль, москвитян в Дмитров; велел сжечь посады вокруг столицы и 3 октября, приняв благословение от митрополита, поехал к войску. Никто ревностнее духовенства не ходатайствовал тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечом. Первосвятитель Геронтий, знаменуя государя крестом, с умилением сказал: «Бог да сохранит твое царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крепися, о сын духовный! как истинный воин Христов. Добрый пастырь полагает душу свою за овцы: ты не наемник! Избави врученное тебе богом словесное стадо от грядущего ныне зверя. Господь нам поборник!» Все духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили великого князя не слушать мнимых друзей мира, коварных или малодушных.

Иоанн приехал в Кременец, городок на берегу Лужи, и дал знать воеводам, что будет оттуда управлять их движениями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстах, ждали неприятеля, отразив легкий передовой отряд его, который искал переправы через Угру. 8 октября, на восходе солнца, вся сила ханская подступила к сей реке. Сын и брат великого князя стояли на противном берегу. С обеих сторон пускали стрелы: россияне действовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третий и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бегут и стреляют метко, в особенности из пищалей, Ахмат удалился за две версты от реки, стал на обширных лугах и распустил войско по Литовской земле для собрания съестных припасов. Между тем многие татары выезжали из стана на берег и кричали нашим: «Дайте путь царю, или он силою дойдет до великого князя, а вам будет худо».

Миновало несколько дней. Иоанн советовался с воеводами: все изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы неприятельские велики. Но он имел двух любимцев, боярина Ощеру и Григория Мамона, коего мать была сожжена князем Иоанном Можайским за мнимое волшебство: сии, как сказано в летописи, тучные вельможи любили свое имение, жен и детей гораздо более отечества и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира. Они смеялись над геройством нашего ду-

ховенства, которое, не имея понятия о случайностях войны, хочет кровопролития и битвы; напоминали великому князю о судьбе его родителя, Василия Темного, плененного татарами, не устыдились думать, что государи московские, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на ханов, не могут без вероломства воевать с ними. Сии внушения действовали тем сильнее, что были согласны с правилами собственного опасливого ума Иоаннова. Любимцы его жалели своего богатства: он жалел своего величия, снисканного трудами осьмнадцати лет, и, не уверенный в победе, мыслил сохранить оное дарами, учтивостями, обещаниями. Одним словом, государь послал боярина, Ивана Федоровича Товаркова, с мирными предложениями к Ахмату и князю ординскому, Темиру. Но царь не хотел слушать их, отвергнул дары и сказал боярину: «Я пришел сюда наказать Ивана за его неправду, за то, что он не едет ко мне, не бьет челом и уже *девять* лет не платил дани. Пусть сам явится предо мною: тогда князья наши будут за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость». Темир также не взял даров, ответствуя, что Ахмат гневен и что Иоанн должен у *царского стремени* вымолить себе прощение. Великий князь не мог унизиться до такой степени раболепства. Получив отказ, Ахмат сделался снисходительнее и велел объявить Иоанну, чтобы он прислал сына или брата, или хотя вельможу, Никифора Басенка, угодника ординского. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Сведав об них, митрополит Геронтий, архиепископ Вассиан и Паисий, игумен троицкий, убедительными грамотами напоминали великому князю обет его стоять крепко за отечество и Веру. Старец Вассиан писал так:

«Наше дело говорить царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита, своей родительницы, благоверных князей и бояр, поехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победою. Что же слышим? Ахмат приближается, губит христианство, грозит

тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твое моление!.. Государь! каким советам внимаешь? людей, недостойных имени христианского. И что советуют? повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли, от какой славы и в какое уничижение низводят они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разорению, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не излиется в слезах от единыя мысли? О государь! кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? *Взыграеши ли яко орел и посреди ли звезд гнездо себе устроишь? свергнет тебя Господь и оттуду*... Нет, нет! уповаем на Вседержителя. Нет, ты не оставишь нас, не явишься беглецом и не будешь именоваться предателем отечества!.. Отложи страх и возмогай о господе в державе крепости Его! Един пожнет тысящу и два двигнут тьму, по слову мужа Святого: *не суть боги их яко Бог наш!* Господь мертвит и живит: Он даст силу твоим воинам. Язычник, философ Демокрит, в числе главных царских добродетелей ставит прозорливость в мирских случаях, твердость и мужество. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данники были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев; а прадед твой великий, хвалы достойный Димитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди; не думал: *имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде* — но стал в лицо Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. Неужели скажешь, что ты обязан клятвою своих предков не поднимать руки на ханов? Но Димитрий поднял оную. Клятва принужденная разрешается митрополитом и нами: мы все благословляем тебя на Ахмата, не царя, но разбойника и *богоборца*. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать сего злочестивого самозванца, который силою поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть отец чадолюбивый:

наказует и милует; древле потопил фараона и спас Израиля: спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием очистишь свое сердце: ибо ты человек и грешен. Покаяние государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда бог восставит нам тебя, государя, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою от нечестивого Ахмата, нового фараона: Ангелы снидут с небес в помощь твою; Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы и одолееши врагов, и смятутся, и погибнут. Тако глаголет господь: *Аз воздвигох тя, царя правды, и приях тя за руку десную, и укрепих тя, да послушают тебе языцы, и крепость царей разрушиши; и аз пред тобою иду, и горы сравняю, и двери медные сокрушу, и затворы железные сломлю...* и дарует тебе Всевышний царство славное и сынам сынов твоих в род и род во веки. А мы Соборами Святительскими день и нощь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молниею небесною и яко псы гладные да лижут землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богом данного тебе сына: уже вы поразили неверных; но не забуди слова Евангельского: *претерпевый до конца, той спасен будет*. Наконец прошу тебя, государь, не осудить моего худоумия; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будет мудрее*. Да будет тако! Благословение нашего смирения на тебе, на твоем сыне, на всех боярах и воеводах, на всем христолюбивом воинстве... Аминь».

Прочитав сие письмо, достойное великой души бессмертного мужа, Иоанн, как сказано в летописи, *исполнился веселия, мужества и крепости;* не мыслил более о средствах мира, но мыслил единственно о средствах победы и готовился к битве. Скоро прибыли к нему братья его, Андрей и Борис, с их многочисленною дружиною: не было ни упреков, ни извинений, ни условий; единокровные обнялися с видом искренней любви, чтобы вместе служить отечеству и христианству.

Прошло около двух недель в бездействии: россияне и татары смотрели друг на друга чрез Угру, которую первые называли *поясом Богоматери*, охраняющим московские владения. Ахмат послал лучшую свою конницу к

городищу Опакову и велел ей украдкою переплыть Оку: воеводы Иоанновы не пустили татар на свой берег. Ахмат злобился; грозил, что морозы откроют ему путь через реки; ждал литовцев и зимы. О литовцах не было слуха; но в исходе октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдом, и великий князь приказал всем нашим воеводам отступить к Кременцу, чтобы сразиться с ханом на полях боровских, удобнейших для битвы.

Так говорил он; так, вероятно, и мыслил. Но бояре и князья изумились, а воины оробели, думая, что Иоанн страшится и не хочет битвы. Полки не отступали, но бежали от неприятеля, который мог ударить на них с тылу. Сделалось чудо, по словам летописцев: татары, видя левый берег Угры оставленный россиянами, вообразили, что они манят их в сети и вызывают на бой, приготовив засады: объятый странным ужасом, хан спешил удалиться [7 ноября]. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не гонимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел восвояси, разорив в Литве двенадцать городов за то, что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось сие последнее нашествие ханское на Россию: царь не мог ворваться в ее пределы; не вывел ни одного пленника московского. Только сын его, Амуртоза, на возвратном пути захватил часть нашей Украйны; но был немедленно изгнан оттуда братьями великого князя, посланными с войском вслед за неприятелем. Один летописец казанский удовлетворительно изъясняет сие бегство Ахматово, сказывая, что крымский царевич Нордоулат и князь Василий Ноздроватый счастливо исполнили повеление Иоанново: достигли Орды, взяли юрт Батыев (вероятно, Сарай), множество пленников, добычи и могли бы вконец истребить сие гнездо наших злодеев, если бы улан Нордоулатов, именем Обуяз, не помешал тому своими представлениями. «Что делаешь?— сказал он своему царевичу:— вспомни, что сия древняя Орда есть наша общая мать; все мы от нее родились. Ты исполнил долг чести и службы московской: нанес удар Ахмату: довольно; не губи остатков!» Нордоулат удалился; а хан, сведав о разорении улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв ме-

ры отвлечь Ахмата от России, великий князь ждал их действия и для того не хотел битвы. Но все другие летописцы славят единственно милость Божию и говорят: «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия! Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Иоанн, распустив войско, с сыном и с братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития. Он не увенчал себя лаврами как победитель Мамаев, но утвердил венец на главе своей и независимость государства. Народ веселился; а митрополит уставил особенный ежегодный праздник Богоматери и Крестный ход июня 23 в память освобождения России от ига моголов: ибо здесь конец нашему рабству.

Ахмат имел участь Мамая. Он вышел из Литвы с богатою добычею: князь *шибанских*, или тюменских, улусов, Ивак, желая отнять ее, с ногайскими мурзами, Ямгурчеем, Мусою и с шестнадцатью тысячами козаков гнался за ним от берегов Волги до Малого Донца, где сей хан, близ Азова, остановился зимовать, распустив своих уланов. Ивак приблизился ночью, окружил на рассвете царскую *белую вежу*, собственною рукою умертвил спящего Ахмата, без сражения взял Орду, его жен, дочерей, богатство, множество литовских пленников, скота; возвратился в Тюмень и прислал объявить великому князю, что злодей России лежит в могиле. Еще так называемая Большая Орда не совсем исчезла, и сыновья Ахматовы удержали в степях волжских имя царей; но Россия уже не поклонялась им, и знаменитая столица Батыева, где наши князья более двух веков раболепствовали ханам, обратилась в развалины, доныне видимые на берегу Ахтубы: там среди обломков гнездятся змеи и ехидны.— Отселе татары шибанские и ногайские, коих улусы находились между рекою Бузулуком и морем Аральским, являются действующими в нашей истории и в сношениях с Москвою, нередко служа орудием ее политике. Князь Ивак Тюменский хвалился происхождением своим от Чингиса и правом на трон Батыев, называя Ахмата, его братьев и сыновей детьми Темир-Кутлуя, а себя истинным царем *Бесерменским;* искал дружбы Иоанновой и величался именем равного ему государя, уже не дерзая требовать с нас дани и мыслить, чтобы россияне были природными подданными всякого хана татарского.

Заметим тогдашнее расположение умов. Несмотря на благоразумные меры, взятые Иоанном для избавления государства от злобы Ахматовой; несмотря на бегство неприятеля, на целость войска и державы, москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государем: ибо думали, что он не явил в сем случае свойственного великим душам мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Иоанн, готовясь к войне, послал супругу в отдаленные северные земли, думая о личной ее безопасности более, нежели о столице, где надлежало ободрить народ присутствием великокняжеского семейства. Строго осуждали и Софию, что она без всякой явной опасности бегала с знатнейшими женами боярскими из места в место, не хотела даже остаться в Белозерске, уехала далее к морю и на пути позволяла многочисленным слугам своим грабить жителей как неприятелей. И так славнейшее дело Иоанново для потомства, конечное свержение ханского ига, в глазах современников не имело полной, чистой славы, обнаружив в нем, по их мнению, боязливость или нерешительность, хотя сия мнимая слабость происходит иногда от самой глубокой мудрости человеческой, которая не есть Божественная, и, предвидя многое, знает, что не предвидит всего.

Тем более народ славил твердость нашего духовенства и в особенности Вассиана, коего послание к великому князю ревностные друзья отечества читали и переписывали с слезами умиления. Сей добродетельный старец едва имел время благословить начало государственной независимости в России: занемог и скончался [в 1481 году], оплакиваемый всеми добрыми согражданами. Славная память его осталась навеки неразлучною с памятию нашей свободы.— Тогда же преставился и брат великого князя, Андрей Меньший, любимый народом за верность и бодрую деятельность, оказанную им против Ахмата. В духовном завещании он признает себя должником Иоанна, получив от него 30 000 рублей для платежа в Орды, в Казань и царевичу Данияру; велит выкупить разные вещи, отданные им в залог Ивану Фрязину и другим; не оставив ни детей, ни жены, отказывает государю удел свой, его сыновьям иконы, кресты, поясы и цепи золотые, братьям Андрею и Борису некоторые волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологде

и проч. Таким образом, делая себя единственным наследником своих ближних, умирающих бездетными, великий князь новыми договорными грамотами утвердил за Андреем старшим, за Борисом и за детьми их уделы родительские с частию московских пошлин; дал еще первому город Можайск, а второму несколько сел, с условием, чтобы они не вступались в его приобретения, настоящие и будущие. В сих грамотах упоминается об издержках ординских: хотя великий князь уже не мыслил быть данником, но предвидел необходимость подкупать татар, чтобы располагать их остальными силами в нашу пользу. Содержание царевича Данияра и братьев Менгли-Гиреевых, Нордоулата и Айдара, сосланного за что-то в Вологду; наконец дары, посылаемые в Тавриду, в Казань, в ногайские улусы, требовали немалых расходов, в коих Андрей и Борис Васильевичи обязывались участвовать.

Благополучно отразив Ахмата, сведав о гибели его и миром с братьями успокоив как Россию, так и собственное сердце, Иоанн послал к Менгли-Гирею боярина Тимофея Игнатьевича Скрябу, с известием о своем успехе и с напоминанием, чтобы сей хан не забывал их договора действовать всегда общими силами против Волжской Орды и Казимира, в случае, если преемники Ахматовы или король замыслят опять воевать Россию. Боярин Тимофей должен был говорить в особенности с князем крымским, Именеком, нашим доброжелателем, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* с золотою печатию для свободного пребывания во всех московских владениях: ибо Довлетек, не веря спокойствию мятежной Тавриды, просил о том Иоанна. Странное действие судьбы: Россия, столь долго губимая татарами, сделалась их покровительницею и верным убежищем в несчастиях!

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА Г. 1480—1490

Война с Ливонским орденом. Литовские дела. Хан крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с крымским ханом. Король венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, господаря молдавского. Завоевание Твери. Присоединение удела верейского к Москве. Князья ростовские, ярославские лишены прав владетельных. Происшествия рязанские. Покорение Казани. Сношения с ханом крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Младого. Казнь врача. Собор на еретиков жидовских. Свержение митрополита; избрание нового.

В сие время Иоанн предпринял нанести удар ливонским немцам. Еще в 1478 году, покоряя Новгород, московская рать входила в их нарвские пределы и возвратилась оттуда с добычею. Скоро после того купцы псковские были задержаны в Риге и в Дерпте: у некоторых отняли товары, других заключили в темницу. Псковитяне сделали то же и с купцами дерптскими; но не хотели войны и, считая себя в мире с немцами, удивились, когда рыцари заняли Вышегородок. Сие известие пришло во Псков ночью: ударили в вечевой колокол; граждане собралися и на рассвете выступили против неприятеля. Оставив Вышегородок, немцы явились под Гдовом. С помощию великого князя и с его воеводою, князем Андреем Никитичем Ногтем, присланным из Новагорода, псковитяне заставили их бежать, сожгли Костер на реке Эмбахе, взяли там несколько пушек, осаждали Дерпт и возвратились обремененные добычею. Сие впадение россиян в Дерптскую землю описано самим магистром ливонским, Бернгардом, в донесении его к главе Прусского ордена; нет лютости, в которой бы он не обвинял их; убиение людей безоружных было легчайшим из злодейств, ими будто бы совершенных. На-

помним читателю сказание византийских историков о свирепости древних славян или повествование наших летописцев о набегах татарских; россияне, по словам Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сих варваров. Магистр готовил месть: сведав, что воевода московский, недовольный псковитянами, ушел от них с своею дружиною и что Иоанн занят войною с Ахматом, Бернгард требовал помощи, людей и денег от Прусского ордена; желая действовать всеми силами, но боясь упустить время, приступил к Изборску: не мог взять его и выжег только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дым, жаловались на своего князя, Василия Шуйского, что он пьет и грабит их, а защитить не умеет. Немцы обратили в пепел городок Кобылий, умертвив до четырех тысяч жителей, и наконец (в 1480 году, августа 20) осадили Псков. Войско их, как пишут, состояло из 100 000 человек, большею частию крестьян, худо вооруженных и совсем неспособных к ратным действиям, так, что необозримый стан его за рекою Великою походил на цыганский: шум и беспорядок господствовали в оном. Но псковитяне ужаснулись. Многие бежали, и сам князь Шуйский уже садился на коня, чтобы следовать примеру малодушных: граждане остановили его; делали мирные предложения магистру, с обрядами священными носили вокруг стен одежду своего незабвенного героя Довмонта и наконец исполнились мужества. Бернгард, имея 13 дерптских судов с пушками, старался зажечь город. Немцы пристали к берегу: тут россияне, вооруженные секирами, мечами, камнями, устремились в бой и смяли их в реку. Немцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, сняв осаду, ушли. «Мы тщетно предлагали россиянам битву в поле,— говорит Бернгард в письме к начальнику Прусского ордена:— река Великая не допустила нас до города». Ожидая нового нападения, псковитяне требовали защиты от братьев Иоанновых, Андрея и Бориса, которые ехали тогда из Великих Лук в Москву с сильною дружиною; но сии князья ответствовали, что им не время думать о немцах, и мимоездом ограбили несколько деревень за то, как сказано в одной летописи, что псковитяне, опасаясь Иоаннова гнева, не хотели принять к себе их княгинь, бывших в Литве.

Магистр, испытав неудачу, распустил войско: сия оплошность дорого стоила бедной земле его. Сведав о не-

приятельских действиях ордена и не имея уже других врагов, Иоанн послал воевод, князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенского, с двадцатью тысячами на Ливонию, кроме особенных полков новогородских, предводимых наместниками, князем Василием Федоровичем и боярином Иваном Зиновьевичем. Псков был местом соединения российских сил, достаточных для завоевания всей Ливонии; но умеренный Иоанн не хотел оного, имея в виду иные, существеннейшие приобретения: желал единственно вселить ужас в немцев и тем надолго успокоить наши северо-западные пределы. В исходе февраля 1481 году рать великокняжеская, конница и пехота, вступила в орденские владения и разделилась на три части: одна пошла к Мариенбургу, другая к Дерпту, третья к Вальку. Неприятель нигде не смел явиться в поле: россияне целый месяц делали что хотели в земле его; жгли, грабили; взяли Феллин, Тарваст, множество людей, лошадей, колоколов, серебра, золота; захватили обоз магистра: едва и сам Бернгард не попался им в руки, бежав из Феллина за день до их прихода. Некоторые города откупались: летописец обвиняет корыстолюбие князей Булгака и Ярослава, тайно бравших с них деньги. Всех более потерпели священники: москвитяне ругались над ними, секли их и жгли, как сказано в бумагах орденских; дворян, купцов, земледельцев, жен, детей отправляли тысячами в Россию и тяжелые обозы с добычею. Весенняя распутица освободила наконец Ливонию: полки наши возвратились во Псков; а Бернгард, оплакивая судьбу ордена, винил во всем великого магистра прусского, не давшего ему помощи; другие же обвиняли епископа дерптского, который, имея свое особенное войско, не хотел действовать совокупно с рыцарями. Но обстоятельства переменились: орден три века боролся с новогородцами и псковитянами, часто несогласными между собою: единовластие давало России такую силу, что бытие Ливонии уже находилось в опасности.— В 1483 году послы Иоанновы заключили в Нарве перемирие с немцами на 20 лет.

С Литвою не было ни войны, ни мира. Иоанн предлагал мир, но требовал наших городов и земель, коими завладел Витовт: а король требовал Великих Лук и даже Новагорода. С обеих сторон недоброжелательствовали друг другу, стараясь вредить тайно и явно. Россия

имела друзей в Литве между князьями единоверными: трое из них, Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Бельский, правнуки славного Ольгерда, будучи недовольны Казимиром, замыслили поддаться Иоанну с их уделами в земле Северской. Сие намерение открылось: король велел схватить двух первых; а Бельский (в 1482 году) ушел в Москву, оставив в Литве юную супругу на другой день своей женитьбы. Так сказано о сем происшествии в наших летописях. Историк польский говорит следующее: «Князья северские, приехав в Вильну, хотели видеть короля; но страж не позволил им войти во дворец и дверью прихлопнул одному из них ногу: Казимир осудил сего воина на смерть, однако ж не мог укротить тем злобы князей: считая себя несносно обиженными и давно имея разные досады на правительство литовское, к ним неблагосклонное за иноверие, они поддалися государю московскому». Иоанн, в надежде воспользоваться услугами Бельского, принял его с отменною милостию и дал ему в отчину городок Демон.

Казимир поставил 10 000 ратников в Смоленске, однако ж не смел начать войны; ласково угостил в Гродне чиновников Пскова и снисходительно удовлетворил всем их требованиям в спорных делах с Литвою; между тем советовал Ахматовым сыновьям, Сеид-Ахмату и Муртозе, тревожить Россию и старался отвлечь хана Менгли-Гирея от нашего союза: в чем едва было и не успел, подкупив вельможу крымского, Именека, который склонил государя своего заключить (в 1482 году) мир с Литвою. Но Иоанн разрушил сей замысл: послы великокняжеские, Юрий Шестак и Михайло Кутузов, сильными представлениями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя неприятелем Казимировым, так что он в 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегах Днепра, взял Киев, пленил тамошнего воеводу, Ивана Хотковича, опустошил город, сжег монастырь Печерский и прислал к великому князю дискос и потир Софийского храма, вылитые из золота. Сей случай оскорбил православных москвитян, которые видели с сожалением, что Россия насылает варваров на единоверных жечь и грабить Святые церкви, древнейшие памятники нашего христианства; но великий князь, думая единственно о выгодах государственных, изъявил благодарность хану, убеждая его и впредь

ревностно исполнять условия их союза. «Я с своей стороны,— приказывал к нему Иоанн,— не упускаю ни единого случая делать тебе угодное: содержу твоих братьев в России, Нордоулата и Айдара, с немалым убытком для казны моей». Великий князь в самом деле поступал как истинный, усердный друг Менгли-Гиреев. Взаимная ненависть ханов Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертию Ахмата, несмотря на то, что султан турецкий, правом верховного мусульманского властителя, запретил им воевать между собою. Скитаясь в донских степях с особенным своим улусом, царь Муртоза, при наступлении жестокой зимы (в 1485 году), искал убежища от голода в окрестностях Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, пленил его, отослал в Кафу и разбил еще улус князя Золотой Орды, Темира; но сей князь в следующее лето, соединясь с другим Ахматовым сыном, нечаянно напал на Тавриду — когда жители и воины ее занимались хлебопашеством,— едва не схватил самого Менгли-Гирея, освободил Муртозу и с добычею удалился в степи. Великий князь, сведав о том, немедленно отрядил войско на улусы Ахматовых сыновей и прислал к Менгли-Гирею многих крымских пленников, вырученных россиянами.

В Венгрии царствовал Матфей Корвин, сын славного Гуниада, знаменитый остроумием и мужеством: будучи неприятелем Казимира, он искал дружбы государя московского и в 1482 году прислал к нему чиновника, именем Яна; а великий князь, приняв его благосклонно, вместе с ним отправил к королю дьяка Федора Курицына, чтобы утвердить договор, заключенный в Москве между сими двумя государствами и разменяться грамотами. Обе державы условились вместе воевать королевство Польское в удобное для того время.— Венгрия, быв некогда в частых сношениях с южною Россиею, уже около двухсот лет как бы не существовала для нашей истории: Иоанн возобновил сию древнюю связь, которая могла распространить славу его имени в Европе и способствовать нашему гражданскому образованию. Великий князь требовал от Матфея, чтобы он доставил ему: 1) художников, умеющих лить пушки и стрелять из оных; 2) *размыслов*, или инженеров; 3) серебреников для делания больших и малых сосудов; 4) зодчих для строения церквей, палат и городов; 5) горных мас-

теров, искусных в добывании руды золотой и серебряной, также в отделении металла от земли. «У нас есть серебро и золото,— велел он сказать королю:— но мы не умеем чистить руду. Услужи нам, и тебе услужим всем, что находится в моем государстве».— Дьяк Курицын, возвращаясь в Москву, был задержан турками в Белегороде, но освобожден старанием короля и Менгли-Гирея. Новые взаимные посольства, ласковые письма и дары утверждали сию приязнь. Иоанн (в 1488 году) подарил Матфею черного соболя с коваными золотыми ноготками, обсаженными крупным новогородским жемчугом; в знак особенного уважения допускал к себе послов венгерских, изустно говорил с ними, дозволял им садиться и сам подавал кубок вина. Зная, что дружество государей бывает основано на политике, он внимательно наблюдал Матфееву и предписывал своим послам разведывать о всех его сношениях с Турциею, римским императором, с Богемиею и с Казимиром.

В сие время явилась новая знаменитая держава в соседстве с Литвою и сделалась предметом Иоанновой политики. Мы говорили о начале Молдавского княжества, управляемого воеводами, коих имена едва нам известны до самого Стефана IV, или Великого, дерзнувшего обнажить меч на ужасного Магомета II и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписавшего имя свое в историю редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастии, приписывая его только Богу, покровителю добродетели, он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое. Вера греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необыкновенный ум обоих властителей, российского и молдавского, согласие их выгод и правил служили естественною связию между ими. Стефан, кроме турков, опасался честолюбивого Казимира и Менгли-Гирея: первый хотел, чтобы Молдавия зависела от королевства Польского; второй, будучи присяжником султана, угрожал ей нападением. Иоанн мог содействовать ее независимости и безопасности, обуздывая короля страхом войны, а Менгли-Гирея дружественными представлениями, с условием, чтобы и Стефан, в случае нужды, помогал России усердно. Сей *воевода* и *господарь* —

так называет он себя в своих грамотах,— противоборствуя насилиям султанов, утеснителей Греции, имел еще особенное право на дружество зятя Палеологов, который принял герб их и с ним обязательство быть врагом Магометовых наследников.

Таким образом расположенные к искреннему союзу, Иоанн и Стефан утвердили оный семейственным: второй предложил выдать дочь свою, Елену, за старшего сына Иоаннова, избрав в посредницы мать великого князя. Боярин Михайло Плещеев с знатною дружиною в 1482 году отправился за невестою в Молдавию, где и совершилось обручение. Стефан отпустил дочь в Россию с своими боярами: Ланком, Синком, Герасимом и с женами их. Она ехала через Литву: Казимир не только дал ей свободный путь, но и прислал дары в знак учтивости. Прибыв в Москву после Филиппова заговенья, Елена жила в Вознесенском монастыре у матери великого князя и до свадьбы имела время познакомиться с женихом. Их обвенчали в самый праздник Крещения. Увидим, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внешнею политикою утверждая безопасность государства, Иоанн возвеличил его внутри новым успехом единовластия. Он уже покорил Новгород, взял Двинскую землю, завоевал Пермь отдаленную; но в осьмидесяти верстах от Москвы видел российское особенное княжество, державу равного себе государя, по крайней мере именем и правами. Со всех сторон окруженная московскими владениями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, как малый остров среди моря, ежечасно угрожаемый потоплением. Князь Михаил Борисович, шурин Иоаннов, знал опасность и не верил ни свойству, ни грамотам договорным, коими сей государь утвердил его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить трон или защитить себя иноземным союзом. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, как то свидетельствовал жребий Новагорода; но личная ненависть Казимирова к великому князю, пример бывших тверских владетелей, искони друзей Литвы, и легковерие надежды, вселяемое страхом в малодушных, обратили Михаила к королю: будучи вдовцом, он вздумал жениться на его внуке и вступил с ним в тесную связь. Дотоле Иоанн, в нужных случаях располагая тверским войском, оставлял шури-

на в покое: узнав же о сем тайном союзе и, как вероятно, обрадованный справедливым поводом к разрыву, немедленно объявил Михаилу войну (в 1485 году). Сей князь, затрепетав, спешил умилостивить Иоанна жертвами: отказался от имени *равного* ему брата, признал себя *младшим*, уступил Москве некоторые земли, обязался всюду ходить с ним на войну. Тверской епископ был посредником, и великий князь, желая обыкновенно казаться умеренным, долготерпеливым, отсрочил гибель сей державы. В мирной договорной грамоте, тогда написанной, сказано, что Михаил разрывает союз с королем и без ведома Иоаннова не должен иметь с ним никаких сношений, ни с сыновьями Шемяки, князя можайского, боровского, ни с другими российскими беглецами; что он клянется за себя и за детей своих вовеки не поддаваться Литве; что великий князь обещает не вступаться в Тверь, и проч. Но сей договор был последним действием тверской независимости: Иоанн в уме своем решил ее судьбу, как прежде новогородскую; начал теснить землю и подданных Михаиловых: если они чем-нибудь досаждали москвитянам, то он грозил и требовал их казни; а если москвитяне отнимали у них собственность и делали им самые несносные обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаил писал и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имеют защитника в своем государе, искали его в московском: князья микулинский и дорогобужский вступили в службу великого князя, который дал первому в поместье Дмитров, а второму Ярославль. Вслед за ними приехали и многие бояре тверские. Что оставалось Михаилу? Готовить себе убежище в Литве. Он послал туда верного человека: его задержали и представили Иоанну письмо Михаилово к королю, достаточное свидетельство измены и вероломства: ибо князь тверской обещался не сноситься с Литвою, а в сем письме еще возбуждал Казимира против Иоанна. Несчастный Михаил отправил в Москву епископа и князя холмского с извинениями: их не приняли. Иоанн велел наместнику новогородскому, боярину Якову Захарьевичу, идти со всеми силами ко Твери, а сам, провождаемый сыном и братьями, выступил из Москвы 21 августа со многочисленным войском и с огнестрельным снарядом (вверенным искусному Аристотелю): сентября 8 осадил Михаилову столицу и зажег предместие. Чрез два дня

явились к нему все тайные его доброжелатели тверские, князья и бояре, оставив государя своего в несчастии. Михаил видел необходимость или спасаться бегством, или отдаться в руки Иоанну; решился на первое и ночью ушел в Литву. Тогда епископ, князь Михаил Холмский с другими князьями, боярами и земскими людьми, сохранив до конца верность к их законному властителю, отворили город Иоанну, вышли и поклонились ему как общему монарху России. Великий князь послал бояр своих и дьяков взять присягу с жителей; запретил воинам грабить; 15 сентября въехал в Тверь, слушал Литургию в храме Преображения и торжественно объявил, что дарует сие княжество сыну, Иоанну Иоанновичу; оставил его там и возвратился в Москву Чрез некоторое время он послал бояр своих в Тверь, в Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм, Новогородок описать все тамошние земли и разделить их на сохи для платежа казенных податей.

Столь легко исчезло бытие Тверской знаменитой державы, которая от времен святого Михаила Ярославича именовалась *великим* княжением и долго спорила с Москвою о первенстве. Ее народ, уступая другим россиянам в промышленности, славился мужеством и верностию к государям. Князья тверские имели до 40 000 конного войска; но, будучи врагами московских, не хотели участвовать в великом подвиге нашего освобождения и тем лишились права на общее сожаление в их бедствии. Михаил Борисович кончил дни свои изгнанником в Литве, не оставив сыновей.

Иоанн известил Матфея, короля венгерского, о покорении Твери и велел сказать ему: «Я уже начал воевать с Казимиром, ибо князь тверской его союзник. Наместники мои заняли разные места в литовских пределах, и хан Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнем и мечом опустошает Казимировы владения. И так помогай мне, как мы условились». Но Матфей, отняв тогда у императора знатную часть Австрии и Вену, хотел отдохновения в старости. «Душевно радуюсь,— писал он к великому князю,— успехам твоего единовластия в России. Я готов исполнить договор и вступить в землю общего врага нашего, когда узнаю, что ты всеми силами против него действуешь. Ожидаю сей вести». Между тем,

возбуждая друг друга к войне польской, они не начинали ее и занимались иными делами.

Взяв Тверь мечом, Иоанн грамотою присвоил себе удел верейский. Единственный сын и наследник князя Михаила Андреевича, Василий, женатый на гречанке Марии, Софииной племяннице, должен был еще при жизни родителя выехать из отечества, быв виною раздора в семействе великокняжеском, как сказывает летописец. Иоанн, в конце 1483 года обрадованный рождением внука, именем Димитрия, хотел подарить невестке, Елене, драгоценное узорочье первой княгини своей; узнав же, что София отдала его Марии или мужу ее, Василию Михайловичу Верейскому, так разгневался, что велел отнять у него все женино приданое и грозил ему темницею. Василий в досаде и страхе бежал с супругою в Литву; а великий князь, объявив его навеки лишенным отцовского наследия, клятвенною грамотою обязал Михаила Андреевича не иметь никакого сообщения с сыном-изменником и города Ярославец, Белоозеро, Верею по кончине своей уступить ему, государю московскому, в потомственное владение. Михаил Андреевич умер весною в 1485 году, сделав великого князя наследником и душеприкащиком, не смев в духовной ничего отказать сыну в знак благословения, ни иконы, ни креста, и моля единственно о том, чтобы государь не пересуживал его судов.

Присоединяя уделы к великому княжению, Иоанн искоренял и все остатки сей несчастной для государства системы. Ярославль уже давно зависел от Москвы, но его князья еще имели особенные наследственные права, несогласные с единовластием: они добровольно уступили их государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошних князей, Владимира Андреевича, Ивана Ивановича, детей их и племянников: они продали ее великому князю.— Сим восстановилась целость северной Российской державы, как была оная при Андрее Боголюбском или Всеволоде III. Усиленное сверх того подданством Новагорода и всех его обширных владений, также уделов муромского и некоторых черниговских, великое княжение Московское было уже достойно имени государства.— Но Рязань еще сохраняла вид державы особенной: любя сестру свою, княгиню Анну, Иоанн позволял супругу и сыновьям ее господствовать

там независимо. Зять его, Василий Иванович, преставился в 1483 году, отказав большему сыну, Ивану, великое княжение Рязанское, с городами Переславлем, Ростиславлем и Пронском, а Феодору меньшему Перевитеск и Старую Рязань с третию доходов переславских. Сии два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себе четвертую часть из всех казенных пошлин, и в 1486 году заключили между собою договор, чтобы одному наследовать после другого, если не будет у них детей, и чтобы никаким образом не отдавать своего княжества в иной род. Они боялись, кажется, чтоб государь московский не объявил себя их наследником.

Новый блестящий успех прославил оружие Иоанново. Еще в 1478 году царь казанский, нарушив клятвенные обеты, воевал зимою область Вятскую, приступал к ее городам, опустошил села и вывел оттуда многих пленников, будучи обманут ложною вестию, что Иоанн разбит новогородцами и самчетверт шел раненый в Москву. Великий князь отмстил ему весною: устюжане и вятчане выжгли селения в окрестностях Камы; а воевода московский, Василий Образец, на берегах Волги: он доходил из Нижнего до самой Казани и приступил к городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагим просил мира, заключил его и скоро умер, оставив многих детей от разных жен. Казань сделалась феатром несогласия и мятежа чиновников: одни хотели иметь царем Магмет-Аминя, меньшего Ибрагимова сына, коего мать, именем Нурсалтан, дочь Темирова, сочеталась вторым браком с ханом таврическим, Менгли-Гиреем; другие держали сторону Алегама, старшего сына, и с помощию ногаев возвели его на престол, к неудовольствию Иоанна, который доброжелательствовал пасынку своего друга, Менгли-Гирея, знал ненависть Алегамову к России и сверх того опасался тесного союза Казани с ногаями. Юный Магмет-Аминь приехал в Москву: великий князь дал ему в помесье Коширу и наблюдал все движения Алегамовы. Воеводы московские стояли на границах; вступали иногда и в Казанскую землю. Царь мирился; нелюбимый подданными, обещал быть нам другом, обманывал и злодействовал. Наконец Иоанн, видя непримиримую его злобу, в апреле 1487 года послал Магмет-Аминя и славного Даниила Холмского с сильною ратию к Казани. Маия 18 Холмс-

кий осадил ее: июля 9 взял город и царя. Сию радостную весть привез в Москву князь Федор Ряполовский: Иоанн велел петь молебны, звонить в колокола и с умилением благодарил Небо, что оно предало ему в руки Мамутеково царство, где его отец, Василий Темный, лил слезы в неволе. Но мысль совершенно овладеть сим древним Болгарским царством и присоединить оное к России еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народ Веры Магометовой, духа ратного, беспокойного, нелегко мог быть обуздан властию государя христианского, и мы еще не имели всегдашнего, непременного войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Иоанн только назвался *государем Болгарии*, но дал ей собственного царя: Холмский его именем возвел Магмет-Аминя на престол, казнил некоторых знатных уланов, или князей, и прислал Алегама в Москву, где народ едва верил глазам своим, видя царя татарского пленником в нашей столице. Алегам с двумя женами был сослан в Вологду; а мать, братья и сестры его в Карголом на Белеозере.

Иоанн немедленно уведомил о сем счастливом происшествии Менгли-Гирея и в особенности царицу Нурсалтан, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, из благодарности за ее сына, им возвеличенного, способствовала твердости союза между Россиею и Крымом. Сия искренняя, взаимная приязнь не изменялась. Великий князь уведомлял Менгли-Гирея о замыслах ханов ординских, о частых их сношениях с Казимиром; и, сведав, что они двинулись к Тавриде, отрядил козаков с Нордоулатом, бывшим царем крымским, на улусы Золотой Орды; велел и Магмед-Аминю тревожить ее нападениями; советовал также Менгли-Гирею возбудить ногаев против сыновей Ахматовых. Сообщение между Тавридою и Россиею подвергалось крайним затруднениям, ибо волжские татары хватали в степях, кого встречали, на берегах Оскола и Мерли: для того Иоанн предлагал хану уставить новый путь через Азов с условием, чтобы турки освобождали россиян от всякой пошлины. Сия безопасность пути нужна была не только для государственных сношений и купцов, но и для иноземных художников, вызываемых великим князем из Италии и ездивших в Москву через Кафу. Кроме обыкновенных гонцов, отправлялись в Тавриду и знаменитые послы: в

1486 году Семен Борисович, в 1487 боярин Дмитрий Васильевич Шеин, с ласковыми грамотами и дарами, весьма умеренными; например, в 1486 году Иоанн послал царю три шубы — рысью, кунью и беличью,— три соболя и корабельник, жене его и брату, калге Ямгурчею, по корабельнику, а детям по червонцу. За то и сам хотел даров: узнав, что царица Нурсалтан достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, может быть, сей хан похитил в Москве при Димитрии Донском), он неотступно требовал ее в письмах и наконец получил от царицы.— Как истинный друг Менгли-Гирея, Иоанн способствовал его союзу с королем венгерским и не дал ему сделать важной политической ошибки. Сей случай достопамятен, показывая ум великого князя и простосердечие хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдар и Нордоулат, добровольно приехав в Россию, уже не имели свободы выехать оттуда. Хан Золотой Орды, Муртоза, желал переманить Нордоулата к себе и (в 1487 году) прислал своего чиновника в Москву с письмами к нему и к великому князю, говоря первому: «Брат и друг мой, сердцем праведный, величеством знаменитый, опора Бесерменского царства! Ты ведаешь, что мы дети единого отца; предки наши, омраченные властолюбием, восстали друг на друга: немало было зла и кровопролития; но раздоры утихли: следы крови омылися млеком, и пламень вражды погас от воды любовной. Брат твой, Менгли-Гирей, снова возбудил междоусобие: за что господь наказал его столь многими бедствиями. Ты, краса отечества, живешь среди неверных: сего мы не можем видеть спокойно и шлем твоему величеству *тяжелый поклон с легким даром* чрез слугу, Ших-Баглула: открой ему тайные свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестия? Мы пишем о том к *Ивану*. Где ни будешь, будь здрав и люби наше братство». Письмо к великому князю содержало в себе следующее: «Муртозино слово Ивану. Знай, что царь Нордоулат всегда любил меня: отпусти его, да возведу на царство, свергнув моего злодея, Менгли-Гирея. Удержи в залог жену и детей Нордоулатовых: когда он сядет на престол, тогда возьмет их у тебя добром и любовию». Великий князь посмеялся над гордостию Муртозы; задержав его посла, известил о том Менгли-Гирея и прибавил, что король польский тайно зовет к себе другого брата ханского, Айдара. Но Менгли-

Гирей, не весьма прозорливый, скучая множеством забот, сам желал уступить Нордоулату половину трона, чтобы он, вместе с ним царствуя, своим умом и мужеством облегчил ему тягость власти. «Отправь его ко мне,— писал Менгли-Гирей к Иоанну: — мы забудем прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идет, куда хочет». Великий князь ответствовал, что не может исполнить требования столь неблагоразумного; что властолюбие не знает ни братства, ни благодарности; что Нордоулат, быв сам царем в Тавриде, не удовольствуется частию власти, имея дарования и многих единомышленников; что долг приязни есть остерегать приятеля и не соглашаться на то, что ему вредно. Сии представления образумили и, может быть, спасли Менгли-Гирея.

Несчастная судьба Алегама оскорбила шибанских и ногайских владетелей, связанных с ним родством: царь Ивак, мурзы Алач, Муса, Ямгурчей и жена его прислали в Москву грамоты, убеждая в них освободить сего пленника. Ивак писал к великому князю: «Ты мне брат: я государь бесерменский, а ты христианский. Хочешь ли быть в любви со мною? Отпусти моего брата, Алегама. Какая тебе польза держать его в неволе? Вспомни, что ты, заключая с ним договоры, обещал ему доброжелательство и приязнь». Мурзы изъявляли в своих письмах более смирения, говоря, что они шлют великому князю *тяжелые поклоны с легким даром* и ждут от него милости; что отцы их жили всегда в любви с государями московскими; что обстоятельства удаляли юрт Иваков от пределов России, но что сей царь, победив недругов, снова к ней приближился и хочет Иоанновой дружбы. Послы ногайские желали еще, чтобы купцы их могли свободно приезжать к нам и торговать везде без пошлин. Государь велел объявить им следующий ответ: «Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженного, не отпускаю; а другом вашим быть соглашаюсь, если царь Ивак казнит разбойников, людей Алегамовых, которые у него живут и грабят землю мою и сына моего, Магмет-Аминя; если возвратит все похищенное ими и не будет впредь терпеть подобных злодейств». В ожидании сего требуемого удовлетворения Иоанн задержал в Москве одного из послов, отпустил других и велел, чтобы ногайцы ездили в Россию всегда чрез Казань и Нижний, а не Мордовскою

землею, как они приехали. Сии сношения продолжались и в следующие годы, представляя мало достопамятного для истории. Видим только, что Орда Ногайская, кочуя на берегах Яика и близ Тюменя, имела разных царей и сильных мурз, или князей владетельных; называясь их другом, Иоанн говорил с ними языком повелителя; *дозволил* князю Мусе, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмет-Аминя, но не велел последнему выдавать сестры за сына мурзы ногайского, Ямгурчея, коего люди, вместе с жителями астраханскими, грабили наших рыболовов на Волге; несмотря на все убедительные просьбы ногайских владетелей, держал Алегама в неволе, ответствуя: «из уважения к вам даю ему всякую льготу»; посылал к ним гонцов и дары, ипрские сукна, кречетов, рыбьи зубы, не забывая и жен их, которые в своих приписках именовались его *сестрами;* но, строго наблюдая пристойность в дворских обрядах и различая послов, великий князь изъяснялся с ногайскими единственно через второстепенных сановников, казначеев и дьяков. Главною целию Иоанновой политики в рассуждении сего кочевого народа было возбуждать его против Ахматовых сыновей и не допускать до впадения в землю Казанскую, где Магмет-Аминь царствовал как присяжник и *данник* России: ибо в тогдашних бумагах находим жалобу Магмед-Аминя на чиновника московского, Федора Киселева, который сверх обыкновенных пошлин взял у жителей Цывильской области несколько кадок меда, лошадей, куниц, бобров, лисьих шкур и проч.

Подчинив себе Казань, государь утвердил власть свою над Вяткою. В то время, когда Холмский действовал против Алегама, беспокойный ее народ, не менее своих братьев, новогородцев, привязанный к древним уставам вольности, изъявил непослушание и выгнал наместника великокняжеского. Несмотря на многочисленность войска, бывшего в Казанском походе, Иоанн имел еще иное в готовности и послал воеводу, Юрия Шестака-Кутузова, смирить мятежников; но вятчане умели обольстить Кутузова: приняв их оправдание, он возвратился с миром. Великий князь назначил других полководцев, князя Даниила Щеню и Григорья Морозова, которые с 60 000 воинов приступили к Хлынову. Жители обещались повиноваться, платить дань и

служить службы великому князю, но не хотели выдать главных виновников бунта: Аникиева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнем: велели окружить город плетнями, а плетни берестом и смолою. Оставалось несколько минут на размышление: вятчане представили Аникиева с товарищами, коих немедленно послали окованных к государю. Народ присягнул в верности. Ему дали новый устав гражданский, согласный с самодержавием, и вывели оттуда всех нарочитых земских людей, граждан, купцов с женами и детьми в Москву. Иоанн поселил земских людей в Боровске и в Кременце, купцов в Дмитрове, а трех виновнейших мятежников казнил: чем и пресеклось бытие сей достопамятной народной державы, основанной выходцами новогородскими в исходе второго-надесять века, среди пустынь и лесов, где в тишине и неизвестности обитали вотяки с черемисами. Долго история молчала о Вятке: малочисленный ее народ, управляемый законами демократии, строил жилища и крепости, пахал землю, ловил зверей, отражал нападения вотяков и, мало-помалу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камою и Югом, устьем Вятки и Сысолою; начал торговать с пермяками, казанскими болгарами, с восточными новогородскими и великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самых единоплеменников. Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих русских норманов столько же, как и Болгария: легкие вооруженные суда их непрестанно носились по Каме и Волге. В исходе XIV века уже часто упоминается в летописях о Вятке. Полководец Тохтамыша выжег ее города: сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки. Воеводы Иоанновы вместе с Вяткою покорили и землю *Арскую* (где ныне город Арск); сия область древней Болгарии имела своих князей, взятых тогда в плен и приведенных в Москву: государь отпустил их назад, обязав клятвою подданства.

Среди блестящих деяний государственных, ознаме-

нованных мудростию и счастием венценосца, он был поражен несчастием семейственным. Достойный наследник великого князя, Иоанн Младой, любимый отцом и народом, пылкий, мужественный в опасностях войны, в 1490 году занемог ломотою в ногах (что называли тогда *камчюгою*). За несколько месяцев перед тем сыновья Рала Палеолога, быв в Италии, привезли с собою из Венеции, вместе с разными художниками, лекаря, именем Мистра Леона, родом жидовина: он взялся вылечить больного, сказав государю, что ручается за то своею головою. Иоанн поверил и велел ему лечить сына. Сей медик, более смелый, нежели искусный, жег больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давал пить какое-то зелие. Недуг усилился: юный князь, долго страдав, к неописанной скорби отца и подданных скончался, имев от рождения 32 года. Иоанн немедленно приказал заключить Мистра Леона в темницу и через шесть недель казнил всенародно на Болванове за Москвою-рекою. В сем для нас жестоком деле народ видел одну справедливость: ибо Леон обманул государя и сам себя обрек на казнь. Такую же участь имел в 1485 году и другой врач, немец Антон, лекарствами уморив князя татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом, к ужасу всех иноземцев, так, что и славный Аристотель хотел немедленно уехать из России: Иоанн разгневался и велел заключить его в доме; но скоро простил.

Строгий в наказании бедных неискусных врачей, сей государь в то же время изъявил похвальную умеренность в случае важном для веры, в расколе столь бедственном, по выражению современника, Св. Иосифа Волоцкого, что благочестивая земля Русская не видала подобного соблазна от века Ольгина и Владимирова. Расскажем обстоятельства. Был в Киеве жид именем Схариа, умом хитрый, языком острый: в 1470 году приехав в Новгород с князем Михайлом Олельковичем, он умел обольстить там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос еще не родился; что не должно поклоняться иконам, и проч. Завелась жидовская ересь. Поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррою и развратил, вместе с

Дионисием, многих духовных и мирян, между коими находился протоиерей Софийской церкви, Гавриил, и сын знатного боярина, Григорий Михайлович Тучин. Но трудно понять, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новогородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства: Св. Иосиф Волоцкий дает ему имя *астролога* и *чернокнижника:* и так вероятно, что Схария обольщал россиян иудейскою каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых ученых людей (например, Иоанн Пик Мирандольский) искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились древними преданиями, будто бы дошедшими до них от Моисея; многие уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, и главный источник Соломоновой мудрости; что они знают все тайны природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать духами; что сею наукою Моисей восторжествовал над египетскими волхвами, Илия повелевал огнем небесным, Даниил смыкал челюсти львам; что Ветхий Завет исполнен хитрых иносказаний, объясняемых каббалою; что она творит чудеса посредством некоторых слов Библии, и проч. Неудивительно, если сии внушения произвели сильное действие в умах слабых, и хитрый жид, овладев ими, уверил их и в том, что Мессия еще не являлся в мире.— Внутренно отвергая святыню христианства, новогородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обязанностей благочестия так, что великий князь в 1480 году взял попов Алексия и Дионисия в Москву как пастырей, отличных достоинствами: первый сделался протоиереем храма Успенского, а второй Архангельского. С ними перешел туда и раскол, оставив корень в Новегороде. Алексий снискал особенную милость государя, имел к нему свободный доступ и тайным своим учением прельстил архимандрита симоновского, Зосиму, инока Захарию, дьяка великокняжеского Федора Курицына и других. Сам государь, не подозревая ереси, слыхал от него речи двусмысленные, таинственные: в чем после каялся наедине Святому Иосифу, говоря, что и невестка его, княгиня Елена, была вовле-

чена в сей жидовский раскол одним из учеников Алексиевых, Иваном Максимовым. Между тем Алексий до конца жизни пользовался доверенностию государя и, всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, был главною виною того, что Иоанн, по смерти митрополита Геронтия, возвел сего архимандрита симоновского (в 1490 году) на степень первосвятителя. «Мы увидели,— пишет Иосиф,— чадо сатаны на престоле угодников божиих, Петра и Алексия, увидели хищного волка в одежде мирного пастыря». Тайный жидовин еще скрывался под личиною христианских добродетелей.

Наконец архиепископ Геннадий открыл ересь в Новегороде: собрав все об ней известия и доказательства, прислал дело на суд государю и митрополиту вместе с виновными, большею частию попами и диаконами; он наименовал и московских их единомышленников, кроме Зосимы и дьяка Федора Курицына. Государь призвал епископов, Тихона Ростовского, Нифонта Суздальского, Симеона Рязанского, Вассиана Тверского, Прохора Сарского, Филофея Пермского, также многих архимандритов, игуменов, священников и велел Собором исследовать ересь. Митрополит председательствовал. С ужасом слушали Геннадиеву обвинительную грамоту: сам Зосима казался изумленным. Архиепископ новогородский доносил, что сии отступники злословят Христа и Богоматерь, плюют на кресты, называют иконы болванами, *грызут оные зубами,* повергают в места нечистые, не верят ни Царству Небесному, ни Воскресению мертвых и, безмолвствуя при усердных христианах, дерзостно развращают слабых. Призвали обвиняемых: инока Захарию, новогородского протопопа Гавриила, священника Дионисия и других (глава их, Алексий, умер года за два до сего времени). Они во всем заперлися; но свидетельства, новогородские и московские, были не сомнительны. Некоторые думали, что уличенных надобно пытать и казнить: великий князь не захотел того, и Собор, действуя согласно с его волею, проклял ересь, а безумных еретиков осудил на заточение. Такое наказание по суровости века и по важности разврата было весьма человеколюбиво. Многие из осужденных были посланы в Новгород: архиепископ Геннадий велел посадить их на коней, лицом к хвосту, в одежде вывороченной, в шлемах берестовых, острых, какие изображаются на бесах,

с мочальными кистями, с венцом соломенным и с надписью: *се есть Сатанино воинство!* Таким образом возили сих несчастных из улицы в улицу; народ плевал им в глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и в заключение сжег у них на голове шлемы. Те, которые хвалили сие действие как достойное ревности христианской, без сомнения осуждали умеренность великого князя, не хотевшего употребить ни меча, ни огня для истребления ереси. Он думал, что клятва церковная достаточна для отвращения людей слабых от подобных заблуждений.

Но Зосима, не дерзнув на Соборе покровительствовать своих обличенных тайных друзей, остался в душе еретиком; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредил христианству, то изъясняя ложно Св. Писание, то будто бы с удивлением находя в нем противоречия; иногда же, в порыве искренности, совершенно отвергая учение Евангельское, Апостольское, Святых Отцов, говорил приятелям: «Что такое Царство Небесное? что второе пришествие и воскресение мертвых? кто умер, того нет и не будет». Придворный дьяк Федор Курицын и многие его сообщники также действовали во мраке; имели учеников; толковали им астрологию, иудейскую мудрость, ослабляя в сердцах Веру истинную. Дух суетного любопытства и сомнения важнейших истинах христианства обнаруживался в домах и на торжищах: иноки и светские люди спорили о Естестве Спасителя, о Троице, о святости икон, и проч. Все зараженные ересию составляли между собою некоторый род тайного общества, коего гнездо находилось в палатах митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать.— Ревностные враги их заблуждений были предметом гонения: Зосима удалил от церкви многих священников и диаконов, которые отличались усердием к православию и ненавистию к жидовскому расколу. «Не должно (говорил он) злобиться и на еретиков: пастыри духовные да проповедуют только мир!»

Так повествует Св. Иосиф, основатель и начальник монастыря Волоколамского, историк, может быть, не совсем беспристрастный: по крайней мере смелый, неустрашимый противник ереси: ибо он еще во времена Зосимина первосвятительства дерзал обличать ее, как то видим из письма его к суздальскому епископу Нифонту. «Сокрылись от нас,— пишет Иосиф,— отлетели

ко Христу древние орлы Веры, Святители добродетельные, коих глас возвещал истину в саду Церкви и которые истерзали бы когтями всякое око, неправо зрящее на божественность Спасителя. Ныне шипит тамо змий пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его матерь». Он заклинает Нифонта очистить церковь от неслыханного дотоле соблазна, открыть глаза государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Уверился ли великий князь в расколе митрополита, неизвестно; но в 1494 году, без суда и без шума, велел ему как бы добровольно удалиться в Симонов, а оттуда в Троицкий монастырь за то, как сказано в летописи, что сей первосвятитель не радел о церкви и любил вино. Благоразумный Иоанн не хотел, может быть, соблазнить россиян всенародным осуждением архипастыря, им избранного, и для того не огласил его действительной вины.

Преемник Зосимы в митрополии был игумен троицкий, Симон. Здесь летописцы сообщают нам некоторые весьма любопытные обстоятельства. Когда владыки российские в великокняжеской думе нарекли Симона достойным первосвятительства, государь пошел с ним из дворца в церковь Успения, провождаемый сыновьями, внуком, епископами, всеми боярами и дьяками. Поклонились иконам и гробам святительским; пели, читали молитвы и тропари. Иоанн взял будущего архипастыря за руку и, выходя из церкви, в западных дверях *предал* епископам, которые отвели его в дом митрополитов. Там, отпустив их с благословением, сей скромный муж обедал с иноками Троицкого монастыря, с своими боярами и детьми боярскими. В день посвящения он ехал на *осляти,* коего вел знатный сановник Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый митрополит должен был идти на свое место. Вдруг священнодействие остановилось; пение умолкло: взоры духовенства и вельмож устремились на Иоанна. Государь выступил и громогласно сказал митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам государство всея Руси, подает тебе сей великий престол архиерейства руковозложением архиепископов и епископов нашего царства. Восприими жезл пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о нас — и да подаст тебе Господь здравие со многоденством». Тут хор певчих возгласил *Исполлаэти Дес-*

пота. Митрополит ответствовал: «Всемогущая и вседержащая десница вышнего да сохранит мирно твое Богопоставленное Царство, Самодержавный Владыко! Да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здрав, творя добро, о государь самодержавный!» Певчие возгласили Иоанну многолетие.— Великие князья всегда располагали митрополиею, и нет примера в нашей истории, чтобы власть духовная спорила с ними о сем важном праве; но Иоанн хотел утвердить оное священным обрядом: сам указал митрополиту престол и торжественно действовал в храме: чего мы доселе не видали.

К успокоению правоверных новый митрополит ревностно старался искоренить жидовскую ересь; еще ревностнее Иосиф Волоцкий, который, имея доступ к государю, требовал от него, чтобы он велел по всем городам искать и казнить еретиков. Великий князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу христианства; иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть; иногда обещал ему подумать и не мог решиться на жестокие средства, так что многие действительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный дьяк Федор Курицын еще долго пользовался доверенностию государя и был употребляем в делах посольских.

Глава V

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА Г. 1491—1496

Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства императора римского и наши к нему. Открытие печорских рудников. Посольство датское, чагатайское, иверское. Первое дружелюбное сношение с султаном. Посольства в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира: сын его, Александр, на троне литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство князя мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою.

[1491—1493 гг.] Обратимся к государственным происшествиям.— Великий князь жил мирно с братьями до кончины матери, инокини Марфы: она преставилась в 1484 году, и с того времени началось взаимное подозрение между ими. Андрей и Борис не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие Иоанна, который, непрестанно усиливая государство Московское, не давал им части в своих приобретениях. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы великий князь не отнял у них и наследственных уделов. Иоанн также, зная сие внутреннее расположение братьев, помня их бегство в Литву и наглые злодейства в пределах российских, не имел к ним ни доверенности, ни любви; но соблюдал пристойность, не хотел быть явным утеснителем и в 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себе ни Андреевых, ни Борисовых городов, требуя, чтобы сии князья не входили в переговоры с Казимиром, с тверским изгнанником Михаилом, с литовскими панами, новогородцами, псковитянами и немедленно сообщали ему все их письма. Следственно, Иоанн опасался тайной связи между братьями, Литвою и теми россиянами, которые не любили самодержавия: может быть, и знал об ней, желая прервать

оную или в противном случае не оставить братьям уже никакого извинения. Еще они с обеих сторон удерживались от явных знаков взаимного недоброжелательства, когда Андрею Васильевичу сказали, что великий князь намерен взять его под стражу: Андрей хотел бежать; одумался и велел московскому боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у государя, чем он заслужил гнев его? Боярин не дерзнул вмешаться в дело столь опасное. Андрей сам пришел к брату и хотел знать вину свою. Великий князь изумился: ставил Небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла, и требовал, чтобы он наименовал клеветника. Андрей сослался на своего боярина, Образца: Образец на слугу Иоаннова, Мунта Татищева; а последний признался, что сказал то единственно в шутку. Государь, успокоив брата, дал повеление отрезать Татищеву язык: ходатайство митрополитово спасло несчастного от сей казни; однако ж его высекли кнутом. В 1491 году великий князь посылал войско против ординских царей, Сеид-Ахмута и Шиг-Ахмета, которые хотели идти на Тавриду, но удалились от ее границ, сведав, что московская рать уже стоит на берегах Донца. Полководцы Иоанновы, царевич Салтаган, сын Нордоулатов, и князья Оболенские, Петр Никитич и Репня, возвратились, не сделав ничего важного. В сем походе долженствовали участвовать и братья великого князя; но Андрей не прислал вспомогательной дружины к Салтагану. Иоанн скрыл свою досаду. Осенью, сентября 19, приехав из Углича в Москву, Андрей был целый вечер во дворце у великого князя. Они казались совершенными друзьями: беседовали искренно и весело. На другой день Иоанн через дворецкого, князя Петра Шастунова, звал брата к себе на обед, встретил ласково, поговорил с ним и вышел в другую комнату, отослав Андреевых бояр в столовую *гридню*, где их всех немедленно взяли под стражу. В то же время князь Симеон Иванович Ряполовский со многими иными вельможами явился перед Андреем, хотел говорить и не мог ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконец дрожащим голосом сказал: *Государь князь Андрей Василиевич! поиман еси Богом, да государем великим князем, Иваном Василиевичем, всея Руси, братом твоим старейшим.* Андрей встал и с твердостию ответствовал: *«Волен Бог да государь брат мой; а Всевышний рассудит*

нас в том, что лишаюсь свободы безвинно». Андрея свели на Казенный двор, оковали цепями и приставили к нему многочисленную стражу, состоящую из князей и бояр; двух его сыновей, Ивана и Димитрия, заключили в Переславле; дочерей оставили на свободе: удел же их родителя присоединили к великому княжению. Чтобы оправдать себя, Иоанн объявил Андрея изменником: ибо сей князь, нарушив клятвенный обет, замышлял восстать на государя с братьями Юрием, Борисом и с Андреем Меньшим, переписывался с Казимиром и с Ахматом, наводя их на Россию; вместе с Борисом уезжал в Литву; наконец, ослушался великого князя и не посылал воевод своих против Сеид-Ахмута. Только последняя вина имела вид справедливости: другие, как старые, были заглажены миром в 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что он уже после того писал к Казимиру. Одним словом, Иоанн в сем случае поступил жестоко, оправдываясь, как вероятно, в собственных глазах известною строптивостию Андрея, государственною пользою, требующей беспрекословного единовластия, и примером Ярослава I, который также заключил брата.— Государь тогда же потребовал к себе и Бориса Василиевича: сей князь с ужасом и трепетом явился в московском дворце, но через три дня был с милостию отпущен назад в Волок. Андрей в 1493 году умер в темнице, к горести великого князя, по уверению летописцев. Рассказывают, что он (в 1498 году), призвав митрополита и епископов во дворец, встретил их с лицом печальным, безмолвствовал, заплакал и начал смиренно каяться в своей жестокости, быв виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополит и епископы сидели: государь стоял перед ними и требовал прощения. Они успокоили его совесть: отпустили ему грех, но с пастырским душеспасительным увещанием.— Борис Василиевич также скоро преставился. Сыновья его, Феодор и Иван, наследовали достояние родителя. В 1497 году они уступили великому князю коломенские и другие села, взяв за них тверские. Иван Борисович, умирая в 1503 году, отказал государю Рузу и половину Ржева, вместе с его *воинскою рухлядью*, доспехами и конями. Так в государстве Московском исчезали все особенные наследственные власти, уступая великокняжеской.

Между тем и внешние политические отношения Рос-

сии более и более возвышали достоинство ее монарха. Послы Ольгины находились в Германии, при Оттоне I, а немецкие в Киеве около 1075 года; Изяслав I и Владимир Галицкий искали покровительства римских императоров; Генрик IV был женат на княжне российской, и Фридерик Барбарусса уважал Всеволода III: но с того времени мы не имели сообщения с империею, до 1486 года, когда знатный рыцарь, именем Николай Поппель, приехал в Москву с письмом Фридерика III, без всякого особенного поручения, единственно из любопытства. «Я видел,— говорил он,— все земли христианские и всех королей: желаю узнать Россию и великого князя». Бояре ему не верили и думали, что сей иноземец с какимнибудь злым намерением подослан Казимиром Литовским; однако ж Поппель, удовлетворив своему любопытству, благополучно выехал из России и чрез два года возвратился в качестве посла императорского с новою грамотою от Фридерика и сына его, короля римского, Максимилиана, писанною в Ульме 26 декабря 1488 года. Принятый ласково, он в первом свидании с московскими боярами, князем Иваном Юрьевичем, Даниилом Холмским и Яковом Захарьевичем, говорил следующее: «Выехав из России, я нашел императора и князей германских в Нюренберге; беседовал с ними о стране вашей, о великом князе, и вывел их из заблуждения: они думали, что Иоанн есть данник Казимиров. *Нет,* сказал я: *государь московский сильнее и богатее польского; держава его неизмерима, народы многочисленны, мудрость знаменита.* Одним словом, самый усерднейший из слуг Иоанновых не мог бы говорить об нем иначе, ревностнее и справедливее. Меня слушали с удивлением, особенно император, в час обеда ежедневно разговаривая со мною. Наконец сей монарх, желая быть союзником России, велел мне ехать к вам послом со многочисленною дружиною. Еще ли не верите истине моего звания? За два года я казался здесь обманщиком, ибо имел с собою только двух служителей. Пусть великий князь пошлет собственного чиновника к моему государю: тогда не останется ни малейшего сомнения». Но Иоанн уже верил послу, который именем Фридериковым предложил ему выдать его дочь, Елену или Феодосию, за Албрехта, маргкрафа баденского, племянника императорова, и желал видеть невесту. Великий князь ответствовал ему

через дьяка, Федора Курицына, что вместе с ним отправится в Германию посол российский, коему велено будет изъясниться о сем с императором, и что обычаи наши не дозволяют прежде времени показывать юных девиц женихам или сватам.— Второе предложение Поппелево состояло в том, чтобы Иоанн запретил псковитянам вступаться в земли ливонских немцев, подданных империи. Государь велел ответствовать, что псковитяне владеют только собственными их землями и не вступают в чужие.

Весьма достопамятна третия аудиенция, данная послу Фридерикову в *набережных сенях*, где сам великий князь слушал его, отступив несколько шагов от своих бояр. «Молю о скромности и тайне,— сказал Поппель:— ежели неприятели твои, ляхи и богемцы, узнают, о чем я говорить намерен: то жизнь моя будет в опасности. Мы слышали, что ты, государь, требовал себе от папы *королевского* достоинства; но знай, что не папа, а только император жалует в короли, в принцы и в рыцари. Если желаешь быть королем, то предлагаю тебе свои услуги. Надлежит единственно скрыть сие дело от монарха польского, который боится, чтобы ты, сделавшись ему равным государем, не отнял у него древних земель российских». Ответ Иоаннов изображает благородную, истинно царскую гордость. Бояре сказали послу так: «Государь, великий князь, Божиею милостию наследовал державу Русскую от своих предков, и *поставление* имеет от Бога, и молит Бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет». Поппель не смел более говорить о том и вторично обратился к сватовству. «Великий князь,— сказал он,— имеет двух дочерей: если не благоволит выдать никоторой за маркграфа баденского, то император представляет ему в женихи одного из саксонских знаменитых принцев, сыновей его племянника (курфирста Фридерика), а другая княжна российская может быть супругою Сигизмунда, маркграфа бранденбургского, коего старший брат есть зять короля польского». На сие не было ответа, и Поппель скоро отправился из Москвы в Данию чрез Швецию, для какого-то особенного императорского дела: государь же послал в Немецкую землю грека, именем Юрия Траханиота, или

Трахонита, выехавшего к нам с великою княгинею, Софиею, дав ему следующее наставление:

«I. Явить императору и сыну его, римскому королю Максимилиану, верющую посольскую грамоту. Уверить их в искренней приязни Иоанновой.— II. Условиться о взаимных дружественных посольствах и свободном сообщении обеих держав.— III. Ежели спросят, намерен ли великий князь выдать свою дочь за маркграфа баденского? то ответствовать, что сей союз не пристоен для знаменитости и силы государя российского, брата древних царей греческих, которые, переселясь в Византию, уступили Рим папам. Но буде император пожелает сватать нашу княжну за сына своего, короля Максимилиана: то ему не отказывать и дать надежду.— IV. Искать в Германии и принять в службу российскую полезных художников, горных мастеров, архитекторов и проч.». На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 белок. Иоанн написал с ним дружественные грамоты к бургомистрам нарвскому, ревельскому и любекскому.

Траханиот поехал (22 марта) из Москвы в Ревель, оттуда в Любек и Франкфурт, где был представлен римскому королю Максимилиану, говорил ему речь на языке ломбардском и вручил дары великокняжеские, 40 соболей, шубы горностаевую и беличью. Доктор, Георг Торн, именем Максимилиана отвечал послу на том же языке, изъявляя благодарность и приязнь сего венценосца к государю московскому. Посла осыпали в Германии ласками и приветствиями. Король римский, встречая его, сходил обыкновенно с трона и сажал подле себя; то же делал и сам император. Они стоя подавали ему руку в знак уважения к великому князю. Более ничего не знаем о переговорах Траханиота, который возвратился в Москву 16 июля 1490 года с новым послом Максимилиановым, Георгом Делатором. Незадолго до того времени умер славный король Матфей, и паны венгерские соглашались избрать на его место Казимирова сына, Владислава, государя богемского, в досаду Максимилиану, считавшему себя законным наследником Матфеевым. Сие обстоятельство соединяло австрийскую политику с нашею: Максимилиан хотел завоевать Венгрию, Иоанн южную литовскую Россию: они признавали Казимира общим врагом, и Делатор, чтобы тем вернее успеть в государственном деле, объявил желание римского короля

(тогда вдового) быть Иоанну зятем: хотел видеть юную княжну и спрашивал о цене ее приданого. Ответ состоял в учтивом отказе: послу изъяснили наши обычаи. Какой стыд для отца и невесты, если бы сват отвергнул ее! Могли знаменитый государь с беспокойством и страхом ждать, что слуга иноземного властителя скажет об его дочери? Изъяснили также Делатору, что венценосцам неприлично торговаться в приданом; что великий князь без сомнения назначит его по достоинству жениха и невесты, но уже после брака; что надобно согласиться прежде в деле важнейшем, а именно в том, чтобы княжна российская, если будет супругою Максимилиана, не переменяла Веры, имела у себя церковь греческую и священников. Для последнего великий князь требовал уверительной записи: но Делатор сказал, что он для сего не уполномочен. И так перестали говорить о браке.

Однако ж союз государственный заключился, и написали договор следующего содержания:

«По воле Божией и нашей любви мы, Иоанн, Божиею милостию Государь всея Русии, Владимирский, Московский, Новогородский, Псковский, Югорский, Вятский, Пермский, Болгарский» (то есть Казанский) «и проч. условились с своим братом, Максимилианом, Королем Римским и Князем Австрийским, Бургонским, Лотарингским, Стирским, Каринтийским и проч. быть в вечной любви и согласии, чтобы помогать друг другу во всех случаях. Если Король Польский и дети его будут воевать с тобою, братом моим, за Венгрию, твою отчину: то извести нас, и поможем тебе усердно, без обмана. Если же и мы начнем *добывать* великого княжения Киевского и других земель Русских, коими владеет Литва: то уведомим тебя, и поможешь нам усердно, без обмана. Если и не успеем обослаться, но узнаем, что война началася с твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно идти друг к другу на помощь.— Послы и купцы наши да ездят свободно из одной земли в другую. На сем целую крест к тебе, моему брату... В Москве, в лето 6998 (1490), августа 16».

Сей первый договор с Австриею, написанный на хартии, был скреплен золотою великокняжескою печатию. Делатор, видев супругу Иоаннову, Софию, поднес ей в дар от Максимилиана серое сукно и попугая; а государь, пожаловав его в *золотоносцы*, дал ему золотую цепь с

крестом, горностаевую шубу и серебряные *остроги*, или шпоры, как бы в знак рыцарского достоинства. Делатор выехал из Москвы августа 19, вместе с нашими послами, Траханиотом и дьяком Васильем Кулешиным. Наказ, им данный, состоял в следующем: «1) Вручить Максимилиану договорную Иоаннову грамоту и присягнуть в верном исполнении условий. 2) Взять с него такую же, писанную языком славянским; а буде напишут оную по-немецки или по-латини, то изъяснить, что обязательство великого князя не имеет силы, ежели в грамоте будут отмены против русской» (ибо Траханиот и Кулешин не знали сих двух языков). «3) Максимилиан должен утвердить союз целованием креста перед нашими послами. 4) Объявить королю согласие Иоанново выдать за него дочь, с условием, чтобы она не переменяла Закона. 5) Сказать ему, что послам его и московским лучше ездить впредь чрез Данию и Швецию, для избежания неприятностей, какие могут им встретиться в польских владениях. 6) Требовать, чтобы он дал великому князю лекаря искусного в целении внутренних болезней и ран. 7) Приветствовать единственно короля римского, а не императора: ибо Делатор, будучи в Москве, не сказал великому князю ни слова от Фридерика». Несмотря на государственную важность заключаемого с Австриею союза, Иоанн, как видим, строго наблюдал достоинство российского монарха и в сие же время отослал из Москвы без ответа слугу Поппелева, который приезжал в Россию за живыми лосями для императора, но с письмом не довольно учтивым от господина своего. Не взяв даров Поппелевых, богатого мониста с ожерельем, великий князь милостиво принял от его слуги две обьяри и дал ему за то 120 соболей, ценою в 30 червонцев.

Траханиот и Кулешин писали к государю из Любека, что король датский и князья немецкие, сведав об их прибытии в Германию и желая добра Казимиру, замышляли сделать им остановку в пути; что посол Максимилианов едет вместе с ними и возьмет меры для их безопасности; что римский король уже завоевал многие места в Венгрии. Они наехали Максимилиана в Нюренберге, вручили ему дары от Иоанна и великой княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договор, им одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовстве, ибо слышали, что Максими-

лиан, долго не имев ответа от великого князя, в угождение своему отцу помолвил на княжне бретанской. Пробыв там от 22 марта до 23 июня (1491 года), послы Иоанновы возвратились в Москву августа 30 с Максимилиановою союзною грамотою, которую великий князь приказал отдать в хранилище государственное.

Вслед за ними король римский вторично прислал Делатора, чтобы он был свидетелем клятвенного Иоаннова обета исполнять заключенный договор. Государь сделал то же, что Максимилиан: целовал крест перед его послом. Изъявив совершенное удовольствие и благодарность короля, Делатор молил великого князя не досадовать за помолвку его на принцессе бретанской и рассказал длинную историю в оправдание сего поступка. «Король римский,— говорил он,— весьма желал чести быть зятем великого князя; но Бог не захотел того. Разнесся в Германии слух, что я и послы московские, в 1490 году отплыв на двадцати четырех кораблях из Любека, утонули в море. Государь наш думал, что Иоанн не сведал о его намерении вступить в брак с княжною российскою. Дальнее расстояние не дозволяло отправить нового посольства, и согласие великого князя было еще не верно. Между тем время текло. Князья немецкие требовали от императора, чтобы он женил сына, и предложили в невесты Анну Бретанскую. Фридерик убедил Максимилиана принять ее руку. Когда же государь наш узнал, что мы живы и что княжна российская могла быть его супругою: то искренне огорчился и доныне жалеет о невесте столь знаменитой». Сия справедливая или выдуманная повесть удовлетворила Иоанновой чести: он не изъявил ни малейшей досады и не отвечал послу ни слова. Делатор, как бы в знак особенной, неограниченной к нему доверенности Максимилиановой, известил великого князя о тайных видах австрийской политики. Долговременная война Немецкого ордена с Польшею решилась (в 1466 году) совершенною зависимостию первого от Казимира, так что великий магистр Лудвиг назвал себя его присяжником, и рыцарство, некогда державное, стенало под игом чужеземной власти. Максимилиан тайно возбуждал орден свергнуть сие иго и снова прибегнуть к оружию; но магистры немецкий и ливонский требовали от него, чтобы он прежде доставил им важное покровительство монарха российского, силь-

ного и грозного. Делатор убеждал великого князя послать московского чиновника в Ливонию для переговоров, дать ее рыцарям вечный мир, не теснить их и *взять орден в его милостивое соблюдение.*— Столь же усердно ходатайствовал посол за Швецию. Государственный ее правитель, Стен-Стур, находился в дружественной связи с Максимилианом и жаловался ему на обиды россиян, которые в 1490 году ужасным образом свирепствовали в Остерботне: жгли, резали, мучили жителей, присвоивая себе господство над Финляндиею. Делатор молил Иоанна оставить сию несчастную землю в покое. Наконец предлагал, чтобы московские послы ездили в империю через Мекленбург и Любек, а не через Данию, где в рассуждении их не соблюдаются уставы чести и гостеприимства: ибо король держит сторону Казимирову.— Заметим, что посол Максимилианов в своих аудиенциях именовал великого князя *царем*; так и наши послы называли Иоанна в Германии: немцы же в переводе дипломатических бумаг употребляли имя Kayser, Imperator, вместо царя.

Ответ великого князя, сообщенный послу казначеем Дмитрием Владимировичем и дьяком Федором Курицыным, был такой: «Я заключил искренний союз с моим братом Максимилианом! хотел помогать ему всеми силами в завоевании Венгрии и готовился сам сесть на коня; но слышу, что Владислав, сын Казимиров, объявлен там королем и что Максимилиан с ним примирился: следственно, мне теперь нечего делать. Однако ж вместе с тобою отправлю к нему послов. Не изменю клятве. Если брат мой решится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. В угодность Максимилиану буду посредником его союза с господарем молдавским, Стефаном. Что касается до магистров прусского и ливонского, то я готов взять их в мое хранение. Последний желает условиться о мире с моими особенными послами и вместо *челобитья* писать в договорах *моление;* но да будет все по-старому. Прежде он *бил челом* вольному Новугороду: ныне да имеет дело с тамошними моими наместниками, людьми знатными».— О Швеции не было слова в ответе.

Делатор выехал из Москвы 12 апреля 1492 года, с великокняжеским приставом, коему надлежало довольствовать его всем нужным до самой границы. Так обык-

новенно бывало: приставы встречали и провожали послов. Маия 6 снова отправился Траханиот с дьяком Михайлом Яропкиным в Германию. Ему велено было именем Иоанновым *спросить Максимилиана о здравии, но не править поклона:* ибо Делатор в первой аудиенции не кланялся ни великому князю, ни супруге его от своего короля, а спрашивал только о здравии. Наказ сего посольства был следующий:

«Объявить Максимилиану, что великий князь, вступив с ним в союз, желал верно исполнять условия и для того не хотел говорить о мире с послом литовским, бывшим в Москве: следственно и король римский не должен мириться с Богемиею и Польшею без Иоанна, который готов, в случае его верности, действовать с ним заодно всеми силами, ему Богом данными.— Если он заключил мир с Владиславом, то разведать о тайных причинах оного. Узнать все обстоятельства и виды австрийской политики: имеет ли Максимилиан сильных доброжелателей в Венгрии и кого именно? не для того ли уступает оную Владиславу, чтобы воевать с государем французским, который, по слуху, отнимает у него невесту, Анну Бретанскую?— Ежели брак римского короля не состоялся, то искусным образом внушить ему, что великий князь, может быть, не отринет его вторичного сватовства, когда император и Максимилиан пришлют к нему убедительную грамоту с *человеком добрым*» (то есть знатным). «В таком случае изъясниться о Вере греческой, о церкви и священниках. А буде король женится на принцессе бретанской, то говорить о сыне его, Филиппе, или о саксонском курфирсте Фридерике. Наведаться также о пристойных невестах для сына государева, Василия, из дочерей королевских, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить государевой чести.— Заехать к саксонскому курфирсту, поднести ему в дар 40 соболей и сказать: великий князь благодарит тебя за охранение его послов в земле твоей: и впредь охраняй их, равномерно и тех, которые ездят к нам из *стран италийских.* Дозволяй художникам, твоим подданным, переселяться в Россию: за что великий князь готов служить тебе всем, чем изобилует земля его».

Послы наши имели письма к герцогу мекленбургскому, к бургомистрам и ратманам городов немецких, о сво-

бодном их пропуске: в Нарве и в Ревеле они должны были вручить сии грамоты *сидя.*— Донесения, писанные им к государю в пути, любопытны своею подробностию, вмещая в себе известия не только о главных делах европейской политики, но и купеческие: например, о дороговизне хлеба во Фландрии, где ласт ржи стоил тогда 100 червонцев. Описывая войну Максимилиана с королем французским, Траханиот и Яропкин говорят о союзе первого с Англиею, Шотландиею, Испаниею, Португалиею и со всеми князьями немецкими; о мире его с Владиславом, который обязался ему заплатить за Венгрию 100 000 червонцев, объявив Максимилиана после себя наследником; уведомляют также о походе султанского войска в Сервию; одним словом, представляют все движения Европы очам любопытного Иоанна, который хотел быть сам одним из ее великих монархов.

Приплыв на корабле из Ревеля в Германию, Траханиот и Яропкин жили несколько месяцев в Любеке — не зная, куда ехать к Максимилиану, занятому тогда французскою войною,— и для перевода немецких бумаг, ими получаемых, приняли в государеву службу тамошнего славного *книгопечатника,* Варфоломея, который дал им клятву таить содержание оных. Они нашли Максимилиана в Кольмаре, где и были от 15 генваря до 23 марта. Политика его уже переменилась: сей государь, довольный условиями заключенного с Владиславом мира, не думал более о северном союзе, употребляя все усилия против Франции. Послы наши — не сделав, кажется, ничего — возвратились в Москву в июле 1493 года.

Таким образом прекратились на сей раз сношения великокняжеского двора с империею, хотя и не имев важных государственных следствий, однако ж удовлетворив честолюбию Иоанна, который поставил себя в оных наравне с первым монархом Европы.— Связь с Германиею доставила нам и другую существенную выгоду. Новое велелепие двора московского, новые кремлевские здания, сильные ополчения, посольства, дары требовали издержек, которые истощали казну более, нежели прежняя дань ханская. Доселе мы пользовались единственно чужими драгоценными металлами, добываемыми внешнею торговлею и меною с сибирскими народами через Югру: сей последний источник, как вероятно, оскудел или совсем закрылся: ибо в летописях и

в договорах XV века уже нет ни слова о *серебре закамском*. Но издавна был у нас слух, что страны полунощные, близ Каменного Пояса, изобилуют металлами: присоединив к московской державе Пермь, Двинскую землю, Вятку, Иоанн желал иметь людей, сведущих в горном искусстве. Мы видели, что он писал о том к королю венгерскому; но Траханиот, кажется, первый вывез их из Германии. В 1491 году два немца, Иван и Виктор, с Андреем Петровым и Василием Болтиным отправились из Москвы искать серебряной руды в окрестностях Печоры. Через семь месяцев они возвратились с известием, что нашли оную, вместе с медною, на реке Цыльме, верстах в двадцати от Космы, в трехстах от Печоры и в 3500 от Москвы, на пространстве десяти верст. Сие важное открытие сделало государю величайшее удовольствие, и с того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра; имели и золотые деньги, или медали российские. В собрании наших древностей хранится снимок золотой медали 1497 года с изображением Св. Николая: в надписи сказано, что *великий государь* вылил сей *единый талер* из золота для *княгини* (княжны) своей, Феодосии. На серебряных деньгах Иоаннова времени обыкновенно представлялся всадник с мечом.

Может быть, слух о новых, в северной России открытых богатых рудниках скоро дошел до Германии и возбудил там любопытство увериться в справедливости оного (Европа еще не знала Америки и, нуждаясь в драгоценных металлах, долженствовала брать живейшее участие в таком открытии): по крайней мере, в 1492 году приехал в Москву немец Михаил Снупс с письмом к великому князю от Максимилиана и дяди его, австрийского эрцгерцога Зигмунда, княжившего в Инспруке: они дружески просили Иоанна, чтобы он дозволил сему путешественнику осмотреть все любопытное в нашем отечестве, учиться языку русскому, видеть обычаи народа и приобрести знания, нужные для успехов общей истории и географии. Снупс, обласканный великим князем, немедленно изъявил желание ехать в дальнейшие страны полунощные и на восток, к берегам Оби. Иоанн усомнился и наконец решительно отказал ему. Прожив несколько месяцев в Москве, Снупс отправился назад в Германию прежним путем, чрез Ливонию, с следующим

письмом от великого князя к Максимилиану и Зигмунду: «Из дружбы к вам мы ласково приняли вашего человека, но не пустили его в страны отдаленные, где течет река Обь, за неудобностию пути: ибо самые люди наши, ездящие туда для собрания дани, подвергаются немалым трудам и бедствиям. Мы не дозволили ему также возвратиться к вам чрез владения польские или турецкие: ибо не можем ответствовать за безопасность сего пути. Бог да блюдет ваше здравие». Вероятно, что Иоанн опасался сего немца как лазутчика и не хотел, чтобы он видел наши северо-восточные земли, где открылся новый источник богатства для России.

Вторым достопамятным посольством описываемых нами времен было датское. Если не Дания, то по крайней мере Норвегия издревле имела сношения с Новымгородом, по соседству с его северными областями. Двор Ярослава Великого служил убежищем для ее знаменитых изгнанников; Александр Невский хотел женить сына на дочери Гаконовой; мы упоминали также о договоре Норвегии с правительством новогородским в 1326 году: но отдаленная Москва скрывалась во мраке неизвестности для трех северных королевств до того времени, как великий князь сделался самодержцем всей России, от берегов Волги до Лапландии. Приязнь, бывшая между тогдашним королем датским, Иоанном, сыном Христиановым, и Казимиром, заставила первого нарушить долг гостеприимства в рассуждении послов московских, когда они ехали в Любек чрез его землю: ибо Траханиот и Яропкин жаловались на претерпенные ими в ней обиды; но существенные выгоды государственные переменили образ мыслей сего монарха: будучи врагом шведского правителя, он увидел пользу быть другом великого князя, чтобы страхом нашего оружия обуздывать шведов, и посол датский (в 1493 году) заключил в Москве союз любви и братства с Россиею. Грек Дмитрий Ралев и дьяк Зайцов отправились в Данию для размена договорных грамот.

Упомянем также о двух посольствах азиатских. Неизмеримая держава, основанная завоеваниями дикого Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять в своем величии и разделилась: однако ж имя царства Чагатайского, составленного из Бухарии и Хорасана, еще гремело в Азии: султан Абусаид, внук Тамерлано-

ва сына, Мирана, господствовал от берегов моря Каспийского до Мультана в Индии и, в 1468 году убитый персидским царем Гассаном, оставил сию обширную страну в наследие сыновьям, коих междоусобие предвестило их общую гибель. Гуссеин Мирза, правнук второго Тамерланова сына, Омара, завладел Хорасаном; прославился многими победами, одержанными им над татарами-узбеками; любил добродетель, науки; слышал о величии государя российского и, желая его дружбы, в 1489 году прислал в Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключения союза с Иоанном. Может быть, он хотел, чтобы великий князь, имея связь с ногаями, возбудил их против узбеков. Но царство Чагатайское отжило век свой: хан узбекский, Шай-Бег, в начале XVI века изгнал Гуссеиновых сыновей из Хорасана, овладев и Бухариею, откуда последний султан Тамерланова рода, Бабор, ушел в Индостан, где судьба определила ему быть основателем империи так называемого *Великого Могола*.

Иверия, или нынешняя Грузия, искони славилась воинскою доблестию своего народа, так, что ни персидское, ни македонское оружие не могло поработить его; славилась также богатством (древние аргонавты искали *златого руна* в соседственной с ней Мингрелии). Завоеванная Помпеем, она делается с того времени известною в римской истории, которая именует нам ее разных царей, данников Рима. Один из них, Фарасман II, верный друг императора Адриана, удостоился чести приносить богам жертву в Капитолии и видеть свой изваянный образ в храме Беллоны на берегу Тибра. Но далее не находим уже никаких известий о сей стране до разделения империи; знаем только, что христианская Вера начала там утверждаться еще со времен Константина Великого; что Св. Симеон Столпник способствовал успехам ее; что Иверия, имея всегда собственных царей или князей, зависела то от монархов персидских, то от императоров греческих, была покорена моголами и в 1476 году подвластна царю персидскому, Узун-Гассану. Нет сомнения, что Россия издревле находилась в связи с единоверною Грузиею: Изяслав I, как известно, был женат на княжне абассинской, а сын Андрея Боголюбского супругом славной грузинской царицы, Тамари. Сия связь, прерванная нашествием Батыевым, возобновилась: пос-

лы князя иверского, Александра, именем Нариман и Хоземарум, в 1492 году приехали к Иоанну требовать его покровительства. Уважаемый в Персии и в странах окрестных, великий князь мог действительно быть заступником своих утесненных единоверцев, которые оплакивали падение Греции и, под игом варваров закоснев в невежестве, имели нужду в советах нашего духовенства для христианского просвещения. Александр в грамоте своей смиренно именует себя *холопом* Иоанна, его же называет великим царем, *светом зеленого неба, звездою темных, надеждою христиан, подпорою бедных, законом, истинною управою всех государей, тишиною земли и ревностным обетником Св. Николая.*

Занимаясь делами Европы и Азии, мог ли Иоанн оставить без примечания державу Оттоманскую, которая уже столь сильно действовала на судьбу трех частей мира? Как зять Палеологов и сын греческой Церкви, утесняемой турками, он долженствовал быть врагом султанов; но не хотел себя обманывать: видел, что еще не пришло время для России бороться с ними; что здравая политика велит ей употреблять свои юные силы на иные предметы, ближайшие к истинному благу ее: для того, заключая союзы с Венгриею и Молдавиею, не касался дел турецких, имея в виду одну Литву, нашего врага естественного. Выгодная торговля купцов московских в Азове и Кафе, управляемой константинопольскими пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнейшего союзника России) от султанов и надежда вредить Казимиру через Оттоманскую Порту склоняли Иоанна к дружбе с нею: он ждал только пристойного случая и тем более обрадовался, узнав, что султанские паши, говоря в Белегороде с дьяком его, Федором Курицыным, объявили ему желание их государя искать Иоанновой приязни. Великий князь поручил Менгли-Гирею основательно разведать о сем предложении, и султан, Баязет II, ответствовал: «Ежели государь московский тебе, Менгли-Гирею, брат: то будет и мне брат». Следующее происшествие служило поводом к первому государственному сношению между нами и Портою. Купцов российских обижали в Азове и в Кафе, так что они перестали наконец ездить в султанские владения. Паша кафинский жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившего россиян от торговли с сим

городом; а Менгли-Гирей хотел чтобы Иоанн оправдал его в глазах султана. Удовлетворяя требованию оклеветанного друга и как бы единственно из снисхождения, великий князь написал такую грамоту к Баязету:

«Султану, *вольному* царю государей турских и *азямских*, земли и моря, Баязету, Иоанн божиею милостию единый правый, наследственный государь всея Русии и многих иных земель от Севера до Востока. Се наше слово к твоему величеству. Мы не посылали людей друг ко другу спрашивать о здравии; но купцы мои ездили в страну твою и торговали, с выгодою для обеих держав. Они уже несколько раз жаловались мне на твоих чиновников: я молчал. Наконец, в течение минувшего лета, азовский паша принудил их копать ров и носить каменья для городского строения. Сего мало: в Азове и Кафе отнимают у наших купцов товары за полцены: в случае болезни одного из них кладут печать на имение всех: если умирает, то все остается в казне; если выздоравливает, отдают назад только половину. Духовные завещания не уважаемы: турецкие чиновники не признают наследников, кроме самих себя, в русском достоянии. Узнав о сих обидах, я не велел купцам ездить в твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отчего же родилось насилие? знаешь или не знаешь оного?.. Еще одно слово: отец твой (Магомет II) был государь великий и славный: он хотел, как сказывают, отправить к нам послов с дружеским приветствием; но его намерение, по воле Божией, не исполнилось. Для чего же не быть тому ныне? Ожидаем ответа. Писано в Москве, 31 августа» (в 1492 году).— Менгли-Гирей должен был доставить сию грамоту Баязету: увидим следствие.

Тесная связь Иоаннова с ханом таврическим не ослабевала, утверждаемая частыми посольствами и дарами. В 1490 году ездил в Тавриду князь Василий Ромодановский с уверением, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду. Сия тень Батыева царства скиталась из места в место: иногда переходила за Днепр, иногда удалялась к пределам страны Черкесской, к берегам Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вместе с царем астраханским, Абдыл-Керимом, замышляли впадение в Тавриду, оберегаемую с одной стороны россиянами, Магмет-Аминем Казанским и ногаями, а с другой султа-

ном, который дал Менгли-Гирею 2000 воинов для его защиты. Крымцы отгоняли стада у волжских татар и в одной кровопролитной сшибке убили сына Ахматова, Едигея.— В 1492 году новый посол Иоаннов, Лобан Колычев, убеждал Менгли-Гирея воевать литовские владения, представляя, что ординские цари злодействуют ему единственно по внушениям Казимировым. Хан ответствовал: «Я с братом моим, великим князем, всегда один человек, и строю теперь при устье Днепра, на старом *городище,* новую крепость, чтобы оттуда вредить Польше». Сия крепость была *Очаков,* основанный на каких-то древних развалинах. Брат ханский, Усмемир, и племянник Довлет жили у Казимира: великий князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить их в Россию, но не мог; в угодность ему принял также меньшего пасынка его, Абдыл-Летифа, и с честию отправил к царю казанскому, Магмет-Аминю. Менгли-Гирей желал еще, чтобы он дал Каширу в поместье царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сие требование не было уважено, равно как и другое, чтобы Иоанн заплатил 33 000 алтын, взятых ханом в долг у жителей кафинских для строения Очакова. «Не строением бесполезных крепостей, отдаленных от Литвы,— приказывал великий князь к своему другу,— но частыми впадениями в ее земли должен ты беспокоить общих врагов наших». Хан любил дары; просил кречетов и соболей для турецкого султана: государь давал, однако ж небескорыстно, и (в 1491 году) походом воевод московских на улусы Золотой Орды оказав услугу Менгли-Гирею, хотел, чтобы он в знак благодарности прислал к нему свой *большой красный лал.* Заметим еще, что хан крымский, опасаясь Иоаннова подозрения, сносился с царем казанским только чрез Москву; всякую грамоту их переводили и читали государю, который думал, что осторожность не мешает дружбе.

Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменила систему России. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, никоторая не хотела явной войны. Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а великий князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно

стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с королем в их взаимных неудовольствиях. С 1487 до 1492 года литовские послы, князь Тимофей Мосальский, смоленский боярин Плюсков, Стромилов, Хребтович и наместник утенский, Клочко, приезжали в Москву с разными жалобами. Со времен Витовта удельные князья древней земли черниговской, в нынешних губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя наконец возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения совести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников. Уже некоторые одоевские, воротынские, белевские, перемышльские князья служили московскому государю и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве. Так Василий Кривой, князь воротынский, опустошил несколько мест в земле королевской. Сыновья князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его. Дружина князя Дмитрия Воротынского обратила в пепел многие брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложиться от короля. Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; что многие литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч. Иоанн ответствовал ему на словах и чрез собственных послов, что сии жалобы большею частию несправедливы: что Великие Луки и Ржева суть искони новогородские области; что Казимировы подданные сами обижают россиян; что ссорные дела должны быть решены на месте общими судиями; что князья племени Владимирова, добровольно служив Литве, имеют право с наследственным своим достоянием возвратиться под сень их древнего отечества. Государь требовал, чтобы Казимир отпустил в Россию жену князя Бельского, не обременял наших купцов налогами и возвратил отнятое у них насилием в его земле, казнил обидчиков, дозволил послам великокняжеским свободно ездить чрез Литву в Молдавию, и проч. «Государь наш,— сказал король чиновнику Иоаннову, Яропкину,— любит требовать, а не удовлетворять: я должен следовать его примеру».

Однако ж взаимно соблюдалась учтивость: литовские послы обедали у государя; не только он, но и юный сын его, Василий Иоаннович, приказывал с ними дружеские поклоны к Казимиру; в знак приязни великий князь освободил даже многих поляков, которые находились пленниками в Орде. В мае 1492 года был отправлен в Варшаву Иван Никитич Беклемишев с предложением, чтобы король отдал нам городки Хлепен, Рогачев и другие места, издревле российские, и чтобы с обеих сторон выслать бояр на границу для исследования взаимных обид. Но Беклемишев возвратился с известием, что Казимир умер 25 июня; что старший его сын, Алберт, сделался королем польским, а меньший, Александр, великим князем литовским.

Сей случай казался благоприятным для России: Литва, избрав себе иного властителя уже не могла располагать силами Польши, которая не имела вражды с нами и долженствовала следовать особенной государственной системе. Иоанн немедленно послал Константина Заболоцкого к Менгли-Гирею, убедить его, чтобы он воспользовался смертию короля и шел на литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочует в отдаленных восточных пределах и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будет лучшего времени отмстить Казимировым сыновьям за все злые козни отца их.— Другой великокняжеский чиновник, Иван Плещеев, отправился к Стефану Молдавскому, вероятно, с такими же представлениями. Начались и неприятельские действия с нашей стороны: князь Федор Телепня-Оболенский, вступив с полком в Литву, разорил Мценск и Любутск; князья перемышльские и одоевские, служащие Иоанну, пленили в Мосальске многих жителей, наместников и князей с их семействами; другой отряд завоевал Хлепен и Рогачев.

Между тем новый государь литовский, Александр, всего более желал мира с Россиею, от юных лет слышав непрестанно о величии и победах ее самодержца. Вернейшим средством снискать Иоаннову приязнь казалось ему супружество с одною из его дочерей, и наместник полоцкий, Ян, писал о том к первому воеводе московскому, князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россия и Литва наслаждались счастливым миром, когда дед Иоаннов, Василий Димитриевич, совокупился бра-

ком с дочерию Витовта. Скоро явилось в Москве и торжественное посольство литовское. Пан Станислав Глебович, вручив верющую грамоту, объявил Иоанну о смерти Казимира, о восшествии Александра на престол и требовал удовлетворения за разорение Мценска и других городов. Ему ответствовали, что мы должны были отмстить Литве за грабежи ее подданных; что пленники будут освобождены, когда Александр удовольствует всех обиженных россиян, и проч. Станислав, пируя у воеводы московского, князя Ивана Юрьевича, в веселом разговоре упомянул о сватовстве: он был нетрезв и для того не получил ответа; а на другой день сказал, что литовские сенаторы желают сего брака, но что ему велено тайно разведать о мыслях великого князя. Дело столь важное требовало осторожности: не входя ни в какие изъяснения, послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренний, вечный мир, прежде нежели говорить о сватовстве; что мир легко может быть заключен, если правительство литовское удержится от *лишних речей* и требований неосновательных. То же написал и князь Иван Юрьевич к наместнику полоцкому.

Станислав уехал из Москвы, и неприятельские действия продолжались. Князья Воротынские, Симеон Федорович с племянником Иваном Михайловичем, вступив в нашу службу, засели города литовские, Серпейск и Мещовск: воевода смоленский, пан Юрий, и князь Симеон Можайский выгнали их оттуда; но государь послал сильное войско, московское и рязанское, которое взяло приступом Серпейск и городок Опаков; а Мещовск сдался. В числе пленников находились многие знатные смоляне и паны двора Александрова. Другое наше войско покорило Вязьму: ее князья, присягнув государю, остались в наследованном владении; также и князь мезецкий, выдав Иоанну своих двух братьев, сосланных в Ярославль за их усердие к Литве. Князья воротынские завоевали Мосальск.

В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе, но которое едва не исполнилось и не пресекло славного течения Иоанновой жизни. Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но и для государей: они должны поступать так, чтобы правила их

деяний могли быть общими законами. Кто же уставит, что венценосец имеет право тайно убить другого, находя его опасным для своей державы: тот разрушит связь между гражданскими обществами, уставит вечную войну, беспорядок, ненависть, страх, подозрение между ими, совершенно противные их цели, которая есть безопасность, спокойствие, мир. Не так рассуждал отец Александров, Казимир: он подослал к Иоанну князя Ивана Лукомского, племени Владимирова, с тем, чтобы злодейски убить или отравить его. Лукомский клялся исполнить сие адское поручение, привез с собою в Москву яд, составленный в Варшаве, и, будучи милостиво обласкан государем, вступил в нашу службу; но какою-то счастливою нескромностию обнаружил свой умысел: его взяли под стражу; нашли и яд, коим он хотел умертвить государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодейство столь необыкновенное требовало и наказания чрезвычайного: Лукомского и единомышленника его, латинского толмача, поляка Матиаса, сожгли в клетке на берегу Москвы-реки. Князь Феодор Бельский также впал в подозрение и был сослан в Галич: ибо Лукомский доказывал, что сей легкомысленный родственник Казимиров хотел тайно уехать от нас в Литву. Открылись и другие преступники, два брата, Алексей и Богдан Селевины, граждане смоленские: будучи пленниками в Москве, они жили на свободе, употребляли во зло доверенность государеву к их честности, имели связь с Литвою и посылали вести к Александру Литовскому. Богдана засекли кнутом до смерти: Алексею отрубили голову.

Такое происшествие не могло расположить Иоанна к миру: он непрестанно побуждал Менгли-Гирея воевать Литву. Посол Александра, князь Глинский, находился тогда в Крыму и требовал, чтобы хан снес город Очаков, построенный им на литовской земле. В угодность великому князю Менгли-Гирей задержал Глинского, зимою подступил к Киеву и выжег окрестности Чернигова, но за разлитием Днепра возвратился в Перекоп. Между тем воевода черкасский, Богдан, разорил Очаков, к великой досаде хана, истратившего 150 000 алтын на строение оного. «Мы ничего важного не сделаем врагам своим, если не будем иметь крепости при устье Днепра»,— писал Менгли-Гирей к великому князю, уведомляя, что

Александр посредством султана турецкого предлагал ему мир и 13 500 червонцев за литовских пленников, но что он, как верный союзник Иоаннов, не хотел о том слышать; что сей новый государь литовский, следуя политике отца, возбуждает Ахматовых сыновей против Тавриды и России; что царь ординский, Шиг-Ахмед, женатый на дочери ногайского князя Мусы и за то сверженный с престола, опять царствует вместе с братом Сеид-Махмутом; что войско крымское всегда готово идти на них и на Литву, и проч. В самом деле Менгли-Гирей не преставал тревожить Александровых владений набегами и грабежом.

Новый союзник представился Иоанну, владетельный князь мазовецкий, Конрад, племени древних венценосцев польских. Будучи тогда врагом сыновей Казимировых, он желал вступить в тесную связь с Россиею и прислал в Москву варшавского наместника, Ивана Подосю, сватать за него одну из дочерей великого князя. Сей брак казался пристойным и выгодным для нашей политики; но государь не хотел вдруг изъявить согласия и сам отправил послов в Мазовию для заключения предварительного договора с ее князем: 1) о вспоможении, которое он дает России против сыновей Казимировых; 2) о назначении вена для будущей супруги его: то есть Иоанн требовал, чтобы она имела в собственном владении некоторые города и волости в Мазовии.— Не знаем, с каким ответом возвратились послы; но сие сватовство не имело дальнейших следствий, вероятно, от перемены обстоятельств.

Если и Казимир, государь Литвы и Польши, опасался войны с Иоанном: то Александр, властвуя единственно над первою и не уверенный в усердной помощи брата, мог ли без крайности отважиться на кровопролитие? Менгли-Гирей опустошал, Стефан Молдавский грозил, заключив тесный союз между собою посредством Иоанна и следуя его указаниям. Но всего опаснее был сам великий князь, именем отечества и единоверия призывая к себе всех древних россиян, которые составляли большую часть Александровых подданных. Уже Москва расширила свои пределы до Жиздры и самого Днепра, действуя не столько мечом, сколько приманом. В городах, в селах, и в битвах страшились измены.— Итак, Александр решительно хотел искреннего, вечного мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбие Иоанна; все ему благоприятствовало: он имел сильное, опытное войско, друзей в Литве и счастие, важное в делах человеческих; видел ее боязнь и слабость; мог обещать себе редкую славу и даже христианскую заслугу, то есть возвратить отечеству лучшую его половину, а церкви шесть или семь знаменитых епархий, насилием латинским отторженных от ее истинного, общего пастырства. Но мы знаем характер Иоаннов, для коего умеренность была законом в самом счастии; знаем ум его, который не любил отважности, кроме необходимой. Властвовав уже более тридцати лет в непрестанной и часто беспокойной деятельности, он хотел тишины, согласной с достоинством великого монарха и благом державы. Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко предпринимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными. Покушение завоевать всю древнюю южную Россию возбудило бы против нас не только Польшу, но и Венгрию, и Богемию, где царствовал брат Александров, Владислав; надлежало бы воевать долго и не распускать полков: что казалось тогда невозможностию. Союз хана крымского и Стефана Великого, полезный для усмирения Литвы, не мог быть весьма надежен в усильном борении с сими тремя государствами. Менгли-Гирей зависел от султана, готового иногда оказывать услуги Венгрии и Польше: хотя не изменял Иоанну, однако ж не во всем удовлетворял ему: например, без его ведома освободил Глинского, ссылался с Александром и действовал против Литвы слабо, недружно. Стефан же имел более ума и мужества, нежели сил, истощаемых им в войнах с турками.— Заметим наконец, что время уже приучило северную Россию смотреть на литовскую как на чуждую землю; в обычаях и нравах сделалась перемена, и связь единородства ослабела. Иоанн, отняв у Литвы некоторые области, был доволен сим знаком превосходства сил и лучше хотел миром утвердить приобретенное, нежели войною искать новых приобретений.

Вслед за литовскими послами, бывшими в Москве, великий князь отправил дворянина Загряского к Александру, с объявлением, что отчины князей воротынских, белевских, мезецких и вяземских, служащих государю, будут впредь частию России, и что литовское прави-

тельство не должно вступаться в оные. В верющей грамоте, данной Загряскому, Иоанн по своему обыкновению назвал себя государем *всей России*. Сей посол имел также письмо от юного сына Иоаннова, Василия, к изгнаннику, князю Василию Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться в Москву: ибо великая княгиня София исходатайствовала ему прощение. В Вильне отвечали Загряскому, что новые послы Александровы будут в Москву: они действительно приехали в исходе июня с требованием, чтобы Иоанн не только отдал их государю все захваченные россиянами литовские области, но и казнил виновников сего насилия; сверх того изъявили негодование, что великий князь употребляет в грамотах титул новый и *высокий*, именуясь государем *всей России* и многих земель; а в заключение сказали воеводе московскому, Ивану Юрьевичу, что Александр, по желанию сенаторов литовских, готов начать переговоры о вечном мире. Ответ Иоанновых бояр состоял в следующем: «Князья воротынские и другие искони были слугами наших государей. Пользуясь *невзгодою России*, Литва завладела их странами: теперь иные времена.— Великий князь не пишет в грамотах своих ничего *высокого*, а называется властителем земель, данных ему богом».

В генваре 1494 году *великие послы* литовские, воевода Троцкий, Петр Янович Белой и Станислав Гастольд, староста жмудский, прибыли в Москву для заключения мира. Они хотели возобновить договор Казимиров с Василием Темным, а наши бояре древнейший Ольгердов с Симеоном Гордым и отцом Донского. Первые уступали Иоанну Новгород, Псков и Тверь в вечное потомственное владение, но требовали всех иных городов, коими завладели россияне в новейшие времена. «Вы уступаете нам не свое, а наше»,— сказали бояре. Спорили долго, хитрили и несколько раз прерывали сношения; наконец согласились, чтобы Вязьма, Алексин, Тешилов, Рославль, Венев, Мстислав, Торуса, Оболенск, Козельск, Серенск, Новосиль, Одоев, Воротынск, Перемышль, Белев, Мещера остались за Россиею; а Смоленск, Любутск, Мценск, Брянск, Серпейск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Лужин и некоторые иные места по Угру за Литвою. Князьям мезецким, или мещовским, дали волю служить, кому они хотят. Александр обещал признать великого

князя *государем всей России*, с тем, чтобы он не требовал Киева. Тогда послы литовские, вторично представленные Иоанну, начали дело сватовства, и государь изъявил согласие выдать дочь свою, Елену, за Александра, взяв слово, что он не будет нудить ее к перемене Веры. На другой день, февраля 6, в комнатах у великой княгини Софии они увидели невесту, которая чрез окольничего спросила у них о здоровье будущего супруга. Тут, в присутствии всех бояр, совершилось обручение. Станислав Гастольд заступал место жениха, ибо старшему послу, воеводе Петру, *имевшему вторую жену*, не дозволили быть действующим в сем обряде. Иереи читали молитвы. Обменялись перстнями и крестами, висящими на золотых цепях.

Февраля 7 послы именем Александра присягнули в верном соблюдении мира; а великий князь целовал крест в том же. Главные условия договора, написанного на хартии с золотою печатию, были следующие: «1) Жить обоим государям и детям их в вечной любви и помогать друг другу во всяком случае; 2) владеть каждому своими землями по древним рубежам; 3) Александру не принимать к себе князей вяземских, новосильских, одоевских, воротынских, перемышльских, белевских, мещерских, говдыревских, ни великих князей рязанских, остающихся *на стороне* государя московского, коему и решить их спорные дела с Литвою; 4) двух князей мезецких, сосланных в Ярославль, освободить; 5) в случае обид выслать общих судей на границу; 6) изменников российских, Михаила Тверского, сыновей князя можайского, Шемяки, боровского, верейского, никуда не отпускать из Литвы; буде же уйдут, то вновь не принимать их; 7) послам и купцам ездить свободно из земли в землю», и проч.— Сверх того послы дали слово, что Александр обяжется грамотою не беспокоить супруги в рассуждении веры. Они три раза обедали у государя и получили в дар богатые шубы с серебряными ковшами. Отпуская их, великий князь сказал изустно: «Петр и Станислав! милостию Божиею мы утвердили дружбу с зятем и братом Александром; что обещали, то исполним. Послы мои будут свидетелями его клятвы».

Для сего князья Василий и Симеон Ряполовские, Михайло Яропкин и дьяк Федор Курицын были посланы в Вильну. Александр, присягнув, разменялся мирными

договорами; написал также грамоту о Законе будущей супруги, но вместил слова: «Если же великая княгиня Елена сама захочет принять римскую Веру, то ее воля». Сие дополнение едва не остановило брака: Иоанн гневно велел сказать Александру, что он, по-видимому, не хочет быть его зятем. Бумагу переписали, и чрез несколько месяцев явилось в нашей столице великое посольство литовское. Воевода виленский, князь Александр Юрьевич, князь Ян Заберезенский, наместник полоцкий, пан Юрий, наместник бряславский, и множество знатнейших дворян приехали за невестою, блистая великолепием в одежде, в услуге и в украшении коней своих. В верющей грамоте Александр именовал великого князя отцом и тестем. Выслушав речь посольскую, Иоанн сказал: «Государь ваш, брат и зять мой, восхотел прочной любви и дружбы с нами: да будет! Отдаем за него дочь свою.— Он должен помнить условие, скрепленное его печатию, чтобы дочь наша не переменяла Закона ни в каком случае, ни принужденно, ни собственною волею.— Скажите ему от нас, чтобы он дозволил ей иметь придворную церковь греческую. Скажите, да любит жену, как Закон Божественный повелевает, и да веселится сердце родителя счастием супругов!— Скажите от нас епископу и панам вашей Думы государственной, чтобы они утверждали великого князя Александра в любви к его супруге и в дружбе с нами. Всевышний да благословит сей союз!»

Генваря 13 Иоанн, отслушав Литургию в Успенском храме со всем великокняжеским семейством и с боярами, призвал литовских вельмож к церковным дверям, вручил им невесту и проводил до саней. В Дорогомилове Елена остановилась и жила два дня: брат ее, Василий, угостил там панов роскошным обедом; мать ночевала с нею, а великий князь два раза приезжал обнять любезную ему дочь, с которою расставался навеки. Он дал ей следующую записку: «Память великой княжне Елене. В божницу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь: из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь».— Невесту провожали князь Симеон Ряполовский, боярин Михайло Яковлевич

Русалка и Прокофий Зиновьевич с женами, дворецкий Дмитрий Пешков, дьяк и казначей Василий Кулешин, несколько окольничих, стольников, конюших и более сорока знатных детей боярских. В тайном наказе, данном Ряполовскому, велено было требовать, чтобы Елена венчалась в греческой церкви, в русской одежде, и при совершении брачного обряда на вопрос епископа о любви ее к Александру ответствовала: *люб ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болезни, кроме Закона; держать мне греческий, а ему не нудить меня к римскому*. Иоанн не забыл ничего в своих предписаниях, назначая даже, как Елене одеваться в пути, где и в каких церквах петь молебны, кого видеть, с кем обедать и проч.

Ее путешествие от пределов России до Вильны было веселым торжеством для народа литовского, который видел в ней залог долговременного, счастливого мира. В Смоленске, Витебске, Полоцке вельможи и духовенство встречали ее с дарами и с любовию, радуясь, что кровь Св. Владимира соединяется с Гедиминовою; что церковь православная, сирая, безгласная в Литве, найдет ревностную покровительницу на троне; что сим брачным союзом возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александр выслал знатнейших чиновников приветствовать Елену на пути и сам встретил ее за три версты от Вильны, окруженный двором и всеми думными панами. Невеста и жених, ступив на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку друг другу, сказали несколько ласковых слов и вместе въехали в столицу, он на коне, она в санях, богато украшенных. Невеста в греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебен: боярыни московские расплели ей косу, надели на голову кику с покрывалом, осыпали ее хмелем и повели к жениху в церковь Св. Станислава, где венчал их, на бархате и на соболях, латинский епископ и наш священник Фома. Тут был и виленский архимандрит Макарий, наместник киевского митрополита; но не смел читать молитв. Княгиня Ряполовская держала над Еленою венец, а дьяк Кулешин скляницу с вином.— По совершении обрядов Александр торжественно принял бояр Иоанновых; начались веселые пиры: открылись и взаимные неудовольствия.

Давно замечено историками, что редко брачные союзы между государями способствуют благу государств:

каждый венценосец желает употребить свойство себе в пользу; вместо уступчивости рождаются новые требования, и тем чувствительнее бывают отказы. Кажется, что Иоанн и Александр в сем случае не хотели обмануть друг друга, но сами обманулись: по крайней мере первый действовал откровеннее, великодушнее, как должно сильнейшему; не уступал, однако ж и не мыслил коварствовать, с прискорбием видя, что надежда обеих держав не исполнилась и что свойство не принесло ему мира надежного.

Еще во время сватовства Александр с досадою писал в Москву о новых обидах, делаемых россиянами Литве: Иоанн обещал управу; но сам был недоволен тем, что Александр именовал его в грамотах только великим князем, а не *государем всей России*. Весною приехал из Литвы маршалок Станислав с брачными дарами: вручив их государю и семейству его, он жаловался ему на молдавского воеводу, Стефана, разорившего город Бряславль, и на послов московских, князя Ряполовского и Михайла Русалку, которые, едучи из Вильны в Москву, будто бы грабили жителей; требовал еще, чтобы все российские чиновники, служащие Елене, были отозваны назад: «ибо она имеет довольно своих подданных для услуги». Иоанн обещал примирить Стефана с зятем; но досадовал, что Александр не позволил ни православному епископу, ни архимандриту Макарию венчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь греческого Закона, удалил от нее почти всех россиян и весьма худо содержит остальных. Жалоба на московских послов была клеветою: напротив того, они дорогою терпели во всем недостаток.— Отпустив Станислава, великий князь послал гонца в Вильну наведаться о здоровье Елены и дал ему два письма: одно с обыкновенными приветствиями, а другое с тайными наставлениями, желая, чтобы она не имела при себе чиновников, ни слуг латинской Веры, и никак не отпускала наших бояр, из коих главным был тогда князь Василий Ромодановский, присланный в Вильну с женою. Для переписки с родителями Елена употребляла московского подьячего и должна была скрывать оную от супруга: положение весьма опасное и неприятное! Юная великая княгиня, одаренная здравым смыслом и нежным сердцем, вела себя с удивительным благоразумием и, сохраняя долг

покорной дочери, не изменяла мужу, ни государственным выгодам ее нового отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашние неудовольствия и старалась утвердить его в союзе с Александром. В сие время разнесся слух в Вильне, что хан Менгли-Гирей идет на Литву: Елена вместе с супругом писала к Иоанну, чтобы он, исполняя договор, защитил их; о том же писала и к матери в выражениях убедительных и ласковых.

Великий князь находился в обстоятельствах затруднительных: без ведома и без участия Менгли-Гиреева вступив в тесный союз с Александром, их бывшим неприятелем, он известил хана таврического о сем важном происшествии, уверяя его в неизменной дружбе своей и предлагал ему также помириться с Литвою. Ответ Менгли-Гиреев, сильный искренностию и прямодушием, содержал в себе упреки, отчасти справедливые. «С удивлением читаю твою грамоту,— писал хан к государю:— ты ведаешь, изменял ли я тебе в дружбе, предпочитал ли ей мои особенные выгоды, усердно ли помогал тебе на врагов твоих! *Друг и брат великое дело; не скоро добудешь его:* так я мыслил и жег Литву, громил улусы Ахматовых сыновей, не слушал их предложений, ни Казимировых, ни Александровых: что ж моя награда? Ты стал другом наших злодеев, а меня оставил им в жертву!.. Сказал ли нам хотя единое слово о своем намерении? Не рассудил и подумать с твоим братом!» Однако ж Мегли-Гирей все еще держался великого князя и даже снова клялся умереть его верным союзником; не отвергал и мира с Литвою, требуя единственно, чтобы Александр удовлетворил ему за понесенные им в войне убытки.

И так Иоанн мог бы легко примирить зятя с ханом; но прежде надлежало удостовериться в искренней дружбе первого: ответствуя ему, что договор с нашей стороны будет исполнен и что войско российское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на мир, Иоанн послал в Вильну боярина Кутузова с требованием, чтобы Александр непременно позволил супруге своей иметь домовую церковь, не принуждал ее носить польскую одежду, не давал ей слуг римского исповедания, писал в грамотах весь титул государя согласно с условием, не запрещал вывозить серебра из Литвы в Рос-

сию и чтобы наконец отпустил в Москву жену князя Бельского. В угодность зятю великий князь отозвал из Вильны бояр московских, коих Александр считал опасными доносителями и ссорщиками: остались при Елене только священник Фома с двумя крестовыми дьяками и несколько русских поваров. Несмотря на то, зять не хотел исполнить ни одного из требований Иоанновых, ответствуя на первое, что устав предков его запрещает строить вновь церкви нашего исповедания и что Елена может ходить в приходскую, которая недалеко от дворца. «Какое мне дело до ваших уставов? — возражал государь: — у тебя супруга православной Веры, и ты обещал ей свободу в богослужении». Но Александр упрямился; не отпустил даже и княгини Бельской, говоря, что она сама не едет в Россию.

К сим досадам он присовокупил новую. Султан турецкий, Баязет, получив грамоту великого князя и строго запретив утеснять купцов наших, торгующих в Кафе и Азове, немедленно отправил в Москву посла с дружественными уверениями: Александр велел ему и бывшим с ним константинопольским гостям возвратиться из Киева в Турцию, приказав к Иоанну, что никогда султанские послы не езжали в Россию чрез Литву и что они могут быть лазутчиками.

Однако ж великий князь еще изъявлял доброхотство зятю и дал ему знать, что Стефан Молдавский и Менгли-Гирей соглашаются жить в мире с Литвою. Сего не довольно: услышав, что Александр, по совету думных панов, готов отдать в удел меньшую брату, Сигизмунду, Киевскую область, Иоанн писал к Елене, чтобы она всячески старалась отвратить мужа от намерения столь вредного. Повторим собственные слова его: «Я слыхал о неустройствах, какие были в Литве от удельного правления. И ты слыхала о наших собственных бедствиях, произведенных разновластием в княжение отца моего; помнишь, что и сам я терпел от братьев. Чему быть доброму, когда Сигизмунд сделается у вас особенным государем? Советую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно от себя». В сем случае Иоанн явил образ мыслей, достойный монарха сильного и великодушного: имел досаду на зятя, но как искренний друг предостере-

гал его от гибельной погрешности, несмотря на то, что Россия могла бы воспользоваться ею.

Сие великодушие, по-видимому, не тронуло Александра: он с грубостию ответствовал, что не видит расположения к миру в наших союзниках, Менгли-Гирее и Стефане, непрестанно враждующих Литве; что тесть указывает ему в его делах и не дает никакой управы. Огорченный великий князь, жалуясь Елене на мужа ее, спрашивал, для чего он не хочет жить с ним в любви и братстве? «Для того,— писал Александр к тестю,— что ты завладел многими городами и волостями, издавна литовскими; что пересылаешься с нашими недругами, султаном турецким, господарем молдавским и ханом крымским, а доселе не помирил меня с ними, вопреки нашему условию иметь одних друзей и неприятелей; что россияне, невзирая на мир, всегда обижают литовцев. Если действительно желаешь братства между нами, то возврати мое и с убытками, запрети обиды и докажи тем свою искренность: союзники твои, увидев оную, престанут мне злодействовать». Елена в сей грамоте приписала только поклон родителю.

Все неудовольствия Александровы происходили, кажется, оттого, что он жалел о городах, уступленных им России, и с прискорбием оставлял Елену греческою христианкою. Иоанн не отнял ничего нового у Литвы после заключенного договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, брал свои меры. Боярин князь Звенец поехал к Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не уведомил его вовремя о сватовстве Александровом, Иоанн убеждал хана забыть прошедшее. «Не требую,— говорил он,— но соглашаюсь, чтобы ты жил в мире с Литвою; а если зять мой будет опять тебе или мне врагом, то мы восстанем на него общими силами». Вероятно, что Иоанн таким же образом писал и к Стефану Молдавскому: по крайней мере сии два союзника России не спешили мириться с Александром, и великий князь в случае войны мог надеяться на их усердную помощь.

Глава VI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА
Г. 1495—1503

Заложен Ивангород. Гнев вел. князя на ливонских немцев и заключение всех купцов ганзейских в России. Союз с Даниею. Война с шведами. Иоанн в Новегороде. Поход на Гамскую землю, или Финляндию. Дела казанские. Первое наше посольство в Константинополь. Рязанская княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского. Гнев Иоаннов на супругу и сына, Василия. Великий князь торжественно венчает на царство внука своего, юного Димитрия Иоанновича; мирится с супругою, казнит бояр и называет Василия вел. князем Новагорода и Пскова. Посол из Шемахи. Посольство в Венецию и в Константинополь. Завоевание земли Югорской, или северо-западной Сибири. Послан воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князья черниговский и рыльский поддаются Иоанну. Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским орденом. Переговоры о мире. Александр избран в польские короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с орденом. Сражение близ Изборска. Болезнь в ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Шиг-Ахмет, помогает Литве. Хан крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева царства. Александр вероломно заключает Шиг-Ахмета. Досада хана крымского на великого князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с магистром ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с орденом. Хитрость вел. князя. Александр безрассудно досаждает ему.

Имея Литву главным предметом своей политики, государь с тою же деятельностью занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России. Он велел в 1492 году заложить каменную крепость против Нарвы, на Девичьей горе, с высокими башнями, и назвал ее, по своему имени, *Ивангород*, к великому беспокойству ливонских немцев, которые однако ж не могли ему в том воспрепятствовать и в 1493 году продолжили мир с Россиею на десять лет. Чрез несколь-

ко месяцев — так пишет немецкий историк — «всенародно сожгли в Ревеле одного россиянина, уличенного в гнусном преступлении, и легкомысленные из тамошних граждан сказали его единоземцам: *мы сожгли бы и вашего князя, если бы он сделал у нас то же.* Сии безрассудные слова, пересказанные государю московскому, возбудили в нем столь великий гнев, что он изломал трость свою, бросил на землю и, взглянув на небо, грозно произнес: *Бог суди мое дело и казни дерзость*». А наш летописец говорит, что ревельцы обижали купцов новогородских, грабили их на море, без обсылки с Иоанном и без исследования варили его подданных в котлах, делая несносные грубости послам московским, которые ездили в Италию и в Немецкую землю. Раздраженный государь требовал, чтобы ливонское правительство выдало ему магистрат ревельский, и, получив отказ, велел схватить ганзейских купцов в Новегороде: их было там 49 человек, из Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дортмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали немецкие гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали в Москву все товары, ценою на миллион гульденов; заключили несчастных в тяжкие оковы и в душные темницы. Весть о сем бедственном случае произвела тревогу во всей Германии. Давно не бывало подобного: Новгород в самых пылких ссорах с Ливонским орденом щадил купцов ганзейских, имея нужду во многих вещах, ими доставляемых России: ибо они привозили к нам не только фламандские сукна и другие немецкие рукоделия, но и соль, медь, пшеницу. Ганза находилась тогда на вышней степени ее силы и богатства. Новогородская контора сего достопамятного купеческого союза издавна считалась материю других: удар столь жестокий произвел всеобщее замешательство в делах оного. Послы великого магистра, семидесяти городов немецких и зятя Иоаннова, Александра, приехали в Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобождения купцов, предлагая с обеих сторон выслать судей на остров реки Наровы для разбора всех неудовольствий. Миновало более года: заключенные томились в темницах. Наконец государь умилостивился и велел отпустить их: некоторые умерли в оковах, другие потонули в море на пути из Ревеля в Любек; немногие воз-

вратились в отечество, и все лишились имения: ибо им не отдали товаров. Сим пресеклась торговля ганзейская в Новегороде, быв для него источником богатства и самого гражданского просвещения в то время, когда Россия, омраченная густыми тенями варварства могольского, сим одним путем сообщалась с Европою. Иоанн без сомнения сделал ошибку, последовав движению гнева; хотел исправить оную и не мог: немецкие купцы уже страшились вверять судьбу свою такой земле, где единое мановение грозного самовластителя лишало их вольности, имения и жизни, не отличая виновных от невинных. Любек, Гамбург и другие союзные города, пострадав за Ревель, имели причину жаловаться на жестокость Иоанна, который думал только явить гнев и милость, в надежде, что немцы, смиренные наказанием, с благодарностию возвратятся на свое древнее торжище: чего однако ж не случилось. Люди охотнее подвергаются морским волнам и бурям, нежели беззаконному насилию правительств. Дворы, божница, лавки немецкие опустели в Новегороде; торговля перешла оттуда в Ригу, Дерпт и Ревель, а после в Нарву, где россияне менялись своими произведениями с чужестранными купцами.

Так великий князь в порыве досады разрушил благое дело веков, к обоюдному вреду Ганзы и России, в противность собственному его всегдашнему старанию быть в связи с образованною Европою. Некоторые историки умствуют, что Иоанн видел в ганзейских купцах проповедников народной вольности, питающих дух мятежа в Новегороде, и для того гнал их; но сия мысль не имеет никакого исторического основания и не согласна ни с духом времени, ни с характером Ганзы, которая думала единственно о своих торговых выгодах, не вмешиваясь в политические отношения граждан к правительству, и, несмотря на покорение Новагорода, еще несколько лет купечествовала там свободно. Другие пишут, что великий князь сделал то в угождение королю датскому, ее неприятелю; что они условились вместе воевать Швецию; что король уступал Иоанну знатную часть Финляндии, требуя уничтожения ганзейской конторы в Новегороде. Сии два монарха действительно заключили между собою тесный союз. Наши послы возвратились из Копенгагена с новым послом датским, и скоро воеводы российские, князь Шеня, боярин Яков Захарьевич, князь

Василий Федорович Шуйский, осадили Выборг. Приготовления и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердие, псковитяне с каждых десяти сох поставили вооруженного всадника и на шумном вече обесчестили многих иереев, которые доказывали номоканоном, что жители церковных сел не должны участвовать в земских ополчениях. Но россияне около трех месяцев стояли под Выборгом и не могли взять его. Уверяют, что тамошний начальник, храбрый витязь Кнут Поссе, видя их уже на стене крепости, зажег башню, где лежал порох: она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество россиян; другие, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бежали, гонимые страхом и мечом осажденных. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жил в памяти финнов под именем *выборгского треска* и прославил мнимое волшебное искусство Кнута Поссе. Воеводы наши удовольствовались только опустошением сел на пространстве тридцати или сорока миль.

Желая распорядить на месте военные действия, Иоанн сам ездил в Новгород со внуком Димитрием и сыном Юрием, оставив старшего сына, Василия, в Москве. Уже сей город не имел ни прежнего многолюдства, ни величавых бояр, ни купцов именитых; но архиепископ Геннадий и наместники старались пышною встречею удовлетворить вкусу Иоаннову ко всему торжественному: святитель, духовенство, чиновники, народ ждали государя на Московской дороге; радостные восклицания провождали его до Софийской церкви: он обедал у Геннадия со двором своим, который состоял из осьми бояр московских, четырех тверских, трех окольничих, великого дворецкого, постельничего, спальничего, трех дьяков, пятидесяти князей и многих детей боярских.

Воеводы, князь Василий Косой, Андрей Федорович Челяднин, Александр Владимирович Ростовский и Дмитрий Васильевич Шеин, посланные на *Гамскую землю, Ямь,* или Финляндию, разбили 7000 шведов. Сам государственный правитель, Стен Стур, находился в Або, имея сорок тысяч воинов, и хотел встретить россиян в поле; но дал им время уйти назад с добычею и пленниками. Иоанн возвратился в Москву, приказав двум братьям, князьям Ивану и Петру Ушатым, собрать войско в области Устюжской, Двинской, Онежской, Ваг-

ской и весною идти на Каянию или *на десять рек*. Сей поход имел важнейшее следствие: князья Ушатые не только разорили всю землю от Корелии до Лапландии, но и присоединили к российским владениям берега Лименги, коих жители отправили посольство к великому князю в Москву и дали клятву быть его верноподданными. За то шведский чиновник, Свант Стур, с двумя тысячами воинов и с огнестрельным снарядом приплыв на семидесяти легких судах из Стокгольма в реку Нарову, взял Иваньгород. Тамошний начальник, князь Юрий Бабич, первый ушел из крепости; а воеводы, князья Иван Брюхо и Гундоров, стояли недалеко оттуда с полком многочисленным, видели приступ шведов и не дали никакой помощи гражданам. Зная, что ему нельзя удержать сего места, Свант уступал оное ливонскому рыцарству; но магистр отказался от приобретения столь опасного. Шведы разорили часть крепости и спешили удалиться с тремястами пленников.

[1496 г.] Война кончилась тем, что король датский, друг Иоаннов, сделался государем Швеции, согласно с желанием ее сената и духовенства. Он старался всячески соблюсти приязнь великого князя и, может быть, отдал ему некоторые места в Финляндии. Два раза (в 1500 и в 1501 году) послы его были в Москве, а наши в Дании, вероятно, для утверждения бесспорных границ между обеими державами. Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений, так, что шведский государственный совет, обвиняя бывшего правителя Стена во многих жестокостях, сказал в манифесте: «Он злодействовал в Швеции, как россияне в Финляндии!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никак не хотел относиться к новогородским наместникам, требуя, чтобы сам великий князь договаривался с ним о мире: Иоанн досадовал на такую гордость и желал смирить оную.

[1497 г.] Доселе царь казанский верно исполнял обязанность нашего присяжника; но, угождая Иоанну, теснил подданных и был ненавидим вельможами, которые тайно предлагали владетелю шибанскому, Мамуку, избавить их от тирана. Магмед-Аминь, узнав о том, требовал защиты в Москве, и государь прислал к нему воеводу, князя Ряполовского, с сильною ратию. Измен-

ники бежали: Мамук удалился от пределов казанских; все было тихо и спокойно. Магмед-Аминь отпустил Ряполовского, но чрез месяц сам явился в Москве, с вестию, что Мамук, незапно изгнав его, царствует в Казани. Сей новый царь умел только грабить: жадный к богатству, отнимал у купцов товары, у вельмож сокровища и посадил в темницу главных своих доброжелателей, которые предали ему Казань, изменив Магмед-Аминю. Он хотел завоевать городок Арский: не взял его и не мог уже возвратиться в Казань, где граждане стояли на стенах с оружием, велев сказать ему, что им не надобен царь-разбойник. Мамук ушел восвояси; а вельможи казанские отправили посольство к Иоанну, смиренно извиняясь перед ним, но виня и Магмед-Аминя в несносных для народа утеснениях. «Хотим иметь иного царя от руки твоей,— говорили они: — дай нам второго Ибрагимова сына, Абдыл-Летифа». Иоанн согласился и послал сего меньшего пасынка Менгли-Гиреева в Казань, где князья Симеон Данилович Холмский и Федор Палецкий возвели его на царство, заставив народ присягнуть в верности к российскому монарху.— Чтобы удовольствовать и Магмед-Аминя, великий князь дал ему в поместье Коширу, Серпухов и Хотунь, к бедствию жителей, коим он сделался ненавистен своим алчным корыстолюбием и злобным нравом.

Сие происшествие могло обеспокоить Нурсалтан, жену Менгли-Гирееву: Иоанн дал ей знать о том в самых ласковых выражениях, уверяя, что Казань всегда будет собственностию ее рода. Благодаря великого князя, она уведомляла его о своем возвращении из Мекки и намерении ехать в Россию для свидания с сыновьями. Менгли-Гирей прислал Иоанну в дар яхонтовый перстень Магомета II и старался утвердить султана Баязета в благосклонном к нам расположении. Хотя посол турецкий и не доехал до Москвы, однако ж Иоанн решился тогда отправить своего в Константинополь, чтобы изъявить признательность султану за его доброе намерение, и поручил сие дело Михайлу Андреевичу Плещееву: хан крымский дал ему письма и вожатых. Целию посольства было доставить нашим купцам безопасность и свободу в торговле с областями султанскими: по крайней мере в бумагах оного не упоминается ни о чем ином; сказано только, чтобы Плещеев в изъявлениях Иоаннова дру-

жества к Баязету и к юному сыну его, Магмеду, Шихзоде, кафинскому султану, строго наблюдал достоинство великого князя; чтобы *правил им поклон стоя, не на коленях,* и никому из других послов не уступал места; чтобы говорил речь единственно султану, а не пашам, и проч. Плещеев, исполняя в точности наказ государев, своею гордостию удивил двор Баязетов. Обласканный пашами в Константинополе и слыша, что его на другой день представят султану, он не хотел ехать к ним на обед, не взял их даров, которые состояли в драгоценной одежде, ни десяти тысяч оттоманских денег, назначенных ему на содержание, и сказал присланному от них чиновнику: «Мне с пашами нет речи; их платья не надену; денег не хочу; буду говорить только с султаном». Однако ж Баязет отпустил Плещеева с ласковою ответною грамотою и сделал все, чего требовал Иоанн в рассуждении наших купцов. «Государь Российский,— писал он к Менгли-Гирею,— с коим искренно желаю быть в любви, прислал ко мне какого-то невежду: для сего не посылаю с ним моих людей в Россию, опасаясь, чтобы их там не оскорбили. Уважаемый от востока до запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сын мой, правитель Кафы, сносится с Иоанном». Но, соблюдая учтивость, Баязет не жаловался самому великому князю на его посла и писал к нему следующее: «Ты от чистого сердца прислал *доброго мужа к моему порогу:* он видел меня и вручил мне твою грамоту, которую я приложил к своему сердцу, видя, что желаешь быть нам другом. Послы и гости твои да ездят часто в мою землю: они увидят и скажут тебе нашу правду, равно как и сей, едущий назад в свое отечество. Дай Бог, чтобы он благополучно возвратился с *нашим великим поклоном* и к тебе и ко всем друзьям твоим: ибо кого ты любишь, того и мы любим».— Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношение России с Оттоманскою державою! Ни та, ни другая не могла предвидеть, что Судьба готовит их к ужасному взаимному противоборству, коему надлежало решить падение магометанских царств в мире и первенство христианского оружия!

[1498 г.] Плещеев возвратился в Москву тогда, когда двор, вельможи и народ были ужасным образом волнуемы происшествиями, горестными для Иоаннова сердца. Мы видели, что с XV века установилось новое право на-

следственное в России, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками великокняжеского достоинства; но кончина старшего Иоаннова сына произвела вопрос: «кому быть наследником государства, внуку ли Димитрию или Василию Иоанновичу?» Великий князь колебался: бояре думали разно, одни доброхотствуя Елене и юному сыну ее, другие Софии и Василию; первых было гораздо более, отчасти по любви, которую все имели к великодушному отцу Димитриеву, отчасти и потому, что мать его окружали только россияне; Софию же многие греки, неприятные нашим вельможам. Друзья Еленины утверждали, что Димитрий естественным образом наследовал право своего родителя на великое княжение; а Софиины доброжелатели ответствовали, что внук не может быть предпочтен сыну — и какому? происшедшему от крови императоров греческих. София и Елена, обе хитрые, честолюбивые, ненавидели друг друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая княгиня рязанская, Анна, гостила тогда в Москве у брата, равно ласкаемая его супругою и невесткою: он мог еще наслаждаться семейственными удовольствиями; продержал сестру несколько месяцев, склонил ее выдать дочь за князя Федора Ивановича Бельского и с любовию отпустил в Рязань, где надлежало быть свадьбе.

Скоро по отъезде Анны донесли государю о важном заговоре. Дьяк Федор Стромилов уверил юного Василия, что родитель его хочет объявить внука наследником: сей дьяк и некоторые безрассудные молодые люди предлагали Василию погубить Димитрия, уйти в Вологду и захватить там казну государеву. Они втайне умножали число своих единомышленников и клятвою обязались усердно служить сыну против отца и государя. Иоанн, узнав о том, воспылал гневом. Обвиняемых взяли в допрос, пытали и, вынудив от них признание, казнили на Москве-реке: дьякам Стромилову и Гусеву, князю Ивану Палецкому и Скрябину отсекли голову: Афанасию Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многих иных детей боярских посадили в темницу и к самому Василию приставили во дворце стражу. Гнев Иоаннов пал и на Софию: ему сказали, что к ней ходят мнимые колдуньи с зелием; их схватили, обыскали и ночью утопили в Москве-реке. С того времени государь не хотел

видеть супруги, подозревая, кажется, что она мыслила отравить ядом невестку Елену и Димитрия. В сем случае наместник московский, князь Иван Юрьевич, и воевода Симеон Ряполовский действовали явно как ревностные друзья Иоаннова внука и недоброжелатели Софиины.

Елена торжествовала: великий князь немедленно назвал ее сына своим преемником и возложил на него венец Мономахов. Искони духовные российские пастыри благословляли государей при восшествии их на престол, и сей обряд совершался в церкви; но древние летописцы не сказывают ничего более: здесь в первый раз видим царское венчание, описанное со всеми любопытными обстоятельствами. В назначенный день государь, провожаемый всем двором, боярами и чиновниками, ввел юного, пятнадцатилетнего Димитрия в Соборную церковь Успения, где митрополит с пятью епископами, многими архимандритами, игуменами, пел молебен Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвон с тремя седалищами: для государя, Димитрия и митрополита. Близ сего места лежали на столе венец и бармы Мономаховы. После молебна Иоанн и митрополит сели: Димитрий стоял пред ними на вышней степени амвона. Иоанн сказал: «Отче митрополит! издревле государи, предки наши, давали великое княжество первым сынам своим: я также благословил оным моего первородного, Иоанна. Но по воле Божией его не стало: благословляю ныне внука Димитрия, его сына, при себе и после себя великим княжеством Владимирским, Московским, Новогородским: и ты, отче, дай ему благословение». Митрополит велел юному князю ступить на амвон, встал, благословил Димитрия крестом и, положив руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, от святого жилища Своего благоволит воззреть с любовию на Димитрия; да сподобит его помазатися елеем радости, приять силу свыше, венец и скипетр царствия; да воссядет юноша на престол правды, оградится всеоружием Святого Духа и твердою мышцею покорит народы варварские; да живет в сердце его добродетель, Вера чистая и правосудие. Тут два архимандрита подали бармы: митрополит, ознаменовав Димитрия крестом, вручил их Иоанну, который возложил оные на внука. Митрополит тихо произнес следующее: «Господи Вседержителю и Царю веков! се земный человек, Тобою Ца-

рем сотворенный, преклоняет главу в молении к Тебе, Владыке мира. Храни его под кровом Своим: правда и мир да сияют во дни его; да живем с ним тихо и покойно в чистоте душевной!..» Архимандриты подали венец: Иоанн взял его из рук первосвятителя и возложил на внука. Митрополит сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!»

Читали Ектению и молитву Богоматери. Великий князь и митрополит сели на своих местах. Архидиакон с амвона возгласил многолетие обоим государям: за ним лик священников и диаконов. Митрополит встал и вместе с епископами поздравил деда и внука: также сыновья государевы, бояре и все знатные сановники. В заключение Иоанн сказал юному князю: «Внук Димитрий! Я пожаловал и благословил тебя великим княжеством; а ты имей страх Божий в сердце, люби правду, милость и пекись о всем христианстве».— Великие князья сошли с амвона. После обедни Иоанн возвратился в свой дворец, а Димитрий, в венце и в бармах, провождаемый всеми детьми государевыми (кроме Василия) и боярами, ходил в собор Архангела Михаила и Благовещения, где сын Иоаннов, Юрий, осыпал его в дверях золотыми и серебряными деньгами.— В тот день был великолепный пир у государя для всех духовных и светских сановников. Лаская юного Димитрия, он подарил ему крест с золотою цепию, пояс, осыпанный драгоценными каменьями, и сердоликовую крабию Августа Цесаря.

Несмотря на сии знаки любви ко внуку, грозное чело Иоанново изъявляло мучительное смятение его души, так что самые усердные доброжелатели Елены — самые те, которые своими доносами и внушениями возбудили гнев государев на Софию и Василия — не смели радоваться, опасаясь перемены. Страх их был весьма основателен. Иоанн любил супругу, по крайней мере чтил в ней отрасль знаменитого императорского дома, двадцать лет благоденствовал с нею, пользовался ее советами и мог по суеверию, свойственному и великим людям, приписывать счастию Софии успехи своих важнейших предприятий. Она имела тонкую греческую хитрость и друзей при дворе. Василий, коего рождение, прославленное чудом, было столь вожделенно для отца, не мог лишиться всех прав на любовь его. Вина сего юного князя — если и несомнительная — находила извинение в не-

зрелости ума и в легкомыслии молодых лет. Но миновал год: Россия уже привыкла к мысли, что Димитрий, любезный, непорочный сын отца, памятного благородным мужеством, и внук двух великих государей, будет ее монархом. Открылось, что дед украсил венцом сего юношу как жертву, обреченную на погибель.

[1499 г.] К сожалению, летописцы не объясняют всех обстоятельств сего любопытного происшествия, сказывая только, что Иоанн возвратил наконец свою нежность супруге и сыну, велел снова исследовать бывшие на них доносы, узнал козни друзей Елениных и, считая себя обманутым, явил ужасный пример строгости над знатнейшими вельможами, князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, двумя его сыновьями и зятем, князем Симеоном Ряполовским, обличенными в *крамоле:* осудил их на смертную казнь, невзирая на то, что Иван Юрьевич, праправнук славного Ольгерда, был родной племянник Темного, сын дочери великого князя Василия Димитриевича, Марии, и тридцать шесть лет верно служил государю как первый боярин в делах войны и мира: отец же Ряполовского, один из потомков Всеволода Великого, спасал Иоанна в юности от злобы Шемякиной. Государь по-видимому уверился, что они, усердствуя Елене, оклеветали пред ним и Софию и Василия: не знаем точной истины; но Иоанн во всяком случае был обманут кознями той или другой стороны: жалостная участь монархов, коих легковерие стоит чести или жизни невинным! Князю Ряполовскому отсекли голову на Москве-реке; но митрополит Симон, архиепископ ростовский и другие святители ревностным ходатайством спасли Патрикеевых от казни: Иван Юрьевич и старший его сын, боярин Василий Косой, постриглись в монахи: первый в обители Св. Сергия, а второй — Св. Кирилла Белозерского; меньший сын Юрьевича, Иван Мынинда, остался под стражею в доме. Сия *первая знаменитая боярская опала* изумила вельмож, доказав, что гнев самодержца не щадит ни сана, ни заслуг долговременных.

Чрез шесть недель Иоанн назвал Василия *государем, великим князем Новагорода и Пскова;* изъявлял холодность к невестке и ко внуку; однако ж долго медлил и совестился отнять старейшинство у последнего, данное ему пред лицом всей России и с обрядами священными. Еще Димитрий именовался великим князем владимир-

ским и московским; но двор благоговел пред Софиею, удаляясь от Елены и сына ее: ибо предвидели будущее. Мог ли Иоанн, столь счастливо основав единовластие в России, предать ее по своей кончине в жертву новому, вероятному междоусобию двух князей великих, сына и внука? Могла ли и София быть спокойною, не свергнув Димитрия? Одним словом, его падение казалось уже необходимым.— Псковитяне, с удивлением и неудовольствием сведав, что Иоанн дал им государя особенного, послали к нему знатнейших чиновников, жаловались на такую новость и молили, чтобы Димитрий, как будущий наследник Российской державы, остался и главою земли их. Великий князь с гневом ответствовал: «Разве я не волен в моем сыне и внуке? Кому хочу, тому и дам Россию. Служите Василию». Послов заключили в башню, но скоро освободили.

Сие время без сомнения было самым печальнейшим Иоанновой жизни: однако ж монарх являл и тогда непрестанную деятельность в отношениях государственных. В Шамахе господствовал султан Махмут, внук Ширван-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его. Слабость и бедствия их преемников, смерть завоевателя персидского, Узун-Гассана, и малодушие его наследников возвратили независимость сей стране Каспийской. Махмут, величаясь достоинством монарха, желал иметь любовь и дружбу с государями знаменитыми, каков был Иоанн. Он прислал в Москву вельможу своего, Шебеддина, с учтивыми и ласковыми словами, на которые ответствовали ему такими же; но государь не счел за нужное отправить собственного посла в Шамаху, сведав, может быть, о завоеваниях Измаила Софи, мнимого потомка Алиева, который около сего времени назвался шахом, овладел Ираном, Багдадом, южными окрестностями моря Каспийского и сделался основателем сильной державы персидских Софиев, во дни отцов наших уничтоженной Тахмасом-Кулы ханом.

Тогда же Иоанн посылал в Венецию грека Дмитрия, Ралева сына, с Митрофаном Карачаровым, и к султану Баязету Алексея Голохвастова, с коим отправились многие наши купцы в Азов рекою Доном (они грузились на Мече у Каменного Коня). Голохвастов, имея учтивые письма к Баязету и к сыну его, Магмеду Шихзоде, должен был исходатайствовать разные выгоды московским

торговым людям в Баязетовых владениях и сказать пашам султанским следующие слова: «Великий князь не ведает, чем вы обвиняете бывшего у вас российского посла Михаила Плещеева; но знайте, что многие государи шлют послов к нашему, чтущему и жалующему их ради своего имени: султан может в том удостовериться опытом». Голохвастов через несколько месяцев возвратился с ответными грамотами от Баязета и Шихзоды: последний присылал из Кафы в Москву и собственного чиновника, который обедал у великого князя. Но дело шло, как и прежде, единственно о безопасной и свободной торговле.

В сей год Иоанн утвердил власть свою над северозападною Сибирию, которая издревле платила дань Новугороду. Еще в 1465 году — по известию одного летописца — устюжанин, именем Василий Скряба, с толпою вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних князей, Калпака и Течика: взяв с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих князей в отечество, обложил Югру данию и милостиво наградил Скрябу. Сие завоевание оказалось недействительным или мнимым: подчинив себе Новгород, Иоанн (в мае 1483 года) должен был отрядить воевод, князя Федора Курбского Черного и Салтыка-Травина, с полками устюжскими и пермскими на вогуличей и Югру. Близ устья реки Пелыни разбив князя вогульского, Юмшана, воеводы московские шли вниз по реке Тавде мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегом Иртыша до великой Оби в землю Югорскую, пленили ее князя Молдана и с богатою добычею возвратились чрез пять месяцев в Устюг. Владетели югорские или *кодские* требовали мира, коего посредником был епископ пермский Филофей; присягнули в верности к России и *пили воду с золота* пред нашими чиновниками, близ устья Выми; а Юмшан Вогульский с епископом Филофеем сам приезжал в Москву и, милостиво обласканный великим князем, начал платить ему дань, быв дотоле, равно как и отец его, Асыка, ужасом Пермской области. Но конечное покорение сих отдаленных земель совершилось уже в 1499 году: князья Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник, предводительствуя пятью тысячами устюжан, двинян, вятчан, плыли разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость и 21 ноября от-

правились на лыжах к Каменному Поясу. Сражаясь с усилием ветров и засыпаемые снегом, странствующие полки великокняжеские с неописанным трудом всходили на сии, во многих местах неприступные горы, где и в летние месяцы не является глазам ничего, кроме ужасных пустынь, голых утесов, стремнин, печальных кедров и хищных белых кречетов, но где, под мшистыми гранитами, скрываются богатые жилы металлов и цветные камни драгоценные. Там встретили россияне толпу мирных самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей; наконец спустились в равнины и, достигнув городка Ляпина (ныне вогульского местечка в Березовском уезде), исчислили, что они прошли уже 4650 верст. За Ляпином съехались к ним владетели югорские, земли Обдорской, предлагая мир и вечное подданство государю московскому. Каждый из сих князьков сидел на длинных санях, запряженных оленями. Воеводы Иоанновы ехали также на оленях, а воины на собаках, держа в руках огнь и меч для истребления бедных жителей. Курбский и Петр Ушатов взяли 32 города, Заболоцкий 8 городов (то есть мест, укрепленных острогом), более тысячи пленников и пятьдесят князей; обязали всех жителей (вогуличей, югорцев или, как вероятно, остяков и самоедов) клятвою верности и благополучно возвратились в Москву к Пасхе. Сподвижники их рассказывали любопытным о трудах, ими перенесенных, о высоте Уральских гор, коих хребты скрываются в облаках и которые, по мнению географов, назывались в древности Рифейскими, или Гиперборейскими; о зверях и птицах, неизвестных в нашем климате; о виде и странных обыкновениях жителей сибирских: сии рассказы, повторяемые с прибавлением, служили источником баснословия о чудовищах и *немых людях,* будто бы обитающих на северо-востоке; о других, которые по смерти снова оживают, и проч.— С того времени государи наши всегда именовались князьями *югорскими;* а в Европе разнесся слух, что мы завоевали древнее отечество *угров,* или венгерцев: сами россияне хвалились тем, основываясь на сходстве имен и на предании, что единоплеменник Аттилин, славный маджарский воевода Альм, вышел из глубины Азии Северной, или Скифии, где много соболей и драгоценных металлов: Югория же, как известно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду. Даже

и новейшие ученые хотели доказывать истину сего мнения сходством между языком вогуличей и маджарским, или венгерским.

[1500 г.] Иоанн посылал еще войско в Казань с князем Федором Бельским, узнав, что шибанский царевич Агалак, брат Мамуков, ополчился на Абдыл-Летифа: Агалак ушел назад в свои улусы, и Бельский возвратился; а для защиты царя остались там воеводы, князь Михайло Курбский и Лобан Ряполовский, которые чрез несколько месяцев отразили ногайских мурз, Ямгурчея и Мусу, хотевших изгнать Абдыл-Летифа.

Но дела литовские всего более заботили тогда Иоанна: взаимные неудовольствия тестя и зятя произвели наконец разрыв явный и войну, которая осталась навеки памятною в летописях обеих держав, имев столь важные для оных следствия.

Александр мог двумя способами исполнить обязанность монарха благоразумного: или стараясь искреннею приязнию заслужить Иоаннову для целости и безопасности державы своей, или в тишине изготовляя средства с успехом противоборствовать великому князю, умножая свои ратные силы, отвлекая от него союзников, приобретая их для себя: вместо чего он досаждал тестю по упрямству, по зависти, по слепому усердию к латинской Вере; приближал войну и не готовился к оной; не умел расторгнуть опасной для него связи Иоанновой с Менгли-Гиреем, ни с Стефаном Молдавским, искав только бесполезной дружбы бывшего шведского правителя, Стена, и слабых царей ординских; одним словом, не умел быть ни приятелем, ни врагом сильной Москвы. Великий князь еще несколько времени показывал миролюбие: освобождая купцов ганзейских, говорил, что делает то из уважения к ходатайству зятя; не отвергал его посредничества в делах с Швецию; объяснял несправедливость частых литовских жалоб на обиды россиян. В 1497 году войско султанское перешло Дунай, угрожая Литве и Польше: Иоанн велел сказать зятю, что россияне в силу мирного договора готовы помогать ему, когда турки действительно вступят в Литву. Но сие обещание не было искренним: султан успел бы взять Вильну прежде, нежели россияне тронулись бы с места. К счастию Александра, турки удалились. Досадуя на Стефана за разорение Бряславля, он хотел воевать Молдавию:

великий князь просил его не тревожить союзника Москвы. «Я всегда надеялся,— ответствовал Александр,— что зять тебе дороже свата: вижу иное». В 1499 году приехал в Москву литовский посол, маршалок Станислав Глебович, и, представленный Иоанну, говорил так именем своего князя: «В угодность тебе, нашему брату, я заключил наконец союз любви и дружбы с воеводою молдавским Стефаном. Ныне слышим, что Баязет султан ополчается на него всеми силами, дабы овладеть Молдавиею: братья мои, короли венгерский, богемский, польский, хотят вместе со мною защитить оную. Будь и ты нашим сподвижником против общего злодея, уже владеющего многими великими государствами христианскими. Держава Стефанова есть ограда для всех наших: когда султан покорит ее, будет равно опасно и нам и тебе... Ты желаешь, чтобы я в своих грамотах именовал себя *государем всей России,* по мирному договору нашему: не отрицаюсь, но с условием, чтобы ты письменно и навеки утвердил за мною город Киев... К изумлению и прискорбию моему сведал я, что ты, вопреки клятвенному обету искреннего доброжелательства, умышляешь против меня зло в своих тайных сношениях с Менгли-Гиреем. Брат и тесть! вспомяни душу и Веру». Сей упрек имел вид справедливости: Иоанн (в 1498 году), послав в Тавриду князя Ромодановского будто бы для того, чтобы прекратить вражду Менгли-Гирея с Александром, велел наедине сказать хану: «Мирись, если хочешь; а я всегда буду заодно с тобою на литовского князя и на Ахматовых сыновей». Александр — неизвестно, каким образом — имел в руках своих выписку из тайных бумаг Ромодановского и прислал оную в Москву для улики. Казначей и дьяки великокняжеские ответствовали послу, что Иоанн, будучи сватом и другом Стефану, не откажется дать ему войска, когда он сам того потребует; что государь никогда не утвердит Киева за Литвою и что сие предложение есть нелепость; что Ромодановский действительно говорил Менгли-Гирею вышеприведенные слова, но что виною тому сам Александр, будучи в дружбе с неприятелями России, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудные обстоятельства воеводы молдавского, Иоанн не препятствовал ему мириться с Литвою; но тем приятнее было великому князю, что Менгли-Ги-

рей изъявлял постоянную ненависть к наследникам Казимировым, отвергая все Александровы мирные предложения или требуя от него Киева, Канева и других городов, завоеванных некогда Батыем, то есть невозможного. Он убеждал Иоанна немедленно идти на Литву войною, обещая ему даже помощь Баязетову; но в то же время сам не верил султану и писал откровенно к великому князю, что мыслит на всякий случай о безопасном для себя убежище вне Тавриды. Вот собственные слова его: «Султаны *не прямые люди;* говорят то, делают другое. Прежде кафинские наместники зависели от моей воли; а ныне там сын Баязетов: теперь еще молод и меня слушается; но за будущее нельзя ручаться. У стариков есть пословица, что *две бараньи головы в один котел не лезут*. Если начнем ссориться, то будет худо; а где худо, оттуда бегут люди. Ты можешь достать себе Киев и городок Черкасск: я с радостию переселюсь на берег Днепра; наши люди будут твои, а твои наши. Когда же *ни добром, ни лихом* не возьмем Киева, ни Черкасска, то нельзя ли хотя выменять их на другие места? что утешит мое сердце и прославит имя твое». Иоанн отвечал: «Ревностно молю Бога о возвращении нам древней отчины, Киева, и мысль о ближнем соседстве с тобою, моим братом, весьма для меня приятна». Он ласкал Менгли-Гирея во всех письмах как друга, желая располагать его силами против Литвы, в случае явного с нею разрыва.

Но Александр столь мало надеялся на успех своего оружия и великий князь столь любил умеренность в счастии, столь был доволен последним миром с Литвою, что, несмотря на беспрестанные взаимные досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы в распрю их не замешалась Вера. Иоанн долго сносил грубости зятя; но терпение его исчезло, когда надлежало защитить православие от латинских фанатиков. Как ни скромно вела себя Елена, как ни таилась в своих домашних прискорбиях, уверяя родителя, что она любима мужем, свободна в исполнении обрядов греческой Веры и всем довольна: однако ж Иоанн не преставал беспокоиться, посылал ей душеспасительные книги, твердил о Законе и, сведав, что духовник ее, священник Фома, выслан из Вильны, с удивлением спрашивал о вине его. «Он мне неугоден,— сказала Елена:—

буду искать другого». Наконец (в 1499 году) уведомили великого князя, что в Литве открылось гонение на восточную церковь; что смоленский епископ, Иосиф, взялся обратить всех единоверцев наших в латинство; что Александр нудит к тому и супругу, желая угодить папе и в летописях римской церкви заслужить имя Святого. Может быть, он хотел и государственного блага, думая, что единоверие подданных утверждает основание державы: сие неоспоримо; но предприятие опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и действовать более хитростию, нежели явною силою, или вместо желаемого добра произведешь бедствия: для того язычник Гедимин, католик Витовт и отец Александров, впрочем суеверный, никогда не касались совести людей в делах Закона. Встревоженный известием, Иоанн немедленно отправил в Вильну боярского сына, Мамонова, узнать подробно все обстоятельства, и велел ему наедине сказать Елене, чтобы она, презирая льстивые слова и даже муки, сохранила чистоту Веры своей. Так и поступила сия юная, добродетельная княгиня: ни ласки, ни гнев мужа, ни хитрые убеждения коварного отступника, смоленского владыки, не могли поколебать ее твердости в Законе: она всегда гнушалась латинским, как пишут историки польские.

Между тем гонение на греческую Веру в Литве продолжалось. Киевского митрополита Макария (в 1497 году) злодейски умертвили перекопские татары близ Мозыря: Александр обещал первосвятительство Иосифу Смоленскому. В угодность ему сей честолюбивый владыка, епископ виленский Альберт Табор и монахи бернардинские ездили из города в город склонять духовенство, князей, бояр и народ к соединению с римскою церковию: ибо по смерти киевского митрополита Григория святители литовской России, отвергнув устав Флорентийского Собора, не хотели зависеть от папы и снова принимали митрополитов от патриархов константинопольских. Иосиф доказывал, что римский первосвятитель есть действительно глава христианства; виленский епископ и бернардины вопили: «Да будет едино стадо и един пастырь!» Александр грозил насилием: папа в красноречивой булле изъявлял свою радость, что еретики озаряются светом истины, и присылал в Литву мощи святых. Но ревностные в православии христиане гнушались

латинским соблазном, и многие выехали в Россию. Знатный князь, Симеон Бельский, первый поддался государю московскому с своею отчиною: за ним князья мосальские и хотетовский, бояре мценские и серпейские; другие готовились к тому же, и вся Литва находилась в волнении. Принимая к себе литовских князей с их поместьями, Иоанн нарушал мирный договор; но оправдывался необходимостию быть покровителем единоверцев, у коих отнимают мир совести и душевное спасение.

Видя опасность своего положения, Александр прислал в Москву наместника смоленского, Станислава, написав в верющей грамоте весь государев титул и требуя, чтобы Иоанн взаимно исполнил договор, удовлетворил всем жалобам литовских подданных и выдал ему князя Симеона Бельского вместе с другими беглецами, коих он будто бы никогда не мыслил *гнать за Веру* и которые бесстыдным образом на него клевещут. «Поздно брат и зять мой исполняет условия,— ответствовал великий князь,— именует меня наконец государем всей России; но дочь моя еще не имеет придворной церкви и слышит хулы на свою Веру от виленского епископа и нашего отступника, Иосифа. Что делается в Литве? строят латинские божницы в городах русских; отнимают жен от мужей, детей у родителей и силою *крестят* в Закон римский. То ли называется *не гнать за Веру?* и могу ли видеть равнодушно утесняемое православие? Одним словом, я ни в чем не преступил условий мира, а зять мой не исполняет оных».

Новые измены устрашили Александра. Князь Иван Андреевич Можайский и сын Шемякин, Иван Димитриевич, непримиримые враги государя московского, пользовались в Литве отменною милостию Казимира, так, что он дал им в наследственное владение целые области в южной России: первому Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч; второму Рыльск и Новгород Северский, где, по смерти сих двух князей, господствовали их дети: сын Можайского, Симеон, и внук Шемякин, Василий, верные присяжники Александра до самого того времени, как он вздумал обращать князей и народ в латинство. Сие безрассудное дело рушило узы любви и верности, соединявшие государя с подданными. Следуя примеру Бельского, Симеон и Василий Ивановичи, забыв наследственную вражду, предложили великому князю из-

бавить их и подвластные им города от литовского ига. Тогда Иоанн решился действовать силою против зятя: послал чиновника, именем Телешева, объявить ему, чтобы он уже не вступался в отчину Симеона Черниговского, ни Василия Рыльского, которые добровольно присоединяются к московской державе и будут охраняемы ее войском. Телешев должен был вручить Александру и *складную грамоту*: то есть Иоанн, *сложив с себя крестное целование*, объявлял войну Литве за принуждение княгини Елены и всех наших единоверцев к латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет».

Тщетно Александр желал отклонить войну, уверяя, что он всякому дает полную свободу в Вере и немедленно отправит послов в Москву: государь дозволил им приехать, но уже брал города в Литве. Войском нашим предводительствовал бывший царь казанский, Магмед-Аминь, но действовал и всем управлял боярин Яков Захарьевич. Мценск и Серпейск сдалися добровольно. Брянск не мог сопротивляться долго: тамошний епископ и наместник, Станислав Бардашевич, были отосланы в Москву. Князь Симеон Черниговский и внук Шемякин, встретив москвитян на берегу Коидовы, с радостию присягнули Иоанну: то же сделали и князья трубчевские (или трубецкие), потомки Ольгердовы. Усиленный их дружинами, воевода Яков Захарьевич овладел Путивлем, пленил князя Богдана Глинского с его женою и занял без кровопролития всю литовскую Россию от нынешней Калужской и Тульской губернии до Киевской.— Другая московская рать, предводимая боярином Юрием Захарьевичем (прапрадедом царя Михаила Феодоровича), вступила в Смоленскую область и взяла Дорогобуж.

Необходимость защитить свою державу вооружила наконец Александра. Обнажив меч с трепетом и чувствуя себя неспособным к ратному делу, он искал полководца между своими вельможами. Незадолго до того времени гетман литовский, Петр Белый, старец, уважаемый двором и любимый народом, будучи на смертном одре, сказал горестному Александру: «Князь острожский, Константин, может заменить меня отечеству, будучи украшен достоинствами редкими». Таков действительно был сей муж, один из потомков славного Романа

Галицкого, имея весьма скромную наружность, малый рост, но великую душу. Еще немногие ведали его доблесть, которая оказалась после в тридцати битвах, счастливых для оружия литовского: но все отдавали ему справедливость в добродетелях государственных, гражданских и семейственных: «дома благочестивый Нума (писал об нем легат римский к папе), в сражениях Ромул: к сожалению, он *раскольник*, ослеплен излишним усердием к греческой Вере и не хочет отступить ни на волос от ее догматов». Несмотря на то, Александр возвел Константина на степень гетмана литовского и — что еще важнее — вручил ему главное воеводство против россиян, его братьев и единоверцев: такую доверенность имел к его чести и присяге! В самом деле, никто не служил Литве и Польше усерднее Острожского, брата россиян в церкви, но страшного врага их в поле. Смелый, бодрый, славолюбивый, сей вождь одушевил слабые полки литовские: знатнейшие паны и рядовые воины шли с ним охотно на битву. Сам Александр остался в Борисове: Константин выступил из Смоленска.

Между тем Иоанн прислал в Дорогобуж князя Даниила Шеню с тверскою силою, велев ему предводительствовать *большим*, или главным полком, а Юрию Захарьевичу *сторожевым*, или оберегательным, к досаде сего честолюбивого боярина, не хотевшего зависеть от князя Даниила; но государь дал знать Юрию, чтобы он не смел противиться воле самодержца; что всякое место хорошо, где служишь отечеству и монарху; что предводитель сторожевого полку есть товарищ главного воеводы и не должен обижаться своим саном. Здесь видим древнейший пример так называемого *местничества*, столь вредного впоследствии для российских воинств.

Близ Дорогобужа, среди обширного Митькова поля, на берегах реки Ведроши стояли Иоанновы полководцы, Даниил Щеня и Юрий, готовые к бою. Князь острожский знал от пленников о числе россиян, надеялся легко управиться с ними и смело шел сквозь болотистые, лесистые ущелья к нашему стану. Передовой московский полк отступил, чтобы заманить литовцев на другой берег реки. Тут началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: с обеих сторон сражалось тысяч восемьдесят или более; но воеводы Иоанновы имели тайную засаду, которая внезапным ударом

смяла неприятеля. Литовцы искали спасения в бегстве: их легло на месте тысяч восемь; множество утонуло в реке: ибо наша пехота зашла им в тыл и подрубила мост. Военачальник Константин, наместник смоленский Станислав, маршалки Григорий Остюкович и Литавор Хребтович, князья друцкие, мосальские, паны и чиновники были взяты в плен; весь обоз и снаряд огнестрельный достался в руки победителю. С сею счастливою для нас вестию прискакал в Москву дворянин Михайло Плещеев. Государь, бояре, народ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще россияне не одерживали такой победы над Литвою, ужасною для них почти не менее моголов в течение ста пятидесяти лет. Слыхав от своих дедов, как знамена Ольгердовы развевались перед стенами Кремлевскими, как Витовт похищал целые княжества России и с каким трудом благоразумный сын Донского, Василий Димитриевич, спас ее последнее достояние, ликующие москвитяне дивились Иоанновой и собственной их славе! — Князя острожского вместе с другими знатными пленниками привезли в Москву окованного цепями, по сказанию литовского историка; но Иоанн чтил его и склонял вступить в нашу службу. Константин долго не соглашался: наконец, угрожаемый темницею, присягнул в верности российскому монарху, весьма неискренно; ему дали чин воеводы и земли: но он, литвин душою, не мог простить своих победителей, желал мести и совершил оную чрез несколько лет, как увидим.

Довольный искусством и мужеством наших полководцев, Иоанн в знак чрезвычайной милости послал к ним знатного чиновника *спросить о их здравии* и велел ему сказать *первое слово* князю Даниилу Щене, а *второе* князю Иосифу Дорогобужскому, который отличился в сем деле.— Скоро также пришла весть, что соединенные полки новогородские, псковские и великолуцкие, разбив неприятеля близ Ловати, взяли Торопец. В сем войске были племянники государевы, князья Иван и Феодор, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именем, подобно царю Магмед-Аминю: новогородский наместник, Андрей Федорович Челядин, вел *большой полк,* имел знамя великокняжеское, избирал частных предводителей и давал все повеления.— Государь хотел увенчать свои успехи взятием Смолен-

ска; но дождливая осень, недостаток в съестных припасах и зима, отменно снежная, заставила его отложить сие предприятие.

В самом начале войны он спешил известить Менгли-Гирея, что пришло для них время ударить с обеих сторон на Литву. Сообщение между Россиею и Крымом было весьма неверно: азовские козаки разбойничали в степях воронежских, ограбили нашего посла, князя Кубенского, принужденного бросить свои бумаги в воду, а другого, князя Федора Ромодановского, пленили. Несмотря на то, Менгли-Гирей, как усердный наш союзник, уже в августе месяце громил Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмельник, Кременец, Брест, Владимир, Луцк, Бряславль, несколько городов в польской Галиции и вывели оттуда множество пленников. Желая довершить бедствие зятя, великий князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавского, обязанного договорами помогать России в случае войны с Литвою.

[1501 г.]. В сих несчастных обстоятельствах Александр делал что мог для спасения державы своей: укрепил Витебск, Полоцк, Оршу, Смоленск; писал к Стефану, что ему будет стыдно нарушить мирный договор, заключенный между ими, и служить орудием сильному к утеснению слабого; предлагал свою дружбу Менгли-Гирею, убеждая его следовать примеру отца, постоянного союзника Казимирова, и называя государя московского вероломным, хищником, лютым *братоубийцею;* в то же время отправил посла в Золотую Орду склонять хана, Шиг-Ахмета, к нападению на Тавриду; в Польше, в Богемии, в Венгрии, в Германии нанимал войско, не жалея казны, и заключил тесный союз с Ливониею. Хотя силы ордена никак не могли равняться с нашими; но тогдашний магистр оного, Вальтер фон-Плеттенберг, был муж необыкновенных достоинств, благоразумный правитель и военачальник искусный: такие люди умеют с малыми средствами делать великое и бывают опасными неприятелями. Воспитанный в ненависти к россиянам, иногда беспокойным и всегда неуступчивым соседам; досадуя на великого князя за бедствие, претерпенное немецкими купцами в Новегороде, и за другие новейшие обиды, Плеттенберг требовал помощи от имперского сейма в Ландау, в Вормсе, также от богатых городов

ганзейских и, думая, что война литовская не позволит Иоанну действовать против ордена большими силами, обязался быть верным сподвижником Александровым. Написали договор в Вендене, утвержденный епископом рижским, дерптским, эзельским, курляндским, ревельским и всеми чиновниками Ливонии: условились вместе ополчиться на Россию, делить между собою *завоевания* и в течение десяти лет одному не мириться без другого.

Но князь литовский в самом деле не мыслил о *завоеваниях:* изведав опытом могущество Иоанново, утратив и войско и знатную часть своей державы, не хотел без крайности искать новых ратных опасностей и бедствий. В начале 1501 года приехали в Москву послы от королей, его братьев, Владислава Венгерского и Альбрехта Польского, а за ними и чиновник Александров, Станислав Нарбут. Именуя великого князя братом и сватом, короли желали знать, за что он вооружился на зятя; предлагали ему мир; обещали удовлетворение; хотели, чтобы Иоанн освободил литовских пленников и возвратил завоеванные им области. Посол Александров предлагал то же и говорил: «Ты *открыл* лютую войну и *пустил огонь* в нашу землю; *засел* многие области Александровы и прислал грамоту складную поздно; взял в плен гетмана и панов, высланных единственно для обережения границы. Уйми кровопролитие. Большие послы литовские готовы ехать к тебе для мирных переговоров». Казначей и дьяки великокняжеские именем Иоанна ответствовали, что зять его навлек на себя войну неисполнением условий; что государь, обнажив меч за Веру, не отвергает мира пристойного, но не любит даром освобождать пленных и возвращать завоевания; что он ждет больших послов литовских и согласен сделать перемирие.— Послы обедали во дворце; но, отпуская их, государь не подал им ни вина, ни руки.

Прошло несколько времени: Александр молчал, и немецкие воины, им нанятые, грабя жителей в собственной его земле, имели сшибки с нашими отрядами. Великий князь решился продолжать войну, несмотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сделался королем польским, следственно, мог располагать силами двух держав. Сын Иоаннов, Василий, с наместником князем Симеоном Романовичем должен был из Новагорода идти к северным пределам Литвы; а другое войско, под

начальством князей Симеона Черниговского или Стародубского, Василия Шемякина, Александра Ростовского и боярина Воронцова, близ Мстиславля одержало знаменитую победу над князем Михаилом Ижеславским и воеводою Евстафием Дашковичем: положив на месте около семи тысяч неприятелей, оно взяло множество пленников и все знамена; впрочем, удовольствовалось только разорением мстиславских окрестностей и возвратилось в Москву.

Уже магистр фон-Плеттенберг действовал как ревностный союзник Литвы и враг Иоаннов. Купцы наши спокойно жили и торговали в Дерпте: их всех (числом более двухсот) нечаянно схватили, ограбили, заключили в темницы. Началась война, славная для мужества рыцарей, еще славнейшая для магистра, но бесполезная для ордена, бедственная для несчастной Ливонии. Исполняя договор и думая, что король Александр также исполнит его, то есть всеми силами с другой стороны нападет на Россию, Плеттенберг собрал 4000 всадников, несколько тысяч пехоты и вооруженных земледельцев; вступил в область Псковскую; жег, истреблял все огнем и мечом. Воеводы, наместник князь Василий Шуйский с новогородцами, а князь Пенко Ярославский с тверитянами и московскою дружиною пришли защитить Псков, но долго не хотели отважиться на битву; ждали особенного указа государева, получили его и сразились с неприятелем 27 августа, в десяти верстах от Изборска. Ливонский историк пишет, что россиян было 40 000: сие превосходство сил оказалось ничтожным в сравнении с искусным действием огнестрельного снаряда немецкого. Приведенные в ужас пушечным громом, омраченные густыми облаками дыма и пыли, псковитяне бежали; за ними и дружина московская, с великим стыдом, хотя и без важного урона. В числе убитых находился воевода, Иван Бороздин, застреленный из пушки.— Беглецы кидали свои вещи и самое оружие; но победители не гнались за сею добычею, взятою жителями изборскими, которые, разделив ее между собою, зажгли предместие, изготовились к битве и на другой день мужественно отразили немцев.

Псков трепетал: все граждане вооружились; от двух третьему надлежало идти с копьем и мечом против гордого магистра, который безжалостно опустошал села на

берегу Великой и 7 сентября сжег Остров, где погибло 4000 людей в пламени, от меча или во глубине реки, между тем как наши воеводы стояли неподвижно в трех верстах, а литовцы приступали к Опочке, чтобы, взяв сию крепость, вместе с немцами осадить Псков. К счастию россиян, открылась тогда жестокая болезнь в войске Плеттенберга: от худой пищи и недостатка в соли сделался кровавый понос; всякий день умирало множество людей. Не время было думать о геройских подвигах. Немцы спешили восвояси: литовцы также удалились. Сам магистр занемог, с трудом достигнул своего замка и распустил войско, желая единственно отдохновения.

Но Иоанн желал мести и поручил оную храброму князю Даниилу Щене, победителю Константина Острожского. В глубокую осень, несмотря на дожди, чрезвычайное разлитие вод и худые дороги, сей московский воевода вместе с князем Пенком опустошил все места вокруг Дерпта, Нейгаузена, Мариенбурга, умертвив или взяв в плен около 40 000 человек. Рыцари долго сидели в крепостях; наконец в темную ночь близ Гельмета ударили на стан россиян: стреляли из пушек; секлись мечами, во тьме и беспорядке. Воевода нашей передовой дружины, князь Александр Оболенский, пал в сей кровопролитной битве. Но рыцари не могли одолеть и бежали. Полк епископа дерптского был истреблен совершенно. «Не осталось ни одного человека для вести,— говорит летописец псковский: — москвитяне и *татары* не *саблями светлыми* рубили поганых, а били их, как вепрей, шестоперами». Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля и зимою [1502 г.] возвратились, причинив неописанный вред Ливонии. Немцы отплатили нам разорением предместия иваногородского, умертвив тамошнего воеводу, Лобана Колычева, и множество земледельцев в окрестностях Красного.

Как мужественный Плеттенберг отвлек знатную часть Иоанновых сил от Литвы, так Шиг-Ахмет, непримиримый злодей Менгли-Гиреев, обуздывал крымцев. Он с двадцатью тысячами своих улусников, конных и пеших, расположился близ устья Тихой Сосны, под Девичьими горами: на другом берегу Дона стоял хан крымский, с двадцатью пятью тысячами, в укреплении, ожидая россиян. «Люди твои,— писал он к ве-

ликому князю,— ходят в судах рекою Доном: пришли с ними несколько пушек, для одной славы: враг уйдет». Как ни занят был Иоанн войною литовскою и немецкою, однако ж немедленно выслал помощь союзнику: Магмет-Аминь вел наших *служилых* татар, а князь Василий Ноздроватый москвитян и рязанцев; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался их, отступил, извиняясь голодом, и ручался Иоанну за скорую гибель Золотой Орды. С того времени крымцы действительно не давали ей покоя ни летом, ни зимою и зажигали степи, в коих она скиталась. Напрасно Шиг-Ахмет звал к себе литовцев: подходил к Рыльску и не видал их знамен; видел только наши и войско Иоанново, готовое к бою; жаловался, винил Александра, говоря ему чрез своих послов: «Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду в пустынях ужасных; а ты оставляешь нас без помощи, в жертву гладу и Менгли-Гирею». Новый король посылал хану дары, обещал и войско, но обманывал или медлил, занимаясь тогда празднествами в Кракове. Между тем князья, уланы бежали толпами от Шиг-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла в Тавриду; будучи в ссоре с братом, Сеит-Махмутом, желавшим тогда иметь пристанище в России; досадуя на короля польского и зная худые успехи его оружия, Шиг-Ахмет решился искать дружбы Иоанновой и в конце 1501 года прислал в Москву вельможу Хаза, предлагая союз великому князю с условием воевать Литву, ежели он ни в каком случае не будет вступаться за Менгли-Гирея. Политика незлопамятна: Иоанн охотно соглашался быть другом Шиг-Ахмета, чтобы отвратить его от Литвы; только не мог пожертвовать ему важнейшим союзником России: для того послал в Орду собственного чиновника с ласковыми приветствиями, но с объявлением, что враги Менгли-Гиреевы не будут никогда нашими друзьями. Ослепленный личною ненавистью, Шиг-Ахмет лучше хотел зависеть от милости своего бывшего данника, государя московского, нежели примириться с единоверным братом, ханом таврическим, и погубил остатки Батыева царства: весною в 1502 году Менгли-Гирей внезапным нападением сокрушил оные; рассыпал, истребил или взял в плен изнуренные голодом толпы, которые еще скитались с Шиг-Ахметом; прогнал его в отдаленные степи

ногайские и торжественно известил Иоанна, что древняя Большая Орда уже не существует. «Улусы злодея нашего в руке моей,— говорил он: — а ты, брат любезный, слыша столь добрые вести, ликуй и радуйся!»

Заметим, что летописцы наши едва упоминают о сем происшествии: ибо россияне уже презирали слабую Орду, еще недавно трепетав Ахматова могущества.— Поздравляя Менгли-Гирея с одолением их общего врага, Иоанн писал к нему, чтобы он не забывал гораздо важнейшего, то есть короля польского, и, навсегда безопасный от злобы Ахматовых сыновей, довершил победу над Литвою. Имея единственно сию цель, великий князь мыслил даже восставить Шиг-Ахмета: пересылаясь с ним, обещал ему Астрахань, с условием, чтобы сей изгнанник клятвенно обязался быть врагом Литвы и доброжелателем хана крымского. Таким образом Шиг-Ахмет мог еще остаться царем по милости государя, коему более всех иных надлежало бы ненавидеть племя Батыево! Но, увлеченный судьбою, он с двумя братьями, Козяком и Халеком, поехал в Царьград к султану Баязету. Их остановили. Султан велел им сказать, что для врагов Менгли-Гиреевых нет пути в Турецкую империю. Гонимые царевичами крымскими, они бежали в Киев и вместо помощи нашли там неволю: Шиг-Ахмета, братьев, слуг его взяли под стражу: ибо государь литовский, уже не имея нужды в союзе беглеца, думал, что сей несчастный может быть для него залогом мира с Тавридою. «Враги твои в моих руках,— приказывал он к Менгли-Гирею: — от меня зависит назло тебе освободить Ахматовых сыновей, если не примиришься со мною». Но Иоанн убеждал хана не верить ему и писал: «В противность всем уставам литовцы заключили своего союзника, который долгое время служил им орудием: так некогда поступили и с Седи-Ахматом; так и сия новая жертва их вероломства погибнет в темнице. Будь спокоен: они уже не освободят твоего злодея, ибо должны опасаться его мести». Предсказание великого князя исполнялось: быв еще несколько лет игралищем литовской политики — то с уважением честимый во дворце как знаменитый властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю как преступник — Шиг-Ахмет изъявлял великодушие в бедствии и, представленный на сейм радомский, торжественно обвинял короля, сказав: «Ты

льстивыми обещаниями вызвал меня из дальних стран Скифии и предал Менгли-Гирею. Утратив мое войско и все царское достояние, я искал убежища в земле друга, а друг встретил меня как неприятеля и ввергнул в темницу. Но есть Бог» (примолвил он, воздев руки на небо): «пред ним будем судиться, и вероломство твое не останется без наказания». Ни красноречие, ни истина сих упреков не тронула Александра, коего вельможи ответствовали, что Шиг-Ахмет должен винить самого себя; что его воины грабили в окрестностях Киева; что король советовал ему удалиться к границам российским, к Стародубу, и там искать добычи; что он упрямился, не хотел того сделать, держался в соседстве с опасною для него Тавридою, погубил свою рать и думал тайно уехать к султану, без сомнения, с каким-нибудь вредным для Польши и Литвы намерением. Одним словом, сей именем последний царь Золотой Орды умер невольником в Ковне, не доставив заключением своим ни малейшей выгоды Литве. Самая жестокосердая политика, хваляся иногда злодействами счастливыми, признает бесполезные ошибками. Иоанн лучше своего зятя умел соглашать ее законы с правилами великодушия: в то время, когда сыновья Ахматовы кляли вероломство литовское, племянники сего врага нашего, царевичи астраханские, Исуп и Шигавлияр, хвалились милостию великого князя, вступив к нему в службу.

Не слушая никаких льстивых предложений Александровых, Менгли-Гирей едва было не размолвился с Иоанном по другой причине. Сведав о многих несправедливостях царя казанского, Абдыл-Летифа, государь велел князю Василию Ноздроватому взять его, привезти в Москву и заточил на Белоозеро, а в Казань послал господствовать вторично Магмет-Аминя, отдав ему жену бывшего царя, Алегама. Менгли-Гирей оскорбился и просил, чтобы Иоанн, извинив безрассудную молодость Летифа, или отпустил его, или наградил поместьем. Хан писал: «Если не исполнишь сего, то уничтожится наш союз, весьма для тебя полезный: ибо счастливым действием оного враги твои исчезли и государство твое распространилось. Старые, умные люди твердят, что лучше умереть с добрым именем, нежели благоденствовать с худым: а можешь ли сохранить первое, нарушив святую клятву братства между нами?.. Посылаю тебе перстень

из рога *кагерденева,* индейского зверя, коего тайная сила мешает действию всякого яда: носи его на руке и помни мою дружбу; а свою докажешь мне, когда сделаешь то, о чем молю тебя неотступно». Но великий князь опасался выпустить Летифа из России и, дав ему пристойное содержание, удовольствовал Менгли-Гирея, так что сей хан не преставал вместе с ним усердно действовать против Литвы. Войско крымское, состоящее из 90 000 человек и предводимое сыновьями ханскими, в августе 1502 года опустошило все места вокруг Луцка, Турова, Львова, Бряславля, Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефан Молдавский, пользуясь обстоятельствами, завоевал на Днестре Колымью, Галич, Снятин, Красное и тем ослабил могущество Польши, хотя уже и не думал в сие время содействовать нашим выгодам, ибо имел важную причину к неудовольствию на Иоанна. Около трех лет дочь его, вдовствующая княгиня Елена, среди двора московского находилась с юным сыном, Димитрием, как бы в изгнании, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостию великого князя и ненавистию Софии. Может быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены или нескромные слова, внушенные ей досадою, оскорбили ее свекора, или клевета представила ему невестку в виде опасной заговорщицы: не знаем; но Иоанн вдруг разгневался на Елену и на Димитрия, приставил к ним стражу, запретил внуку именоваться великим князем и даже поминать их в церковных молитвах; а чрез два дня объявил сына, Василия, государем, наследником престола всероссийского. Димитрию едва исполнилось 18 лет: в такой юности он не мог быть важным соумышленником матери, если и действительно виновной. Народ жалел об нем, хотя ни духовенство, ни вельможи не смели осуждать приговора, изреченного самодержцем. Но Россия утратила Стефанову дружбу: седой Герой молдавский, оскорбленный бедствием своей дочери и внука, возненавидел Иоанна, и старания благоразумного Менгли-Гирея не могли примирить их. Великий князь любил исполнять только собственную волю; не терпел гордых требований и в ответ хану крымскому на вопрос: «для чего Димитрий лишен отцовского наследия?» — сказал: «Милость моя возвела внука на степень государя, а не-

милость свергнула: ибо он и мать его досадили мне. Жалуют того, кто служит или угождает: грубящих за что жаловать?» Елена от горести и тоски скончалась в генваре 1505 года; а несчастный ее сын, бывший наследник российской монархии, остался под стражею как государственный преступник: никто не имел к нему доступа, кроме малого числа слуг и надзирателей.

Впрочем, сей разрыв между Стефаном и великим князем не имел никаких важных следствий, кроме того, что первый задержал наших послов и художников италиянских, которые ехали из Рима в Москву: о чем Иоанн писал не только к Менгли-Гирею, но и к султану кафинскому, Баязетову сыну, убеждая их вступиться за такое нарушение права народного. Стефан отпустил послов. Тщетно король Александр склонял его быть деятельным врагом России и союзником Польши: Стефан не хотел возвратить ему завоеванной им Днестровской области до самой своей кончины. Сей великий муж умер в 1504 году: готовый закрыть глаза навеки, он дал совет сыну Богдану и вельможам покориться Оттоманской империи, сказав: «Знаю, как трудно было мне удерживать право независимого властителя. Вы не в силах бороться с Баязетом и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете». Богдан признал над собою верховную власть султана, и слава Молдавии исчезла с господарем Стефаном, быв искусственным творением его души великой.

Иоанн не терял времени в бездействии; и, желая увенчать свои победы новым важным приобретением, в июле 1502 года отправил сына, Димитрия, со многочисленною ратию на Литву. С ним находились племянники государевы, Феодор Волоцкий, Иван Торусский; Бельский, зять сестры его Анны; удельный князь рязанский Феодор; князь Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий Рыльский; бояре Василий Холмский, Яков Захарьевич, Шеин; князья Александр Ростовский, Михайло Корамыш-Курбский, Телятевский, Репня и Телепень Оболенские, Константин Ярославский, Стрига-Ряполовский. Целию столь знаменитого ополчения был наш древний, столичный город Смоленск, укрепленный природою и каменными стенами. Осада требовала искусства и больших усилий. Димитрий послал отряды к Березине и Двине. Россияне взяли Оршу, вы-

жгли предместие витебское, все деревни до Полоцка, Мстиславля; пленили несколько тысяч людей, но должны были за недостатком в продовольствии удалиться от Смоленска, где начальствовали воеводы королевские, Станислав Кишка и наместник его, Сологуб, прославленные историком литовским за оказанное ими мужество.— В декабре того же года князья северские, Симеон Стародубский и внук Шемякин, Василий, с московскими и рязанскими воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городов, но везде распространили ужас жестокими опустошениями.

Верный союзник Александров, Вальтер Плеттенберг, снова хотел отведать счастия в полях российских и с 15 000 воинов приступил к Изборску: разбил пушками стены, но, боясь терять время, спешил осадить Псков. Он ждал короля, давшего ему слово встретить его на берегах Великой. Сего не сделалось: литовцы остались в своих пределах; однако ж магистр с жаром начал осаду: стрелял из пушек и пищалей; старался разрушить крепость. К счастию жителей, воеводы Иоанновы, Даниил Щеня и князь Василий Шуйский, уже были недалеко с полками сильными. Немцы отступили: воеводы от Изборска зашли им в тыл. Они увидели друг друга на берегах озера Смолина. Плеттенберг, ободрив своих великодушною речью, употребил хитрость: двинулся с войском в сторону, как бы имея намерение спасаться бегством. Россияне кинулись на обоз немецкий; другие устремились за войском и в беспорядке наскакали на стройные ряды неприятеля: смешанные действием его огнестрельного снаряда, хотели мужеством исправить свою ошибку; сразились, но большею частию легли на месте: остальные бежали. Магистр не гнался за ними. Россияне ободрились, устроились и снова напали. Если верить ливонским историкам, то наших было 90 000. Немцы бились отчаянно; пехота их заслужила в сей день славное название *железной*. Оказав неустрашимость, хладнокровие, искусство, Плеттенберг мог бы одержать победу, если бы не случилась измена. Пишут, что орденский знаменосец, Шварц, будучи смертельно уязвлен стрелою, закричал своим: «Кто из вас достоин принять от меня знамя?» Один из рыцарей, именем Гаммерштет, хотел взять его, получил отказ и в досаде отсек руку Шварцу, который, схватив знамя в другую, зубами

изорвал оное; а Гаммерштет бежал к россиянам и помог им истребить знатную часть немецкой пехоты. Однако ж Плеттенберг устоял на месте. Сражение кончилось: те и другие имели нужду в отдыхе. Прошло два дня: магистр в порядке удалился к границе и навеки уставил торжествовать 13 сентября, или день Псковской битвы, знаменитой в летописях ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны как славнейшими для своего оружия.— Заметим, что полководцы Иоанновы гнушались изменою Гаммерштета: недовольный холодностию россиян, он уехал в Данию, искал службы в Швеции, наконец возвратился в Москву уже при великом князе Василии, где послы императора Максимилиана видели его в богатой одежде среди многочисленных царедворцев.

[1503 г.] Несмотря на ревностное содействие и славу Плеттенберга, король польский не имел надежды одолеть Россию, сильную многочисленностию войска и великим умом ее государя. Литва истощалась, слабела: Польша неохотно участвовала в сей войне разорительной. Сам римский первосвященник, Александр VI, взялся быть посредником мира, и в 1503 году чиновник короля венгерского, Сигизмунд Сантай, приехал в Москву с грамотами от папы и кардинала Регнуса. Оба писали к великому князю, что все христианство приведено в ужас завоеваниями Оттоманской империи; что султан взял два города Венециянской республики, Модон и Корон, угрожая Италии; что папа отправил кардинала Регнуса ко всем европейским государям склонять их на изгнание турков из Греции; что короли польский и венгерский не могут участвовать в сем славном подвиге, имея врага в Иоанне; что Святой отец, как глава церкви, для общей пользы христианства молит великого князя заключить мир с ними и вместе с другими государями воевать Порту. Посол вручил ему и письмо от Владислава такого же содержания, требуя, чтобы Иоанн дал *опасную грамоту* для проезда вельмож литовских в Москву. Бояре наши ответствовали, что великий князь рад стоять за христиан против неверных; что он, умея наказывать врагов, готов всегда и к миру справедливому; что Александр, изъявив желание прекратить войну, обманул его: навел на Россию ливонских немцев и хана ординского; что государь дозволяет послам королевским приехать в Москву.

Послы явились, шесть знатнейших сановников королевских, из коих главным был воевода Петр Мишковский. Они предлагали вечный мир, с условием, чтобы Иоанн возвратил королю всю его *отчину*, то есть все завоеванные россиянами города в Литве; освободил пленников, примирился с Ливонским орденом и с Швециею (где властолюбивый Стур, изгнав датчан, снова был правителем государственным). Великий князь хладнокровно выслушал и решительно отвергнул столь неумеренные требования. «*Отчина* королевская,— сказал он,— есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы с Божиею помощиею у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены». Возражения послов остались без действия: Иоанн был непоколебим. Наконец, вместо вечного мира, условились в перемирии на шесть лет, и только *из особенного уважения к зятю* государь возвратил Литве некоторые волости, Рудью, Ветлицы, Щучью, Святые Озерища; велел наместникам, новогородскому и псковскому, заключить такое же перемирие с орденом, а с правителем шведским не хотел иметь никаких договоров. Тогда находились в Москве и послы ливонские: они в письмах своих к магистру жаловались на грубость Иоаннову, бояр наших, а еще более на послов литовских, которые не оказали им ни малейшего вспоможения, ни доброжелательства. Епископ дерптский обязался, за ручательством магистровым, платить нам какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и город его, основанный Ярославом Великим, считались древнею собственностью России. При обнародовании сего условия во Пскове стреляли из пушек и звонили в колокола.

Неприятельские действия прекратились — ибо самая Россия, истощенная наборами многолюдных ополчений, желала на время успокоиться,— но вражда существовала в прежней силе: ибо Александр не мог навсегда уступить нам Витовтовых завоеваний: великий же князь, столь счастливо возвратив оные России, надеялся со временем отнять у него и все прочие наши земли. Потому Иоанн, известив Менгли-Гирея о заключенном договоре, предлагал ему для вида также примириться с Александром на 6 лет; но тайно внушал, что лучше продолжать войну; что Россия никогда не будет в истинном,

вечном мире с королем, и время перемирия употребит единственно на утверждение за собою городов литовских, откуда все худорасположенные к нам жители переводятся в иные места и где нужно сделать укрепления; что союз ее с ханом против Литвы остается неизменным.

Великий князь действовал по крайней мере согласно с выгодами своей державы: напротив чего Александр, внутренне недовольный условиями перемирия, хотя и весьма нужного для его земли, следовал единственно движениям малодушной досады на врага сильного, счастливого: он задержал в Литве наших бояр и великих послов, Заболоцкого, и Плещеева, коим надлежало взять с него присягу в соблюдении договора и требовать уверительной грамоты, за печатию епископов краковского и виленского, в том, что в случае смерти Александра наследники его не будут принуждать королевы Елены к римскому Закону. Иоанн, удивленный сим нарушением общих государственных уставов, желал знать предлог оного: король писал, что послы остановлены за обиды, делаемые россиянами смоленским боярам; но скоро одумался, утвердил перемирие и с честию отпустил их в Москву. Тогда же схватили в Литве гонца нашего, посланного в Молдавию: Александр не хотел освободить его до решительного мира с Россиею; не хотел еще, чтобы королева Елена исполнила волю родителя в деле семейственном: Иоанн велел ей искать невесты для брата, Василия, между немецкими принцессами; но Елена отвечала, что не может думать о сватовстве, пока великий князь не утвердит истинной дружбы с Литвою.

Такими ничтожными способами мог ли король достигнуть желаемого мира? Скорее возобновил бы кровопролитие, если бы Иоанн для государственной пользы не умел презирать маловажных, безрассудных оскорблений: желая временного спокойствия, он терпел их хладнокровно и готовил средства к дальнейшим успехам нашего величия.

Глава VII

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА Г. 1503—1505

Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство литовское. Сношение с императором. Василий женится на Соломонии. Измена царя казанского. Впадение его в Россию. Кончина великого князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн — творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил единовластие. Имя Грозного. Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название Великого, приписанное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и земская полиция. Соборы. Поставление кесарийского митрополита в Москве. Российский монастырь на Афонской горе. Каплан Августинского ордена принимает греческую веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание княжеской свадьбы. Путешествие в Индию.

[1503 г.] Сей монарх не слабел ни в проницании, ни в бодрости, ни в усердии ко благу вверенной ему Небом державы, вопреки своим уже преклонным летам и сердечным горестям необходимым в жизни смертного. Он лишился тогда супруги: хотя, может быть, и не имел особенной к ней горячности; но ум Софии в самых важных делах государственных, ее полезные советы и, наконец, долговременная свычка между ими сделала для него сию потерю столь чувствительною, что здоровье Иоанново, дотоле крепкое, расстроилось. Веря более действию усердной молитвы, нежели искусству врачевания, государь поехал в лавру Св. Сергия, в Переславль, в Ростов и в Ярославль, где находились знаменитые святостию обители. Там, сопровождаемый всеми детьми, но без всякого мирского великолепия, он в виде простого смертного умилялся пред Богом, ожидая от него исцеления или мирной кончины; но, вкусив сладость христианской набожности, спешил возвратиться на престол, чтобы устроить будущую судьбу России.

Он написал завещание в присутствии знатнейших

бояр, князей Василия Холмского, Даниила Щени, Якова Захарьевича, казначея Дмитрия Владимировича и духовника, архимандрита андрониковского, именем Митрофана, объявив старшего сына, Василия Иоанновича, преемником монархии, государем всей России и меньших его братьев. Тут, в исчислении всех областей Василиевых, в первый раз упоминается о *дикой* Лапландии; далее сказано, что Старая Рязань и Перевитеск составляют уже достояние государя московского, быв отказаны Иоанну умершим его племянником, сыном великой княгини Анны, Феодором; именуются также и все города, отнятые у Литвы, Мценск, Белев, Новосиль, Одоев, кроме Чернигова, Стародуба, Новагорода Северского, Рыльска: ибо тамошние князья хотя и поддалися государю московскому, но удержали право владетельных. Другим сыновьям Иоанн дал богатые отчины: Юрию Дмитров, Звенигород, Кашин, Рузу, Брянск, Серпейск; Димитрию Углич, Хлепень, Рогачев, Зубцов, Опоки, Мещовск, Опаков, Мологу; Симеону Бежецкий Верх, Калугу, Козельск; Андрею Верею, Вышегород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм, Новый Городок. Имея особенных придворных и воинских чиновников, пользуясь всеми доходами своих городов и волостей, братья Василиевы не могли в оных судить душегубства, ни делать монеты, и не участвовали в выгоде откупов государственных; однако ж Василий обязывался уделять им часть некоторых московских сборов и не покупать земель в их отчинах, которые оставались наследственными для их сыновей и внуков. То есть меньшие сыновья Иоанновы долженствовали иметь права только частных владельцев, а не князей владетельных. Одна Рязань еще представляла тень вольной державы: князь ее, Иоанн, умер в 1500 году, оставив пятилетнего сына, именем также Иоанна, под опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры великого князя, Анны, которая преставилась в 1501 году, утвердив внука в достоинстве независимого владетеля, но только именем: ибо государь московский был в самом деле верховным повелителем Рязани, ее войска и народа.— Исполняя желание отца, Василий и братья его обязались между собою грамотами жить в согласии по родительскому завещанию.

Иоанн хотел утвердить спокойствие нашей православной церкви. В сие время возобновилось дело *жидов-*

ской ереси, нами описанной. Еще она не пресеклась, хотя и скрывалась. Иосиф Волоцкий в Москве, архиепископ Геннадий в Новегороде неутомимо старались истребить сие несчастное заблуждение ума: первый только говорил и писал, второй действовал в своей епархии, откуда многие из гонимых еретиков бежали в Немецкую землю и в Литву. Убежденный наконец представлениями духовенства или сам видя упрямство отступников, не исправленных средствами умеренности, ни клятвою церковною, ни заточением, великий князь решился быть строгим, опасаясь казаться излишно снисходительным или беспечным в деле душевного спасения. Созвав епископов, он вместе с ними и с митрополитом снова выслушал доносы. Иосиф Волоцкий заседал с судиями, гремел красноречием, обличал еретиков и требовал для них мирской казни. Главными из обвиняемых были дьяк Волк Иван Курицын, посыланный к императору Максимилиану с Юрием Траханиотом,— Дмитрий Коноплев, Иван Максимов, Некрас Рукавов и Кассиан, архимандрит Юрьевского новогородского монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своих понятий о Вере; были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; иным отрезали язык, других заключили в темницы или разослали по монастырям. Почти все изъявляли раскаяние; но Иосиф доказывал, что раскаяние, вынужденное пылающим костром, не есть истинное и не должно спасти их от смерти. Сия жестокость скорее может быть оправдана политикою, нежели Верою христианскою, столь небесно-человеколюбивою, что она ни в коем случае не прибегает к мечу; единственными орудиями служат ей мирные наставления, молитва, любовь: таков по крайней мере дух Евангелия и книг Апостольских. Но если кроткие наставления не имеют действия; если явный, дерзостный соблазн угрожает церкви и государству, коего благо тесно связано с ее невредимостию: тогда ни митрополит, ни духовенство, но государь может справедливым образом казнить еретиков. Сия пристойность была соблюдена: их осудили, как сказано в летописях, по *градскому* закону.

Узнав о болезни Иоанна и думая, что приближение смерти легко может ослабить твердость его в правилах внешней политики, Александр чрез новых великих пос-

лов, воеводу Станислава Глебовича, пана Юрья Зиновьевича и *писаря*, или секретаря государственного, Богдана Сапегу, предложил великому князю купить дружество Литвы уступкою ей наших завоеваний. Король именовал Иоанна *отцом* и *братом:* Елена *кланялась* ему с почтением и нежностью. Сей монарх, приближаясь ко гробу, без сомнения желал бы провести остаток дней своих в тишине, тем более что спокойствие его любезной дочери зависело от согласия между ее родителем и супругом; но Иоанн знал свою обязанность: еще сидел на троне, следственно, должен был мыслить только о благоденствии отечества; не измерял веком своим века России, смотрел далее гроба и хотел жить в ее величии. Боярин его, Яков Захарьевич, сказал послам литовским: «Великий князь никому не отдает своего. Желаете ли истинного, прочного мира? уступите России и Смоленск и Киев». По многих прениях паны уехали, и король уверился в невозможности заключить вечный мир с Иоанном на условиях, каких ему хотелось. Предметом дальнейших сношений между ими были единственно дела пограничные: жаловались то наши, то литовские подданные на обиды. С обеих сторон обещали удовлетворение и рождались новые неудовольствия. Знатный королевский чиновник, Евстафий Дашкович, житель Волынии, Веры греческой, уехал в Москву с великим богатством и со многими дворянами: Александр требовал, чтобы мы, согласно с перемирною грамотою, выдали ему сего человека. Иоанн ответствовал, что грамотою определено выдавать татей, беглецов, холопей, должников и злодеев; а Дашкович был у короля воеводою, не уличен ни в каком преступлении и добровольно вошел к нам в службу, как то и в старину делалось невозбранно.— Чтобы иметь верные известия о внутренних обстоятельствах Литвы, государь посылал гонцов к Елене с дарами, приказывая всегда дружески кланяться ее супругу.

[1504—1505 гг.] Мы видели, что политика Западной Европы уже находилась в связи с нашею: война Литовская, славная для Иоаннова оружия, придала нам еще более важности и знаменитости. Император Масимилиан вспомнил о России и выгодах ее союза против сыновей Казимировых: он жалел о Венгрии, неохотно им уступленной Владиславу; думал возобновить свои требования на сие королевство и послал к великому

князю чиновника, именем Гартингера, который, выехав из Аугсбурга в августе 1502 году, прибыл в Москву не прежде, как в июле 1504. Слог Максимилианова письма достоин замечания. «Слышу,— говорит император,— что *некоторые* соседственные державы восстали на Россию. Помня клятвенные обеты нашей взаимной любви, я готов помогать тебе, моему брату, советом и делом». Не сказано ни слова о Венгрии; но посол, как надобно думать, говорил о том изустно Иоанновым боярам. В другом особенном письме император просит у великого князя белых кречетов. Милостиво угостив Гартингера обеденным столом во дворце, Иоанн ответствовал Максимилиану, что Россию воевали король польский и магистр ордена, были наказаны и примирились с нею на время; что если император, в случае новых неприятельских действий с их стороны, поможет россиянам, то и россияне, исполняя договор, помогут Австрии овладеть Венгриею. Государь извинялся, что не отправляет собственного посла в Германию: ибо король Александр и магистр Ливонский без сомнения остановили бы его на пути.— В следующем году тот же Гартингер, находясь в Эстонии, чрез Иваньгород доставил в Москву новые грамоты от Максимилиана и сына его, Филиппа, короля испанского, к Иоанну и юному Василию: *царям* России. Гартингер просил ответа на языке латинском, сказывая, что Делатор умер и что при дворе их нет уже ни одного человека, знающего русский язык. Дело шло о ливонских пленниках: Максимилиан и Филипп убеждали великих князей освободить сих несчастных, изнуренных долговременною неволею; а Гартингер ручался за безопасность нашего посольства, если Иоанн велит комунибудь из своих придворных ехать в Немецкую землю на Ригу, чтобы сделать тем удовольствие Максимилиану. Но великий князь не сделал сего; сам писал к императору, а Василий к королю Филиппу, учтиво и ласково, с объяснением, что пленники немедленно будут свободны, когда магистр прервет дружественную связь с Литвою. Одним словом, Иоанн, по-видимому, уже худо верил Максимилиану: платил только ласками за ласки и дарил ему кречетов, но не хотел изменить для него своим правилам и жалел денег на бесполезное посольство в Австрию.

Сын и наследник великого князя, Василий, имел уже

25 лет от рождения и еще не был женат, в противность тогдашнему обыкновению. Политика осуждает брачные союзы государей с подданными, особенно в правлениях самодержавных: свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг; и сии, так сказать, родовые вельможи, пользуясь исключительными правами, редко не употребляют оных во зло, думая, что государь обязан в них уважать самого себя, то есть честь своего дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственные докуки вредят драгоценному спокойствию монарха. Зная сию, как и многие другие важные для единовластия истины по внушению собственного гения, Иоанн думал женить сына на принцессе иностранной: будучи союзником Дании, он предлагал ее королю утвердить их взаимную дружбу свойство́м: для того, может быть, находился в Москве датский посол около 1503 года; но король — в угождение ли шведам, коих ему хотелось снова подчинить Дании и которые не любили России, или затрудняясь иноверием жениха — уклонился от чести быть тестем наследника великокняжеского и выдал дочь свою, Елисавету, за курфирста бранденбургского. Видя пред собою близкую кончину, желая благословить счастливый брак сына и не имея уже времени искать невесты в странах отдаленных, государь решился тогда женить его на подданной. Пишут, что сам Василий хотел того, уважив совет любимого им боярина, грека Юрия Малого, у которого была дочь невеста; но жених выбрал иную, будто бы из 1500 благородных девиц, представленных для сего ко двору: Соломонию, дочь весьма незнатного сановника Юрия Константиновича Сабурова, одного из потомков выходца ординского, мурзы Чета. Соломония отличалась, как вероятно, достоинствами целомудрия, красотою, цветущим здравием; но в выборе не участвовала ли и политика? Может быть, Иоанн лучше хотел вступить в свойство с простым дворянином, нежели с князем или с боярином, чтобы иметь более способов наградить родственников невестки без излишней щедрости и не уделяя им особенных прав, несовместных с званием подданного. Отец Соломонии был возвышен на степень боярина уже в царствование Василия. Но мудрый Иоанн не предвидел, что сей брак, приближив Годуновых, ее родственников, ко

трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели царского дома!

В то время, когда двор и столица ликовали, празднуя свадьбу юного великого князя, государь сведал о злобной измене нашего казанского присяжника, Магмет-Аминя. Сей так называемый царь всего более любил корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая несколько лет жила невольницею в Вологде. Ненавидя россиян как злодеев ее первого мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно беседовала с вельможами казанскими о средствах и приступила к делу, возбуждая Магмет-Аминя быть истинным, независимым владетелем. «Что ты? раб московского тирана,— говорила ему царица:— ныне на престоле, завтра в темнице и подобно Алегаму умрешь невольником. Цари и народы презирают тебя. Воспряни от унижения к величию: свергни иго или погибни достойным славы». Пленительные ласки ее действовали еще сильнее красноречия: она день и ночь, по словам летописца, *висела на шее* у мужа и достигла желаемого. Забыв милости Иоанна, своего названого отца, и присягу, Магмет-Аминь дал ей слово отложиться от России; но еще медлил и послал одного из вельмож, князя уфимского, с какими-то представлениями в Москву. Будучи недоволен оными — угадывая, может быть, и злое его намерение,— Иоанн велел ехать в Казань дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться с царем. Тогда Магмет-Аминь решился действовать явно. Настал праздник Рождества Иоанна Предтечи, день славной ярмонки в Казани, где гости российские съезжались с азиатскими меняться драгоценными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малейшего насилия: ибо Казань уже 17 лет считалась как бы московскою областию. В сей день схватили там посла великокняжеского и наших купцов: многих умертвили, не щадя ни жен, ни детей, ни старцев; иных заточили в улусы ногайские; ограбили всех без исключения. Народы не любят господ чужеземных: казанцы, обольщенные и свободою и корыстию, служили усердным орудием воли царской, в исступлении злобы лили кровь москвитян и радовались отнятыми у них сокровищами. «Магмет-Аминь,— сказано в летописи,— наполнил целую палату серебром русским, наделал себе золотых венцов, сосудов, блюд; уже перестал есть из медных

котлов, или *опаниц*, являясь на пирах в сиянии драгоценных каменьев и металлов, в убранстве истинно царском. Самые бедные казанские жители разбогатели: носив прежде зимою и летом овчины, украсились тканями шелковыми и в одеждах разноцветных, как павлины, гордо расхаживали пред своими *катунами*, или домами».

Надменный убийством мирных гостей, Магмет-Аминь вооружил 40 000 казанцев, призвал 20 000 ногаев, вступил в Россию, умертвил несколько тысяч земледельцев, осадил Нижний Новгород и выжег все посады. Воеводою был там Хабар Симский: имея мало воинов для защиты города, он выпустил из темницы 300 литовских пленников, взятых на Ведроше; дал им ружья и государевым именем обещал свободу, если они храбростию заслужат ее. Сия горсть людей спасла крепость. Будучи искусными стрелками, литовцы убили множество неприятелей и в том числе ногайского князя, шурина Магмет-Аминева, который, стоя близ стены, распоряжал приступом. Видя его мертвого, ногайские полки уже не хотели биться: сделалась распря между ими и казанцами; началось даже кровопролитие. Царь едва мог смирить их; снял осаду и бежал восвояси.— Литовские пленники немедленно были освобождены, с честию, благодарностию и дарами.

Великий князь не успел наказать Магмет-Аминя: высланные против него московские воеводы худо исполнили свою обязанность; имея около 100 000 ратников, не пошли за Муром и дали неприятелю удалиться спокойно. В сие время болезнь Иоаннова усилилась: подобно великому своему деду, герою Донскому, он хотел умереть государем, а не иноком; склоняясь от престола к могиле, еще давал повеления для блага России и тихо скончался 27 октября 1505 года, в первом часу ночи, имев от рождения 66 лет 9 месяцев и властвовав 43 года 7 месяцев. Тело его погребли в новой церкви Св. Архистратига Михаила. Летописцы не говорят о скорби и слезах народа: славят единственно дела умершего, благодаря Небо за такого самодержца!

Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов: он есть Герой не только Российский, но и Всемирной Истории. Не теряясь в сомнительных

умствованиях метафизики, не дерзая определять вышних намерений Божества, внимательный наблюдатель видит счастливые и бедственные эпохи в летописях гражданского общества, какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели или связь между оными для произведения какого-нибудь главного действия, изменяющего состояние рода человеческого. Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникала в целой Европе на развалинах системы феодальной, или поместной. Власть королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига мавров, сделалась первостепенною державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли открытиями. Разделенная Италия хвалилась по крайней мере флотами, купечеством, искусствами, науками и тонкою политикою. Беспечность и равнодушие императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство императорское, униженное слабодушием Рудольфовых преемников, и поставил дом австрийский на вышнюю степень величия. Венгрия, Богемия, Польша, управляемые тогда Гедиминовым родом, составляли как бы одну державу и вместе с Австриею могли обуздывать ужасное для христиан властолюбие Баязета. Соединение трех государств северных, обещая им силу и важность в политической системе Европы, было предметом усилий короля датского. Республика Швейцарская, основанная любовию к вольности, безопасная в ограде твердынь Альпийских, но побуждаемая честолюбием и корыстию, хотела славы участвовать в распрях монархов сильнейших и заслуживала оную храбростию своих пастырей. Ганза — сей торговый и воинский союз осьмидесяти пяти городов немецких, беспримерный в летописях и весьма достопамятный в отношении к древней России,— пользовалась всеобщим уважением государей и народов. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство ордена Ливонского и Немецкого.— Кроме успехов власти монархической и разумной политики, которая произвела сношения между самыми отдаленными государствами — кроме луч-

шего гражданского состояния, если не всех, то по крайней мере многих держав — Век Иоаннов ознаменовался великими открытиями. Гуттенберг и Фауст изобрели книгопечатание, которое более всего способствовало распространению знаний, едва ли уступая в важности и в пользе изобретению букв. Коломб открыл новый мир, привлекательный для хищного корыстолюбия и торговли, любопытный для испытателей естества и для философа, который, видя там человечество в состоянии дикой природы и все начальные степени ума гражданского, историею Америки объяснил для себя всемирную. Драгоценные произведения Индии достигали Азова чрез Персию и море Каспийское, путем многотрудным, медленным, неверным: сия страна, древнейшая населением, образованием, художествами, скрывалась от европейцев как бы щитом непроницаемым, и темные об ней слухи рождали басни о несметных ее богатствах. Смелые порывы некоторых мореплавателей обойти Африку увенчались наконец совершенным успехом, и Васко де-Гамо, оставив за собою мыс Доброй Надежды, с таким же восторгом увидел берег Индии, с каким Христофор Коломб Америку. Сии два открытия, обогатив Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу держав. Политика сделалась хитрее, дальновиднее, многосложнее: при заключении государственных договоров министры смотрели на географические чертежи и вычисляли тороговые прибытки, основывая на них государственное могущество; родились новые связи между народами; одним словом, началась новая эпоха, если не для мирного счастия людей, то по крайней мере для ума, для силы правительств и для общественного духа государств благоприятная.

Россия около трех веков находилась вне круга европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов. Хотя ничто не делается вдруг; хотя достохвальные усилия князей московских, от Калиты до Василия Темного, многое приготовили для единовластия и нашего внутреннего могущества: но Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где еще не имела ни твердого образа, ни полного бытия государственного. Благотворная хит-

рость Калиты была хитростию умного слуги ханского. Великодушный Димитрий победил Мамая, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу. Сын Донского, действуя с необыкновенным благоразумием, соблюл единственно целость Москвы, невольно уступив Смоленск и другие наши области Витовту, и еще искал милости в ханах; а внук не мог противиться горсти хищников татарских, испил всю чашу стыда и горести на престоле, униженном его слабостию, и, быв пленником в Казани, невольником в самой Москве, хотя и смирил наконец внутренних врагов, но восстановлением уделов подвергнул великое княжество новым опасностям междоусобия. Орда с Литвою, как две ужасные тени, заслоняли от нас мир и были единственным политическим горизонтом России, слабой, ибо она еще не ведала сил, в ее недре сокровенных. Иоанн, рожденный и воспитанный данником степной Орды, подобной нынешним киргизским, сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам, ни гордым султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней; силою и хитростию восстановлял свободу и целость России, губя царство Батыево, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новогородскую, захватывая уделы, расширяя владения московские до пустынь сибирских и норвежской Лапландии, изобрел благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому монарху, не имеющему никаких страстей в политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою

на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних.

Совершая сие великое дело, Иоанн преимущественно занимался устроением войска. Летописцы говорят с удивлением о сильных его полках. Он первый, кажется, начал давать земли или поместья боярским детям, обязанным, в случае войны, приводить с собою несколько вооруженных холопей или наемников, конных или пеших, соразмерно доходам поместья (от сего умножилось число ратников); принимал в службу и многих литовских, немецких пленников, волею и неволею: сии иноземцы жили за Москвою-рекою в особенной слободе. С его времени также начинаются *разряды*, которые дают нам ясное понятие о внутреннем образовании войска, состоявшего обыкновенно из пяти так называемых *полков*: большого, передового, правого, левого и сторожевого, или запасного. Каждый имел своего воеводу: но предводитель большого полку был главным. Не дозволяя вождям считаться между собою в старейшинстве, государь еще менее терпел непослушание воинов: сын великокняжеский, Димитрий, возвратясь из-под Смоленска, жаловался, что многие дети боярские без его ведома приступали к городу, отлучались из стана и ездили грабить: Иоанн наказал их всех, темницею или торговою казнию. Силою, устройством, мужеством рати и воевод побеждая от Сибири до Эмбаха и Десны, он лично не имел духа воинского. «Сват мой,— говорил о нем Стефан Молдавский,— есть странный человек: сидит дома, веселится, спит спокойно и торжествует над врагами. Я всегда на коне и в поле, а не умею защитить земли своей». То есть Иоанн родился не воином, но монархом; сидел на троне лучше, нежели на ратном коне, и владел скиптром искуснее, нежели мечом. Имея выспренный ум для государственной науки, он имел слуг для победы: Холмский, Стрига, Щеня вели к ней его легионы. Воин на престоле опасен: легко может обмануть себя и начать кровопролитие только для своего личного славолюбия; легко может одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливых. Ему трудно быть миролюбивым: а народы желают сего качества в венценосцах. Одна необходимая для государственной целости и независимости война есть законная; так Иоанн воевал с Ахматом и Литвою, среди успе-

хов не отвергая мира, согласного с нашим благом.

Внутри государства он не только учредил единовластие — до времени оставив права князей владетельных одним украинским или бывшим литовским, чтобы сдержать слово и не дать им повода к измене,— но был и первым, истинным самодержцем России, заставив благоговеть пред собою вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием венценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владимира служили ему наравне с другими подданными и славилась титлом бояр, дворецких, окольничих, когда знаменитою, долговременною службою приобретали оное. Василий Темный оставил сыну только четырех великокняжеских бояр, дворецкого, окольничего: Иоанн в 1480 году имел уже 19 бояр и 9 окольничих, а в 1495 и 1496 годах учредил сан государственного казначея, постельничего, ясельничего, конюшего. Имена их вписывались в особенную книгу для сведения потомков. Все сделалось чином или милостию государевою. Между боярскими детьми придворными или младшими дворянами находились сыновья князей и вельмож.— Председательствуя на соборах церковных, Иоанн всенародно являл себя главою духовенства; гордый в сношениях с царями, величавый в приеме их посольств, любил пышную торжественность; уставил обряд *целования* монаршей руки в знак лестной милости; хотел и всеми наружными способами возвышаться пред людьми, чтобы сильно действовать на воображение; одним словом, разгадав тайны самодержавия, сделался как бы земным Богом для россиян, которые *с сего времени* начали удивлять все иные народы своею беспредельною покорностию воле монаршей. Ему первому дали в России имя *Грозного*, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Василиевичу Второму, он, без сомнения, имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума. Редко основатели монархии славятся нежною чувствительностию, и твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостию. Пишут, что робкие женщины падали в обморок от гневного, пламенного взора Иоаннова; что просители боялись идти ко трону; что вельможи трепетали и на пирах во дворце,

не смели шепнуть слова, ни тронуться с места, когда государь, утомленный шумною беседою, разгоряченный вином, дремал по целым часам за обедом: все сидели в глубоком молчании, ожидая нового *приказа* веселить его и веселиться.— Уже заметив строгость Иоаннову в наказаниях, прибавим, что самые знатные чиновники, светские и духовные, лишаемые сана за преступления, не освобождались от ужасной торговой казни: так (в 1491 году) всенародно секли кнутом ухтомского князя, дворянина Хомутова и бывшего архимандрита чудовского за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершего брата Иоаннова.

История не есть похвальное слово и не представляет самых великих мужей совершенными. Иоанн как человек не имел любезных свойств ни Мономаха, ни Донского, но стоит как государь на вышней степени величия. Он казался иногда боязливым, нерешительным, ибо хотел всегда действовать осторожно. Сия осторожность есть вообще благоразумие: оно не пленяет нас подобно великодушной смелости; но успехами медленными, как бы неполными, дает своим творениям прочность. Что оставил миру Александр Македонский?— Славу. Иоанн оставил государство, удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом правления, то, которое ныне с любовию и гордостию именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегова, Владимирова, Ярославова погибла в нашествии моголов: Россия нынешняя образована Иоанном; а великие державы образуются не механическим сцеплением частей, как тела минеральные, но превосходным умом державных. Уже современники первых счастливых дел Иоанновых возвестили в истории славу его: знаменитый летописец польский, Длугош, в 1480 году заключил свое творение хвалою сего неприятеля Казимирова. Немецкие, шведские историки шестого на-десять века согласно приписали ему имя Великого; а новейшие замечают в нем разительное сходство с Петром Первым: оба без сомнения велики; но Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных; не видим также, чтобы пекся о просвещении умов науками: призывая художников для украшения столицы и для успехов во-

инского искусства, хотел единственно великолепия; силы; и другим иноземцам не заграждал пути в Россию, но единственно таким, которые могли служить ему орудием в делах посольских или торговых; любил изъявлять им только милость, как пристойно великому монарху, к чести, не к унижению собственного народа. Не здесь, но в истории Петра должно исследовать, кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее или согласнее с истинною пользою отечества.— Между иноземцами, которые искали тогда убежища и службы в Москве, достойны замечания князь таманский, Гуйгурсис, жертва султанского насилия, и кафинский еврей Скарья: государь милостивыми грамотами, скрепленными золотою печатию, дозволив им быть к себе, уверял их в особенном покровительстве и в совершенной свободе выехать из России, если не захотят в ней остаться.

Петр думал возвысить себя чужеземным названием Императора: Иоанн гордился древним именем Великого Князя и не хотел нового; однако ж в сношениях с иностранцами принимал имя *царя* как почетное титло великокняжеского сана, издавна употребляемое в России. Так Изяслав II, Димитрий Донской, назывались *царями*. Сие имя не есть сокращение латинского Caesar, как многие неосновательно думали, но древнее восточное, которое сделалось у нас известно по славянскому переводу Библии и давалось императорам византийским, а в новейшие времена ханам могольским, имея на языке персидском смысл *трона*, или верховной власти; оно заметно также в окончании собственных имен монархов ассирийских и вавилонских: Фалла*ссар*, Набона*ссар* и проч.— Исчисляя в титуле своем все особенные владения государства Московского, Иоанн наименовал оное *Белою Россиею*, то есть великою или древнею, по смыслу сего слова в языках восточных.

Он умножил государственные доходы приобретением новых областей и лучшим порядком в собирании дани, расписав земледельцев на сохи и каждого обложив известным количеством сельских хозяйственных произведений и деньгами: что записывалось в особенные книги. Например, два земледельца, высевая для себя 6 *коробей*, или четвертей ржи, давали ежегодно великому князю 2 гривны и 4 деньги (около нынешнего серебряного рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину

пшеницы, ячменя, так, что с тягла сходило по нынешним умеренным ценам более двадцати рублей нашими ассигнациями. Некоторые крестьяне представляли в казну пятую или четвертую долю собираемого хлеба, баранов, кур, сыр, яйца, очвины и проч. Одни давали более, другие менее, смотря по изобилию или недостатку в угодьях.— Торговля также обогащала казну более прежнего. Россия сделалась извне независимою, внутри спокойною: государь любил пышность, дотоле неизвестную, и купцы наши вместе с иноземными стремились удовлетворять новым потребностям Москвы, где находилось для них несколько гостиных казенных дворов и где собиралась пошлина с товаров и с лавок. Иоанн перевел древнюю ярмонку из Холопьего города в Мологу, поместье сына его, Димитрия, и велел ему довольствоваться там старыми купеческими сборами, не умножать их, не вымышлять новых, предписав его братьям, чтобы они не запрещали своим людям ездить на сию важную для России ярмонку. Вероятно, что казна имела также немалый доход от внешней торговли: недаром великий князь столь ревностно заботился об ее безопасности в Азове и в Кафе; недаром послы его обыкновенно езжали туда с обозами купеческими, нагруженными пушным драгоценным товаром, мехами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *лунскими* (немецкими, лондонскими) однорядками, холстом, юфтью: на что россияне выменивали жемчуг, шелк, тафту. Богатство *древних* наших государей известно более по сказкам, нежели по действительным историческим свидетельствам. Не говоря о дани, взятой Олегом с греков, знаем только, что византийский император Никифор дал Святославу 15 центнеров золота, если верить Льву Диакону, и что Мономах (как означено *буквою* в рукописи его *Поучения*) привез отцу *триста* гривен сего металла. По крайней мере *новейшие* великие князья не могли равняться богатством с Иоанном. «Каждому из сыновей моих,— говорит он в завещании,— оставляю по нескольку ларцев с казною, за их и моею печатями, у государственного казначея, печатника и дьяков. Все иные сокровища, лалы, яхонты, жемчуг, драгоценные иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковые ткани, одежды — все, что находится в моей казне *постельной*, у дворецкого, конюшего, ясельничих, прикащиков

в Москве, в Твери, Новегороде, Белеозере, Вологде и везде — то все сыну моему Василию».— Вспомним, что кроме умножения обыкновенных, поземельных и таможенных доходов, открытие и произведения пермских рудников служили новым источником богатства для государствования Иоаннова.

Сей монарх, оружием и политикою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в коих она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластия и беспорядка. Митрополит Геронтий, в 1488 году отсылая некоторых лишенных сана иереев к суду государева наместника, пишет в своей грамоте, что они должны быть судимы, как уставил великий князь, по *царским правилам,* или по законам царей греческих, внесенным в Кормчую книгу: следственно, сия книга служила тогда для нас и гражданским уложением в случаях, не определенных Российским правом. Но в 1491 году Иоанн велел дьяку Владимиру Гусеву собрать все наши древние судные грамоты, рассмотрел, исправил, и выдал собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно. Главным судиею был великий князь с детьми своими: но он давал сие право боярам, окольничим, наместникам, так называемым *волостелям* и поместным детям боярским, которые, однако ж, не могли судить без старосты, дворского и *лучших людей,* избираемых гражданами. Судьям воспрещалось всякое пристрастие, лихоимство; но осужденный платил им и дьякам их десятую долю иска, сверх пошлины за печать, за бумагу, за труд. Все решилось единоборством: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновного, то есть побежденного, казнили смертию: всю собственность его отдавали истцу и судьям. За *первую* татьбу, кроме церковной и *головной* (то есть похищения людей), секли кнутом и лишали имения, делимого между истцом и судьею; преступник бедный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертию, и даже без суда, когда пять или шесть *добрых* граждан утверждали клятвенно, что обвиняемый есть вор известный. Человека *подозрительного,* оговоренного татем, пытали; но *беспорочного* не касались и требовали от него только поруки до объяснения дела. Несправедливое решение судей уничтожалось великим князем, но без всякого

для них наказания. С жалобою, с доносом надлежало ехать в Москву, или к наместнику, или в боярину, имевшем судную власть в той области, где жил ответчик, за коим посылали *недельщика*, или пристава. Являлись свидетели. Судья спрашивал: «Можно ли им верить?» *Допросите их, как закон и совесть повелевают*,— ответствовали судимые. Свидетели начинали говорить: обвиняемый возражал, заключая обыкновенно речь свою так: «Требую присяги и суда божия; требую *поля* и единоборства». Каждый вместо себя мог выставить бойца. Окольничий и недельщик назначали место и время. Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука; сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. Пишут, что в Москве был славный, искусный и сильный боец, с которым уже никто не смел схватиться, но которого убил один литвин. Иоанн оскорбился; хотел видеть победителя, взглянул гневно, плюнул на землю и запретил судные поединки между своими и чужестранцами: ибо последние, зная превосходную силу россиян, одолевали их всегда хитростию.

Сие Уложение, древнейшее после Ярославова, не должно удивлять нас своею краткостию: где все затруднения в тяжбах решились острым железом; где законодатель, так сказать, не распутывал их узла глубокомысленными соображениями, а рассекал его столь чудным уставом: там надлежало единственно дать правила для судебных поединков. Видим, как и в первобытных наших законах, великую доверенность к присяге, к совести людей. Телесные наказания унижали человечество в преступниках; но имя *доброго* гражданина, без всякого иного титла, было правом на государственное уважение; кто имел его, тот в случае свидетельства одним словом спасал невинного или губил виновного.— Несогласные с рассудком, поединки судебные могли однако ж утверждать, безопасность государства: они питали воинский дух народа.

В Уложении Иоанновом находятся весьма немногие постановления о купле, займе, наследстве, землях, межах, холопах, земледельцах. Например: 1) «Кто купил вещь новую при двух или трех честных свидетелях, тот уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но

кроме лошади»: следственно, лошадь возвращалась хозяину.— 2) «Если деньги или товары, взятые купцом, будут у него в пути отняты, сгорят или утратятся без его вины: то ему дать время для платежа, и без всякого росту; в противном же случае он, как виновный, ответствует всем имением и головою». Сей закон есть древний Ярославов.— 3) «Кто умрет без духовной грамоты, не имея сына: того имение и земли принадлежат дочери; а буде нет и дочери, то ближайшему родственнику».— 4) «Между селами и деревнями должны быть загороды: в случае потравы взыскать убыток с того, в чью загороду прошел скот. Кто уничтожит межу или грань, того бить кнутом и взять с него рубль в удовлетворение истцу» (закон Ярославов).— 5) «Кто три года владеет землею, тому она уже крепка; но если истец — великий князь, то сроку для иска полагается шесть лет: далее нет суда о земле.— 6) Крестьяне (или свободные земледельцы) отказываются из волости в волость, из села в село (то есть переходят от одного владельца к другому) за неделю до Юрьева дня и через неделю после оного. Пожилого за двор назначается рубль в степных местах, а в лесных 100 денег.— 7) Холоп или раб, с женою и детьми, есть тот, кто дает на себя крепость, кто идет к господину в тиуны» (закон Ярославов) «и ключники сельские (но если дети служат другому господину или живут сами собою, то они не участвуют в судьбе отца); кто женится на рабе; кто отдан в приданое или отказан по духовному завещанию. Если холоп, взятый в плен татарами, уйдет от них: то он уже свободен и не принадлежит своему бывшему господину. Если отпускная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда действительна: иначе должна быть явлена боярам и наместникам, имеющим судное право, и подписана дьяком.— 8) Попа, диакона, монаха, монахиню, старую вдову (которая питается от церкви божией) судит святитель; а мирянину с церковным человеком суд общий».— Сии законы, с помощию греческих, или номоканона, были достаточны. Древние обычаи служили им дополнением.

Иоанн учредил лучшую городскую исправу, или полицию: он велел поставить на всех московских улицах *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать их для безопасности домов; не терпя шума и беспорядка в городе, указом запретил гнусное пьянство; пекся о дорогах:

завел почту, ямы, где путешественникам давали не только лошадей, но и пищу, если они имели на то приказ государев. Здесь же вместим одну любопытную черту его заботливости о физическом благосостоянии народа. Открытие Америки доставило Европе золото, серебро и болезнь, которая доныне свирепствует во всех ее странах, искажая человечество, и которая с удивительною быстротою разлила свой яд от Испании до Литвы. Сперва не знали ее причины, и лицемеры нравственности не таились с нею во мраке. Историк литовский пишет следующее: «В 1493 году одна женщина привезла из Рима в Краков болезнь *французскую*. Сия ужасная казнь вдруг постигла многих: в числе их находился и *кардинал* Фридерик». Слух о том дошел до Москвы: великий князь, в 1499 году посылая в Литву боярского сына, Ивана Мамонова, в данном ему наставлении говорит: «Будучи в Вязьме, разведай, не приезжал ли кто из Смоленска с недугом, в коем тело покрывается болячками и который называют французским?» Иоанн хотел предохранить свой народ от нового бича Небесного.

Мы говорили о важнейших делах церковных. Кроме суда над еретиками, было еще три Собора: первый для уложения церковной пасхалии на осьмое тысячелетие, которое настало в 31 год Иоаннова государствования. Суеверные успокоились; увидели, что земля стоит и небесный свод не колеблется с исходом *седьмой тысячи*. Митрополит Зосима созвал епископов и поручил Геннадию Новогородскому сделать исчисления Церковного круга. Сей разумный святитель написал введение, где свидетельствами апостолов и правилами истинного христианства опровергает все мнимые предсказания о конце мира, известном единому Богу. «Нам должно»,— говорит он,— не искать таинств, сокровенных от мудрости человеческой, не молить Вседержителя о благоустройстве мира и церкви, о здравии и спасении великого государя нашего, да цветет его держава силою и победою». Сперва изложили Пасхалию только на 20 лет и дали рассмотреть оную пермскую епископу Филофею, которого вычисления утвердили ее верность: после того Геннадий означил на больших листах круги солнечные, лунные, основания, эпакты, *в руце лето и ключи границ* от 533 до 7980 года. Сей Собор утвердил, что год начинается в России вместе с индиктом 1 сентября.

Второй Собор был при Симоне митрополите. В 1500 году раздав новогородские церковные земли детям боярским, великий князь мыслил, что духовенству, и в особенности инокам, непристойно владеть бесчисленными селами и деревнями, которые возлагали на них множество мирских забот. Сие важное дело именем государя было предложено митрополиту и всем епископам в общем их совете. Иоанн не присутствовал в оном. Митрополит послал к нему дьяка Леваша с такими словами: «Отец твой, Симон митрополит всея Русии, епископы и весь освященный Собор говорят, что от равноапостольного великого царя Константина до позднейших времен везде святители и монастыри *держали грады, власти и села:* никогда Соборы Св. Отцов не запрещали сего; запрещали им единственно продавать недвижимое достояние. При самых предках твоих, великом князе Владимире, Ярославе, Андрее Боголюбском, брате его Всеволоде, Иоанне Данииловиче, внуке блаженного Александра, современнике чудотворца Петра митрополита, и до нашего времени святители и монастыри имели грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлины, оброки и дани церковные. Не Святый ли Владимир, не Великий ли Ярослав сказали в уставе своем: *кто преступит его из детей или потомков моих; кто захватит церковное достояние и десятины святительские, да будет проклят в сей век и будущий?* Самые злочестивые цари ординские, боясь Господа, щадили собственность монастырей и святительскую: *не смели двигнути вещей недвижимых...* И так не дерзаем и *не благоволим* отдать церковного стяжания: ибо оно есть Божие и неприкосновенно». Великий князь не захотел упорствовать; мыслил, но не совершил того, что и в самом осьмом на-десять веке еще казалось у нас смелостию. Екатерина II чрез 265 лет исполнила мысль Иоанна III, присоединив земли и села церковные к государственному достоянию и назначив духовенству денежное жалованье.

На третьем Соборе (в 1503 году) Иоанн уставил с митрополитом, следуя правилам апостольским и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни иереи, ни диаконы вдовые не священнодействовали. «Забыв страх Божий,— сказано в сем приговоре,— многие из них держали наложниц, именуемых *полупопадьями.* Отныне дозволяем им только, буде ведут жизнь непорочную, петь на крылосах и

причащаться в алтарях, иереям в епитрахилях, а диаконам в стихарях, и брать четвертую долю из церковных доходов: уличенные же в пороке любострастия да живут в мире и ходят в светской одежде. Еще уставляем, чтобы монахам и монахиням не жить никогда вместе, но быть в особенности монастырям женским и мужеским», и проч.— Грамотою сего же Собора, скрепленною подписями святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Несмотря на то, архиепископ Геннадий дерзнул явно брать деньги с посвящаемых им иереев и диаконов: строгий Иоанн, свергнув его с престола святительского, запер в Чудове монастыре, где он и кончил дни свои в горести.

Ревностный ко благу и достоинству церкви, великий князь с удовольствием видел новую честь духовенства российского. Прежде оно искало милости в византийских святителях: тогда Москва сделалась Византиею, и греки приходили к нам не только за дарами, но и за саном святительским. В 1464 году митрополит Феодосий поставил в Москве митрополита Кесарии. Патриарх иерусалимский, угнетаемый тиранством египетского султана, оставил Святые места и скончался на пути в Россию. Она была утешением бедных греков, которые хвалились ее православием и величием как бы их собственным. Знаменитые монастыри Афонские существовали нашими благодеяниями, в особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними государями киевскими.

Соглашая уважение к духовенству с правилами всеобщей монаршей власти, Иоанн в делах Веры соглашал терпимость с усердием ко православию. Он покровительствовал в России и магометан и самых евреев, но тем более изъявлял удовольствия, когда христиане латинской церкви добровольно обращались в наше исповедание. Вместе с братом великой княгини Софии, с итальянскими и с немецкими художниками в 1490 году приехал в Москву каплан Августинского ордена, именуемый в летописи Иваном *Спасителем;* он торжественно принял греческую Веру, женился на россиянке и получил от великого князя богатое село в награду.

Описав государственные и церковные деяния, упомянем о некоторых бедствиях сего времени. В 1478 и 1487 годах возобновлялся мор в северо-западных облас-

тях России, Устюге, Новегороде, Пскове. Были неурожаи, голые зимы, чрезвычайные разлития вод, необыкновенные бури, и в 1471 году, августа 29, землетрясение в Москве. Целые города обращались в пепел, а столица несколько раз. В сих ужасных пожарах, днем и ночью, великий князь сам являлся на коне с детьми боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывал, распоряжал, тушил огонь, ломал домы и возвращался во дворец уже тогда, как все угасало.

Наконец заметим еще две достопамятности: первая относится к истории наших старинных обычаев; вторая к ученой истории древних путешествий.

Иоанн, особенно любя свою меньшую дочь, не хотел расстаться с нею и не искал ей женихов вне России. Горестные следствия Еленина супружества, хотя и блестящего, тем более отвращали его от мысли выдать Феодосию за какого-нибудь иноземного принца. В 1500 году он сочетал ее с князем Василием Холмским, боярином и воеводою, сыном Даниила, славного мужеством и победами, который умер чрез шесть лет по завоевании Казани. Сия свадьба описана в прибавлении разрядных книг с некоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противник ливонского магистра, героя Плеттенберга, боярин и полководец, князь Даниил Пенко-Ярославский, был в *тысяцких*, а князь Петр Нагой-Оболенский в *дружках* с их женами. В поезде с женихом находилось более ста князей и знатнейших детей боярских. У саней великих княгинь, Софии и Елены, шли бояре, греческие и российские. Свадьбу венчал митрополит в храме Успения. Не забыли никакого обряда, нужного, как думали, для счастия супругов; все желали его и предсказывали молодым; веселились, пировали во дворце до ночи.— Счастливые предсказания не сбылись: Феодосия ровно через год скончалась.

Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Некто Афанасий Никитин, тверский житель, около 1470 года был по делам купеческим в Декане и в королевстве Голькондском. Мы имеем его записки, которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако ж любопытны, тем более что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно. Здесь не место опи-

сывать подробности. Скажем только, что наш путешественник ехал Волгою из Твери до Астрахани, мимо татарских городов *Услана* и *Берекзаны;* из Астрахани в Дербент, Бокару, Мазандеран, Амоль, Кашан, Ормус, Маскат, Гузурат и далее, сухим путем, к горам Индейским, до Бедера, где находилась столица великого султана *Хоросанского;* видел *Индейский Иерусалим*, то есть славный Элорский храм, как вероятно; именует города, коих нет на картах; замечает достопамятное; удивляется роскоши вельмож и бедности народа; осуждает не только суеверие, но и худые нравы жителей, исповедующих Веру Брамы; везде тоскует о православной Руси, сожалея, если кто из наших единоземцев, прельщенный славою индейских богатств, вздумает ехать по его следам в сей мнимый рай купечества, где много перцу и красок, но мало *годного для России;* наконец возвращается в Ормус и, чрез Испагань, Султанию, Требизонт прибыв в Кафу, заключает историю своего шестилетнего путешествия, которое едва ли доставило ему что-нибудь, кроме удовольствия описать оное: ибо турецкие паши отняли у него большую часть привезенных им товаров. Может быть, Иоанн и не сведал о сем любопытном странствии: по крайней мере оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индейцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко де-Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их Веры.

Конец VI тома

Содержание

Том V

Том VI

Николай Михайлович Карамзин

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
В шести книгах (двенадцати томах)
Книга 3
тт. V—VI

Редактор Трифонов Ю. А.
Художник Волошин А. А.
Технический редактор Крохин Ю. Ю.

Сдано в набор 4.12.92. Подписано к печати 2.02.93. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. п. л. 22,68. Тираж 100 000. Заказ 385.

Издательство «Книжный сад» 119619, Москва, Боровский пр., 6—36.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России. 144003, г Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

